

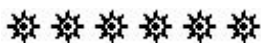

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

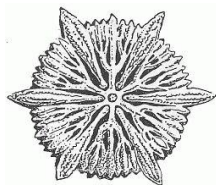

ПЛЕННИКИ ОГНЯ

*Антология
фантастического
и приключенческого
рассказа
20-х – 30-х годов
XX века*

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «СПУТНИК™»
2020**

К. БОЧАРОВ

ГАЗЕТА БУДУЩЕГО

Фантастический очерк

Журнал «Вокруг Света», № 3, 1931 год.

**ВСКАЗКА „СМЕРТЬ
КРАСНЫМ“ ПОДНИЛА
КРАСНЫЕ ФЛАЖИ...**

Авария на Ангаре

Вот радио, переданное с Ангарстроя А. Томом, с очерками которого читатели «Вокруг света» познакомились еще в 1930 году,

«Падун. 1. 3—15.

Вчера, в 18 час. 43 мин., из-за аварии турбины № 6 Падунская гидростанция вынуждена была прекратить подачу тока в Гальтявино. Комбинат стал. Бездействуют 11 лесопильных заводов. Не работают фабрики по изготовке искусственного волокна, древесной шерсти и деревянных черепиц.

Авария 6-й турбины создала крайне тяжелое положение на реке Питу (приток Енисея). Расположенные на Питу алюминиевые заводы за последнее время беспрерывно форсируют подачу металла. Бешеный рост союзной авиационной и автотракторной промышленности создал необычайный спрос на этот металл. Питовские заводы являются основными предприятиями, удовлетворяющими потребность страны в алюминии. Дальнейший разворот индустрии на Питу упирается в энергетическую проблему.

Дело в том, что 25 миллиардов гектоуатт-часов Ангарстроя уже недостаточно для нужд развернувшейся на берегах Ангары промышленности.

Ангара устарела! Сибирский комбинат уже перерастает свою энергетическую базу, требуются экстренные меры для создания новых энергетических баз в Восточной Сибири, необходимо, не медля ни минуты, в первую очередь хотя бы частично разгрузить Ангару.

Без резерва невозможно работать».

В самом деле, можно предполагать, что одного Ангарстроя в 1944 году будет уже недостаточно, также как сейчас, в 1931 году, нам недостаточно Волховстроя, и мы строим Днепрострой и начинаем проектировать строительство электростанции на Ангаре.

Волга-Дон будет жить круглый год

И так же, как сейчас мы стоим перед необходимостью соорудить канал, который бы связал Волгу с Доном, так в 1944, когда Волга-Дон будет действовать, перед нами станут другие задачи. Вот что пишет об этом наша газета будущего:

«Волга-Дон, 9 часов. Дирижабль «Комсоправда».

145 суток в году водораздельные бьефы и бетонные шлюзы Волга-Дона брошены в оковы льда. Живая и быстрая вода, существующая для движения, 5 месяцев придавлена слоновым копытом зимы. Отвратительная пассивность природы!

Законченный в 1935 году Волга-Донской канал, стометровый водяной мост между антрацитом Донбасса, металлургией Приазовья и хлебом Поволжья, лесом Прикамья, нефтью Эмбы, асбестом, магниезитом, калием и чугуном Урала, переплавлял на своей сверхмощной и упругой спине 7 миллионов тонн груза.

Сейчас, через 6 лет, грузооборот достиг одиннадцати миллионов. 220 судоходных дней насыщены этим колоссальным транспортом. Проклятая зима съедает остальное. На пять месяцев 5 миллионов тонн теряют способность движения».

И мы можем думать, что в 1944 году резко станет вопрос об уничтожении зимы, льда и снега.

«В конце декабря 1943 года Всесоюзная академия реконструкции природы открыла способ уничтожения льда и снега в массовом масштабе,

Сегодня в 11 час. бригада комсомольцев, взявшая шефство над этим открытием и получившая название «Бригады по ликвидации зимы», вылетела на мощном дирижабле «Комсоправда» к Волга – Донскому каналу, избранному для производства экспериментальных работ».

Но ведь о борьбе со льдами говорили еще в 1923 году, а в 1930 году гидрографическое судно «Персей» производило в Ледовитом океане опыты с «термитом», расплавляющим лед. Точно также еще в 1930 году шла речь о передаче электрической энергии без проводов, и фотограмма в газете будущего только лишний раз доказывает, что мы не ошиблись.

Фантастику мы оставляем Уэллсу

Одной из самых удивительных особенностей социалистического хозяйства является твердый учет, знание будущего. На картах пятилетки разноцветными значками отмечены будущие заводы и фабрики, и они вырастают именно там, где их намечено строить. Ошибок нет, ибо мы наперед знаем, что нужно сделать, как сделать и какие трудности придется преодолеть. Тому примером служит наша «газета будущего».

Она издана месяц назад, 1 января 1931 года, «Вместо новогоднего фельетона» «Комсомольской правды», как свидетельствует надпись наверху газеты. И рисовать картину Советского союза в 1944 году — не досужая фантастика журналистов, а ясный учет нашего будущего. Возможно, что в 1944 г. газеты будут печататься по-иному — на прекрасной бумаге, с цветными

фотографиями, будет упрощена наша головоломная орфография и введен латинский шрифт,—всех изменений мы сейчас, конечно, не можем предвидеть. Но зато мы знаем, что в 1944 г. Ангарстрой даст Советской стране 25 миллиардов киловатт-часов, что Волга-Дон свяжет

Каспий с Черным морем, что электроэнергия будет передаваться без проводов по всей великой стране, залитой электричеством, с солнечными зелеными городами, с огромными фабриками и заводами.

Мы знаем, какой будет эта страна, поэтому, когда мы говорим о будущем, это не беспочвенная фантастика, а всесторонний учет наших возможностей и задач. Фантастику же мы оставляем м-ру Герберту Уэллсу. Ему-то уж и книги в руки. Подробно описав внешний вид и привычки селенитов и марсиан, удивительную «машину времени» и необычайные города будущего, Уэллс в 1920 году совершил поездку в Советскую Россию. Собственными глазами видел он, как молодая республика отбивалась от голода и белых, и в то же время намечала грандиозный план переустройства бедной, отсталой страны. Герберт Уэллс от самого Владимира Ильича слышал о плане ГОЭЛРО, о том плане, который сейчас уже выполнен, и все-таки своей книге впечатлений о Советской России дал мрачное название — «Россия во мгле». Изю всех сил знаменитый писатель силился доказать, что кучка утопистов и мечтателей строит несбыточные планы. В своих романах Уэллс не раз рисовал картины будущего, но, столкнувшись с будущим лицом к лицу, не понял его, испугался, и стал придумывать разные мрачные вещи. «Когда спящий проснется» — вот фантастика Уэллса; после дождичка в четверг, улита едет — когда-то будет, — вот его точка зрения на будущее. Ангарстрой, Волга-

Дон, Великий северный путь — вот план великих работ, окончание которых мы с вами увидим собственными глазами.

К. КРАСПИНК (Н. ШПАНОВ)

ЗАПИСКА АНКЕ

Фантастический рассказ

Рисунки Г. Фитингофа

*Первая публикация: Шпанов Н. «Таинственный взрыв»
[Фантастический рассказ]//«Всемирный следопыт»
1925г, №8.*

Публикация осуществлена по тексту, опубликованному
в журнале «Вокруг света» (Ленинград), 1927, №9
[Под псевдонимом «К. Краспинк»; Рассказ перерабо-
тан]. В № 11 редакция извинилась за эту публикацию,
назвав автора «нечистоплотным».

В ночь на 4-е марта 19... года, в темную безлунную ночь, такую же хмурую, как и другие весенние ночи, окутывавшие своим тяжелым мраком маленькую сонную столицу республики Литовской, произошло событие, совсем не похожее на обычные весенние события.

На окраине города Ковно, в расположении военных складов, раздался оглушительный взрыв, не оставивший ни одного целого стекла в городе и превративший в груду скрученных, обгорелых обломков всю огромную площадь складов. Последовавший за взрывом пожар несколько дней и ночей наполнял малень-

кую столицу удушливым дымом и копотью. И слухи, еще более удушливые, чем дым, носились над испуганным городом. Установить непосредственную причину взрыва не удалось, так как все живое, что находилось на территории складов в ночь взрыва, было уничтожено.

Через два месяца, когда в конце работ по очистке территории взрыва в самом центре склада были найдены обезображенные остатки металлической рамы большого самолета, решили, что ковенские склады погибли от большевистского самолета, летевшего с преступными намерениями к восточному оплоту европейского порядка — столице Речи Посполитой...

Польша подняла невероятный шум.

Заверения Советского правительства в том, что ни один из его самолетов в эту роковую ночь не покидал пределов СССР, ни к чему не привели. Польша требовала защиты у великих держав. И все помнят события, последовавшие за этими днями,

Много, много позже в мои руки попал один документ, ценность которого определяют сами читатели. Документ этот всего только дневник офицера 2-го польского авиационного полка пана Станислава Зброжек-Кржечжевского. Весь или почти весь дневник стоит того, чтобы его опубликовать, но это мы сделаем в другой раз, сейчас же приведем только перевод той части, которая непосредственно относится к интересующим нас дням ковенского взрыва.

15 февраля. Этот балбес Вацлав опять клялся, что когда он пришел меня будить, я запустил в него сапогом. Каждый раз, наутро после попойки, он рассказывает мне какую-нибудь чепуху, вместо того, чтобы поднять меня вовремя. Кончилось тем, что из-за осла

денщика я опоздал в штаб дивизии и встретил кислую рожу дивизионного адъютанта. Глупо было, конечно, напиться после получения накануне столь сугубого предписания:

«Спешно. Совершенно секретно.

*Капитану второго авиационного полка
Зброжек-Кржежевскому.*

*Предписываю вам к 9 часам утра 15 сего
февраля явиться в штаб 1-й воздушной дивизии.
Командировка носит совершенно секретный
характер и в объяснение вашего отсутствия вам
надлежит подать мне рапорт об увольнении вас
в отпуск по болезни на месяц.*

*Командир полка, летчик наблюдатель
полковник Люзотинский.*

*Адъютант, военный летчик
поручик Кропачек».*

С опозданием на полчаса я стоял перед огромным письменным столом начальника дивизии генерала Корф, где горой были навалены карты и другой бумажный хлам. Корф сосредоточенно жевал кончик длинного уса «а-ля Пилсудский»; не понимаю, что может быть вкусного в таком желтом прокуренном пучке волос. Заставив меня простоять несколько минут, вероятно, в наказание за опоздание, он поднял, наконец, голову:

— Садитесь, капитан! Наш разговор немного затянется. Вы, конечно, уже догадываетесь, что вам не удастся воспользоваться своим отпуском, так как этого хотелось бы вам и... вашим дамам. Вашим временем буду впредь распоряжаться я. Распоряжением господина военного министра лично мне поручено подгото-

вить одну экспедицию высоко ответственного и совершенно секретного характера. На вашу долю выпала честь быть техническим исполнителем этой экспедиции. Письменных инструкций, в целях сохранения тайны, вы не получите никаких, так что постарайтесь запомнить все, что я вам сейчас сообщу.

— На секретном секторе аэродрома в ваше распоряжение будет предоставлено два самолета Блерио—147: это совершенно новые аппараты, полученные из Франции специально для данной экспедиции, аппараты вполне надежные.

— Да вы сами увидите их завтра же. Один из самолетов предоставляется вам для тренировки. Второй надо сохранить совершенно свежим до самой экспедиции. На нем вы полетите. Пока я позволю себе не открывать вам конечной цели полета, а ограничиться ознакомлением вас с маршрутом. Вот прошу вас, капи-

тан, к карте. В назначенный мною день вы должны будете вылететь из Варшавы в район Лиды. Там для вас будет подготовлена отличная площадка и все необходимое для дальнейшего полета. С главного аэродрома вы вылетите перед рассветом с тем, чтобы открытым прибытием в Лиду не возбуждать вредного любопытства пограничных жителей. Главные пункты дальнейшего вашего полета — вот по этой железнодорожной линии. Вот здесь вы видите: Вилейка, Полоцк, Невель, Великие Луки. Здесь курс резко на зюйд-ост и снова вдоль железной дороги на Ржев, Волоколамск и Москву. Обратно вы летите через Смоленск и Ковно. И оттуда до аэродрома 4-го полка нашей первой дивизии. Вот здесь, вот, видите?

— Я вижу, вы немного удивлены, капитан, но это так нужно. Следует уйти не тем путем, каким пришли и, кроме того, пустить зверя по ложному следу, на Литву. Весь полет, разумеется, без посадки. Я вижу, дорогой Зброжек, вы будто сомневаетесь в моих умственных способностях?.. Нет, нет, я вполне нормален. Вот погодите, завтра мы с вами вместе поедem на аэродром и взглянем на этих красавцев Блерио. Тогда вы сами убедитесь в том, что все обстоит благополучно. Дальность полета 3.000 километров. Шесть моторов вполне обеспечивают надежность полета, и при таком радиусе у вас остается свободная нагрузка в 3.000 килограммов. Правда, неплохо? Вы видите, эти каналы французы понимают дело.

— Самое интересное, капитан, ваш полет делается совершенно безопасным от противника. Понимаете вы: бе-зо-пасным? На моторах установлены изумительные глушители: по словам нашего механика, принимавшего аппараты во Франции, шум моторов поглощен совершенно. Итак, вы видите, вас не могут

услышать, подходящая же ночь укроет вас еще и шапкой-невидимкой.

— Теперь несколько слов об экипаже. С вами полетит один пилот — ваш помощник. Его предоставляю выбрать вам самому из числа наиболее надежных офицеров любой части нашей дивизии. Кроме того, на борту будет находиться один навигатор — очень опытный и знающий молодой человек, только что вернувшийся из Франции, и механик, принимавший аппараты во Франции — парень тоже отлично знающий дело и вполне надежный. Однако, цель полета будете знать только вы, капитан. Маршрут будет известен, конечно, еще и навигатору. Словом поляка и солдата, я обязываю вас самым безусловным молчанием. Ни одна живая душа не должна знать ни полслова. Своим же словом я заверяю вас, что, по возвращении из перелета, ваша заслуга не будет забыта правительством. Сегодня же министр поручил мне передать вам о том, что им подписан приказ о производстве вас в чин подполковника. От казначея моего штаба вы можете немедленно получить пособие на лечение в отпуску в размере трехмесячного содержания подполковника... Ну-с. Итак, милый Зброжек, до свидания, завтра в 7 часов утра на главном аэродроме.

Через какой-нибудь час я катил уже из штаба с новыми документами и приятно пахнувшей пачкой новеньких злотых.

17 февраля. Вчера я провел весь день на аэродроме. Старик Корф не соврал. Эти Блерио, действительно, чудные машины. Это бипланы 28 метров в размахе, с довольно толстыми крыльями. Два пилотских места расположены рядом. Нечего говорить о том, что бортовое оборудование блестяще выполнено. Шесть Испано

по 450 лош. сил снабжены усовершенствованными глушителями, На вид довольно компактными и простыми. Бортовой механик имеет в полете доступ к четырём моторам из шести. Это уже утешительно.

В общем, осмотр машины вселил в меня уверенность, что проект Корфа вовсе не абсурден, как показалось мне сначала. Интересно только знать, какого еще дьявола придумали эти жидконогие французики, что не пожалели для нас таких прекрасных птичек, каких еще нет на вооружении даже и в их собственных авиочастях.

А, впрочем, мое дело не рассуждать, а исполнять приказания, особенно, когда дело касается того, чтобы насолить этим красным башибузукам.

Я не был в Москве с того самого января 1918 года, когда, оставив там в руках какого-то лохматого типа в кожаной тужурке свои корнетские погоны, отбыл в здешние края. Зато теперь я сделаю визит красной Московии, не спрашивая разрешения товарища Чичерина.

Сегодня я приехал на аэродром к девяти часам. Механик Краспинский, который по приказанию Корфа должен будет лететь со мной, действительно весьма знающий парень. Но он мне вовсе не внушает доверия, как спутник в столь рискованном предприятии: уж очень у него штатские замашки и ультра-демократические суждения...

Совсем другое дело, прикомандированный ко мне аэро-навигатор. Хотя он и владеет в совершенстве польским языком, но мне кажется не поляком, жившим во Франции, а французом, жившим в Польше. Да и фамилия у него подходящая к такой догадке — Лемонье. Он не только производит впечатление весьма понимающего свое дело специалиста, но, по-види-

тому, вполне отдает себе отчет в политике, как это подбавляет порядочному человеку и доброму офицеру польской армии.

27 февраля. Собственно говоря, сегодня я сел писать из-за того, что на аэродроме у нас произошел забавный случай. Двое солдат из команды, обслуживающей ангары секретной части, были застигнуты в то время, когда исследовали мои аппараты с несколько большим вниманием, чем то положено им по инструкции. Кончилось тем, что, при более тщательном расследовании, у них на квартире были найдены кое-какие эскизы и несколько зашифрованных записок, которых пока не удалось расшифровать. Эти теплые ребята оказались рабочими одной из пограничных фабрик, лишь недавно попавшими на военную службу. Для нас совершенно ясно, что если это не большевистские шпионы, то одни из так называемых «сознательных». Во всяком случае, дефензива¹⁾ сделает свое дело, и надо думать, что до отлета я узнаю в чем дело.

1 марта. Я опять пропустил несколько дней в записях, но, по-видимому, теперь уж так и пойдет до самого отлета. Более подробное описание придется отложить до возвращения из экспедиции.

Когда я вернулся с аэродрома, мой Вацлав с какой-то уж очень многозначительной миной сообщил мне, что те два солдата, которые были арестованы во время осмотра моего самолета, сегодня ночью казнены. Сначала я набил морду этому скоту, а затем пытался добиться от него, откуда он мог узнать о расстреле, когда приказ о нем был совершенно секретным и даже не был известен офицерам. Я ничего не добился, но те-

1) Польская охранка – Прим. автора

перь он уже сидит там, где следует, и по всей вероятности, там сумеют получить от него нужные сведения...

Кончится тем, что у нас не останется ни одного надежного солдата. Поляки перестают быть поляками. Все больше и больше этих идиотов, из-за непонимания наших настоящих интересов, попадает в сети коммунистов. Ну, да ничего... Когда надо будет, мы с ними поговорим по-настоящему...

На завтра назначен перелет в Лиду, а в ночь с третьего на четвертое марта мы полетим к месту назначения...

Сегодня же Корф, еще раз обязав словом, посвятил меня в цель полета.

Моя задача будет заключаться в том, чтобы уничтожить этот большевистский улей и лишить международные рабочие организации и коммунистические партии их головки. Короче говоря, я должен сбросить на Большой Кремлевский дворец, где происходит какой-то конгресс этих красных разбойников, 3.000 килограмнейдерита в пяти аэробомбах, доставленных для этого из парижской лаборатории взрывчатых веществ. По словам Корфа, действие этих бомб превышает почти в два раза действие тех бомб, которые имеются в наших авиационных частях.

Не стану скрывать, что неприятный холодок подрал меня по всем позвонкам, когда я подумал о своей судьбе в случае посадки с таким багажом в пределах СССР. Но Корф почти тотчас, как будто читая у меня в голове, заявил:

— Что касается возможной посадки в тылу, за пограничной линией, то она почти исключена. Вы, полагаю, сами убедились в этом, познакомившись со своим самолетом. Но, конечно, не исключены какие-нибудь

случайности и вам, полковник, надо быть готовым ко всему. Мои инструкции на сей случай таковы: если вынужденная посадка совершится в пределах СССР, то ее вообще не должно быть... Вы меня понимаете, полковник? 3.000 кило шнейдерита — вполне достаточный запас для того, чтобы избежать следов присутствия незваного воздушного гостя. Я вижу, вам не по себе, господин Зброжек? Напрасно. Не думайте, что я зверь. Вы будете в полете снабжены парашютом лучшего образца. Что касается остального экипажа, то тут уж ничего не поделаешь. Вам придется принять меры к тому, чтобы и он не оставил после себя следов, которые могли бы повести к нежелательным осложнениям. Короче говоря — ни у кого, кроме вас, парашютов не будет. Что касается вашей судьбы после посадки, то о ней вам придется позаботиться самому. Полагаю, что тот мундир, который вы носите, лучше всего подскажет вам, что нужно будет делать.

Должен предупредить, что все документы ваши будут выправлены на имя офицера литовской службы. Та же будет на вас и форма. В случае чего литовскому министерству иностранных дел мы предоставляем доказывать, что оно не верблюд, т.-е., что вы не являетесь агентом именно литовского правительства. На самый крайний случай, я вам советую захватить револьвер, но постарайтесь, чтобы ни у кого из членов этой воздушной экспедиции не было оружия, во избежание каких-либо неожиданных осложнений. Во всяком случае, у вас в револьвере патронов будет вдвое больше, чем с вами полетит людей, а внешний вид у них будет литовский.

— А теперь, господин полковник, позвольте еще раз пожать вам руку и пожелать как следует отдохнуть перед тяжелым полетом. Утром я вас встречу в Лиде и

буду сам присутствовать при вашем старте в Москву.

Тогда же вечером. Быть может, эта моя запись будет последней. Во всяком случае, продолжать дневник мне придется только после возвращения. Следовательно, весь вопрос в том, вернусь ли я? Надо думать, что вернусь. Все сделано для того, чтобы избежать каких-нибудь неприятных случайностей.

С одной стороны, меня весьма удовлетворяет то обстоятельство, что я смогу действительно насолить большевикам так, что они это почувствуют. С другой стороны, я начинаю немного нервничать как от всей обстановки полета, так еще и из-за того, что я должен буду, в случае неудачи, сам уничтожить весь экипаж, спасаясь один. Строго говоря, мне неприятно это делать только по отношению к поручику Лешинскому. Хитрец Лемонье сам знает, на что он идет, а этот долговязый механик Краспинский, пожалуй, и не в счет. Я все больше убеждаюсь в том, что он не только не нашего лагеря, но и просто подозрительный тип...

Здесь в дневнике полковника Зброжека следует длительный перерыв. Следующая запись не имеет перед собой числа. По-видимому, она сделана уже много позже событий, в ней описанных, так как описание носит довольно спокойный характер воспоминаний.

«Я полковник, но зато я и совершенная развалина. Вся голова моя покрыта сединой. С левой стороны мундира у меня блестит большой военный крест и командорский крест почетного легиона, но зато с той же стороны у меня, вместо ноги, болтается какая-то сложная система металлических пластинок на кожаном футляре, заменившем мою бывшую капитанскую

ногу. У меня отличная пенсия, но зато у меня и ясное сознание того, что не сегодня, завтра, и крестики и полковничьи погоны, и отличная пенсия — все это полетит к дзябловой матери, отнятое рукой какого-нибудь денщика Вацлава: тот памятный мне Конгресс в Большом Кремлевском Дворце все-таки сделал свое дело...

Однако, я должен еще рассказать о том, как был совершен московский рейд, ставший последним моим полетом.

3-го марта утром я прилетел из Варшавы в Лиду. Корф сдержал слово и ждал меня на приготовленной для моей посадки площадке. Добрая половина дня ушла на возню около самолета и моторов. До сумерек Корф отправил нас всех спать. Когда мы приехали из Лидской гостиницы, где нас наполовину съели клопы, на аэродроме все было уже готово к старту, самолет заправлен. Под его брюхом мягко поблескивали темной поверхностью своих тел те самые гостинцы, которые я должен был сбросить над Кремлевским дворцом. Когда механик Краспинский увидел под самолетом бомбы, он как-то неприятно дернулся и спросил меня, зачем они нужны. Я без особенных церемоний сказал, что если б это его касалось, то, по всей вероятности, я бы сообщил ему это и без его дурацких вопросов. Тогда он осведомился только, боевые они или учебные, и когда я подтвердил последнее, он выразил настойчивое желание лично осмотреть, как укреплены бомбы в бомбодержателях, так как он не доверял здешним механикам, недостаточно хорошо знающим эти новые французские приборы.

Мне сильно не нравилась рожа Краспинского, особенно его сосредоточенные, пристальные глаза, сверлившие меня с настойчивостью, говорившей о чем-то

большем, чем простая предосторожность хорошего служаки. Как бы там ни было, но он полез под самолет и лично проверил бомбодержатель каждой бомбы и действие рычагов с моего места. Через пять минут он доложил мне, что все в порядке и можно садиться в машину.

Через десять минут я уже рулил к старту. Перед тем, как дать газ, я в последний раз проверил все управление, проверил переговорные аппараты со всеми чинами экипажа. Лемонье спокойно заправлял маршрутную карту в автоматический порткарт, поворачивавший карту соответственно скорости движения самолета. Наконец, он установил карандаш навиграфа на кружок с надписью «Лида» и сообщил мне, что он готов.

Лешинский хмуро укладывал в бортовую сумочку распакованные плитки шоколада. Я понимал, почему он хмурится: ему, офицеру, своему товарищу и помощнику, я отказался сообщить цель полета. Он был этим крайне задет и не старался скрыть своего недовольства.

Наши пилотские места были расположены рядом и, таким образом, каждому из нас было хорошо видно движение карандаша навиграфа, установленного перед навигатором, сидящим несколько впереди нас, в удобной застекленной кабинке. В случае надобности любой из пилотов мог перейти на место навигатора. Место механика было расположено сзади, таким образом, что с него было видно четыре мотора из шести и легко было выйти для ремонта их в полете.

Я не мог не обратить внимания на то, что Краспинский как-то сразу успокоился после того, как осмотрел бомбодержатели и почти весело проверял набор под-

ручного инструмента, укрепленного в специальных кожаных конвертах по бортам его кабинки.

Но вот я прибавляю газ. Корф, стоявший в стороне от самолетов, нервно ковыряет ножами сабли утоптаный снег.

Полный газ. Я чувствую, что машина уже рвется из рук удерживающих ее мотористов.

Я поднимаю свою бесконечно-огромную в меховой перчатке руку и вижу, как она бросает слабую тень от лучей заходящего за моей спиной солнца.

Бурный вихрь холодного воздуха слегка задувает из-под козырька. Аэродром бежит... Рукоятка немного от себя — чувствую, что хвост оторвался от земли. Рукоятка на себя — аэродром уходит все больше и больше. До свидания, польская земля. А может быть, прощай?..

Зимние сумерки охватывают все плотнее и плотнее. Солнца уже больше нет. Осталась где-то сзади светло-розовая полоска на горизонте.

Впереди в кабине Лемонье мягким синим светом загораются лампочки над приборами и картами. Я включаю освещение нашей кабинки. Продолговатые ампулы бросают свет только на приборы.

Слегка трогаю своей неуклюжей рукавицей сектора. Как-то неприятно, что на повышение числа оборотов моторы не реагируют повышающимся ревом, — глушители делают свое дело; за работой моторов можно следить теперь только по приборам.

— Краспинский, как дела с моторами?

— Отлично, господин полковник. Все, как один — 1.700.

— Лемонье, проверьте направление.

— Есть!

Через минуту голос Лемонье жужжит в трубку:

— Не отходите от условленных курсов, навиграф работает идеально. Сноса пока нет, так как ветер почти в лоб.

— Как ты себя чувствуешь, Бронислав?

Сердитый голос Лешинского бросает в ответ:

— Идь до дзябла!

Я вглядываюсь искоса в его силуэт рядом с собой, но не вижу ничего, кроме неуклюжей головы с топорщащимися вперед очками.

Мы не спеша набираем высоту. Мой альтиметр показывает уже около двух тысяч. Пока довольно. Перед переходом через границу надо набрать три с половиной — эта высота предписана. При подходе к Ржеву надо набрать 4.000, — и так до Москвы.

Я отыскиваю левой рукой свой «хвост» — шнур со штепселем от моего термо-комбинезона. Куда он задевался?.. Ага, вот он, подлый. Втыкаю его в гнездо на борту. Прежде всего начинаю чувствовать тепло на подошвах ног и на коленях.

— Всем включить грелки!

— Есть!

— Есть!

— Есть!

Бронислав отвечал последним. Жаль, что перед самым полетом он надулся.

— Бронислав, постарайся уснуть. Через два часа я передам тебе управление, а сам сосну. Только вот что: проверь, пожалуйста, теперь же прицельные приборы.

Я всматриваюсь за борт. Землю видно хорошо, несмотря на то, что нет луны. Небо затянуло облаками. Звезд не видно совершенно. Это хорошо, чем темнее, тем лучше.

Только далеко внизу слабо светится земля с редкими пятнами леса. Как какие-то болячки выползают эти

пятна, нарушая однотонный ровный пейзаж. Ночь так темна, что даже наезженных дорог не видно. Только когда дорога перерезывает лес, видна на его черном фоне узкая светлая ленточка.

Мертво и пусто кругом. В жужжащем вихре полета кажется, что я несусь один в безбрежном океане ночи, и этому океану не будет конца.

Вот железная дорога совершенно исчезает где-то вправо. Делается совсем тоскливо.

— Лемонье, проверьте!

— Все верно. Через десять минут должна быть Вилейка.

Ага, это уже лучше. Все-таки люди. Однако, надо обходить этих людей стороной. И боюсь я потерять из виду человеческое жилье, и вместе с тем боюсь попасться человеку на глаза. Пожалуй, второе хуже первого. Вот влево от меня медленно проходит разбросавшаяся кучка огней. Это, вероятно, освещенный вокзал.

Обойдя Вилейку, мы снова выходим на линию железной дороги.

Слежу за едва ползущей перед Лемонье картой. Вот карандаш навиграфа начинает сползать влево с жирной красной курсовой черты. Значит, ветер меняется. Беру соответственно вправо. Вижу, как карандаш возвращается на красную черту и снова чертит по ней немного волнистую спасительную линию. Да, Ле-Приер не дурак. Дорого бы дали в прошлую кампанию за такую штучку и союзники, и немцы.

Оглядываю все приборы. Все работают, как часы. Время идет. Я чувствую это по рукам, не глядя на часы.

— Лемонье, что справа?

— Лепель.

Ага, Лепель. Теперь уже не далеко до Полоцка. Обойти его, и тогда за дело, Лешинский. Только засну ли я? Нервы так напряжены.

Что делают мои спутники? Лешинский спит. Лемонье тоже, кажется, клюет носом над своими приборами.

Стараюсь рассмотреть, что делается у механика. Толком ничего не разберешь, но как будто он пишет, по крайней мере, ясно белеет листок бумаги под его очками.

— Краспинский, вы что, никак писанием занялись?

— Да пишу, на всякий случай, завещание.

Вот идиот, что он издевается надо мной, что ли, этот долговязый?

Вот слева блеснули вдали огни Полоцка, а прямо впереди Полоцк. Полоцк!... Почему с этим словом всплывает в голове представление о третьем классе кадетского корпуса, длиннополом сюртуке учителя истории...

— Эй, Бронислав, проснись. Бронислав!

Нет, заснул так, что телефоном его не разбудить. Протягиваю руку и толкаю мягкой рукавицей податливую сонную голову.

— Проснись, тетеря, Полоцк!.. Сейчас я обойду его, а там ты води до Ржева, Не забудь, что от Ржева надо набрать высоту.

Наконец, огни Полоцка остаются далеко позади. Я чувствую, что рукояткой и педалями управляет другой. У Бронислава твердая рука, сразу дает себя чувствовать.

Бронислав оказался не исполнительным помощником, хотя и хорошим другом: вместо Ржева он довел машину до самого Волоколамска. Когда он

разбудил меня, огни этой колокольной колыбели уже исчезали сзади. Пока я огляделся, просмотрел приборы и взял в руки управление, вдали стало видно светлое зарево Красной столицы, этого неугомонного гнезда мировой крамолы. Вспомнил, как восемь лет тому назад я быстро утекал из Первопрестольной. Зато теперь я в десять раз быстрее приближался к ней.

Как часто я видел сверху добрую старую Москву еще учеником московской школы! Вот только ни разу не пришлось летать ночью, тогда у нас об этом не думали. Узнаю ли я ночную Москву? Сумею ли разобратся?

Глаза сами невольно скользят по приборам и пробегают по всему аппарату. Матка Боска, до чего ясно виден весь самолет — крылья, стойки, моторы — все это совершенно отчетливо выделяется на посветлевшем небе. Или нет, не посветлело небо, а посинело. Облака стали реже и в окна лукаво подмигивают мне предательницы звезды.

— Поручик Лешинский, полное внимание! На плане Москвы вы видите в самом центре темный обвод — это Кремль. Внутри обвода крестом отмечено здание — цель нашего полета. Я буду работать своим прицелом — вы проверяйте установку по своему.

— Есть!

— Господин полковник, подход с северо-запада. Ориенторо аэро-маяк около самой Ходынки, — раздается голос Лемонье.

— Вы разве бывали в Москве, Лемонье?

— Да, и не так давно...

Вот вправо от меня яркая кучка светлых фонарей с высоко висящими в воздухе красными точками — то станция радио с предупредительными красными лампами на мачтах.

Ага, нам везет! Вот сквозь неистово крутящийся вихрь снега блеснули два ярких перекрещивающихся бело-голубых меча — соображаю, что это прожектора на аэродроме Ходынки. По-видимому, и красные сегодня летают. Вот от аэродрома нам совершенно ясно видно мигание перемежающегося венца зеленых и красных бусинок.

— Краспинский, последите за зелено-красными огнями — это Морзе. Постарайтесь разобрать, какой цвет тире, какой точка и, прочтя сигналы, скажите мне.

Чтобы дать Краспинскому время, делаю круг над аэродромом. Через две минуты его голос звенит в наушниках.

— По-моему, у кого-то из них потух хвостовой огонь. Осторожно. Снеговая туча скоро пройдет. Ветер тот же, — отвечает он мне, подозрительно минуя данное ему мною поручение.

Мой альтиметр показывает 2.500. Это удачно, что в воздухе есть и красные самолеты. Даже если наши глушители и не так хороши, при таких условиях это не опасно. Однако, надо внимательно следить за тем, что делается кругом. Ведь мы идем без всяких огней, и от меня одного зависит избежать столкновения с теми, кто кружится над Ходынкой.

Вот снова мигают зелено-красные глазки. На этот раз я сам читаю сигналы красных: «Ремизов, потушите бортовые огни, держитесь строго на 500 метров. Краузе, осторожно, 1.000 метров».

— Ага, спасибо, большевички, теперь я знаю, что моя высота может быть даже 1.500 без всякого риска.

Довольно над аэродромом. Идем к Москве. Нервы затягиваются, как струны. Снимаю правую рукавину и осторожно ощупываю рычажки бомбосбрасывателей.

Вот в моем визире проходит светлое пятно площади перед Александровским вокзалом с его маленькой дугой. Вот четкой линейкой идет подо мной Тверская-Ямская. Эх, матка боска, сколько раз юнкером и молодым офицером я бывал в этих краях!

На минуту отрываюсь от приборов и окидываю взглядом весь город. Резким, точно засыпанным огнями кольцом, видны Садовые.

А вон подальше, концентрически к ним, — кольцо бульваров, его свет еще резче.

Чем дальше к центру, тем глуше и ярче становятся огни. Снова к визиру. Вот в него попадает яркое пятно Театральной и сразу сменяется темным прорывом Красной площади... Вот и Кремль. Рука немного дрожит...

— Лемонье, я сделаю круг и пойду потом вдоль реки.

— Есть!

Подо мной плывет залитый огнями Кремль. Резкой чертой выделяется обвод кремлевской стены. За ее пределами много теней.

Вот ко мне попадает и заметное здание Большого Кремлевского...

На альтиметре 1.500 метров.

— Лемонье, проверьте еще раз все данные. Бронислав, последи за прицелом.

— Есть!

— Есть!

Но вот сделан и полный круг. Всего три минуты, а как будто прошли часы. Как хорошо видна ленточка Москвы-реки, с перепоясавшими ее двойными линейками мостов.

Снова Кремль. На первом проходе сброшу три. Остальные на втором. Так вернее.

Рука перестала дрожать. Глаза впились в трубку прицела.

Большой Дворец... Нажим. Второй. Третий...

В чем дело? Нет взрывов внизу.

Ужасная мысль... Краспинский...

— Краспинский, скорей, в чем дело?

— Не могу знать, господин полковник, все было в порядке.

— Краспинский, надо осмотреть бомбодержатели. Эй, слышите, вы там?..

— Это невозможно полковник. В люке я могу осмотреть только две средних бомбы.

— Хорошо, скорей.

Две бомбы. Две, как же с остальными? Тысяча дзяблов. Это Краспинский... Этот проклятый Краспинский...

Вот Кремль снова ушел из-под меня. Время терять нельзя...

Последний круг.

Его ненавистный голос.

— С бомбами все хорошо, полковник. Я не понимаю, в чем дело.

— Краспинский, вы врете. Вы понимаете, чем это для вас пахнет?.. Краспинский, я знаю все, — исправляйте свое дело или... Слышите вы, дьявол?.. У вас есть жена, она поплатится за ваш поступок... Слышите вы?..

— Господин полковник, две бомбы вполне исправны.

— Две бомбы? Да, только две. Ладно, хоть две. Но это очень трудно. Вместо шести только две. Мало шансов.

Проклятые большевики.

Последний раз иду на Кремль. В визире цель. Два быстрых нажима на бомбовый рычажок...

Снова ни одного взрыва... А, проклятый предатель...

От бессильной злобы у меня дрожит все тело, круги в глазах.

— Бронислав, я не могу, возьми управление. Набирай на две тысячи.

— Лемонье, курс на обратный маршрут.

Но что же мне делать, что мне делать? Сейчас же пристрелить эту гадину. Нет нельзя. Ведь еще надо довести самолет до дому. Проклятый, проклятый... Мысли насканивают одну на другую.

Я не скоро пришел в себя. Мы оставили влево огни Можайска, когда я обратил внимание на карту. Бедняга Бронислав сумрачно следит за приборами.

Что-то Бронислав? Ведь он только теперь, по-видимому, понял, в чем дело. Впрочем, не в том дело. Как я мог не осмотреть бомбы сам перед вылетом? Тоже хорош, нечего сказать! Мне нет оправдания. Проклятые большевики! Да, да, большевики, это они... Ведь здесь у меня на борту один из них...Краспинский. Что он делает? Я вглядываюсь в его силуэт, но по-прежнему ничего не могу разобрать.

Однако, надо взять себя в руки.

— Эй, Бронислав, друг, как дела?

— Холь до дзябла. Ты сам во всем виноват. Не доверять своему офицеру и положиться на хама из этих же... Да, да, ты виноват.

Теперь я понимаю, что Бронислав прав. Я, пожалуй, виноват. Ведь этот Краспинский хам, наверное, из рабочих или что-нибудь в этом духе. Как можно было ему доверять. Нет, виноват не я, а Корф.

В наушниках голос Лемонье:

— Господин полковник, скоро Смоленск.

Как Смоленск? Значит уже два часа, как мы ушли

из Москвы. Да, Смоленск. Надо его обойти на всякий случай — ведь там стоянка Красной эскадры.

Голос Лешинского:

— Зброжек, у меня, по-видимому, испортился обогреватель в рукавице. Рука очень замерзла. Возьми, пожалуйста рукоятку.

Да, да надо взять управление... Бедный Бронислав... Сейчас, сейчас... Я машинально берусь за рукоятку. Глаза сами собой пробегают по приборам и снова застывают на доске номера первого. Опять он шалит.

— Бронислав можешь бросить управление — я взял. Краспинский, что такое опять с первым номером?

— Опять со смазкой, полковник. Надо переключить маслопровод. Я сейчас пройду к мотору.

Я вижу, как в темноте неуклюжий силуэт Краспинского появляется над бортом его кабинки и от стойки к стойке пробирается к первому номеру. Стрелка показывает, что масло к первому номеру совсем перестало идти. Я глушу его совсем... Чего там возится этот мерзавец? Он давно уже должен бы кончить свое дело... Ага, вот масло снова пошло. Снова встало. В чем дело?.. Я вглядываюсь в темноту ночи, но едва только различаю на левом крыле около моторного кока темный силуэт.

Матка боска, что это?

— Бронислав, что там с Краспинским? Может быть ему надо помочь?

— Я не пон...

Лешинский не успел договорить. Оба мы застыли от оцепенения. Фигура Краспинского виднелась теперь стоя на капоте мотора.

Вот он, видимо, слезает. Проклятие... Краспинского нет. Он исчез, точно его смыло... Неужели сорвался?

— Броня, милый, в чем дело?

— Сейчас, Зброжек, я посмотрю, чего он там возится.

— Нет, нет, разве ты не видишь, что его нет. Он... сорвался.

— Чорт с ним! Я сам пройду к мотору и посмотрю.

— Не смей, Лещинский! Я запрещаю. Мы дойдем на пяти.

Да, да на пяти мы дойдем. Но только ведь рассчитывали идти назад с облегченной машиной, а теперь у нас на борту лишних три тысячи кило. Надо как-нибудь от них избавиться. Ах да, Смоленский аэродром... Попробую сбросить бомбы на него.

— Бронислав, осмотри хоть средние бомбы.

— Есть!

Бронислав исчезает совершенно за бортом своей кабинки. Через пять минут его голова снова появляется, и слышу в телефон:

— Я ничего не могу разобрать, Зброжек. Там совершенно немыслимо работать. По-моему, была разъединена тяга к сбрасывателям. Я что-то соединил, но не ручаюсь, что верно.

Верно или не верно, но надо попробовать.

— Лемонье, мы не будем обходить Смоленск. Веди-те прямо на город. В окрестностях найдем аэродром.

Ага, вот то, что нужно! Вот темные пятнышки ангаров. Вот они у меня в прицеле. Нажим. Другой. Снова ничего. Проклятый Краспинский... Тысячу раз проклятие...

Я не очень отчетливо помню обратный путь. Кажется, где-то между Смоленском и Ковно, я снова передал управление Лешинскому. Я не спал. Нет, это я знаю хорошо, что я не слал. Но, что было, я помню очень слабо.

Меня привело в себя резкое, необычайное подергивание всей правой коробки крыльев. Тахометр центрального мотора показывал бешеные обороты, стрелка неровно скакала между 2.5000—3.000. Сектор закрыт, стрелка встала, но почему так дергается правая сторона? Аппарат валится на правое крыло.

— Лешинский, в чем дело?

— Я не знаю. Что-то с правой коробкой. Я боюсь, не пропеллер ли центрального мотора...

— Да, да это самое вероятное. Надо посмотреть.

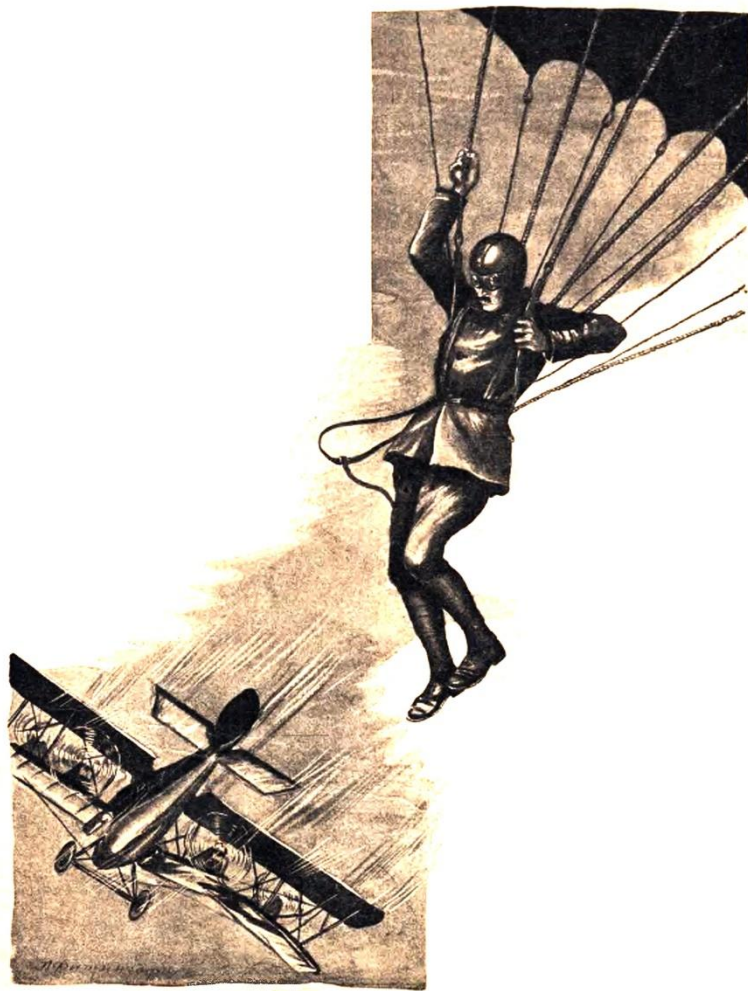
— Броня, веди самолет ровнее. Я посмотрю, что там такое.

Быстро отсегивая пояс, вылезаю из своего места и вдоль корпуса пробираюсь к переднему мотору. Висящий за спиной ранец парашюта сильно стесняет движения. Пожалел, что не оставил его в кабине.

Вот и замершая в своем молчании масса мотора.

Его не надо долго осматривать, чтобы понять в чем дело. Вместо пропеллера торчит какой-то безобразный деревянный обломок. Все понятно. Теперь надо осмотреть крылья. По-видимому, осколки пропеллера там что-то натворили. Мне некогда раздумывать над причинами поломки пропеллера. На четвереньках, цепляясь за стойки и тросы, я пополз вдоль крыла.

Пока все благополучно. Ага, вот мои руки до самых плеч провалились в зияющую дыру. Матка боска, целый колодец. Скелет крыла исковеркан большим куском пропеллера. Основной лонжерон перебит. Вся часть крыла за дырой беспомощно бьется, окончательно доламывая крепления. Надо скорей к себе на место. Как можно меньше газ. Осторожно тянуть до первого поля, и там как-нибудь сесть... Ах да, я забыл, мы не должны садиться...

На минуту я потерял возниина.

Аппарат сильнее дергается и все заметнее делает крен. Видно, Лешинскому трудно держать его ровно. Да, да, я иду на свое место. Вот оно. Я лезу в кабину. Одного взгляда на карту достаточно, чтобы понять, что мы уже почти под Ковно. Несчастье неизбежно.

Что же делать? Что же делать? А, впрочем, выбора нет. Инструкция ясна: никаких свидетелей.

Прямо передо мной встает совершенно зеленое лицо Лемонье. Он почему-то без шлема. Он лихорадочно старается вылезть из своей кабинки, но, по-видимому, не расстегнул пояса. Ничего. Ты знал, на что идешь... А вот Броня, как же ты? Броня, прости. Бро... ня... про... сти. У меня стучат зубы. Дрожащей рукой выключаю управление Лешинского... Теперь он не сядет.

Я быстро поднимаюсь на руках над бортом своей кабины. Расправляю ремни парашюта. Передо мною неожиданно встают расширенные глаза Бронислава.

Его рука тянется ко мне. Сильный бросок всего самолета. Я получаю увесистый удар по лицу. Я знаю, что этот удар не случайность. Но в свисте ветра я не слышу слов, которые вырываются из искаженного рта Бронислава. Я их не слышал, но я их знаю так же хорошо, как будто их меня заставили заучивать, как урок. Ужасные, кошмарные, позорные слова.

На минуту я потерял сознание. Но еще в воздухе, вися на парашютной сбруе, я пришел в себя от оглушительного взрыва, как будто расколовшего земную кору. Оттуда, из недр земли, вырвался резкий слепящий блеск. И вслед за ним высокими языками запылало внизу пламя пожара.

Я понял, что это такое... Свидетелей не будет, господин Корф!.. Можете доложить министру. Ветром меня относило далеко к югу, от пылавшего внизу адского пожара. Уже теряя сознание от резкой боли в левой ноге, по-видимому, вследствие неудачного спуска, я сообразил, что больше я не подполковник Зброжек-Кржежжевский, а капитан литовской службы Никодим Мацикас.

На этом кончается интересующая нас часть дневника подполковника Зброжек.

К вечеру 5-го марта крестьянами Смоленского уезда был найден в поле совершенно размозженный труп, представлявший собой мешок костей. При осмотре тела в боковом кармане кожаного комбинезона были обнаружены документы на имя сержанта литовских авиационных войск Антона Навкунского и обрывок письма, писанного карандашом и, по-видимому, в очень неудобном положении, так как строчки его идут в совершенном беспорядке:

«Анна, передай товарищам, что это будет стоить мне жизни, но рабочий сделает свое дело. Ни один из шес..... —».

На уцелевшей части конверта можно было разобрать остатки адреса:

«Варш... Анне Краспинск...».

Редакция извиняется перед своими читателями за помещение в № 9 нашего журнала рассказа Краспинка „Записка Анке“... Оказывается, что этот рассказ был уже напечатан в 1925 году на страницах одного из распространенных у нас журналов, но под другим названием и за подписью настоящей фамилией этого нечистоплотного автора (Шпанов).

Журнал «Вокруг Света», № 11, 1927 г.

В. ДОБРОХОТОВ

МНИМЫЙ ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

Фантастический рассказ

Рассказ Додрыхотова.

Рисунки М. Колесникова

I.

Когда мысли в голове запутывались, а руки начинали нервно подергиваться, Мигуэль бросал работу и уходил из дома. Конечным пунктом его прогулки обычно был полуразвалившийся старинный кастэлло, находившийся в трех километрах от города. Близость города не избавляла это место от плохой репутации, бандитского гнезда. Правда, «золотой век» бандитизма в Испании уже давно миновал, горы прорезались железными дорогами, а через неприступные, казалось, перевалы перекинулись телеграфные сети. И все же бандитизм был еще далеко не изжитым явлением, кое-где в провинции эта уголовная профессия считалась еще «благородным занятием». Мигуэль знал о нелестной славе дороги и кастэлло, но прогулки сюда сделались его привычкой, а бандитов он не боялся — что могли с него взять?

Отец, служивший на химическом заводе, передал ему страсть к химии; она-то и не позволяла ему долго удерживаться на к.-л. службе. Его старший брат Рамон, небезызвестный адвокат с солидным заработком, несколько раз устраивал его на службу, но Мигуэлю приходилось бросать ее: химия заставляла забывать служебную работу. Вот почему Рамон ограничил свои попечения ежемесячной высылкой некоторой суммы, а Мигуэль весь отдался работам. Он жил в родном горо-

де, в небольшом домике на окраине, оставшемся после отца. С ним жила вынянчившая его и состарившаяся нянька Эмилия, которая и теперь смотрела на него, как на усатого ребенка.

Еще не притупились ужасы европейской войны, а в печати уже подняли вопрос о технике и способах войны будущего. И самым страшным способом борьбы, несомненно, являлись ядовитые газы. Последняя война только дала толчок к дальнейшему изобретению губительных газов, а испытание их над массой, связанной беспощадной дисциплиной, или над глубоко-тыловыми жителями, в ужасающих размерах должно будет применяться в будущей войне. Иприт или горчичный газ, впитывающийся в почву и уничтожающий своими испарениями все живое, отравляющий фосген, вызывающий почти моментальную смерть, люисит, сжигающий даже металлы фтор, газы бешенства, вырабатывающиеся из некоторых соединений бензина, и т. д. без конца.

Средство для уничтожения людей придумать гораздо легче, чем найти противовес ему. Вот такую-то задачу и поставил себе Мигуэль. Почти каждый газ требует и своего противогаса. А Мигуэлю хотелось найти универсальное средство против всех газов. Он не скрывал своих работ, и в городе смотрели на него, как на чудака, который задался осуществить невозможное. Часто бывает, что ищешь одно, а находишь другое. Вместо противогаса Мигуэль открыл новый газ, и первый же испытал на себе его действие. Но это был «благополучный» газ, так как действовал подобно эфиру при операциях — анестезирующе. Действие его продолжалось 8 — 10 часов, и человек после вставал лишь с одурманенной головой.

Открытие огорчило Мигуэля, но все-таки по совету своего друга Бартоломео, жившего в Мадриде, он проследил практическую возможность применения нового газа. Этот последний можно было в особых оболочках выпускать подобно снаряду из орудий на далекое расстояние; при ударе в цель твердое состояние нового вещества превращалось в газ. А объем последнего, как и взрывчатых веществ, превосходил в несколько тысяч раз объем своего твердого состояния. Мало того, из своего твердого состояния новое вещество превращалось в газ в одну стотысячную долю секунды. Для военной техники это было уже «достижением», а для Мигуэля — только огорчением, которое увеличивалось еще тем, что к нему стали поступать предложения о продаже изобретения.

Скверное настроение Мигуэля увеличилось сегодня благодаря полученной им ночью телеграмме о выезде к нему специальной комиссии военного министерства для ознакомления с его изобретением. Неизвестный чудак вдруг превращался в некую величину. Раздраженный, он написал злое письмо в Мадрид своему другу, Бартоломео.

Мигуэль скоро подошел к старому кастэлло и уселся под одичавшими апельсиновыми деревьями. Чуть-чуть слышный шелест листьев, бледно-голубое небо, видневшееся сквозь листву, действовали на него обыкновенно успокаивающе. Но сегодня он не мог успокоиться — завтра предстояла неприятная встреча с этой комиссией.

Мигуэль поднялся и направился было к дороге, но не сделал и двух десятков шагов, как из-за деревьев вышло несколько человек и окружили его.

Мигуэль остался спокоен: бандитам нечего с него взять. Один из них в маске выступил вперед и сказал:

— Прошу извинения, кабаллеро, мы принуждены задержать вас на некоторое время.

— Говорите проще... чтобы ограбить? К сожалению вашему, конечно, вы ошиблись в расчете на меня.

— Нам ничего не нужно от вас... Пока просим лишь следовать за нами!

Пререкания в таких случаях бесполезны, и Мигуэль молча последовал за говорившим. Они прошли через отверстие в стене внутрь кастэлло, а затем через едва заметный вход спустились в подземелье. Здесь было довольно сносное помещение с необходимыми принадлежностями для жилья. Только дневной свет здесь был несколько слабоват. Мигуэль был поражен, войдя сюда: он никогда и не предполагал, чтобы в этих развалинах могло быть какое-нибудь жилье.

— Будьте добры присесть и написать несколько строк вашей... вашей эконолке, кажется... Эмилии.

— Чтобы она передала подателю письма десяток-другой тысяч пезет? Но вы разочаруетесь, кабаллеро! У меня в доме не наберется и двухсот пезетт.

— Они нам и не нужны!

— Так для чего же я вам нужен? — удивился Мигуэль.

— Напишите, что вы неожиданно должны были уехать на несколько дней в Мадрид.

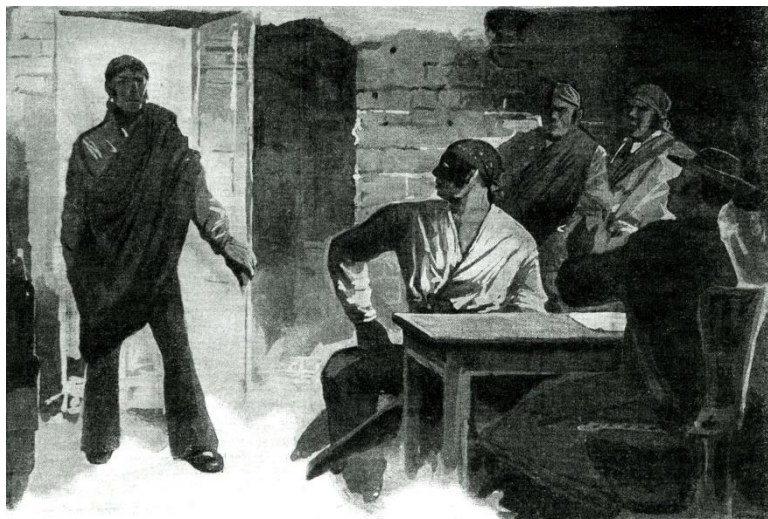
— Что-о? В Мадрид? Это для чего же?

— Пишите. Не теряйте времени... и будьте уверены, что с вами ничего плохого не произойдет!

— Это невозможно! Завтра я жду из Мадрида военную комиссию, которая...

— Вот в этом-то вся суть! Вам не следует видеть эту комиссию по некоторым причинам.

— Чорт возьми! Да позвольте мне знать, что мне следует делать и что не следует.

— Оно уже здесь!.. — раздался голос у входа.

— Я не имею возможности разъяснить вам в данный момент, но скоро прибудет одно лицо...

— Оно уже здесь!.. — раздался голос у входа.

Мигуэль с изумлением взглянул на вошедшего, и как-то растеряннo проговорил.

— Ты... Бартоломео!

— Я, я дружище!

Бартоломео сделал движение головой, и те, которые пришли с Мигуэлем, вышли.

— Что значит вся эта ерунда? — спросил Мигуэль. — Какие-то бандиты - не - бандиты, — потом являешься ты...

— Вот я и хочу объяснить тебе. Никаких бандитов здесь нет. Это мои хорошие знакомые и друзья.

— Ну, и?..

— Дальше?.. Ты работал над одним изобретением, а открыл другое. Я просил тебя — на всякий случай, ко-

нечно, — проследить практическую возможность твоего нового газа...

— Ну, я это и сделал.

— И тогда же — тоже на всякий случай — я советовал не вызывать шума своими опытами.

— А почему я должен скрывать! — с сердцем спросил Мигуэль.

Бартоломео улыбнулся, как будто бы разговаривал с десятилетним мальчиком.

— По той простой причине, чтобы не иметь неприятностей.

— Каких это?

— Вроде завтрашнего приезда к тебе военной комиссии.

Мигуэль отступил шаг назад.

— Откуда... ты знаешь? Я только вчера отправил тебе письмо! И откуда знают вот эти... твои знакомые, захватившие меня, как бандиты?

— Это длинная история. После расскажу. Они просили тебя написать Эмилии?

— Да.

— Это потому, что по некоторым причинам я мог задержаться, и им пришлось бы действовать без меня. А как — это ты скоро узнаешь. Но не будем терять времени. Тебе предложили сделать опыт в присутствии военной комиссии. Ты его сделаешь? Ты передашь или откроешь секрет твоего изобретения?

— Ни за что! Чтобы дать лишний способ химической войне?

— Так я и думал. А раз ты откажешься, то тебя, как я узнал, могут забрать.

— То есть, как забрать?

— Ну, так сказать, под почетный арест.

— Ты не шутишь?

— Сам знаешь, что я не охотник до шуток! — резко проговорил Бартоломео. — И вот то, что тебя сегодня задержали, тоже сделано не для шутки. Если бы я тебе сказал у тебя дома, что тебя смогут арестовать, то ты, пожалуй, и не стал бы со мной говорить, так бы нелепо показалось тебе. Это первая причина. А вторая — та, что с сегодняшним вечерним, как я предполагаю, а возможно, что и с дневным поездом, приедут специальные агенты для наблюдения за тобой. Тогда уже ничего нельзя сделать...

— Так что же ты от меня хочешь?

— Я? Ничего, конечно! Но, может быть, ты спросишь, что тебе делать?

— Да, да, я это и хотел спросить! — радостно ответил Мигуэль.

— Ты хочешь работать над своей задачей?

— Еще бы! Мне думается, что я уже почти нащупал более или менее верные принципы...

— Так! Ты хочешь, и мы хотим...

— Вы? Кто же это вы?

— Те, которые ненавидят войну...

— А! Значит, у вас целая... Ну, да это все равно. Раз вы против войны — и я с вами.

— И если тебя заарестуют, то сможешь ли ты работать?

— Нет, чорт возьми!

— Значит... Так как в военном министерстве тебя в лицо не знают...

— Да и во всем Мадриде никто не знает!

— И если я немного подстригу свои усы, как у тебя, покороче, и надену твое платье, то остальное?..

II

Хотя Эмилия была и стара, но голова у ней работала ясно. Она прочитала записку Мигуэля два раза и сожгла ее по совету Бартоломео, а затем последний кратко рассказал, что надо делать. Тогда она повела Бартоломео и двоих неизвестных, пришедших с ним, в кабинет Мигуэля. Здесь открыла один из ящиков письменного стола и сказала:

— В этом ящике лежат самые важные, как они там, записки и тетради. Все об его работах. А вот в том — переписка...Ну, вы сами разберетесь, что вам надо...

Трое мужчин принялись за осмотр ящиков, стараясь ненужное им складывать обратно в прежнем порядке. Через полчаса Бартоломео держал в руках связку бумаг.

— Клади в чемодан, Капуччино, да запакуй. Больше ничего не будет.

Капуччино положил связку в брезентовый чемодан, а последний всунул в простой мешок из под картофеля с несколькими заплатами.

— Теперь в лабораторию! — сказал Бартоломео.

В лаборатории они взяли несколько указанных Мигуэлем склянок с составами, сложили в корзину и вынесли в сад. Здесь в одном углу находился полуразвалившийся колодец, который Мигуэль все собирался засыпать. Сюда и вывалили все склянки.

В доме Бартоломео сказал Капуччино:

— Ну, теперь отправляйся и будь осторожен.

— Не беспокойся!

Капуччино вскинул на плечо мешок и ровной походкой направился по дороге к кастэлло. Тем временем, Бартоломео делал указания другому:

— Здесь можно было бы недурно переночевать, но

если ты, Рабледо, утром будешь отсюда выходить и попадешь в поле зрения двух пар глаз...

— То, пожалуй, лопнет и весь план?

— Правильно! Поезд приходит в десять утра с минутами, а в пол-одиннадцатого я буду в высокопоставленном обществе... Полагаю, что к этому времени уважающий себя пьяница бывает уже в подходящем настроении...

— Понятно! И густые кусты у дороги, возле сада тоже подходящее место, чтобы выспаться, но вовремя проснуться и заметить, кого и как могут отсюда увозить.

— Кажется, мы сговорились. Прощай, Рабледо!

— Прощай, Бартоломео!

Несколько человек вышли из экипажей и через сад направились к дому. У открытых дверей их ожидала Эмилия. Полковник штаба дон Гарсиа Альгабенья Нуньес спросил:

— Мигуэль Коларо дома?

— Да, он ожидает вас! — с поклоном ответила Эмилия.

Вся группа вошла в кабинет. Здесь их встретил Бартоломео. Дон Гарсиа назвал себя, представил капитана Диего Костаньеса, двух химиков и чиновника министерства. Затем объяснил цель приезда.

— Следовательно, вы хотите, чтобы я сегодня же приступил к опыту? — спросил Бартоломео, совсем неплохо чувствуя себя в роли Мигуэля.

— Да, конечно.

— Но для меня несколько непонятно, почему я должен сделать опыты для военного министерства?

— Как? — удивился дон Гарсиа. — Здесь все ясно!

Ваше изобретение может иметь большое значение для нашей военной техники, судя по тому шуму, который подняли газеты, очевидно, вами информированные.

— Да, но газеты как-то вдруг и перестали шуметь! — заметил Бартоломео.

— Им пришлось замолчать! — с любезной улыбкой вмешался капитан Костаньес. — Согласитесь; что этот шум смог бы нарушить интересы государства.

— Итак, — продолжал полковник Гарсиа, — вы делаете опыты, хорошенько ознакомите нас с вашим изобретением и, если результаты совпадут с газетным шумом, то вам придется отправиться в Мадрид.

— Зачем?

— Потому что ваши дальнейшие работы должны быть обставлены под строгим секретом, и кроме того, мы будем вас кое от кого оберегать. Понимаете, вы уже тогда являетесь... как бы собственником государства.

— Как? — притворился удивленный Бартоломео. — Тогда я, следовательно, буду связан по рукам и ногам, не смогу и шагу ступить без чьего-то постороннего глаза?

— Совершенно верно.

— В таком случае... я думаю, что мои опыты... будут неудачны.

— А... а! Я бы советовал вам подумать...

III.

Бартоломео жил в великолепной вилле. Искусно сервированный стол, блюда знатока-повара, тонкие вина, ароматные сигары — Бартоломео и не подумал отказываться от этого. Прислуживали ему лакей и служанка.

Дом полуокружал отличный сад. Пальмы, лавровые деревья, апельсиновые и лимонные, стройные кипарисы, платаны, замечательный розариум, цветники всевозможных окрасок. Бартоломео с удовольствием проводил время в саду. Он был совершенно свободен в распределении своего времени, но ограничен в месте. Сад окружала высокая каменная стена. Были глухие ворота с такой же калиткой, но Бартоломео не мог видеть — стоит ли за воротами часовой или нет. Но понимал, что надзор здесь был поставлен очень тонко.

Часто он засиживался на широкой скамье у ограды. О побеге пока что Бартоломео и не думал, но все же, отчасти из любопытства, отчасти от ничегонеделания, он изучал свою аристократическую тюрьму.

В одном месте, почти у самой стены, росли высокие платаны. Если влезть на них, то по сучьям легко пройти на стену. Бартоломео подивился было такому упущению тюремщиков, но скоро сообразил, что место, где стояли как бы случайно у стены эти деревья, очевидно, пользовалось особым вниманием. И если кто-нибудь вздумал бы бежать, то деревья у ограды представляли наиболее легкий способ побега и наиболее удобный... для задержания беглеца за оградой.

Бартоломео бросил деревья и стал интересоваться, каким бы образом можно было перебраться через стену там, где не росло деревьев. Если бы что-нибудь приставить к стене в рост человека, встать на это, и тогда на стену можно было бы подтянуться на руках. Подходящим предметом здесь была скамейка. Если оторвать доску и приставить ее, то остальное уже пустяки. Доска солидная, столбы тоже, и врыты в землю, видимо, основательно. Оторвать доску от столбов без шума да и без какого-нибудь приспособления было трудно. Бартоломео попробовал было взяться за доску руками и...

с изумлением отнял руки: доска отделялась от столбов и без особого усилия.

Он присвистнул и тихо рассмеялся.

— Молодцы! Тонко же это у вас устроено.

Тюремщики облегчали попытку побега, чтобы знать — как относиться к узнику.

Бартоломео видел только трех человек: лакея, служанку и повара, но он чувствовал, что в вилле гораздо больше глаз... Полковник Гарсиа особенно не беспокоил его, а во время посещений советовал лишь «подумать» и заняться в лаборатории, которая была устроена в одной из комнат.

Три раза у Бартоломео случился жар и бред по ночам. После первого раза услужливый лакей Франциско на утро сказал:

— Дон Мигуэль, кажется, плохо спали... Не вызвать ли доктора?

Но Бартоломео отказался; очевидно, его во время вечерней прогулки на холодном ветре немного прохватило.

Во второй раз Франциско заметил, что «дон Мигуэль с вечера выпили много крепкого вина», но Бартоломео никак не мог вспомнить — действительно ли он выпил вечером много вина, хотя вообще он пил очень мало.

Но на третий раз Бартоломео успел несколько подумать над своим непонятным бредом по ночам. И когда у него поднялся жар, то он напряг всю свою силу воли и сознания не потерял. И вот в это время он чувствовал, что вблизи него кто-то находится...

Как-то после обеда служанка Розина пришла к Бартоломео в слезах. Что угодно, но только не слез ожидал он от служащих этой виллы-тюрьмы.

— Что с вами, Розина?

— Дон Мигуэль... Я...

Между слезами она рассказала, что вытирала пыль в лаборатории, задела несколько сосудов с жидкостями, и они разбились. Теперь с нее спросят и даже уволят со службы. Если бы дон Мигуэль был так добр и взял на себя... Ведь он же может разбить любые склянки?

Бартоломео отправился с ней в лабораторию, куда до этого заглянул лишь один раз. На полу валялись осколки в разлившейся жидкости.

— Хорошо, Розина, скажите, что разбил я!

Розина стала благодарить, а потом испугалась.

— Дон Мигуэль... а это не ядовитая жидкость? Вдруг мы отравимся...

— Ну, знаете, в этом я ничего не понимаю! — как-то не думая, ответил Бартоломео.

Он сейчас же пожалел о таком необдуманном ответе. Однако, у Розины получилось иное впечатление: дон Мигуэль просто не хочет прикасаться к лаборатории.

Бред по ночам, случайные вопросы, разбитые склянки и ряд других уловок, все это имело целью вызвать желание работать в лаборатории или как-нибудь, случайно или бессознательно, как в бреду, открыть секрет изобретения. Бартоломео каждый день ждал новых штук, но ждал со злорадством. Возможно, что в конце концов случайно или не случайно они и добились бы чего-нибудь, если бы Бартоломео был химиком, во-первых, и если бы он знал секрет Мигуэля Коларо, во-вторых.

Однажды, подходит к нему Франциско и сообщает, что его желает видеть какой-то господин. Бартоломео отправился в дом. В гостиной его ожидал неизвестный представительный господин, который после взаимных

поклонов, сказал:

— Я Рамон Коларо и хотел бы видеть своего брата Мигуэля.

Бартоломео стиснул зубы, вот результат упущения в его планах. Рассказать все Рамону было бессмысленно по той причине, что их разговор слушала, конечно, не одна пара ушей. Бартоломео коротко вздохнул: приходилось показывать карты.

— Вашего брата Мигуэля здесь нет. Я заменяю его.

Рамон с недоумением спросил:

— Где же мой брат?

— Где именно, я не знаю, но, во всяком случае, за пределами Испании...

Через несколько минут полковник Гарсиа в ярости сломал телефонную трубку в своей квартире. Телефоны заработали, телеграфные провода загудели, передавая срочные распоряжения, но когда агенты подошли к дому Мигуэля, то он оказался закованным. Старуха же Эмилия неизвестно куда уехала. А в одну из мадридских тюрем прибыл новый узник. — Пабло Медина.

IV.

Контраст между старой и новой тюремной обстановкой был непередаваем. Бартоломео ожидал этого и зря не нервничал в сырой и грязной камере. В первый же день своего пребывания он принимался несколько раз хохотать, представляя себе физиономию полковника Гарсиа, узнавшего о подложности своего узника. А потом задал себе вопрос:

— Сколько же придется здесь просидеть? Месяц уже прошел, а дальше? Год, три, пять? Этого он не допускал, потому что на воле кое-кто думал о нем. Думал и

он сам. И если в своей первой и роскошной клетке-вилле он откидывал мысль о побеге, то здесь она заполняла все его дни и ночи. И чем труднее казался побег из тюрьмы, тем крепче засела в нем мысль о побеге...

Дверь камеры открылась. Надзиратель пропустил какого-то человека, но сам остался в коридоре, слегка прикрыв дверь.

— Вас зовут Пабло Медина?

— Да.

— Я — тюремный врач. Вы просили меня к себе?

Бартоломео хотел было ответить, что он вовсе и не думал об этом, как увидел, что врач слегка кивнул головой.

— Да, просил.

— Что у вас?

Одновременно с этим вопросом, врач поправил свой галстук.

— У меня болит грудь. Вот уже...

Бартоломео стал плести целый рассказ. А когда он кончил, врач сказал:

— Давайте посмотрим. Разденьтесь.

Бартоломео разделся. Врач выслушивал его, постукивал, и в это время шепнул:

— По поручению Мигуэля...

Ни малейший мускул не дрогнул у Бартоломео, как будто бы он ничего не слышал.

— Да... Понимаю... Обычная история... Надо вам лечь в больницу. Мое дело осмотреть вас и доложить начальству. А остальное уже зависит оттуда... Вероятно, вас переведут для лечения...

Он принимался несколько раз хохотать.

Прошло около недели, пока Бартоломео перевели в больницу. Через день, во время своего утреннего осмотра, врач сказал Бартоломео, когда около них никого не было:

— Вам нужно обязательно худеть...

— Как?

— Микстуру вы пейте, вещь безобидная, а вот пузырек... берите его незаметно... Раз в день по десять капель...

Время шло, и Бартоломео исхудал, а его сосед по палате, срочный узник, с каждым днем все быстрее направлялся к смерти. Однажды, под вечер, врач вошел с дежурной сиделкой, стал тщательно осматривать умирающего, и потом сказал сиделке:

— Сходите к дежурной сестре, пусть она приготовит этому... она знает что... и принесите сюда.

Сиделка вышла. Врач повернулся к Бартоломео, дал ему небольшой сверток и произнес:

— Спрячьте!.. Так... Внимание. Ваш сосед через час — не больше — умрет. Около девяти вечера, когда здесь все уснут, идите в уборную и выкрасьте свои волосы и усы... Здесь в пакете все, что надо. С вашей худобой и подкрашенными волосами вы сойдете за соседа. После улучите момент и переложите покойника на свою койку, а сами — на его... Будьте ловки... Тогда все сойдет отлично. В пакете найдете две облатки... Примите их, тогда ваше дыхание не выдаст... Потеряете сознание — не бойтесь. Счастливо!..

Бартоломео очнулся... Раскрытые глаза встретились с полным мраком, но он не пошевелился. Соображал — где он находится? Помнит, что обменялся местами с

покойным соседом по палате, незаметно для других больных, хотя, вероятно, они уже все спали. После этого принял соответствующее положение на койке, проглотил облатки и вот только теперь очнулся...

Он пощупал слегка пальцами то, что облегал его голое тело. Что же это надето на нем? Э...э... Ясно, что то, что одевают на покойника. А раз он покойник... Чорт побери! Да ведь он в гробу лежит!.. Вот почему так тесно лежать!

Бартоломео стал думать. То, что было до этого, все для него понятно, а вот что теперь ему делать — он не имеет ни малейшего представления. Самое простое, казалось бы, поднять крышку гроба. Но где же, собственно, стоит гроб? Что не в могиле — это несомненно, потому что хотя и не важно, но дышать пока можно. Но что же это за помещение, куда внесли или привезли гроб с живым мертвецом?..

А в это время к кладбищенской часовне подошли три человека, неся какой-то тяжелый предмет.

— В такой темноте без глаз останешься! — тихо проговорил один из них.

— Разберемся... Дверь, вероятно, не закрыта...

— Да я узнал, что ее никогда не закрывают... А впрочем... Ну?

— Открыта, входи!

Они вошли в часовню и прикрыли дверь. Один из них осветил электрическим фонариком часовню.

— Гроб здесь... Давай инструмент...

Через полминуты крышка гроба медленно была приподнята.

— Бартоломео!..

— Жив, друзья!

— Ну-у! Еще бы тебе помереть! Вылезай осторожно.

Вместо живого покойника в гроб положили прине-

сенную с собой ореховую пластину, крышку прижали, вставили гвозди в прежние отверстия, и вышли из часовни.

Поезд мчался...

Друзья сидели в отдельном купе и слушали подробный рассказ Бартоломео. А когда он кончил, то Рабледо сказал:

— А все-таки, сознайся, ведь ты недурно провел эти месяцы?

— Великолепно! Какая замечательная смена впечатлений! Эта шикарная вилла, затем прокислая камера в тюрьме, больница и, наконец, гроб...

— И впереди?

— А впереди... У Мигуэля с изобретением как будто бы двигается?

— Да, говорит, что идет не плохо.

— Ну, значит, и мы для чего-нибудь пригодимся.

ГАЗОВАЯ ВОЙНА И БУДУЩИЕ ГОРОДА

Л.Д.

Фантастический очерк

В ноябре 1925 г. поднялся один французский бомбомет на высоту 3.480 м. с чистым грузом (грузом бомб) в 6.000 кг, не включая сюда веса снаряжения, экипажа и горючего в 1.300 кг.

Военные бомбометы новейшей конструкции могут переносить груз бомб, весом в 100 кг, на расстояние 300—400 километров.

Это значит, что эскадрилья бомбометов, состоящая круглым счетом, из 100 единиц, в состоянии при одном полете перевезти и сбросить на заранее определенное место груз бомб в 100.000 кг.

Одна бомба-мина в 100 и 200 кг может разрушить целый многоэтажный дом. Бомба-мина в 500 — 1.000 кг разрушает целый квартал даже тогда, если разорвется поблизости от квартала, а не в нем самом.

Эти цифры, подходящие (с тем или другим уклоном вверх и вниз) к британской и американской воздушной силе, послужат основанием для наших дальнейших выводов.

Около четырехсот лет прошло со времени открытия пороха, и постройка городов перестала уже соотнобразоваться с военными соображениями. Усовершенствование военной техники и появление дальнобойных орудий перестало влиять на распланировку города, сжимавшегося раньше кольцом укреплений. Стены, валы и башни были скрыты, города разрослись за их пределы. Свободно подчиняясь только экономическим законам, развертывалась постройка городов, и постепенно

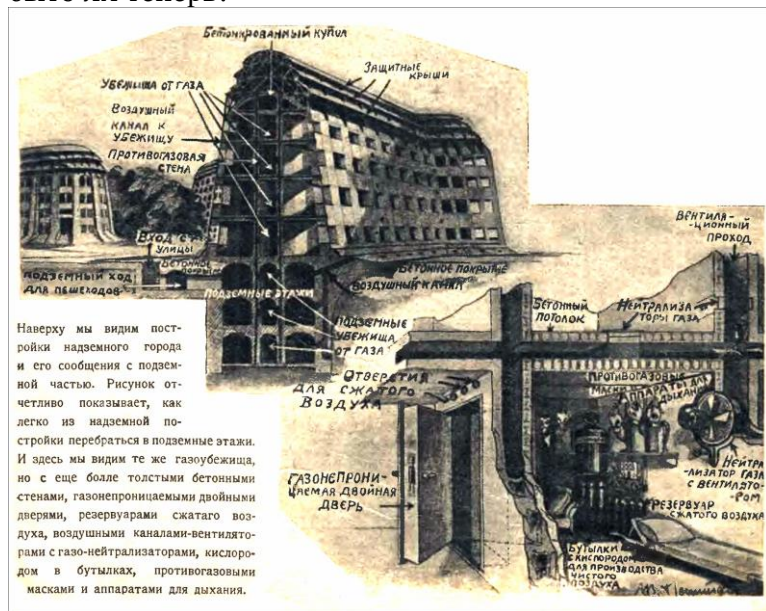
принимала тот вид, который господствует ныне в любой стране.

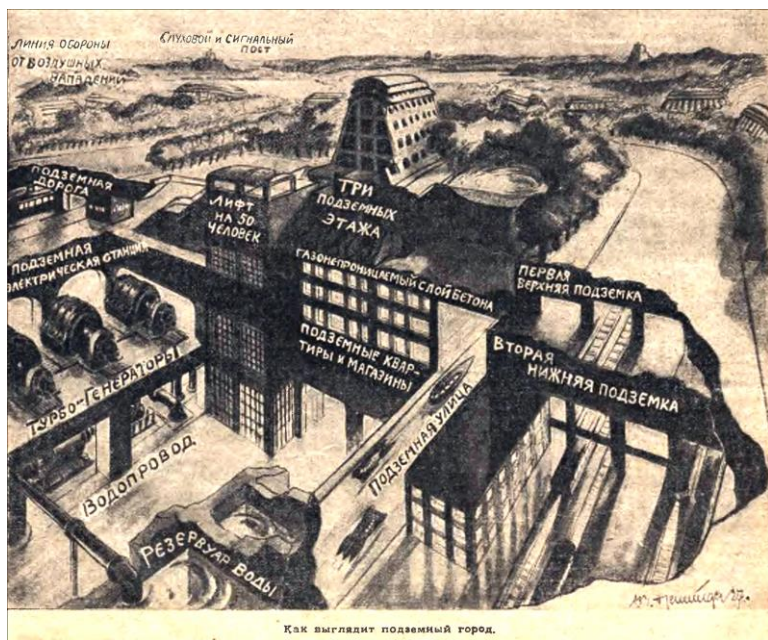
Неумолимая рука экономики скучивает в города большие людские массы, создает бедные светом и воздухом кварталы и заставляет людей строить дома все с большим количеством этажей.

Ныне этому развитию воздушные нападения выносят смертный приговор. Постройка городов вновь падает под иго войны.

Прошло 12 лет со времени первого появления на фронте новых средств войны: самолета и ядовитого газа. Уже на втором и третьем году войны их боялись жители Парижа, и Лондона. Полные страха спасались они от раздражавшейся среди ясного неба и звездной ночи грозы. Прятались в подвалы в наскоро сделанные убежища.

Тогда, десять лет тому назад, а теперь? Все это забыто ли теперь?

Как выглядит подземный город.

Почти что так.

Ведь еще строятся высокие, многоэтажные, похожие на башни дома, а люди продолжают жить все теми же массами.

И все-таки, мы накануне полного переворота в технике постройки домов, перед новой распланировкой города, к которой мы немедленно должны приступить, так как каждое опоздание будет стоить позднее невыразимых человеческих и материальных жертв.

Высокие и башнеобразные дома должны быть запрещены, так как степень разрушения города воздушной бомбардировкой пропорциональна густоте и высоте построек.

Нью-Йорк называется колоссом на глиняных ногах, и это очень подходящее сравнение. Нью-Йорк при воз-

душной бомбардировке будет сплошной людской ловушкой, а каждый небоскреб, башня и высокий дом явятся мелкой западней. Высота постройки не должна превышать трех этажей, а надстраивать уже существующие трехэтажные дома должно быть запрещено.

С применением новейших строительно-технических методов в конструкции новых зданий, должна быть достигнута наибольшая крепость потолков, балок, стен и фундаментов. В каждом доме обязательны особые противогазовые убежища, равно как газонепроницаемые стены и газовые предохранители на окнах и дверях. Каждая постройка должна будет по возможности иметь столько же подземных, как и надземных этажей.

Под землей также будут газоубежища, в которых все приготовлено для длительного в них пребывания, что требуется успешной газовой обороной. Будут построены также и общественные газоубежища, которые в мирное время смогут служить общественными помещениями, складами и т. д.

Всякий план постройки обязательно должен утверждаться особой военной комиссией.

Новый тип построек будет в разрезе приблизительно выглядеть так, как показано на рис. 1.

Крепкие железобетонные стены все больше утолщаются к фундаменту, и здесь сливаются (как видно на рис.1) с тем железобетонным прикрытием, которое защищает подземные помещения. Несколько защитных крыш предохраняют от мелких бомб.

Постройки, как показывает рисунок 1, будут очень узкие, а кроме того, они окрасятся в маскирующие цвета, чтобы быть меньше заметными сверху. Правильные формы зданий, по возможности, будут избегаться. Большие технические трудности представляют

подземные помещения, чтобы сделать их непроницаемыми для газа. Как мы знаем из опыта минувшей войны, тяжелые, устойчивые газы (а такие, наверное, в будущем станут более употребительны) текут в более низкие места, словно вода, а потому и держатся дольше всего в разных углублениях и низменностях.

Но и против этого найдутся средства защиты.

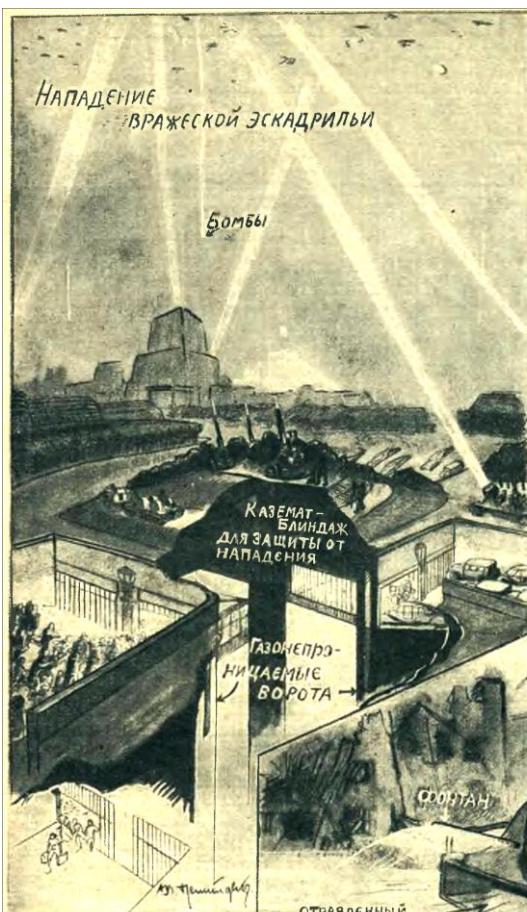
При закладке нового города в нем не должно быть жмущихся друг к другу построек, что будет достигнуто проложением особых уличных проходов, в направлении постоянного ветра, а также развитием парков, рытьем прудов и засаживанием деревьями площадей.

Разбросанность вместо теперешней скученности — таково будет решение задачи. Это означает двоякую выгоду: в мирное время — здоровую и гигиеническую жизнь, а в военное — экономию людей и материала.

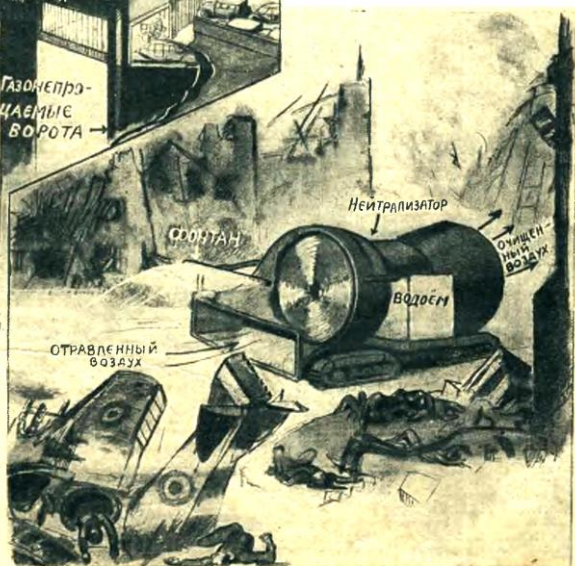
Вокзалы, электростанции, водокачки, склады и т. д. должны быть устроены на значительной глубине, в безопасности от бомб и недосягаемости для газа.

При подходящем грунте там будут также жилые и служебные помещения, но прежде всего — главные правительственные учреждения, пищевые заводы, расположенные на одной глубине, под особым покрытием бетонными слоями, непроницаемыми для бомб и газа, защищающими их от действия тяжелых бомб-мин и удушливых газов.

Мощные лифты обеспечат быстрое сообщение с поверхностью земли. Оправдает ли себя засадка площадей и улиц лиственными деревьями — это неизвестно; военный опыт будущего решит этот вопрос. Деревья и корни действуют при газовых атаках наподобие губки. Они в известной степени впитывают в себя газ, удерживая его под своими листьями, несмотря на ветер и солнце.

При воздушном налете население скрывается в подземную часть города. Вражеские аэропланы отражаются путем обстрела из особых казематов-бункеров. Когда воздушный враг удалится, начнется очистка надземной части города проветриванием и водой. Особые вентиляторы гонят воздух в нейтрализаторы, откуда отравленный воздух выходит совершенно чистым и пригодным для дыхания.

ОСО-Авиохиж каждого осведомляет о подходящих средствах защиты.

Правда, засадка города деревьями может быть послужит главным препятствием для быстрого очищения местности от ядовитого газа, но в то же время водные поверхности безусловно поглощают тяжелые газы. Применением искусственного дождя, наверное, в борьбе с некоторыми из газов можно будет добиться хороших результатов. Конечно, здесь выдвинуты только самые главные строительно - технические мероприятия, чтобы показать тот переворот, которым грозит авиация городскому строительству. Л. Д.

ЛЮБОПЫТНЫЙ ОПЫТ.

Л.Д.

Фантастический очерк

Огромный эксперимент, величественный опыт, гигантская проба силы современной магии, кончилась неудачей.

Взоры двух частей света были направлены на правую руку проф. Джотенсена из Кольгейта, которая костлявым указательным пальцем нажимала блестящую электрическую кнопку на большой распределительной доске. Трещ, проходил ток высокого напряжения по голубым, красным и фиолетовым проводам.

В инкубаторе, огороженном толстым стеклом, клубясь, кипел шипящий пар. Одна пара глаз в очках, испуганно, час за часом, следила за таинственным развитием зародыша.

Ртутные столбы, измеряющие давление и температуру, поднимались и падали.

«Ток включить!». — «Ток выключить!» — раздавалось изредка. Телефон, стоявший на маленьком столике посреди клубка из машин и аппаратов, не переставая звонил.

В Америке имеется человек. Зовут его Андрей Чапмен, который вбил себе в голову добыть статуи, книги и постройки, лежавшие в течение тысячелетий на дне песчаного моря пустыни Гоби.

Особенно хотелось иметь ему книги древних ассирийцев. Эти книги состоят из шиферных дощечек, в которые поэты, историки и фельетонисты того времени вдавили клинообразным шрифтом много мудрых вещей.

Скелет живого динозавра.

М-р Чапмен во главе большой экспедиции и с туго набитым долларами бумажником углубился в пустыню Гоби. Там

он заставил несколько сот рабочих рыться в песке. Не найдя ни статуй, ни построек, ни книг, он наткнулся, однажды, на большое количество громадных яиц. При сравнении их со страусовыми, они были как циклопы перед лилипутами.

Яйца наполовину окаменели и были покрыты твердой коркой. М-р Чапмен сделал при этом открытии кислую физиономию. «Но все-таки лучше гигантские яйца, чем совсем ничего» — решил он немного спустя и перевез яйца в Нью-Йорк.

Собравшиеся ученые начали ломать голову над монстром, положившим такие яйца. Этот вопрос бесконечно разбирался, пока не был разрешен: Андрей Чапмен нашел в пустыне Гоби яйца динозавра.

И яйца эти принадлежали не обыкновенному динозавру, который снес их, чтобы 800 милл. лет спустя доставить удовольствие забавному американцу. Нет, они принадлежали страшнейшему и самому необычайному чудовищу, которое в те времена властвовало на земле над всем животным миром нашей планеты. Извлеченные из земли кости ископаемого нам наглядно показывают его сложение и образ жизни *Titanosaurus rex* — так называют ученые этого короля ящеров, колосса весом в сорок тонн.

М-р Чапмен продавал свой клад, как надлежит истому американцу, тому, кто больше даст; когда они почти что достались одному частному американскому музею, появляется проф. Джотенсен и энергично протестует.

— Это же преступление, — убеждал он, — поставить эту находку на показ в какой-нибудь колледжии, чтобы несколько любопытных пялили на них глаза, ничего не понимая. Здесь, — говорил он, — открывается возможность осуществить дивный сон, разрешить изумительную задачу. Следует... не более, не менее, как попытаться вывести из яйца маленького динозавра!

Осуществить свой план проф. Джотенсен задумал с помощью гигантского электрического инкубатора.

М-р Чапмен за два яйца потребовал кругленькую сумму в 30 тысяч рублей. С жаром принялся ученый разыскивать себе покровителя-мецената.

К счастью, нашелся вскоре фабрикант сардинных жестянок, который оценил возможное счастье быть «папой крестным» маленького динозавра и пожертвовал нужную сумму.

Профессор заперся с двумя яйцами в свою лабораторию, где ему удалось химическим путем смягчить и отчасти удалить окаменевшую скорлупу.

После того, как одно яйцо было положено в гигантский инкубатор, проф. Джотенсен схватился за голову и задал себе вопрос: сколько же времени употребляла мамаша динозавра, чтобы высидеть своих детей? Какая нужна для этого температура? Этого он не знал, и ему, в конце концов, не оставалось ничего лучшего, как положиться на свое счастье.

Он принял для динозавра температуру, в которой высиживают свои яйца крокодилы, и принялся за свой эксперимент. Радио и телефон готовы были каждый момент оповестить весь земной шар о рождении допотопного животного. Но опыт потерпел полное фиаско. В яйце ничего не двигалось. Напрасно старались пар и электричество над воображаемым эмбрионом (зародышем) чудовища. Природа не покорилась и не допустила существования живого существа мелового периода среди небоскребов и молниеносных поездов двадцатого столетия.

Так и остался неосуществленным диковинным роман, где один гигантский динозавр мог вырваться из своей огромной клетки и попасть на улицы Нью-Йорка. В гигантском городе умопомрачительная паника — сотни тысяч людей в ужасе спасаются в туннелях подземных дорог.

Предполагают убить из тяжелых орудий чудовище, которое в это время одним ударом лапы сбрасывает на землю «Статую свободы» и проламываете разбегу бетонированную стену небоскреба на 5-м авеню. Хотя общество против насилия, но бедный динозавр не вызвал жалости в сердце Нью-Йорка. Правда, жалко портить замечательный, покрытый броней костюм, но в нем так охотно будут щеголять...

Конец романа пусть составит уже наш читатель.

Л.Д.

О ДРУГИХ МИРАХ

Научно-популярный очерк С. Б. — па.

УЖЕ с давних пор, со времен древних греков, человеческую мысль волновал вопрос о жизни на других планетах, о жителях других миров. И наблюдая за разнообразными формами жизни в различных странах, строили догадки, как могут выглядеть эти неземные существа.

Ведь приспособляемость живых существ к окружающей обстановке отличается большой и неожиданной пестротой.

Земля, т.-е. наш собственный мир, прошла через три стадии развития. Сначала масса земли, находясь в парообразном состоянии, представляла собой одну туманность. Далее последовал короткий промежуточный период, когда спала первоначальная жара и каким-то образом возникла жизнь, формы которой развивались в соответствии с окружающими условиями. На высшей ступени своего развития эта жизнь могла достигнуть таких форм, которые походили бы на живых существ, одаренных разумом. После этого, сравнительно короткого периода жизни, наступил третий и последний период, когда более или менее исчерпался запас внутренней жары, и появились различные типы рас, которые, достигнув своего полного развития, начали склоняться к упадку по мере того, как земной шар стал захватываться т.наз. ледниковым периодом.

ОБЩЕИЗВЕСТНО, что различные планеты возникали в различные времена, равно как неодинаковой была и продолжительность их развития. Отсюда естественно возникло предположение, что необходимые

для жизни условия могут существовать и на других планетах, а не только на одной нашей Земле. И большие планеты, по всей вероятности, проходили через различные стадии своего развития значительно медленнее, чем маленькие.

Возьмем Юпитер, самую большую планету в нашей Солнечной системе; по своим размерам он в 1230 раз больше Земли. Так как Юпитер дальше всего находится от солнца, он получает только одну два-

дцатьпятую того света и тепла, которыми пользуемся мы. Продолжительность суток на Юпитере составляет только 9 ч. 55 м., а так как ось этой планеты почти перпендикулярна, то сезонные перемены практически здесь неизвестны в течение всего длинного года, который равняется почти двенадцати нашим годам. Сила притяжения на Юпитере в два с половиной раза больше, чем на Земле, и если кто-нибудь из нас попал бы на эту планету, то сразу же почувствовал бы, как его вес увеличился в два с половиной раза.

Следовательно, чтобы чувствовать себя так же свободно, как на Земле, он должен был бы сократиться в своем росте до 75 сантиметров. Но сама планета настолько удалена от того периода развития, при котором возможно появление какой – либо жизни, что всякое существование на ней живых существ совершенно исключается. Юпитер еще полон внутренней жары, и поверхность его, вероятно, покрыта жидкостью, а покрывающие его облака поднимаются от кипящей внутренней части.

Рассуждая по аналогии, мы можем представить себе Юпитер, исходя из того состояния, в котором находилась Земля до появления на ней жизни. Правда, по истечении бесчисленных веков и на Юпитере могут создаться условия, благоприятные для появления растительной и животной жизни, хотя разумные существа отнюдь не должны иметь здесь той формы, к которой мы привыкли на нашей планете.

Те же факты, убеждающие нас в невозможности жизни на Юпитере, относятся в равной мере и к Сатурну. Эта планета почти в 700 раз больше Земли. Длина суток на Сатурне $10\frac{1}{4}$ ч., а сам он состоит из столь мало сгустившейся массы, что мог бы как

пробка плавать на воде. Его год равен $29\frac{1}{2}$ земных годов; получаемые им свет и тепло составляют одну девятнадцатую часть, приходящуюся на долю Земли. Внешний же вид Сатурна явно свидетельствует о таком расплавленном состоянии, которое совершенно исключает всякую возможность на нем жизни. Вся планета полна газов и жидкостей; внутренние силы постоянно выбрасывают огромные облачные массы.

Обращаясь к рассмотрению физических условий двух остающихся огромных планет, Урана и Нептуна, приходится отметить, прежде всего, недостаточность наших о них сведений. Обе планеты много меньше Юпитера, но Уран по величине своей в 72 раза больше Земли, а Нептун в 100 раз. Последняя планета настолько удалена от солнца, что получает, сравнительно с Землей, только $\frac{1}{900}$ часть света и тепла. На поверхности обеих этих планет видны облачные полосы, которые убеждают нас, что и они находятся еще в полурасплавленном состоянии. В частности, атмосфера Урана состоит из легких газов, сама же планета полна того внутреннего огня, который исключает возможность существования живых существ.

ТЕПЕРЬ обратимся в Солнечной системе к той внутренней группе планет, которые можно назвать обитаемыми мирами. Они отличаются от четырех огромных планет, только что рассмотренных нами, не по одной своей величине, но и по своим физическим условиям.

Подобно нашей Земле, они уже достигли того периода, который допускает жизнь.

Меркурий, ближайшая к солнцу планета, получает тепло почти в семь раз больше, чем мы. Она является также самой маленькой, равно как и самой тяже-

лой, сравнительно со своей величиной, планетой. Словом, Меркурий представляет собою полную противоположность нашим огромным планетам. Окружающая его атмосфера значительно гуще, чем у Земли. Огромное количество получаемого им солнечного тепла, конечно, не допускает мысли о том, чтобы на нем существовали похожие на наши живые существа. Но окружающая Меркурий атмосфера покрыта массой облаков, которые могут защитить возможных обитателей этой планеты от избыточных солнечных лучей. Поэтому, если на нем и можно допустить существование растительной и животной жизни, то крайне незначительная на нем сила протяжения заставляет думать, что эта жизнь должна резко отличаться от привычных нам жизненных форм.

Венера всего ближе к нашей Земле по своей величине и продолжительности своих времен года. Вращаясь по одинаковой с нами орбите, эта планета не получает от солнца избыточных лучей, да и к тому же она вращается вокруг своей оси в сходное с нами время. Поверхность ее защищена достаточной облачностью, а присутствие водяных испарений в ее атмосфере точно также благоприятствует возникновению жизни. Любопытно, что ось вращения почти горизонтальна у Венеры, а потому там должны происходить резкие перемены в климате. Но если тамошняя атмосфера способна к более равномерной температуре в течение всего года, то расположенные по экватору области могут быть надежным местопребыванием для сходных с нашими животных пород.

Обычно вопрос об обитаемости связывается все-го больше с Марсом, который, представляя собой шар диаметром в 4,230 миль, вращается вокруг

солнца в 687 дней. Сила притяжения на нем меньше, чем на Земле: наши 400 гр., будучи положены на поверхность Марса, весили бы несколько больше 6 унций; иначе говоря, если бы взрослый земножитель попал на Марс, то он легко смог бы перепрыгивать через двухметровую стену. Длина суток на Марсе соответствует земной, составляя 24 ч. 37 $\frac{1}{2}$ м.

Марс имеет и сходную с Землей по своей сгущенности атмосферу, и уже по одному этому его температура не может существенно отличаться от нашей. Рассматривая его так наз. каналы, предполагают, что самые большие каналы там образовались естественным путем, и представляют собой площадь, покрытую растительностью, которая вытянулась по орошенной этими каналами почве. Эта теория проф. Пикеринга не предусматривает здесь искусственных сооружений, хотя возможность существования на Марсе разумных животных отрицать нельзя. Действительно, возможно и такое предположение, что каналы меньшего размера являются уже искусственными сооружениями, созданными в целях орошения пустынных земель. Все данные говорят, во всяком случае, за то, что атмосферные условия на Марсе весьма похожи на условия нашей Земли.

Каков же конечный итог современных научных исследований по вопросу о существовании разумных животных на других планетах?

Огромные планеты еще не достигли той ступени в своем развитии, на которой возможно появление жизни; маловероятна жизнь и на Меркурии, а Марс и Венера, хотя и допускают возможность существования на них разумных существ, но не дают никаких доказательств этому предположению.

А, может быть, только мы, земножители, являемся единственными разумными существами во всей вселенной?

Но такое гордое утверждение едва ли выдерживает критику. Земля только одна из бесчисленных пылинок в общей системе мироздания и ее заносчивое притязание должно быть отвергнуто, исходя уже из одной теории вероятности. Действительно, предположим, что в большом мешке находится один миллион белых зерен и только одно зерно красное. Если человека с завязанными глазами попросить вынуть из мешка именно красное зернышко, то много ли у него будет шансов вынуть именно его? Если бы каждого из нас, подозревая в тяжком преступлении, заставили бы опустить в этот мешок руку и вынуть любое зерно, а красное зернышко означало бы смертный приговор, то кто из нас не запустил бы смело в мешок свою руку? То же самое и в вопросе об обитаемости других миров, кроме нашего земного шара. Ведь наша солнечная система только одна из многих других солнечных систем, каждая из которых имеет свои особые планеты. Так имеем ли мы право утверждать, что жизнь свойственна только нашей системе, и не будет ли правдоподобнее предположить, что среди миллионов солнц есть тысячи, у которых имеется подходящая для различных жизненных форм обстановка.

К. БОГОЛЮБОВ

ВОРОНА

Приключенческий рассказ

Журнал «Вокруг света» (Л), № 32, 1929 г.

Рассказ К. Боголюбова

Рис. Г. Фитингофа

Мой собеседник придвигается ко мне и скалит зубы, черные от табаку:

— Старые истории занимательны, говорите? Какие такие истории, дайте-ка я послушаю. О бедном пастушке, о черном бульдоге? Может быть, вы слышали и об исчезнувших кораблях?

— Слышал. Кажется «Мария Целеста» в 1873 году. Но почему? — Старик хихикает.

— Кто их знает! Может быть, они пересели на воздушный шар, когда надоело море, — многое можно подумать.

Когда чаще всего люди издеваются? Когда им известно то, о чем вы не имеете никакого представления. Гордые своим знанием, они окатывают

невежду ушатам смешливого презрения. Это и есть издевательство. Значит, старик знает историю «Марии Целесты»?

Этот корабль вышел из Нью-Йорка, направляясь в Геную и имея на борту капитана, боцмана, шесть матросов и жену капитана с ребенком. Несколько недель спустя, португальский бриг «Ден-Грауна» заметил около Азорских островов какое-то судно. Оно шло под полными парусами и не отвечало на позывные. Это молчаливое судно и была «Мария Целеста». Находилась она в полной исправности, но на борту не было ни одного человека. Лишь канат, свешивавшийся с юта, указывал, что экипаж покинул «Марию Целесту» на шлюпке по совершенно непонятной причине, и очень недавно: в камбузе еще варилось мясо, а в капитанской каюте на полу были разбросаны детские игрушки, недостроенный дворец из кубиков. И ни тогда, ни после об исчезнувшем экипаже не было никаких известий.

Я очень рад, что случай привел меня в эту таверну и заставил присесть у столика, где уже приютился с кружкой пива старик, пьяный и неряшливый, с жирными пятнами на куртке. Старик сразу же вступил со мной в разговор, начал спорить о крепости табака, о новых затеях Муссолини, о последних достижениях Лиги Наций. В конце концов мы добрались до «Марии Целесты».

— Я давно отслеживаю вас, — врал я, — и теперь хочу отвести вас в полицию. Не пытайтесь увертываться! Но я отпущу вас, если вы расскажете, как все это случилось.

Старик пробовал отпираться, хотел уйти, скверно отзывался обо мне и о моих предках, но я продолжал настаивать.

У старика были только две возможности: или идти в полицию, или рассказать. Он выбрал последнее.

Если женщина волочит ноги по земле и задевает за швартову — будет плохо. Это случилось с женой капитана «Марии Целесты» в самый день отплытия. Женщина едва не выронила из рук ребенка, и боцман Иеремия, человек бывалый, нахмурился. Но, впрочем, «Мария Целеста» вышла из гавани в свое время, и три недели попутный ветер наполнял ее паруса. Море дышало мерно, облизывая черный борт. Только за кормой играли дельфины, — непонятная морская тварь, напоминающая человека.

— Что такое дельфин? — спросил однажды у боцмана юнга Адам.

— Может быть, то же, что и мы с тобой, — ответил Иеремия, глядя поверх взъерошенной головы Адама. Затем сдвинул на затылок свою вязаную шапку и сказал мрачно:

— Надо убавить паруса.

— Какие там паруса, — ухмыльнулся один роторей. Но боцман показал на небо. На западе стояли облака перистые, легкие, окрашенные розовым. Говорят, что такими облаками ангелы метут небо.

Боцман знал, какие облака и на что годятся, — одни на пользу, другие во вред. Синие жирные тучи обильны дождем, желтые с зеленой каймой несут град, столбы облаков — предвестники снежной бури, кучевые облака на горизонте обещают крепкий береговой ветер. У каждого облака свой нрав, — боцман знал это. Недаром он прожил восемь лет на

Занзибаре, где каждый негр — волшебник, каждая старуха промышляет колдовством. Поговаривали даже шутя, что именно его, а не пророка Иону, в свое время проглотил и выплюнул кит.

Такому человеку верили все и, убавив парусов, ожидали шторма всю ночь и все утро. Но не было даже свежего ветра, и лаг не показал ни одним узлом больше.

— В жизни у меня впервые, — сокрушался боцман, поминутно сдвигая свою шапку на затылок и опять нахлобучивая по самые ноздри.

Рулевой Сэм Бойдер засмеялся и ударил старика по плечу.

— Плохо наверное твои ангелы метлами работают! Грязь осталась.

Среди умирающих волн бриг стоял неподвижно, как нарисованный. Паруса заполоскали и, вдруг обессилев, повисли, как мокрое тряпье.

И в ту же минуту над палубой закружилась стайка чаек. Откуда они прилетели — неизвестно.

— Будет плохо! — сказал боцман.

Тут подошел один ирландец — Патрик (всех ирландцев зовут Патриками, и у каждого бабушка здоровается с чортом за руку).

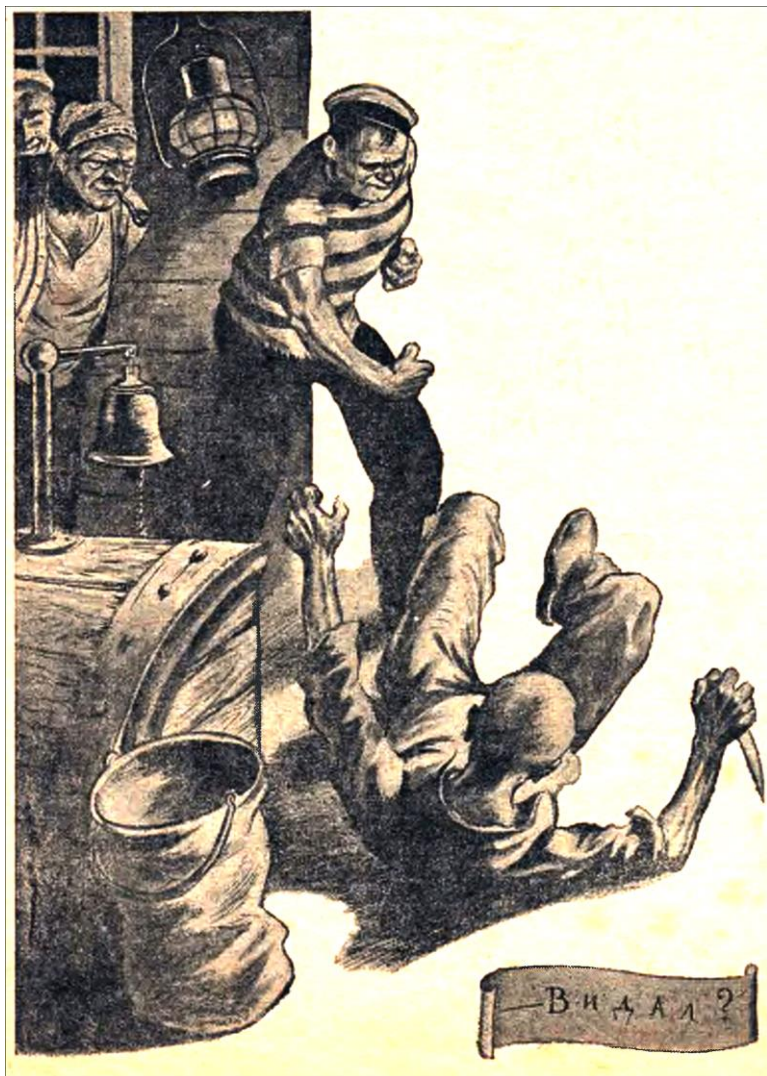
— Наверное будет плохо, — хрипел он. — Чего хорошего ждать, когда рулевой ходит к штурвалу по левому борту.

— Ну, и хожу, — заорал Бойдер, про которого это было сказано. — Хожу и плюю на каждого колдуна и ирландца.

Патрик взглянул на него снизу, по-волчьи, — а был человеком не малого роста.

— Ну-ка, ну-ка, подойди сюда, — дразнил его Сэм.

Ирландец шагнул вперед, но боцман крикнул:

— Смотрите на чаек.

Разместившись на крьюсель-рее, чайки охорашивались. Может быть, это были те самые чайки, ко-

торые приносят беду и у которых есть свой атаман — ворона. Так говорили капитан Смоллет, и капитан О'Нейль, и кривой на правый глаз Джошуа Ки, который долгое время плавал на «Летучем голландце». Матросы сбились в кучу, как овцы. Они были окружены океаном, который неизвестно почему темнеет и становится зеленее травы. В морской глубине мчатся безногие кони, их движения быстры и неожиданны. Странные рыбы прячутся в чаще водорослей, уродливые рыбы светятся, как луны. Говорят еще, что в бездонной пучине живет морской змей. У него хвост длиной с милю, каждый зуб, как бочонок из-под пресной воды, а на голове сивая грива, — змей стар.

Сэм Бойдер прервал молчание:

— Слушайте-ка, — крикнул он. — У Патрика бурлит в брюхе! — Ирландец кинулся на него, размахивая костлявыми кулаками. В правом кулаке что-то блеснуло — наверное, нож. Но Сэм, краснощекий увалень, опередив тощего Патрика, свалил его на палубу ударом в живот.

— Видал?

Ирландец молча поднялся и, прихрамывая, побрел прочь.

— Двадцать таких на каждый палец! — горячился Сэм.

Но в ту же ночь он умер. Утром он лежал в гамаке, скорчившись, багровый, с выпученными глазами.

— Судороги, — решил капитан и приказал зашить тело в парусину и опустить за борт, как предписывает обычай.

В полдень, когда солнце стоит над самой грот-мачтой и с бортов течет крупный смоляной пот, —

ровно в полдень к длинному серому свертку был привязан кусок угля для тяжести.

— Ну, — боцман взглянул на ирландца, все остальные — тоже, а затем начали наступать на него, тяжело дыша и почти не понимая, что делают. Если бы их спросили, идут они или стоят на месте, — они не сумели бы ответить.

В эту минуту на всем корабле только один ирландец напряженно рассчитывал... Страх вынудил его думать и соображать. Не сводя с матросов глаз, ирландец пятился, пока не уперлись ему в поясницу железные перила лестницы. Тогда, неожиданно повернувшись спиной к нападающим, он взбежал на сигнальный мостик и спрятался за ноктоузом.

Матросы столпились на баке. Голыми руками ирландца не возьмешь! Лестница узкая, на одного человека, которого очень удобно проткнуть ножом, спустить вниз и ожидать следующего.

— Надо у капитана взять винчестер, — сказал боцман.

— Стой! Руки вверх! — крикнул ирландец сверху и положил на бакштаг дуло маузера. Осторожно высунув из-за ноктоуза свою лисью морду, он взял на мушку полосатый жилет боцмана.

— Не шевелись!

Но Иеремия шагнул и тут же присел на корточки, харкая кровью. Казалось, он ищет обретенную иголку.

Переводя дуло с одного живота на другой, ирландец услышал за спиной дробное постукивание птичьих когтей и обернулся. Позади него на мостике сидела ворона. Нагнув голову вбок, она разглядывала человека круглым глазом, окруженным желтой мерцающей каемкой.

Ирландцу не следовало бы оборачиваться. Пока он смотрел на ворону, капитан Хетли успел перебежать из каюты на бак, и когда ирландец отвел глаза от вороны, капитан выстрелил.

Из-за скрюченной спины Патрика вылетела, неистово каркая, ворона. Чайки, весь день отдыхавшие на реях, ответили ей пронзительным визгом и заметались над палубой.

Ворона полетела прямо на матросов, те шарахнулись в стороны. Боцман тоже пополз, подтягиваясь на локтях. Его потные ладони оставляли на палубе следы. Кто-то наткнулся на него и перевалил на спину; боцман так и остался лежать.

— Шлюпку... шлюпку скорей!.. — кричал капитан.

Старик закашлялся и лениво оторвал от столика липкий граненый стаканчик.

— Ну, что же, потянете меня к судье? Что мне будет? История старая.

Да, старая эта история. Угнетенные скверными приметами, убийством, вторым убийством, матросы обезумели, когда кинулась на них, хлопая крыльями, из-за спины третьего мертвеца ворона. Откуда она взялась, эта ворона, атаман чаек, о котором говорится в поверьях? Пережитый в эту минуту ужас заставил матросов потом молчать. А, может быть, стыд... Наверное, они забыли ребенка. Перевалившись через порог каюты, он выполз на палубу. Было солнце и тишина. Ребенок добрался до борта и сидел, разговаривая на своем неизвестном языке. Налетел свежий ветер, судно — не управляемое никем — выровнялось, палуба качнулась слева направо, и ребенок скатился за борт.

Что думали потом люди, забывшие его? Я полагаю — им было бы стыдно рассказывать о своем великом позоре, и они предпочитали молчать.

— Нет, — возразил старик, — ребенка мы взяли, его держала на руках жена капитана. Она села самая первая...

Внезапно я вспомнил.

— Подождите! На палубе ведь были два трупа — ирландца и боцмана. Люди с «Ден Грауна» не нашли их. Почему?

— И не могли найти, — старик презрительно усмехнулся — Трудно им было найти! Ведь история-то не кончена...

Весла трещали в кулаках, за кормой шипела вода. Но, в конце концов, матросы опустили распухшие ладони и, отдыхая, дышали так, что ребра сгибались в колесо.

— Все благополучно, леди и джентльмены, — сказал тогда капитан Хетли, оглядев из-под руки горизонт. — После такой работы можно и покурить.

Положив руль на борт, он стал набивать трубку. Потом поскреб в затылке.

— Беда только в том, что табака у меня немного, а вы, по человеческой слабости, о нем и не вспомнили. Придется потерпеть, — капитан был речист и никак не мог замолчать, если начал. — Но впрочем, милорды, терпеть вам придется недолго, не более суток. Если я не лгу, мы в двух кабельтовых от острова Санта-Мария, берега которого славятся сыпучим песком. По мягкости он не уступает перине. А пока могу предложить вам глоток водки.

Кряхтя — он был толстоват — капитан достал из-под скамейки оплетенную бутылку и прильнул к ней, свернув губы в трубочку. Потом вытирал рот прилежно, словно чистил сапоги.

— А теперь позволю себе напомнить о веслах, джентльмены. С облаками я не в такой дружбе, как блаженной памяти Иеремия, но кое-что понимаю. Нужно поворачиваться.

Матросы налегли на весла...

Ранним утром, пошатываясь от усталости, они едва смогли вытащить шлюпку на берег. Над синим океаном, над серой зеленью острова клубился туман. Отлогие волны приникали к земле с тихим шорохом. Краб изумленно уставился на пришельцев, испугался и заковылял прочь.

— Все прекрасно, джентльмены, — капитан подмигнул. — Шлюпка сослужила свою службу. Не мешало бы ее топориком и на костерок.

— Ну, а дальше? — спросил Нурми, парусник, человек мрачный.

— А дальше тебе придется забыть о своей фамилии и выбрать новую. Жан Корбо, например... Мне моя тоже что-то не нравится. Хетли — грубовато звучит. Ты как думаешь? — капитан взглянул на свою жену.

Таков был капитан Хетли, шутник и пьяница, но человек безусловно умный.

— Меня знает сам президент, — говорил капитан. — И не только знает, но даже наводит справки, как, мол, поживает старичина Хетли? Не худо бы дать ему пожизненную квартиру и казенного лакея с ясными пуговицами.

У капитана были вечные ссоры с таможней. С необычайным искусством переправлял он оружие,

опиум, шелк, спирт, беглых чиновников, — законом эти подвиги предусмотрены. Но что могла сделать слепая Фемида с прозорливым капитаном, который был так хитер, что пил только у себя в каюте, а на берег сходил совершенно трезвый и не брал в рот ни капли.

Поэтому в Барбадосе... Как-то случилось, что по пути из Нью-Йорка в Геную «Мария Целеста» зашла в Барбадос, и пока матросы развязывали кошельки в кабаках, капитан Хетли навещал знакомцев.

Пересекая пыльную улицу по дороге к одному старому приятелю, он наткнулся на ирландца. Патрик выскочил из домика американского консула, виляя шеей, как собака, хвостом.

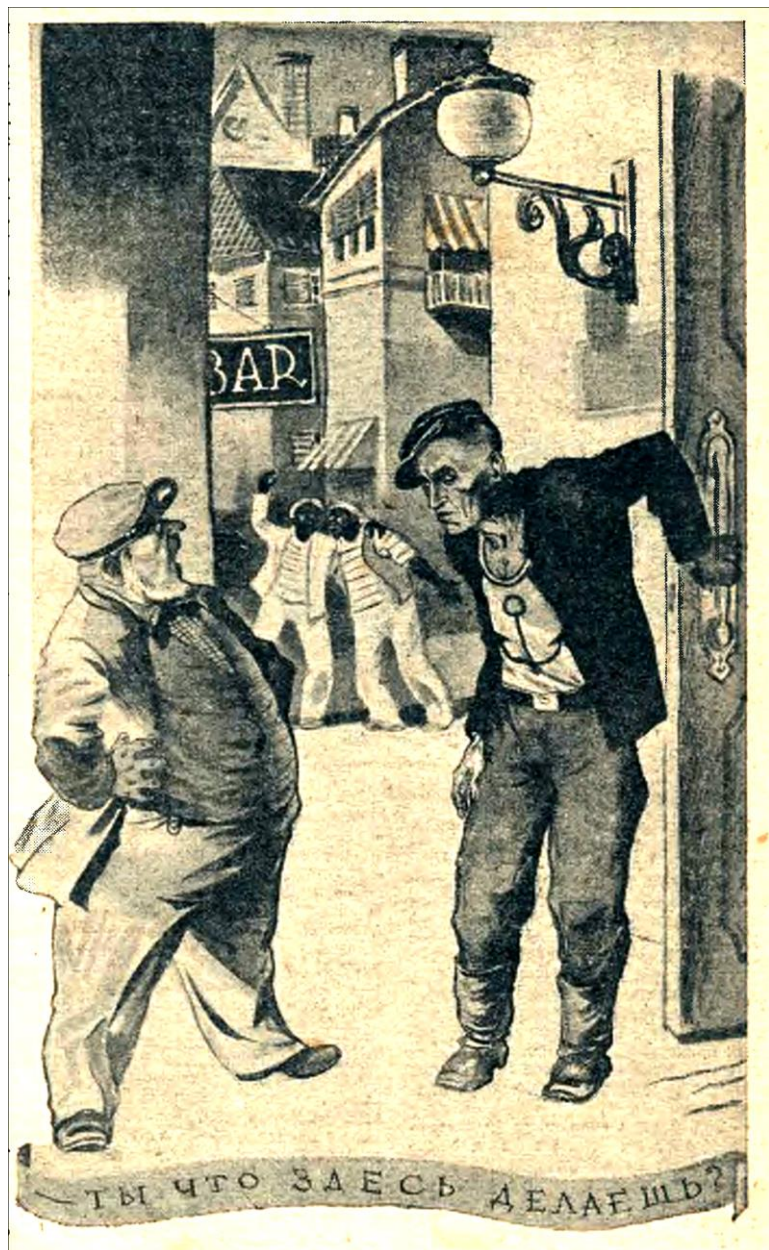
— Как! — закричал капитан. — Ты ведь ирландец. Ты что здесь делаешь?

Патрик смутился, соврал что-то насчет консульской горничной и исчез в дверях попутного бара.

— Ну, джентльмены, — капитан задумался, потирая пунцовый нос пальцем, — полагаю, что этот червяк послал президенту письмо такого содержания: «Старина Хетли в добром здоровье и, не боясь простуды, везет из Барбадоса килограммов десять американского золота».

С этой минуты капитан непрерывно подмигивал ирландцу и всячески изощрялся на тему о милостивых горничных из Барбадоса. Капитан был недюжинный человек. Он знал, что если ирландец и ссорится с рулевым Сэмом, то ссоры эти для отвода глаз. Чтобы никто не подозревал, что оба они — валеты из одной колоды.

Ночью после того, как на глазах у всей команды Сэм бросил на палубу ирландца, капитану удалось подслушать такой разговор:

— Знаешь, — говорил Патрик, — в Барбадосе обещали выслать за нами кораблик. По моим расчетам, нагонит он нас не сегодня-завтра.

— Ладно, — ответил Сэм. — Говори короче. Мне еще нужно кормить свою ворону.

У него в трюме сидела в корзине ручная ворона. Рулевой за ней ухаживал, как за девушкой.

Ирландец освиrepел:

— Подождет твоя птица! От военного корабля капитан постарается скрыться или уйти на шлюпке. Мы должны этому помешать, понял? Тут дело немаленькое.

Они разошлись, а капитан разбудил боцмана. Услышав об этих делах, Иеремиа засвистел носом, как фэгот.

— Я знал, что будет плохо, — заворчал он. — Все приметы сходились к одному.

— Может быть, и так, — согласился капитан. — С двумя людьми труднее справиться, чем с одним, так?

— Ну, так!

— Тогда нужно, чтобы Сэм не проснулся, — капитан потер красные глянцевитые, как у всех стариков, руки.

Утром, когда рулевой не вылез из своего гамака, ирландец понял, что его дело почти проиграно. Нужно было спасти свою жизнь, и он спас бы ее, если бы не оглянулся на ворону. Ворона удрала из своей корзины и пробралась на мостик. А там, на горизонте, появился высокий вырезной силуэт корабля.

— Ага, президент уже зовет меня в гости, — решил капитан и, чтобы развязать себе руки, убрал ирландца.

Трупы были сброшены в море. Женщина замыла палубу тряпкой, а команда бежала на шлюпке.

— Может, мы и ошиблись, джентльмены, — сказал капитан, разгребая голубую золу. Выхватив из нее уголек, он покидал его с ладони на ладонь и положил в трубку. — Может, то был и не военный корабль. Но лучше все-таки исчезнуть, раз президент нас разыскивает. Ну-с, миссис Хетли, придумали вы себе новую фамилию?

Ю. ГЕКО

НА ПОЛЮС! НА ПОЛЮС!

Фантастический очерк

Очерк Ю. Гено

Рис. Б. Нечлева

I

Смелые предположения, на которых Жюль Верн строил свои фантастические романы, не только осуществились, но во многом уже превзойдены современной техникой.

Если американцы Эдвард Шли и Брок в 1927 году совершили кругосветное путешествие на самолетах и пароходах в 40 дней, в то время как 100 лет назад русский капитан Литке потратил на это два года, — то весьма вероятно, что в ближайшие годы на этот же рейс достаточно будет нескольких суток.

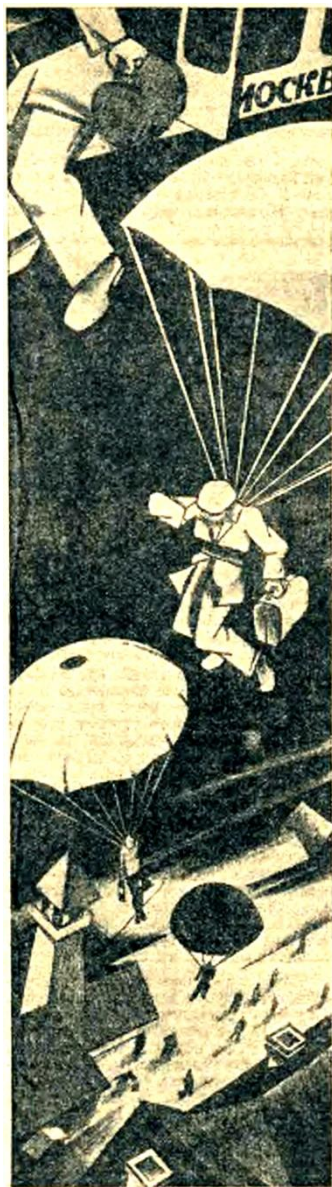
Если бы Жюль Верн вздумал описать, хотя бы в виде фантастического романа, достижения современной техники, его наверняка сочли бы досужим болтуном. Но пройдет несколько лет и современная фантастика покажется такой же отсталой новому читателю. К тому времени на островах Арктики появятся поселки и города. Надо льдами вырастут причальные мачты. Туристы будут заниматься новым спортом — прыганьем на высокие айсберги при помощи миниатюрных, привязываемых к спине аэростатиков. Люди привыкнут летать на такси-авиэтках, и полет из Австралии в Англию на прекрасном, — с нашей точки зрения, — дирижабле

«СРЗ» объемом в 135 тысяч кубических метров вызовет ироническую оценку.

— Такое путешествие, — скажут с усмешкой, — могут совершать только бездельники... Какой расчет деловым людям тащиться на этих дирижаблях, когда есть возможность передвигаться гораздо быстрее на металлических 12-моторных гидросамолетах через порт Дарвина — Рангун — Калькутту — Багдад — Каир — Константинополь?!

Да, к этому идет. Уже разработаны планы постройки первой полярной метеорологической станции. С ее помощью удастся приблизиться к разгадке основы циклонических явлений, наблюдающихся в атмосфере. Со временем воздушное сообщение над материком и Арктикой сделается настолько безопасным, что страховые общества будут вынуждены снизить тарифы хотя бы потому, что многие пассажиры совсем перестанут страховать свою жизнь. Страховка останется на долю тех путешественников, которым придется спускаться на будущих парашют-лифтах в провинциальных городах, где дирижабли дальнего следования не станут швартоваться к причальным мачтам.

Над далекой Арктикой, над ледяной пустыней полетят не цеппелины, а ракеты типа Циолковского. Люди, находящиеся на их борту, смогут разглядеть таинственные ледяные равнины, увидеть огромные озера среди разогнанных ветром ледяных полей... О новом двигателе-ракете уже говорят в Москве и за границей. В скором времени он вытеснит современные двигатели. Его устройство чрезвычайно просто: из конической, расширяющейся воронки выбрасывается струя газов, образующихся при горении нефти в струе сжатого воздуха. Вылетая со

Путешественники будут „сходить“ с воздушных кораблей на парашютах...

страшной скоростью и силой, подобно потоку газов обычной ракеты, эта струя является мощной двигательной силой.

Полярные птицы не смогут сопутствовать будущим воздушным кораблям. Струи разряженного воздуха вывернут им крылья, а спокойно дремавшие на льдах тюлени, моржи и белые медведи, разбуженные гулом ракеты, уйдут в глубины вод. Пути этих ракет пройдут над Северным полюсом. И кто-нибудь из пассажиров, пролетая над островом Врангеля, вздохнет и скажет:

— Какие были интересные времена, когда Амундсен совершал свои первые полярные рейсы! Ведь сюда летали карликовые дирижабли типа «Норвегия». Где-то тут терпела аварию «Италия». Это была тяжелая и нелепая катастрофа.

Кое-кто, наверное, вспомнит легендарные похождения американского журналиста Уельмана, пытавшегося проникнуть со Шпицбергена к

Северному полюсу на старинном воздушном шаре с привязанной к гондоле самой обыкновенной... колбасой. Это было в 1898 г. Еще сохранились газеты того времени, описывающие своеобразную затею журналиста, вероятно очень изобретательного в вопросах саморекламы...

Уельман боялся неудачи и придумывал разные приспособления, обеспечивающие успех. Он заказал огромную колбасу и сетку для нее. Сетка должна была быть размером несколько больше колбасы, а главное — крепкой и эластичной. Пеньковым мягким тросом Уельман привязал колбасу к краю корзины аэростата и дал съехавшимся журналистам короткое интервью:

«... Моей задачей является полет к Северному полюсу. Я рассчитываю воспользоваться попутным ветром. Научной работы производить не собираюсь. Вполне достаточно, если возвратясь, я отвечу на вопрос, вода там или суша? Обратно в Виргобай я возвращусь пешком по льду. Мясную колбасу, несколько смущавшую «просвещенных воздухоплавателей», мой шар потянет за собой. Ее куски, раскрошившись, останутся в торосах и укажут мне обратный путь в том случае, если я заблужусь. К тому же, мне нет надобности брать с собой продовольствие, так как я буду питаться обрывками колбасы».

Наконец наступил день отлета, и Уельман уже сидел в корзине воздушного шара. Друзья в течение нескольких минут молчали. Уельман поднял руки. Казалось, один момент — и шар улетит. Но произошло то, чего никто не ожидал...

Густой румянец внезапно залил щеки Уельмана. Он выпрыгнул на землю и приказал немедленно

отправить шар на материк, а через день ушел на север на лыжах горной дорогой.

Разочарованные друзья возвратились в Нью-Йорк. Уельман скоро был забыт. Но через год, весной, он со сломанной ногой добрался до Кингсбея и сообщил о том, что ему пришлось зазимовать на Земле Франца-Иосифа. Нового ничего открыть не удалось...

Можно ли после всего сказанного обвинять Жюль Верна в беспочвенной фантастике?

Может быть, пройдет не более десятка лет, и наши полуфантастические догадки о полетах на ракетах покажутся наивными вымыслами далекого прошлого?

На днях мы следили за новыми приготовлениями к изумительным полярным путешествиям, а в 1930 году будем свидетелями действительного осуществления грандиозных планов.

II

В «Кургартен-отеле» заняты все номера. В «Кургартен-отеле» — последнее совещание участников нового полета к Северному полюсу на цеппелине.

Фридрихсгафен шумит. Улицы переполнены народом. Сотни автомобилей с берлинскими номерами прибыли сюда 28 сентября, и пассажиры их ночуют в машинах. Как ни странно, но приехавшие перестали интересоваться самым «цеппелином», и только хотят видеть участников полета. Ведь люди, заседающие сейчас в Кургартен-отеле, снова разъедутся, а «ЛЦ—127» еще долго простоит в ангаре. Осмотр его может быть совершен позже, для этого потребуется заплатить одну марку — и только.

Решительное заседание происходит во вторник 1 октября. Оно началось почти с восходом солнца и продолжается вот уже в течение 10 часов.

В главный зал сегодня не пропускают даже референтов. За длинным столом, покрытым синим сукном, сидят генеральный секретарь об-ва «Аэро-арк-тика» Брунс, профессора Пенк, Вейкман, Дефант, Брейфус и русские ученые, участники полета Розе, Визе и Молчанов. Председательствует бодрый старик с живыми глазами под белыми всклокоченными бровями — семидесятилетний Фритиоф Нансен. Внимательно выслушивает Нансен предложение русской группы совершить пробный полет цеппелина над СССР в зимних условиях, приближающихся к полярным.

— Мы считаем, — говорит проф. Молчанов, — что этот перелет займет не более 60 часов и позволит совершить рейс из Фридрихсгафена в Москву. Над Москвою — круг без посадки, и снова Фридрихсгафен. — Предложение это сочувственно встречается всеми присутствующими.

До чего не похожи сборы нансеновской экспедиции на феерическое легкомысленное путешествие генерала Нобиле! Здесь каждая деталь прорабатывается самым тщательным образом. Вечером д-р Эккенер докладывает о необходимости разгрузить цеппелин от тяжелого жироскопического компаса.

Собрание, взвесив обстоятельства, находит возможным уменьшить личный состав цеппелина до 33 человек, но компас оставить.

Слово предоставляется Нансену. Он говорит о том, что сокращение команды не отразится на успешности экспедиции, так как он имеет возможность повысить квалификацию команды, выбрав

нужных людей из первоклассных пилотов, письменно предложивших ему зачислить себя в личный состав воздушного корабля хотя бы в качестве рядовых матросов.

С одинаковой тщательностью рассматриваются чертежи новых помещений для закупленных в России ездовых собак и магнитные аэрологические приборы советской конструкции, которые решено взять на Северный полюс.

— Незачем снова открывать уже открытые полюсы, — говорит в заключительном слове Нансен. — Наша цель — создать точную науку о погоде, которая придет на смену пресловутым «предсказаниям» дождей. Мы отправимся к тем центрам действия циклонов, которые дирижируют ветром земного шара.

Все это было во Фридрихсгафене совсем недавно, почти на днях.

В бумагах Пири среди его бесчисленных проектов хранится фантастический план путешествия к полюсу на подводной лодке. Но сам он в 1908 г. предпочел полторы сотни ездовых собак. Тогда этот самоедский способ езды казался надежнее современных.

Подводное путешествие хочет в наши дни осуществить Вилькинс. Он построил подводную лодку водоизмещением в 900 тонн, типа «Лейка»; в 1930 году она отправится под льдами Арктики к Северному полюсу.

Вилькинс держал свои планы до последнего дня в строжайшем секрете. Рабочие и инженеры той верфи, где строилась его подводная лодка, были долгое время связаны круговой порукой абсолютной тайны. Лишь 5 октября этого года Губерт Вилькинс

до некоторой степени открыл свои планы, опубликовав декларацию о своем новом отважнейшем путешествии, и привел кое-какие данные о фантастической лодке, предназначенной к плаванию подо льдом.

Время идет так быстро... И вскоре мы станем свидетелями новых событий.

Попытаемся же нарисовать картину того, что произойдет в действительности над и подо льдами Арктики в апреле—мае 1930 года.

III

К шести часам утра... апреля во Фридрихсгафен съехалось до пяти тысяч автомобилей с пассажирами, желающими присутствовать при отлете «Графа Цеппелина» на Северный полюс.

В 8 часов утра префект полиции отдал приказание прекратить свободный доступ автомобилей в город, боясь нового столпотворения. Крыши всех домов усеяны народом. Теперь никакая сила не утихомирит энтузиазм толпы, наполнившей улицы города.

Тысяча человек специальной стартовой команды выводят необычайное чудище — цеппелин «ЛЦ-127». Инженеры в последний раз проверяют детали механизмов.

В семь часов утра к эллингу прибыл Фритиоф Нансен и капитан цеппелина д-р Эккенер. Теперь он лично будет руководить постановкой цеппелина на старт.

С корабля, недавно еще стоявшего в цветах, с гондолами, украшенными зеленью, сняли украшения, и в серебристо-сером цвете дюралюминиевой

оболочки «ЛЦ-127» выглядит строже и напряженнее.

Стартовые команды заняли свои места. Наступила торжественная пауза. Нансен простился с провожающими, закрыл входную дверь, и цеппелин начал подниматься. Сначала медленно...

Потом раздалась короткая команда по радио:

— Дай свободу!

...Последний прощальный марш, и воздушный корабль быстро скрылся в небе.

Через несколько дней почти то же самое повторилось в Тромзе, где цеппелин принял последние запасы горючего перед историческим полярным полетом.

Семь дней над Арктикой гудели пять моторов по 570 лошадиных сил каждый. Целую неделю плыл над ледяной пустыней воздушный корабль. Он прилетел к конечному пункту канадской железной дороги, вдоль берегов Сибири. Его видели в 500 милях от твердой земли алеуты, лопари, юкагиры, чукчи, орочены. Цеппелин сделал несколько кругов над городом Фербенксом, и ученые, находящиеся на борту воздушного корабля, записали в вахтенном журнале вновь открытые острова и земли, которые они нанесут на карту...

Когда цеппелин прилетел к Северному полюсу, двое ученых спустились вниз на парашютах. Они произвели исследования воды, льдов и воздуха, и через два часа снова возвратились на борт корабля при помощи специальных подъемных приспособлений...

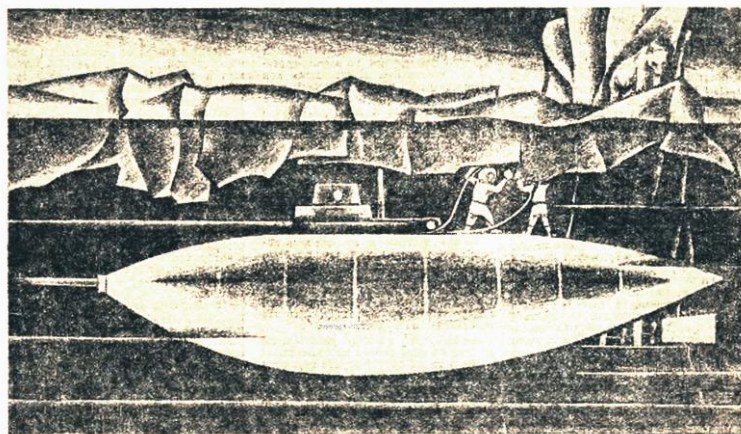
Внезапно д-р Эккенер заметил отяжеление цеппелина: на стабилизаторах и гондолах образовались ледяные глыбы гололеда. Поэтому Нансену при-

шлось ускорить переход к третьему этапу полета — вдоль берегов Северной Америки и Гренландии по направлению к Тромзе.

...Почти одновременно с «Графом Цеппелином» к Северному полюсу отправилась и подводная лодка Вилькинса. Ей предстоит сделать под водой небывалый рейс — 660 морских миль от 79-й параллели. Общее же протяжение пути, намеченного Вилькинсом, — 3 1/2 тысячи миль.

Лодка прибыла к старту во время раннего таяния льдов. Вилькинс на мостике определяет по солнцу точное местонахождение лодки. На севере каждая лишняя миля осложняет победу, и ему хочется быть возможно севернее для того, чтобы сократить путь под льдами до минимума.

— Я уверен, — говорит Вилькинс, — что лодка может развить под водой не меньше 10 миль в час. Всего на подводное путешествие к Сев. полюсу понадобится 120 часов.

Когда водолазы разрушат лед, лодка сможет всплыть на поверхность...

— Однако, учитываете ли вы время для научных работ? — спрашивает помощник.

— Пока это — лишнее! — отвечает Вилькинс. — Я рассчитываю заниматься научными изысканиями в пробном рейсе только при самых благоприятных обстоятельствах.

— Значит, 120 часов только для того, чтобы пройти к полюсу и обратно?

— Да. Я уверен, что человек выдержит эту нагрузку, и если аккумуляторы не откажутся работать в течение 70 часов, — все должно окончиться благополучно. По моим предположениям и заявлениям Нансена и Амундсена, льды далеко не так сплочены, как многим казалось, и через каждые 25 километров мы сможем всегда отыскать чистую воду для всплытия.

— Но ведь надо рассчитывать не на быстроту, а на продолжительность, — возражает помощник.

— Совершенно правильно! Мы увеличим район плавания, сократим скорость лодки до 3-х миль в час. Это предусматривалось нашей программой.

По дороге к Северному полюсу подводной лодке Вилькинса понадобится трижды всплывать на поверхность моря для перезарядки аккумулятора. Это — при благоприятных объективных условиях. Вилькинс предполагает химическое восстановление воздуха, но все же он еще не решил, возьмет ли с собою химические препараты, которые отнимут много веса и места.

Для экипажа подводной лодки при проходе под льдом наступит странная жизнь с ее особыми «подводными» ощущениями. В центральный пост, где обычно находился один рулевой, вызовут второго. Лодка качнется от хода и слегка накренится.

Вилькинс, несмотря на свои предположения о прозрачности вод Арктики, отражающих яркое полярное солнце, ведет свою лодку к Северному полюсу почти наугад. Он рассчитывает пользоваться автоматическими предостережениями вертикального и горизонтального зондов. Горизонтальный служит бушпритом и предупреждает о препятствиях впереди, вертикальный контролирует расстояние от «подволока» лодки до плавающего над нею льда.

Через четыре часа капитан Вилькинс должен подняться к поверхности льдов и пустить в ход восемнадцатисантиметровые бурава. Они быстро разрушат лед, и лодка всплывет на поверхность моря. В крайнем случае, поможет «термит», расплавляющий лед. Его подведут под ледяные поля выпущенные из лодки водолазы.

Если льды тронутся и начнут сплываться, лодке Вилькинса придется погружаться. Он, может быть, предложит двинуться дальше к Северному полюсу, пользуясь остатками энергии в аккумуляторах, но некоторые из его спутников начнут колебаться. Они знают, что для зарядки аккумуляторов потребуется у Северного полюса простоять не менее десяти часов, а в это время снова может начаться сжатие льдов, и тогда — смерть!

Катушка магнитного компаса начинает успокаиваться, и ее показания точно сойдутся с показаниями жироскопического прибора. Вилькинс поймет, что у Северного полюса ему грозила почти полная потеря ориентировки, так как магнитный компас ослабел от приближения к магнитному полюсу, а жироскопический лишился точности из-за схождения меридианов.

Так нам представляется картина предстоящего перелета над льдами и «перехода» подо льдами.

Удастся ли Губерту Вилькинсу пройти до Северного полюса подо льдами — сказать трудно. Но беда в том, что вся экспедиция задумана как-то наспех, без достаточных доказательств и научных исследований. В этом ее отличие от экспедиции Нансена. Если Нансену важно исследовать рождение циклонов и поставить метеорологию на новые пути, то Вилькинс ничего исследовать не собирается. Его цель — «открывать» уже давно открытый полюс, но по совершенно новому способу, и создать таким образом новую газетную шумиху.

Б. ЖИТКОВ

МИКРО - РУКИ

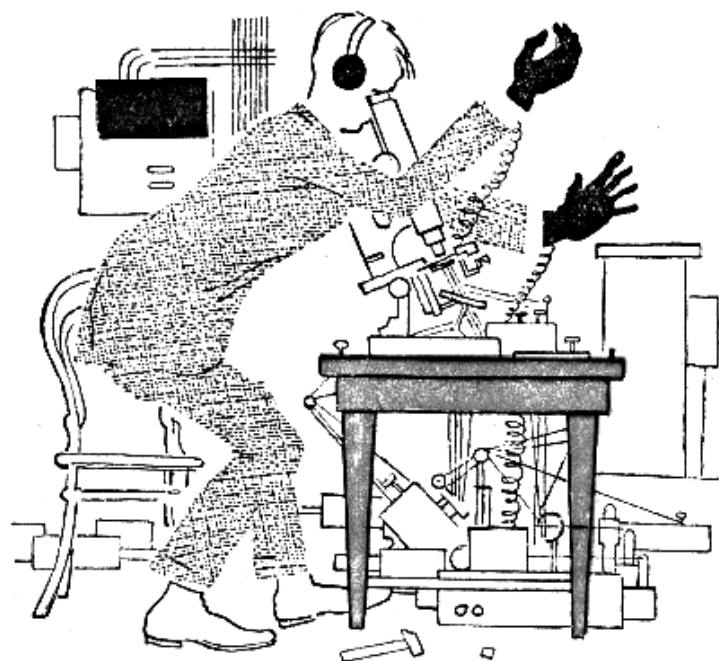
Фантастический очерк

МИКРО-РУКИ

(Фантасматический очерк)

Мне пришла в голову мысль.

Нельзя ли движение моих рук, шевеление каждого из моих десяти пальцев передать в полной точности, но во сто раз меньшем виде? Вот я беру длинные кузнечные щипцы, я развожу их ручки на четверть аршина, а губы их расходятся на какой-нибудь дюйм, — эти губы передают движение моих рук. Но это грубо. Это только в стороны, но я хочу, чтоб и вверх, и вниз, и по кругу и не только движение всей руки, а пальцев, самое ничтожное их колебание — все чтоб передавалось

во сто раз уменьшенным, и в то же время в полной точности.

Я долго ломал голову, и вот к чему пришел: я сделаю маленькие руки, точную копию моих — пусть они будут хоть в двадцать, тридцать раз меньше, но на них будут гибкие пальцы, как мои, они будут сжиматься в кулак, разгибаться, становиться в те же положения, что и мои живые руки.

И я их сделал. Мало того, я тонкой работой часового мастера снабдил их механизмом, который двигал пальцами, этими маленькими кукольными пальчиками, в точности по моему приказу. Я все это управление привел к перчаткам, к особым перчаткам. Я надевал эти перчатки на руки, и малейшее мое движение целой сетью проводов передавалось кукольным ручкам: я сожму правый кулак — в маленький кулачок сжимается правая ручка. Я отведу назад всю левую руку — ползет назад и маленькая левая рука. Они были всего в двадцать раз меньше моих живых рук, и все мои движения они повторяли в маленьком виде. Но если бы вы знали, что мне открылось.

Я надел на оба глаза лупы, в каких работают часовщики. И вот этими рачьими глазами я глядел на иголку. Она казалась мне железным ломом. Лежавший рядом вихрастый канат оказался обыкновенной ниткой. И вот я стал ловить маленькой левой ручкой этот железный лом. Я его поймал у конца, где пробита грубая неровная дыра, и правой ручкой я ухватил канат и без труда впихнул конец его в дырку. Когда я поглядел без моих наглазников, на столе лежала иголка со вде-той в нее ниткой.

Я взялся за карманные часы. Но где взять инструмент для моих микроскопических рук? Обыкновенный часовой инструмент им был «не по руке».

И вот я подумал: а что, если я сам сделаю себе инструмент? Я буду делать себе большой инструмент, надев на руки мои перчатки, а микроруки в точности будут повторять мои движения, они только будут все делать в двадцать раз мельче, и они сделают себе инструмент по руке.

Признаюсь, я долго возился: все пришлось делать почти с начала, как первобытному человеку. Разве что материал был готовый. Я сам большими своими руками сделал грубый молоток, сделал к нему наковальню, разжег спиртовой огонь и все это расположил, как и у меня в мастерской. Я ковал на наковальне обычный инструмент, а микроруки без ошибки повторяли мои движения.

Я даже сделал такой опыт: я установил кусок воску над микроруками точно так же, как моя голова стоит над моими живыми руками. Я почесал себе затылок, и микроруки уперлись в кусок воска. Я стал скрести в воздухе около моей головы. Маленькие микроруки скребли в это время воск.

Я стал работать в воздухе вокруг всей моей головы, обводил все в подробности, как будто моя голова была окружена невидимым вязким слоем. И микроруки в это время оскребали воск до того же предела.

Когда я глянул, что они сделали, я увидел мой восковой скульптурный портрет. Так, благодаря микрорукам, я сделался скульптором.

Микроруки сделали все: и молоток, и напильник, и сверла — все, все необходимое для работы. Карманные часы казались для них грубыми башенными часами. Они едва не защемили в зубья на ходу маленький пальчик. Но работа не представляла труда. Я вывинчивал винты, но у меня в руках ничего не было, я только делал движение, будто держу отвертку и верчу:

микроруки сжимали инструменты, они-то и вертели настоящий винт в моих карманных часах. Мой товарищ застал меня, когда я работал пустыми руками в воздухе с микроскопами на глазах, и хотел бежать за доктором. Выходило так, что если в десяти сантиметрах от меня находилась нога моего товарища, а в десяти миллиметрах от микрорук стояла нога мухи, то я хватал за ногу товарища, а микроруки таким же движением вцеплялись в ногу мухе. Оба бились и ругались, каждый по-своему.

Я поймал таракана, повалил его микроруками навзничь и заколол микроножиком, как свинью. Затем я его аккуратно потрошил и разглядывал его внутреннее устройство. Моими микропальчиками я мог отделить в стебельке цветка каждую трубочку. Но мне вдруг ударила в голову мысль: а ведь я могу сделать микроруки к моим маленьким рукам. Я могу для них сделать такие же перчатки, как я сделал для своих живых рук, такой же системой соединить их с ручками в десять раз меньше моих микрорук, и тогда... у меня будут настоящие микроруки, уже в двести раз они будут мельчить мои движения. Этими руками я ворвусь в такую мелкоту жизни, которую только видели, но где еще никто не распоряжался своими руками. И я взялся за работу.

Я думал, что успею в такое же время сделать вторые микроруки, как мне удалось сделать первые. И вот тут я нарвался на то, чего, признаюсь, не ожидал. Мне нужно было вытянуть тонкую проволоку — то есть той толщины, какая для моих живых рук была бы как волос. В работе микрорук она должна быть видна только в микроскоп. Я работал и глядел в микроскоп, как протягивали медь микроруки. Вот тоньше, тоньше — еще осталось протянуть пять раз — и тут проволока рвалась. Даже не рвалась — она рассыпалась, как сделанная из глины. Рассыпалась в мелкий песок. Это знаменитая своей тягучестью красная медь. Я злился, начинал сызнава — и опять то же.

Я начал было приходить в отчаяние. Но тут я вспомнил о золоте. Его нужно ведь одну крошку. Я отщипнул от кольца и сунул микрорукам. Теперь пошло иначе. Золото вывезло. Как известно, золото растягивается в такие пластинки, что они просвечивают, как

папиросная бумага, — до того оно тягуче. Богатый американец мог бы сдуру крутить из него папиросу.

Но вот сталь! Нужна сталь, и я гляжу на кусок лучшей шведской стали.

И что же оказалось? В мой сильный микроскоп, под которым работали микроруки, я не обнаружил стали, — я увидел лишь сбор всяких кусков, склеенных металлическим цементом. Это была кучка железного хлама, за который я не знал, с какой стороны взяться. Мне приходилось выламывать оттуда блестящие кристаллы; одни были тверды, как алмаз, другие тяну-

лись, как железо, и мелкий порошок сыпался от третьих. Это была какая-то залитая лавой руда, откуда надо было выламывать самородки. Дерево оказалось никуда: там были полупрозрачные брусья, гибкие, как китовый ус. Их с трудом брал микроинструмент, и рядом с этими брусьями были приклеены дорожки пористого, рассыпчатого вещества.

Я увидал, что в каждом материале, который идет у нас в работу, тысяча разных материалов, целый материальный склад, и я терял голову и не знал, какой взять. Приходилось изучать эти новые материалы, как будто я прилетел на другую планету, где все по-иному. Однако я как сумасшедший возился с моей идеей дни и ночи, не щадя ни времени, ни здоровья. Я жил уже в другом мире, где все было иное: невиданный материал, невообразимые звери вроде тли, которой я на днях разможил глаз ударом молотка. Я мог косить и собирать в копны плесень.

Мне было досадно только одно: что я не слышу звуков от работы, от ударов микрорук. Я долго думал и изобрел особые микрофоны, которые усиливали звук невероятно. И я надел на уши микрофоны. Они передавали никому неслышные удары молоточка микрорук, и я мог по звону судить — лопнуло мое изделие или цело; я слышал, как визжала пила, как звучал этот микроматериал совсем другими голосами, чем те, которые мы слышим в нашем мире.

Теперь я целыми днями ничего не видел, кроме того, что сияло под микроскопом. Я обил свою комнату пробкой, чтобы городской шум не мешал мне слушать тонкие звуки микроскопической жизни в мои микрофоны. Они так усиливали звук, что шаги мухи по стеклу я слышал, как топот слона по стальному листу, и они меня пугали. Чем я жил, чем добывал себе насущ-

ный хлеб? Откуда брал средства на устройство приборов? Эти средства я добывал своими руками. Своими микроруками. Меня приглашали делать самые тонкие операции, где ни один хирург не знал бы, как повернуться. Я мог своими микроруками быстро и без промаха работать под сильнейшим микроскопом. Мельчайшие ростки злокачественной опухоли я удалял из живого организма, я рылся в больном глазу, как в огромном заводе, и у меня не было отбоя от работы. Но меня это не останавливало на моем пути. Я хотел сделать истинные микроруки, такие, которыми я мог бы хватать частицы вещества, из которых создана материя, те невообразимо мелкие частицы, которые видны только в ультрамикроскоп. Я хотел пробраться в ту область, где ум человеческий теряет всякое представление о размерах — кажется, что уж нет никаких размеров, до того все невообразимо мелко.

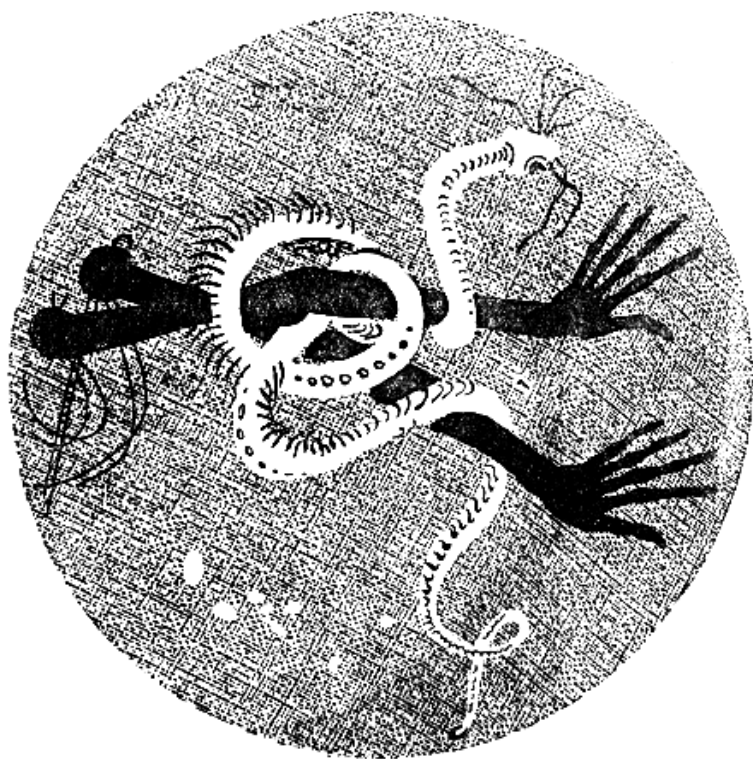
И я стал добывать материал для новых маленьких перчаток, чтоб сделать эти ультрамикроруки. Я работал в капле воды. Мне надо было поймать инфузорию-коловратку, чтоб из ее шкуры сделать перчатки. Я глядел в два микроскопа, я видел, как вертелись и носились инфузории. Я даже слышал легкое шлепанье их тел, когда они сталкивались. Мне казалось, что я сам сижу в этом подводном мире.

И эти черненькие перчатки микрорук я считал своими руками — до того они были точно послушны. Я сжал руку в кулак и хотел высунуть его из капли воды на воздух. Я говорю «из капли», но мне она казалась огромным озером, на дно которого я погружен. Я поднял кулак вверх и уперся в тугий прозрачный потолок. Это был тот поверхностный слой воды, который держит на себе иголку, если ее осторожно положить на воду. Этот слой подымался немного, выпучивался под

напором моего микроулака, но не поддавался, как будто прозрачная резина обтянула воду со всех сторон. Я не мог продавить этого слоя, сколько ни тужился. Дело в том, что сила моя уменьшалась, переходя из моих рук в микроруки, она делалась микросилой, пройдя все мои передачи. Но было и обратное: когда микроруки встречали отпор, ничтожный отпор лапки насекомого, он передавался моим живым рукам, в мои перчатки, будто это была гигантская сила носорога, и я едва мог ей противостоять. Жилы напряживались на лбу, и я тужился в борьбе с клопом, будто стараюсь повалить быка за рога.

Но надо было приниматься за охоту. Я взял микро-руками приготовленную мной острогу в три крючковых зуба и собрался, чтоб вовремя успеть вонзить мое оружие в эту резвящуюся тварь, что носилась мимо, как птица в воздухе. Как голуби-турманы, коловратки кувыркались на лету, казалось резвились и дразнили меня. Я ударял. То есть я сжатыми моими руками, здесь у стола, взмахивал вверх, как бы нанося удар, в моих пустых руках ничего не было, но там под микроскопом в капле воды микроруки сжимали острогу и повторяли мое движение.

Я промахивался, горячился, я задыхался, вспотел в этой борьбе и наконец ударил одну. Но какая она оказалась твердая. Ее оболочка показалась мне шкурой бегемота. Острога скользила, отскакивала, и наконец я набрался сил и уж в полной ярости саданул острой, и на этот раз так ловко и сильно, что вертлявая тварь застряла на зубьях, вертелась, каналья, но уж поздно.

Я весь горел от радости. Я решил передохнуть. Но вот какая-то длинная змеевидная инфузория, как огромный змей, неторопливо подплыла к моим черным кулачкам, которые все еще сжимали острогу. Эта змея-инфузория обвилась вокруг микрорук без всякого ума и злости, каким-то дурацким капризом живой материи. Я почувствовал себя связанным в моих перчатках.

Я не в силах был побороть этой водяной змеи-инфузории; еще момент — и она вывихнет, поломает мои пальцы. Я почувствовал неистовую боль во всех суставах и едва успел выдернуть из перчаток мои искалеченные пальцы.

Я долго носил руки в гипсе на перевязке. Микроруки оказались поломанными вконец. Я увидел, что у меня не хватит больше энергии и терпения восстановить их вновь. Теперь я только вспоминаю о чудесных годах моей микрожизни.

ОТ РЕДАКЦИИ

По мнению редакции глупо было со стороны изобретателя устроить какой-то бой быков под водой. Ничтожная капля хлороформу мгновенно умирila бы инфузорий. Спортсменский подход к делу сразу же роняет личность автора как научного исследователя и низводит его на степень искателя микро-приключений.

Редакция

СЕРГЕЙ ГОЛУБЬ

ТАЙНА МИКРОКОСМА

Научно-фантастический рассказ

ТАЙНА МИКРОКОСМА

Научно-фантастический рассказ **Сергея Годуби**

Рассказ удостоен премии на литературном конкурсе «Воскрешение Сладомыта» в 1926 году под названием «Битое»

От редакции

Четверть века назад французами Кюри был открыт новый элемент, получивший название «радий». С тех пор человечество много узнало о строении материи, т. е. того вещества, из которого состоят окружающие нас предметы. Теперь мы знаем, что всякое вещество состоит из мельчайших частиц — молекул, представляющих собой соединение некоторого числа еще более мельчайших частиц — атомов. Атомы различных элементов соединяются в молекулу в определенной пропорции: так, два атома водорода и один атом кислорода, соединяясь посредством химического синтеза, дают молекулу воды.

Но и атомы, в свою очередь, представляют собой неделимые частицы материи, как это думали ранее (атом — значит «неделимый»), а сложные системы из центрального ядра — протона, заряженного положительным электричеством, и электронов — частиц, имеющих вращательное движение вокруг протона и заряженных отрицательным электричеством. Положительное и отрицательное электричество, как известно, притягивают друг друга, поэтому электроны и протон не могут оторваться один от другого, центробежная же сила, развивающаяся при движении электронов вокруг ядра, не дает им упасть на него, как и центробежная сила Земли мешает ей упасть на Солнце.

Если провести параллель между этим крошечным миром — атомом и нашей солнечной системой, то получится довольно интересное сходство: ядро атома занимает такое же место, как наше солнце: электроны — тела, вращающиеся наподобие планет вокруг него.

Но, вместе с тем, есть много различий: так, расстояние электронов от ядра, сравнительно с их величиной, больше, чем расстояние планет от солнца, а скорость вращения электронов — несравненно больше, чем скорость планет.

В настоящем рассказе автор развивает сходства и делает занимательные выводы о строении вселенной.

Профессор Роберт Свенсон был мой друг детства. В молодости это был веселый, жизнерадостный человек, и мы с ним жили душа в душу. Но меняются времена, меняются люди. Кто бы мог узнать его теперь — тихого, даже угрюмого человека с вечно задумчивыми глазами! О, эти глаза! Где бы он ни был: читал ли лекции перед многочисленной аудиторией, или беседовал с товарищами-профессорами, — всегда эти глаза были устремлены куда-то вдаль, в пространство, через головы слушателей... Говорил он всегда медленно, тягуче. Жил замкнутой жизнью в загородной вилле и, кроме университета, почти нигде не бывал. Глядя на этого человека, ни за что нельзя было подумать, что он когда-то был жизнерадостным, и жизнь была в нем ключом...

Нужно заметить, что уже давно носились слухи, будто он непрерывно работает над каким-то изобретением, но в чем оно заключалось, никто не мог дать мало-мальски определенный ответ... Тем не менее нельзя сказать, чтобы этим слухам не верили — ведь Свенсон был загадкой. Нередко, зная, что я раньше был очень близок к нему, профессора донимали меня расспросами. Они думали, что я знаю что-либо по этому поводу. Я, конечно, только мычал и отнекивался, что еще более возбуждало их интерес. Нечего и говорить, что я был заинтересован не менее их в опытах моего друга. И вот, представьте мою радость, когда, однажды вечером, Свенсон по телефону пригласил меня к себе. От волнения я едва не выронил телефонную трубку и прямо спросил:

— Это по поводу изобретения?

Продолжительное молчание и, наконец, короткое:

— Да.

В одну минуту я был одет и помчался в первом попавшемся авто за город, по направлению к вилле Свенсона.

Свенсон крепко пожимал мои руки и улыбался, глядя добродушными, веселыми глазами. Это уже не был задумчивый, угрюмый ученый — это был тот самый Свенсон, которого я так привык видеть в детстве. Я был удивлен происшедшей с ним переменой и сказал ему об этом. Он весело рассмеялся. Признаюсь, у меня даже проскользнула было мысль о его безумии. Он, угадав эту мысль, обратился ко мне:

— Ты не думай, Эдуард, что я сошел с ума. Я, право, теперь готов расцеловать каждого встречного... Я ведь пригласил тебя по поводу моего изобретения и...

— Вот, вот — по поводу изобретения, — подхватил я.

— ...и открытия, которое удалось сделать при помощи изобретенного мною аппарата, — продолжал Свенсон. — Я сейчас не буду говорить тебе ни слова об устройстве аппарата — это ни к чему. Когда будут установлены некоторые части, в том числе и предохранительный клапан, над которым работают мои ассистенты, тогда я приглашу всех наших уважаемых коллег и объясню все подробно. А сейчас я тебе покажу то, что уже достигнуто мною. Но позволь задать тебе один небольшой вопрос: что, по-твоему, было бы, если бы весь мир, который нас окружает, включая и нас самих, внезапно уменьшился в неисчислимо количество раз, то есть наша Земля стала бы не более электрона, Солнце — протона и т. д. Возможно было бы тогда существовать на Земле и произошли бы какие-нибудь изменения?

Я задумался, но думал не столько над вопросом, сколько над тем, куда Свенсон клонит. Наконец, отве-

тил, что теоретически, пожалуй, изменений никаких не должно произойти, но на самом деле...

— А на самом деле, — перебил Свенсон, — и тем более! Ты скоро это увидишь своими глазами и тогда, конечно, убедишься, что это так.

Мне показалось, что мой приятель, действительно, сошел с ума. Я попытался возражать:

— Но...

— Никаких «но»! Чем ты докажешь, что наша Земля не есть лишь ничтожная пылинка, затерянная во вселенной, на которой, по счастливой случайности, зародилась и эволюционировала жизнь и... и ее населяют такие тупоголовые субъекты, как ты, дорогой Эдуард, которые воображают, будто эта пылинка — все! Чем ты докажешь, что наша солнечная система не атом? Ничтожный атом!

Помолчав и немного успокоившись, он продолжал с оттенком раздражения в голосе, точно разъясняя недогадливому ученику сказанное:

— Величину надо понимать относительно, как и движение. Если движется, например, поезд, то его движение будет таковым в отношении к земной поверхности; Земля же, в свою очередь, имеет вращение вокруг оси и движется вместе со всей солнечной системой. С величиной то же самое. У нас величина измеряется и воспринимается относительно величины Земли, солнечной и звездной систем. А что представляет собой хотя бы наш Млечный Путь со всеми звездами, в том числе и с нашим солнцем? Не представляет ли он из себя лишь крошечную молекулу высшей материи? Кто решится утверждать обратное?..

— Во всяком случае, не ты со своим «но»! — закончил Свенсон после небольшой паузы, испытующе посмотрев на меня. Он был возбужден до крайности. Я

понял, что спорить в такую минуту с ним не стоит, и только скромно заметил, что как это, так и обратное доказать очень трудно.

— Но возможно! — подхватил Свенсон.

— Может быть, но насколько мне известно, до сих пор это еще никому не удалось.

— А мне известно, что удалось! — с ударением произнес Свенсон.

Вероятно, на моем лице достаточно ясно отразилось недоумение, так как он сейчас же прибавил:

— Да, удалось. И для того я позвал тебя, чтобы ты сам мог воочию убедиться в этом.

Свенсон подал мне лупу. В нее я увидел какую-то пылинку на тонком острие...

Свенсон толкнул узенькую дверь, и мы вошли в необычайно крошечную каморку. Полый цилиндр из довольно толстого стекла соединял противоположные ее стены.

— Ты видишь что-либо внутри цилиндра? — спросил Свенсон.

Я пристально всмотрелся.

— Какое-то очень тонкое острие.

— А на острие?

— Право, ничего не вижу.

Он подал мне лупу.

— Посмотри теперь.

— Вижу какую-то пылинку.

Свенсон взял меня за руку.

— Довольно, теперь пойдем дальше...

Если бы не чересчур высокий потолок да не огромный, во всю стену, металлический экран, то просторная зала, в которую мы вошли, не представляла бы собой ничего особенного. Впрочем, внимательно осмотревшись, можно было в стене, напротив экрана, заметить небольшое круглое отверстие, на высоте приблизительно двух с половиной метров от пола, да несколько небольших рычажков чуть пониже. Это — все, что я успел увидеть.

Свенсон предложил мне сесть в стоявшее в сторонке кресло и, попросив обождать, побежал к рычажкам. Что он там делал, я не видел. Наконец, он обернулся и поднял руку:

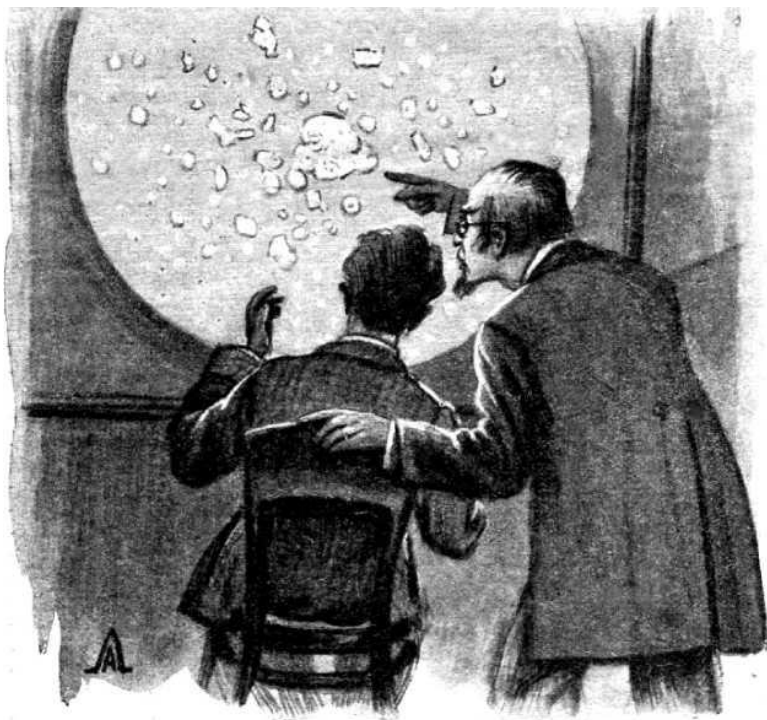
— Внимание!

Я насторожился. Свет погас. Наступила напряженная тишина. Но вот откуда-то донеслось еле слышное жужжание, будто над головой закружил москит, и вдруг из отверстия брызнул сноп лучей. Экран засветился невообразимо красивым голубым светом, на

фоне которого медленно вырисовывался большой, пористый, бесформенный кусок.

— Это пылинка, которую ты смотрел недавно! — пояснил неслышно подошедший сзади Свенсон.

Я не мог удержаться от возгласа удивления — такого увеличения я не представлял себе, — но сейчас же, с удвоенным вниманием, впился взглядом в экран. Кусок медленно расплывался... Уже нельзя было назвать его цельным — вместо него появилось несметное количество отдельных туманных пятен, медленно двигавшихся в разных направлениях.

На экране уже не было цельного куска, вместо него появилось несметное количество отдельных туманных пятен, медленно двигавшихся в разных направлениях...

— Как видишь, уже видны отдельные молекулы. Они движутся довольно медленно, ибо температура пылинки близка к абсолютному нулю, — продолжал Свенсон.

Я невольно сравнил эти туманные пятна с туманностями, виденными мною однажды в телескоп, и, признаюсь, сходство было поразительное.

Жужжание постепенно стало громче; теперь казалось, что по комнате летала большая муха. Пятна делались все больше и больше и, вместе с тем, их в пределах экрана становилось меньше. Наконец, весь экран заняла одна сплошная туманность, которая продолжала так же медленно, но неуклонно расширяться. И вдруг... Перед глазами уже не существовало цельного пятна: оно превратилось в рой крошечных круглых шариков, медленно двигавшихся...

— Как видишь, молекула пылинки, — объяснял Свенсон, — представляет собой нечто, похожее на туманности, виденные на небе, которые в большинстве тоже представляют далекие скопления звезд, наподобие Млечного Пути. Каждый отдельный шарик — ядро атома — представляет из себя как бы звезду, только, конечно, уменьшенную в неисчислимо количество раз.

— Это гениально! — воскликнул я, пораженный его словами. — Но все-таки этого не может быть!

— Смотри, — невозмутимо продолжал Свенсон, не обращая внимания на мои слова. — Многие шарики светятся. Они раскалены, как наши звезды, их температура меньше температуры звезд во столько раз, во сколько они сами меньше звезд. Я говорю это не наобум, я вычислил, измерил ее так же, как измерена температура звезд, но при помощи более чувствительных приборов...

Жжж... жжж... жжж...

Казалось, монотонно и надоедливо басил шмель. Теперь экран представлял собой усыпанное звездами небо, но как я ни всматривался, я не находил ни одного знакомого созвездия — то было другое небо, далекое, незнакомое...

— Да, это далекое небо, — как бы читая мои мысли, говорил Свенсон. — Но, друг мой! — голос ученого сделался звонким, торжественным. — И под этим небом также есть живые существа и даже разумные существа. Ты их скоро увидишь, и тогда ты узнаешь, что вселенная действительно бесконечна, и познаешь эту бесконечность.

Я не видал Свенсона, но ясно представлял себе его величественную фигуру с горящими глазами. Сердце мое запрыгало от непонятной необузданной радости. Хотелось броситься к нему, пожать руку, расцеловать... Но экран словно приковал меня, и я не мог оторвать от него взгляда. Между тем, светившиеся шарики все росли и росли. Несколько минут спустя на экране их было всего несколько штук, величиной с яблоко. Потом всего три. Наконец, когда в левом углу экрана оставался один блестящий шар, величиной с дыню, я с удивлением заметил несколько штук темных крупинок, разбросанно тянувшихся за светилом.

— Электроны, — заметил Свенсон. — Они, как известно, представляют собой тела, вращающиеся вокруг ядра атома, наподобие нашей Земли и вообще планет, также вращающихся вокруг ядра солнечной системы — Солнца. Некоторые вращаются быстро, другие медленнее. При этом характер их притяжения тот же, что и у планет. До сих пор электроны считали неоднородными, то есть состоящими из того элемента, к которому принадлежит тело. Но это было неверно. На самом

деле, когда в 1924 году Мите и Штамрейх нашли способ оторвать от атома ртути, имеющего 80 электронов, один электрон, то получился уже не атом ртути, а атом золота, имеющий 79 электронов. Изменилось ли от этого вещество отдельных электронов? По-видимому, нет. Если хочешь, то на самом деле все 94 элемента — это не отдельные элементы, однородные вещества, а лишь видоизменения, обуславливаемые количеством электронов в атоме одного и того же «основного элемента». Я позабыл, — спохватился Свенсон, — сказать тебе, что пылинка, которую мы рассматривали, — это пылинка «основного элемента». Как я добыл ее, расскажу тебе после.

Голос Свенсона почти заглушался таинственным шумом, по своей силе напоминавшим теперь гудение пропеллера.

На экране неясно расплывалась масса одного электрона, и, по мере увеличения, начали появляться кое-какие подробности на поверхности этой микроскопической планеты.

Появились светлые пятна, беспорядочно разбросанные на темном фоне, причем на одной и другой стороне шара виднелись белые пятнышки, похожие на полярные «шапки» Марса.

Казалось, сама вселенная раскрывала свои сокровенные тайны. Перед нами раскрывалось строение крошечного мира — микрокосма, — и как он был похож на тот большой мир, незначительную частицу которого представляет Земля! «Большой» мир... Но кто знает, может быть, и прав Свенсон, говоря об относительности величин!..

Перед глазами, занимая весь экран и далеко уходя за его пределы, расстилалось светлое и, по мере увеличения, темневшее пятно.

— Один из материков, — прокричал мне на ухо Свенсон.

Я, не отрываясь, кивнул головой. Поверхность быстро приближалась; казалось, будто стремительно падаешь вниз. Летчики, быстро спускающиеся с заоблачных высот, испытывают, вероятно, то же самое ощущение... Я инстинктивно-крепко ухватился за ручки кресла...

Вот какие-то неопределенные линии, квадраты... Ниже — невиданной архитектуры и красоты циклопические постройки. Все ближе и ближе несутся зубчатые, ярко отливающие золотом конусы крыш... Кругом необычайно высокие, ярко-зеленые растения, похожие на папоротники... На одно мгновение, между нами и ближайшей крышей, появляется — похожий на гигантского допотопного птеродактиля — странной конструкции летательный аппарат... Затем он стремительно исчезает из поля зрения... Мне показалось, что я видел на нем странное существо: голое, с желтой, как лимон, кожей, похожее на большую, скорчившуюся обезьяну...

Прямо перед нами — заостренные блестящие зубцы крыш... Я невольно отпрянул назад... Вдруг... что это? Какая-то вспышка, словно молния, осветила залу. Затем наступила абсолютная тьма. Вместе с тем неожиданно прекратился и таинственный шум...

Я услышал или, вернее, почувствовал, как метнулся к рычагам Свенсон. Ничего не соображая, я вскочил и бросился туда же.

— Что случилось?

— Проклятие!.. Предохранитель... Беги отсюда!..

— Но, может быть, я что-либо тебе по...

Ужасный взрыв не дал мне договорить. Со страшной силой меня отбросило обратно к креслу...

...Ужасный взрыв не дал мне договорить...

Не помню, как выбрался я из виллы Свенсона, как меня подобрала приехавшая вместе с пожарными карета скорой помощи...

Только через месяц я выписался из больницы, и в тот же день побывал на том месте, где некогда нахо-

дилась вилла профессора Свенсона. Мрачное пепелище встретило меня угрюмо и холодно...

Я ничего не сказал коллегам-профессорам по поводу открытия Свенсона — у меня не было доказательств. Чтобы добыть их, я нанял артель рабочих, но, перекопав каждую пядь пепелища, не нашел ничего ценного для разгадки изобретения моего друга.

Кстати, уважаемые коллеги не слишком горевали о Свенсоне — они никогда не знали его, как товарища. Для них он был загадкой, которую им так и не удалось разгадать...

В. ЯЗВИЦКИЙ

ВОЗДУШНЫЙ КОЛОДЕЦ

Фантастический рассказ

НА ТЕМНОМ небе давно уже пылали крупные звезды, когда наш караван выступил из Мервского оазиса. После невыносимо знойного и душного дня теперь было холодно, и мы кутались в ватные одеяла, предусмотрительно оставленные в автомобиле. Наша трехосная машина, шедшая во главе каравана, медленно подымалась и опускалась по горбам рыжевато-го песка, кое-где поросшего сухими и тощими зарослями саксаула.

Это была вторая экспедиция академика А. И. Хохлова, но я ехал с ним впервые. Сам Александр Иванович и его ближайший помощник Лавров спокойно дремали, как дремлют в вагонах железной дороги или на станции, ожидая поезда. Вся обстановка пути была им давным-давно известна, но я, забывая о сне, смотрел на все жадными и любопытными глазами.

Я долго любовался необычно ярким блеском звезд и особенно Млечного пути, который, казалось, весь дышал и шевелился, протянувшись белоогненным змеем над похолодевшей пустыней. Порой мне чудилось, будто я углубляюсь в какие-то бездны, открывшиеся над бескрайней песчаной равниной. Мысли сами собой вспыхивали в голове и легко разворачивались в целые рассуждения.

— Вот почему, — думал я, — все народы пустынь богаты поэтами и созерцателями, вот почему в пустынях создавались все древнейшие мифы и легенды.

Я сам был готов уже превратиться в мечтателя, но треск следовавшего за нами тракторного поезда мешал этому. Я оглядывался назад, и в синем мраке ночи ясно видел черные силуэты нашего «автокаравана», как в шутку звал его Хохлов. Это было странное и небывалое для пустыни зрелище.

Следом за нашим автомобилем упорно полз могучий трактор на гусеничном ходу и тащил четыре платформы на особых трубообразных колесах. Благодаря этому казалось, что каждая платформа катится на двух толстых бревнах. На тракторе помещалась динамомашина и цистерна с водой. На первой платформе фантастическими скелетами торчали грузоподъемный кран и похожий на него станок электролопаты. Там же была лебедка и толстые трубы пескососов. На второй платформе был массивный бак с горючим для машин, груды щитов, решеток и связок из длинных кольев. Третья и четвертая платформы были нагружены огромными отливками из бетона и бочонками с цементом. Позади них, один за другим пыхтели и стучали еще два «автокаравана» с бетонными отливками. Все это в сопровождении длинноногих верблюдов неотступно следовало за нами и стрекотало среди ночной тишины гулкими хлопками мотора, как гигантская саранча. Привыкшие к машинам верблюды шли спокойно, и только фыркали от бензинной гари, презрительно отворачивая морды.

Больше я ничего не мог разглядеть среди мрака, и, полюбовавшись опять некоторое время звездным небом, решил дремать до утра. Целью нашей поездки была довольно обширная ложбина, лежащая между

колодцами Чешме и Яндоклы, через которые идут караванные дороги в Хиву. Нам предстояло сделать еще километров сто, так что времени для сна было вполне достаточно, и я незаметно для самого себя последовал благому примеру остальных спутников.

Я проснулся от яркого света, бившего мне прямо в лицо. Открыв глаза, я увидел огненно-красное солнце, лежавшее, как гигантский шар, среди багровых песков. Привыкнув к яркому блеску, я впервые разглядел пустыню во всем ее величии. На сотни километров вокруг, как застывшие волны, стояли песчаные холмы, а гребни их дымились слабыми желтоватыми дымками. Это еле заметный предрассветный ветерок непрерывно сдувал песчаную пыль с верхушек барханов.

Осторожно, чтобы не разбудить своих спутников, я приподнялся на сидении и залюбовался своеобразной сменой утренних красок. От нашего «автокаравана» тянулись длинные причудливые тени и, выгибаясь, ползли по волнам песка. Расплеснувшись до горизонта, эти неподвижные волны невольно приковывали взгляд. Они так же влекли к созерцательным грезам, как огромные, искрящиеся по ночам звезды.

— Так вот она, пустыня Кара-Кум, — прошептал я невольно.

Что-то гипнотизирующее было в окружающей суровой, но великолепной обстановке, и почему-то хотелось тишины, хотелось прекратить надоедливое и гулкое стрекотание машин. Их шум резко противоречил пустоте и безжизненности песчаного моря, казавшегося еще более мертвым от сухих и безлистных саксауловых деревьев.

— Что, любуетесь барханами? — услышал я голос проснувшегося Хохлова, — ишь, как задымили!

Александр Иванович щелкнул портсигаром, закурил папиросу и сам задымил, как бархан.

— Да, батенька мой, — продолжал он, — тут есть что посмотреть, но пустыню вы только тогда узнаете, когда ее своими ногами потопчете.

Мы вступили в беседу о предстоящих работах, а вскоре проснулся и Лавров. Он посмотрел на солнце и заметил:

— Здорово я поспал, почти полдороги проехали.

Мы начали вычислять время нашего пути.

— В среднем мы делаем, — считал Лавров, — не более семи километров в час. Выехали из Мерва в девять вечера, проедем около пятнадцати часов, а на месте будем около полудня. Так, Александр Иванович?

— Все это так, — заметил Хохлов, — но я боюсь, целы ли наши прошлогодние щиты? Если они попали кому-нибудь на топливо или поделку, то нам и пескососам будет работа...

— Глядите, глядите, — перебил его Лавров, — наш шофер совсем клюет носом. Я иду ему на смену.

Он перелез к шоферу Иванову и завладел рулем. Туда же перебрался и я. Полусонный Иванов улегся на наши места и тотчас же пустил густой храп.

Между тем, солнце начинало здорово припекать, барханы становились крупнее, и передвижение по их сыпучим склонам становилось затруднительным. Приходилось не раз пускать в ход решетки и лебедку, что требовало значительного времени. Подымаясь на один из наиболее крупных барханов, мы увидели группу всадников. Они мчались во весь опор, окружая кучку, видимо, похищенных у кого-то верблюдов.

Весь наш верблюжий караван пришел в неописуемое волнение...

— Барантачи! — закричал проводник Ахмет, — барантачи!¹⁾

Весь наш верблюжий караван пришел в неописуемое волнение. Туркмен Ахмет, два его соплеменника и три киргиза были богатыми скотоводами, а потому мы имели случай видеть гнев возмущенных собственников во всей его ярости.

Когда суматоха прекратилась, к нам подъехал Ахмет, качаясь на своем огромном одногорбом верблюде. Изображая на лице ужас, он сообщил, что, по слухам, около места нашей будущей стоянки толчется много всякого сброда, что лучше туда не ездить.

— Они могут, — добавил он, — не только карабчить, но и убить...

Но это сообщение не произвело на нас никакого впечатления, так как шайка барантачей бежала от одного только треска наших моторов. Во всяком случае, всадники и их живая добыча более чем поспешно

1) Барантачи — похитители, воры.

2) Карабчить — украсть.

скрылись с глаз, затерявшись среди барханов. Однако Александр Иванович нахмурился.

— Правда, наши „карандаши“¹⁾ любят приврать, — мрачно проговорил он, — но теперь они никуда не поедут одни, и нам придется сидеть без свежей пищи, без газет и писем...

В этот момент Лавров резко затормозил машину и дал тревожный гудок. Я взглянул вперед. Внизу, у подножия нашего песчаного холма, расстилалось большое озеро, сверкающее в лучах солнца. Я невольно ухватился за дверку автомобиля. Мы легко могли скатиться в воду и застрять там с машинами навсегда. Опять к нам подскакал Ахмет.

— Су, кардаш?²⁾ — крикнул ему Лавров, — су!

— Кайда су?³⁾ — смеялся Ахмет, показывая белые крепкие зубы, — эта шор, кардаш! Якши барам, чох барам⁴⁾...

— Вот и я обознался, — улыбнулся Александр Иванович, — даже надо мной, старым волком, пустыня сыграла шутку.

Смеясь и балагуря, мы стали спускаться в шор, то есть в сравнительно небольшую впадину, покрытую кристаллическими отложениями сырой еще соли, слои которой издали удивительно похожи на воду. Мы прекрасно проехали по солончаку и благополучно выбрались. За шором начался сухой глинистый грунт, который великолепно выдерживал нагрузку наших машин. Теперь нам все чаще и чаще стали попадаться такыры⁵⁾.

1) Карандаши — в шутку исковерканное слово кардаш, что значит приятель.

2) Су, кардаш — вода, приятель.

3) Кайда су? — где вода?

4) Якши барам, чох барам — хорошо пройдем, прекрасно пройдем.

5) Такыры — сухие солонцы.

По твердому грунту мы подвигались гораздо быстрее, что было весьма кстати, так как солнце начинало сильно палить, губы сохли и трескались, а желудок требовал своей обычной порции пищи.

На место своей стоянки мы прибыли, вопреки нашим вычислениям, с большим запозданием. Сипучие пески барханов и укладка решеток для прохода машин отняли у нас немало времени и сил. Но теперь все было кончено, и замолчали даже моторы наших машин. Мы расположились лагерем на довольно обширной площади в несколько гектаров величиной. Она была окружена несколькими рядами различного рода щитов, укрепленных здесь еще в прошлом году по указанию Хохлова. Этот кусок сухого, но плодородного суглинка мы должны были отвоевать у пустыни.

Я стоял у смолкнувшего трактора и осматривал местность, но, главное, отдыхал от машинного шума. Невыразимо приятной казалась мне тишина, которая как бы разливалась по необъятному простору песчаной равнины. После непрерывного треска моторов, державшего нас в каком-то напряжении, теперь я беспрепятственно мог слушать молчание пустыни. Человеческие голоса, звон бубенчиков на верблюдах, стук дерева разгружаемой юрты, шум шагов и прочие звуки от стройки нашего лагеря нисколько не нарушали этого безмолвия. Наоборот, все звуки теперь как бы терялись таяли во всеобъемлющей тишине.

Впервые чувствуя странную власть пустыни, я задумчиво пошел к ближайшему ряду щитов, около которых степные ветры насыпали пока еще небольшие барханчики. Было приятно, но в то же время и уто-

мительно ступать по скопившемуся местами песку. Почва мягко и податливо расступалась под ногами, и ощущение земной тверди непривычно исчезало.

Бродя вдоль щитов, я заметил в одном месте странный комочек песку. При моем приближении этот комочек вдруг встрепенулся, и в момент его движения ясно обрисовалась фигурка ящерицы песочного цвета. Она быстро и беззвучно побежала по песку и через мгновение исчезла, почти утонув, точнее, зарывшись в песке.

Далее я увидел комочек побольше, напоминавший островерхую кочку. Этот комочек тоже неожиданно встрепенулся, вспорхнул вверх, и на фоне тусклого знойного неба превратился в пустынного жаворонка.

Увлеченный подобными наблюдениями, я приблизился к наружным щитам и невольно остановился около трещины в сухой глине... Там отвратительно копошился продолговатый паук-фаланга, величиной с большую мышь. Тело его, черного цвета, все покрытое длинными рыжими волосами, резко выделялось на глине. Отвратительная гадина, не переставая, шевелила огромными челюстями, похожими на клешни. Делая время от времени остановки, она медленно ползла вдоль щели.

— Какой клад нашли?.. — весело спросил подошедший ко мне Иванов.

Я молча указал ему на огромного паука в трещине суглинка.

— Ну, и зверюга, — заметил он, — этакий чорт сразу полпальца отхватит...

В это время в пустыне послышался топот от множества ног. Мы смолкли и тревожно переглянулись. К нам мчалось с большим шумом облако пыли. Казалось, целый эскадрон во весь карьер летит прямо на нас. Мы

невольно сделали движение, готовясь бежать, но нападающие внезапно остановились. Тяжелая песчаная пыль быстро рассеялась, и мы увидели вблизи себя антилоп - джейранов.

*Вытянув свои изящные головки, они
несколько секунд смотрели на нас.*

Вытянув свои изящные головки, украшенные у самцов витыми рожками, они несколько секунд смотрели на нас своими большими и красивыми глазами. Не успели мы опомниться, как быстроногие джейраны снова взбили облако пыли и скрылись в пустыне.

Мы опять переглянулись с Ивановым и расхохотались.

— Ну и труса мы отпраздновали, — проговорил я, — рогатой кавалерии испугались...

— Смотрите, — перебил меня Иванов, указывая на то место, где была фаланга.

Я еще до слов Иванова уловил сбоку какое-то быстрое движение, заметив, как что-то черное метнулось в сторону. Это быстро прыгнула фаланга и, вскочив на

ящерицу, вонзила ей в затылок свои ужасные челюсти. Ящерица рванулась под своим врагом, но тотчас же бессильно задрожала лапками и хвостом. Фаланга разгрызла ей череп и кусками рвала ее мясо. Было жутко смотреть на звериное обжорство кровожадной гадины.

Иванов не выдержал.

Подбегая к фаланге, он финским ножом рассек ее надвое.

— Ах ты, дьявол проклятый, — крикнул он и, подбежав к фаланге, финским ножом рассек ее надвое.

Молча мы вернулись к своей стоянке, где была установлена уже юрта и подготавливалась к работе электрическая лопата.

В первые же сутки нашего пребывания в пустыне электрическая лопата, работая непрерывно весь день, сделала необходимую выемку в сухой и твердой глине. Александр Иванович сиял от радости, весело щелкая портсигаром и закуривая папиросу от папиросы.

— Все идет отлично, — повторял он, посмеиваясь, — скоро наши карандаши будут нас чтить больше, чем Моисея с его чудесным источником.

Действительно, — предполагалось удивить не только «карандашей», как в шутку называл наш академик туркменов и киргизов. Дело в том, что Александр Иванович думал не более, не менее, как заставить течь воду в сухой пустыне прямо из воздуха. Этот изумительно смелый план был основан на следующих соображениях.

Как известно, земная атмосфера содержит в себе большое количество водяных паров. Хохлов высчитал, что одна тысяча кубических метров воздуха может выделить из себя около одного килограмма воды.

— Если построить прибор, — говорил Александр Иванович, — с постоянным притоком свежего влажного воздуха и суметь извлекать из него влагу, то воздух можно в буквальном смысле слова сделать источником прекрасной воды.

Я в то время еще не совсем ясно представлял устройство воздушного колодца, и потому с нетерпением ждал, когда он будет сооружен. Расспрашивать же Александра Ивановича было неудобно. Занятый своими мыслями, он старался отделяваться шутками от всяких вопросов.

— Кончим все наши испытания, — обычно отвечал он, — тогда не только беседовать, но и плясать будем от радости...

Будучи случайным спутником экспедиции, я старался быть полезным, чем мог. Вместе с Ивановым я взял на свое попечение всю хозяйственную часть. Мы были поварами и составляли охрану лагеря, кстати присматривая и за нашими „карандашами“. Самым добросовестным образом мы готовили довольно фан-

тастические кушанья из консервов, сушеного мяса и всякого другого дорожного продовольствия. Еще добросовестнее мы наблюдали за цистерной с водой, оберегая, как зеницу ока, каждую каплю. Вода была у нас на учете, как в осажденной крепости.

В свободные часы я изучал пустыню, ловил ящерок, змей, скорпионов, фаланг, жуков и пауков, замуровывая в банки с цианистым кали или погружая в спирт. Иногда мне удавалось видеть тушканчиков, но в мою коллекцию попал только один, шкурку которого для набивки чучела я передал потом в зоологический музей. Эти скромные занятия зоолога-любителя и роль домашней хозяйки, как ни странно, более всего заинтересовали наших суеверных «карандашей»

Они признали меня хозяином экспедиции, а мои занятия — колдовством. Я превратился при помощи их наивного воображения в «таксыр-шайтана», то есть в человека-дьявола.

Как потом выяснилось, учет и распределение пищи и особенно воды делало меня в их глазах господином над всеми остальными членами экспедиции. Они полагали, что и сам Хохлов выполняет только мою волю. Цель экспедиции они поняли тоже очень своеобразно. Они поверили рассказам одного фанатика муллы, что мы хотим заколдовать все воды пустыни, осушать и наполнять ее колодцы по своей воле, сделав, таким образом, туркменов и киргизов своими вечными рабами. Они были убеждены, что мы со временем отберем от них не только весь скот, но даже и степи. Все это сделало их нашими скрытыми врагами, коварно готовившими нам всякие неприятности.

Однако я не буду забегать вперед и вернусь к рассказу о первых признаках печальных событий. Это началось на пятый день наших работ. Выемка, сделан-

ная электрической лопатой, была уже выложена бетонными плитами и залита цементом. Мы приступали к возведению массивных стен воздушного колодца. Был заложен для них фундамент из огромных бетонных отливок, которые с платформы подавались электрическим краном прямо на место кладки. Словом, все работы шли полным ходом, когда наши «карандаши», боявшиеся выезжать из лагеря, неожиданно осмелели и вызвались съездить за почтой и свежей провизией. Мельком я заметил, что они очень спешат и особенно как-то суетятся, но отнес это за счет их восточного темперамента. Накануне же их отъезда я проснулся от громкого шепота и выглянул из своей палатки, где спал вместе с Ивановым. Наши «карандаши» сидели кружком около Ахмета и с жаром что-то говорили то по-одному, то по-двое или по-трое, то все разом. Из этих горячих и страстных обсуждений я понял только несколько часто повторявшихся слов: «таксыр-шайтан» и «су». Первое было моим прозвищем, а второе означало воду.

Я не придавал значения этой ночной суматохе, а после отъезда нашего верблюжьего каравана совсем забыл о ней, тем более, что с нами оставался главный проводник Ахмет. Однако на следующую ночь меня снова разбудил такой же страстный шепот. Откинув полу палатки, я увидел в тени трактора Ахмета и двух незнакомых туркменов, один из которых был, несомненно, духовным лицом.

Я протер глаза, убедился, что не сплю, но, прежде чем смог что-либо предпринять, незнакомцы, крадучись, отошли от Ахмета, и с быстротой ящериц скрылись среди барханов. Немного погодя, я услышал отчетливый топот не то коней, не то верблюдов. Мне это определенно не понравилось. Утром я рассказал обо

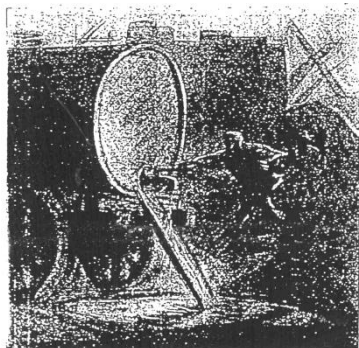
всем Иванову, который раньше служил на железной дороге в Кызыл-Арвате и довольно хорошо знал нравы туземцев. Мы приняли кое-какие меры, решили быть настороже и лечь спать, не раздеваясь. С наступлением темноты мы забрались в палатку, приготовили оружие и разместились так, чтобы можно было видеть весь лагерь.

Ночь на этот раз была особенно холодна. И я, усталый и разморенный после знойного дня, быстро задремал под своим ватным одеялом. Через час я проснулся от легкого шуршанья песка. Я приоткрыл полог палатки и, не будя Иванова, долго прислушивался к тишине ночи. Ничего подозрительного не было. Чтобы не спать, я стал рассматривать звезды, но, видимо, вскоре заснул.

Снова я проснулся незадолго до рассвета. — Стало совсем холодно, небо побледнело, кругом ползли странные полутени. Казалось, таяли какие-то сумеречные глыбы, делались все прозрачней и совсем исчезали. Поглощенный картиной рассвета, я первое время не обращал внимания на ритмичные звуки, которые гулко раздавались где-то недалеко от меня. Потом я прислушался. Было похоже, что откуда-то время от времени падают тяжелые дробинки, ударяясь в песок. Немного погодя я стал различать слабое журчанье. У меня захватило дух, я почувствовал, что бледнею.

— Вода капает, — закричал я не своим голосом и выскочил из палатки.

Проснувшийся Иванов выбежал вслед за мной, держа наготове винтовку. Около цистерны перед нашими глазами блеснула большая лужа. Вода широко

Мы бросились к цистерне и быстро закрутили кран.

кой, но почти беззвучной струей бежала из крана по подставленной доске, с которой звонко падали крупные капли. Мы бросились к цистерне и быстро закрутили кран, который, к счастью, не вынимался из гнезда. Иначе враги могли его куда-нибудь забросить.

После ряда постукиваний по цистерне Иванов установил, что воды вытекло около трети того количества, которое имелось накануне. Покончив с осмотром цистерны, мы обошли весь лагерь, но нигде не обнаружили никаких повреждений. Ахмет и его верблюды исчезли.

— Тэ-эк-с, — проговорил Иванов, — ловко! Я думал, что мы попали в осаду. Жаль, что я спал во время нашей поездки, когда появились барантаци. Я уверен, что еще тогда наши кардаши начали нас разыгрывать. Ясно, что все они одна шайка, вроде басмачей. Мало держать ухо остро.

Мы стали говорить о самообороне. Оказалось, что у нас всего одна винтовка, один дробовик, который можно заряжать круглыми пулями, и пять револьверов. Для защиты лагеря этого было, пожалуй, достаточно, но у нас могло не хватить съестных припасов, а главное — воды. Наши враги, поэтому, прежде всего хотели опустошить нашу цистерну. Боевых единиц у нас было четырнадцать: Хохлов, Лавров, я, Иванов, три шофера с тракторов, три механика и четверо рабочих-каменщиков. Туземцы при отсутствии у них хорошего оружия были нам не страшны. В крайнем случае, мы всегда могли пробиться в Мерв.

— Будить Александра Ивановича? — спросил Иванов.

Вместо ответа, тот вылез из юрты собственной персоной, а через десять минут весь наш лагерь был на ногах. Образовалось нечто вроде военного совета. Тем временем, Александр Иванович обследовал цистерну с водой, и, пока обсуждали планы защиты на случай различных нападений, молча производил какие-то вычисления. Потом весело щелкнул портсигаром и закурил папироску.

— Вот что, товарищи, - сказал он, смеясь, — не так страшен чорт, как его малюют! Чорт с ними, с карандашами! Я кое-что придумал. Воды нам хватит...

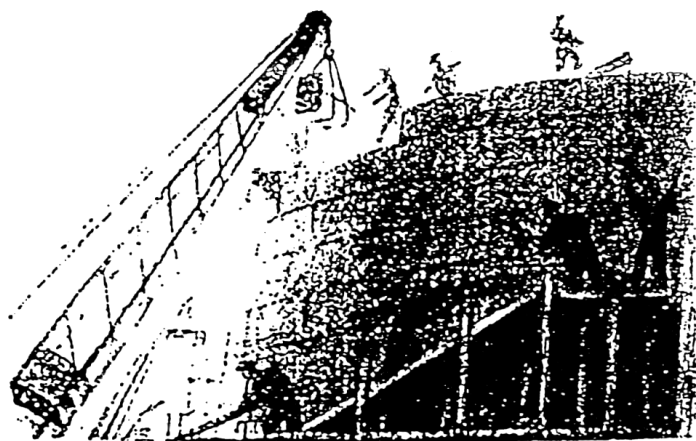
Он предложил производить работы вдвое скорее, то есть работать днем и ночью в три смены по четыре человека. При наличии машин и точной, заранее сделанной подгонке частей отливок это было вполне возможно. Кроме того, сплошное бодрствование при непрерывной работе делало ненужной специальную стражу для охраны лагеря. Это значительно упрощало задачу.

Впрочем, у нас был и другой выход из создавшегося положения. Мы могли тотчас же поехать в Мерв и вернуться назад с запасом воды. Но этот план, облегчая наше личное положение, почти губил все предприятие. Воздушный колодец был почти готов, и требовал для своего окончания всего несколько дней. Как я упоминал, все отливки были заранее подогнаны, и наша работа сводилась только к сборке. В то же время слабым местом стройки было отсутствие запасных частей, — все было отлито в одном экземпляре. Этим мы рисковали погубить всю нашу работу, так как невежественные туземцы могли без нас разрушить башню колодца. Но и помимо этих соображений у всех нас по-

явилось особое упорство, если хотите, азарт борьбы. Впрочем, борьба эта значительно облегчалась тем, что главную работу выполняли машины. Они легко переносили и устанавливали отливки в пять метров толщиной. Каменщики должны были только спаивать их цементом, чтобы сделать совершенно непроницаемыми для воздуха.

— Мы должны во что бы то ни стало, — говорил Хохлов, — победить сухую пустыню на глазах этих «карандашей», и тем самым просветлить их мозги.

Иванов горячо поддержал Александра Ивановича и добавлял, что всякое, даже вынужденное отступление от намеченной цели «карандаши» сочтут за наше поражение. При одной мысли о таком исходе дела мы загорелись энтузиазмом, и единодушно все девять человек, затерянные среди жгучих песков, громко прокричали „ура“, делая смелый вызов грозной пустыне и всем ее обитателям.

Над резервуаром, выкопанным в сухой глине, уже возвышались толстые бетонные стены яйцевидной формы.

НАШИ мучения начались через два дня после вероломного поступка «карандашей». К этому времени воздушный колодец был почти закончен. Над резервуаром, выкопанным в сухой глине и прекрасно цементированным, уже возвышались толстые бетонные стены яйцевидной башни, которую оставалось только увенчать куполом.

Почти у самой вершины этой башни был проложен со всех сторон тройной ряд труб. Ряды этих труб лежали один над другим, имея наклон вовнутрь башни. Через них должен был поступать в башню сильно нагретый, но все же содержащий влагу воздух пустыни. Подножье башни у ее фундамента опоясывал один ряд таких же труб, как и у вершины, но с наклоном наружу, для выхода охладившегося воздуха. Как ни странно, а это было, по словам Александра Ивановича, почти законченное сооружение.

Однако, несмотря на успехи нашего строительства, многие из нас пали духом. Действительно, нам было тяжело. Губы трескались, во рту сохло, а распухший язык отвратительно прилипал к небу. Мы изнемогали от жары и жажды. Между тем, воды оставалось всего на пять дней, причем, кроме питья, необходимо было расходовать воду на замазку щелей между бетонными отливками. Водяной паек в силу этого был недостаточен и только дразнил жажду. К довершению бед у нас болели глаза от солнечного блеска и красноватой пыли, которая в эти дни наполняла воздух, придавая небу, солнцу и всей окрестности какой-то огненный колорит.

Под влиянием всего этого многие из нас сожалели, что не съездили в свое время за водой. Мало того,

большинство настаивало на том, чтобы теперь же послать на легковом автомобиле четырех человек в Мерв или к ближайшему колодцу.

Александр Иванович страшно негодовал на такое малодушие.

— Эта поездка, — говорил он, волнуясь, — отнимет четырех работников, уничтожит работу в три смены и лишит лагерь охраны. Мы рискуем погубить всю работу, а может быть, и тех, кого посылаем.

Иванов приводил другого рода возражения.

— Поездка четверых, — заявил он, — потребует оружия, так как «карандаши» могут напасть. У нас всего одна винтовка. Если мы ее возьмем с собой, то в лагере не будет дальнобойного оружия. Мы не должны делиться. Нам нужно или всем оставаться здесь, или всем уезжать в Мерв.

Наступило тягостное молчание. Так как это совещание происходило во время ночной смены, то мы сидели в ярком кругу электрического света и ничего не видели за его пределами. Мы все еще молчали, окруженные за чертой света мраком и тишиной пустыни, когда справа вдруг заметалось огненное пятно красноватого цвета.

— Погасите свет, — тревожно произнес Александр Иванович.

Щелкнул выключатель, и мы сразу погрузились в тьму, но тотчас же заметили яркое пламя, которое огненными языками облизывало один из деревянных щитов.

— «Карандаши» переходят в наступление, — мрачно проворчал Иванов. — Если мы уедем, они тут камня на камне не оставят.

Никто не ответил. Все молча смотрели, как, потрескивая, пылал сухой щит. Пламя разгоралось, но ничем

не угрожало соседним щитам. Не было ни малейшего ветерка, а щиты были расставлены довольно далеко друг от друга. Большой опасности в этом «наступлении» для нас не было, но я чувствовал по себе, что наша уверенность в победе слабеет. Поэтому я решил заставить Хохлова поговорить по душам и начистоту.

—Александр Иванович, — сказал я,— во что именно мы должны верить? Многое нам неясно. Если дело верное, мы будем терпеть. Если есть сомнения, не стоит рисковать...

Хохлов вспыхнул от гнева.

— Слушайте, товарищи, — заговорил он, — я благодарен за то, что вопрос поставлен прямо, что называется, в упор. Но, товарищи, неужели вы допускаете, что я ради прихоти рискую своей головой?.. Нет, я верю в свое дело безусловно! Мало того, что верю, я твердо знаю, что через три-четыре дня у нас будет столько воды, что мы сможем не только пить, но и купаться...

Мы все недоверчиво переглянулись, а каменщики даже хихикнули. Александр Иванович заметил это и заволновался.

— Я виноват перед вами, — заговорил он снова, — что среди хлопот не объяснил, в чем суть нашего дела. Теперь я скажу вам об этом. Благодаря холодной тепломкой массе колодца, то есть толстым стенам, температура внутри этой башни в течение всего дня будет довольно низкой. В ней будет холодно. Горячий наружный воздух, входя в эти верхние трубы, будет оседать в них, как роса. Понятно?

— Это как графин с холодной водой, — подсказал Лавров, — когда он в летнюю жару „потеет“ и покрывается каплями...

— Вот именно, — продолжал Хохлов, — роса будет оседать внутри холодной башни и скатываться вот в этот водоем. Охлажденный же воздух, уже лишенный влаги, будет выходить наружу через нижние трубы. Ночью наш колодец не будет работать, а будет набирать холод, чтобы израсходовать его днем на выделение из воздуха росы...

— Да ведь не мошкара мы какая, — воскликнул кто-то из каменщиков, — чтобы росой напиться!

В ответ на это Александр Иванович прочел нам целую лекцию с таким жаром и убедительностью, что все сомнения рассеялись.

Вот вкратце его слова. При конденсации одного килограмма водяных паров выделяется около 550 калорий тепла. Так как поверхность конденсации нашего колодца равна 160 (?) квадратным метрам, а толщина его стен равна 5 метрам, то нагревание башни произойдет при накоплении энергии в количестве более 9 миллионов калорий. При таком нагревании башни выделение росы из воздуха прекратится, но за это время в водоеме скопится 16 кубических метров воды.

— Другими словами, — закончил Александр Иванович, — за день наш колодец может давать в зависимости от нагретости и влажности воздуха от 30 до 50 тонн воды, то есть, в грубых цифрах, от 60 до 100 сорокаведерных бочек ежедневно.

Эта цифра убеждала меня не менее, чем простота устройства самого колодца. Я с тревогой наблюдал за остальными, и был радостно изумлен их самой искренней убежденностью в успехе дела. После из разговоров я узнал, что именно эта величайшая простота аппарата и заставила наших рабочих поверить Александру Ивановичу. Во всяком

случае, он вышел полным победителем, хотя и проиграл почти все часы ночной работы.

Уже стало светать, когда наш митинг закончился, и мы с удвоенной энергией принялись за дело. Опять задвигались краны, схватывая тяжелые громоздкие отливки и перенося их по воздуху с платформ на вершину башни. Наш лагерь ожил. Мы снова начали борьбу с пустыней.

На четвертый день неустанной работы воздушный колодец был закончен. Это было могучее сооружение, возвести которое мы смогли только при помощи электромашин.

В первом часу ночи все смолкло. Инструменты были уложены в ящики, лебедки перестали скрежетать, электрический кран и электролопата стояли неподвижно, как гигантские скелеты.

Мы погасили огни и сидели в темноте у самой башни. В эту ночь никто не хотел спать. Нервы у всех были взвинчены, но более других волновался Александр Иванович. Он постоянно щелкал портсигаром и закуривал папиросу от папиросы. Все мы были не то что-бы злы, а угрюмы и суровы. Это было отупелое раздражение после тяжелой и напряженной работы.

Почти перед самым утром снова загорелся один из щитов. Иванов гневно схватился за винтовку, и над безмолвной пустыней гулко треснул и прокатился выстрел.

— Эх, зря вы стреляете, — крикнул с досадой Хохлов, — мы этих дураков поразим не пулей, а водой.

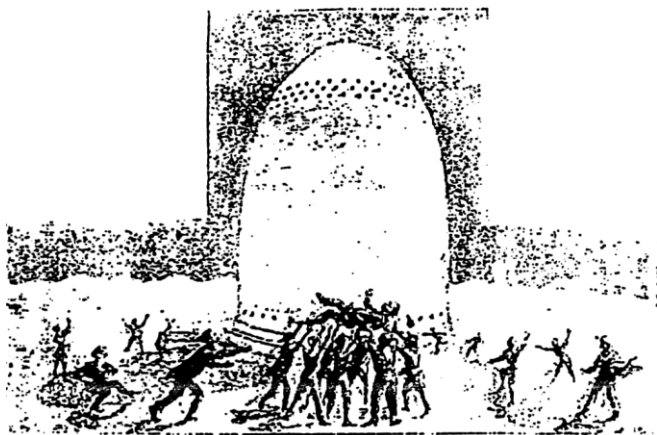
Никто не ответил на это замечание. Было холодно, и хотелось в то же время пить. У нас всего осталось по кружке воды на человека, но это была порция завтрашнего дня. Сухие потрескавшиеся губы болели,

язык лип, горло совсем пересохло. Я с ужасом думал о знойном дне, а он уже наступал.

На востоке занялась заря, и скоро из песков вырезался ослепительно яркий край солнца. Лучи его, как горячие нити, протянулись к нам, постепенно обвивая все тело. Делалось жарко. В горле, даже в пищеводе, начинало жечь.

«Вот что значит вода! — тянулось в моих мыслях. — Живя в городе, мы забываем, что вода — основа жизни».

Солнце пригревало все сильнее и сильнее, размаривая и нагоняя сон. Скоро сквозь дремоту я услышал храп спящих около меня людей. Потом все исчезло из моего сознания. Я проснулся от странных ритмичных звуков, так же как в памятную ночь вредительства Ахмета. Я увидел, что из товарищей никто уже не спит, все жадно прислушиваются, а внутри огромной башни ясно и отчетливо раздаются мерные всплески. Мы все словно приросли к месту и окаменели, забыв о зное и жажде.

*Мы окружили Александра Ивановича, подхватили
ка руки и стали качать.*

Вдруг из-за башни, смеясь и махая руками, вышел Александр Иванович.

— Победа, товарищи, — говорил он, стараясь не двигать сухими губами.

— Ур-ра! — закричали мы, соскакивая с песка.

У меня больно треснула губа, и струйка крови побежала по подбородку, но я не обращал на это внимания. Мы окружили Александра Ивановича, подхватили на руки и стали качать.

Со стороны мы, вероятно, казались сумасшедшими. Действительно, представьте на мгновение обстановку. Сухая раскаленная пустыня, кругом конусы барханов, а среди них на глинистой площадке массивная яйцеобразная башня, и около нее кучка людей. Эти люди орут и выкрикивают, как бесноватые, подбрасывая на воздух одного из подобных себе. Но мы ни о чем не думали, мы праздновали победу над пустыней.

— Пить, — неожиданно закричал Иванов, потрясая кружкой, за которой сбегал в юрту, — будем пить за победу и за Александра Ивановича!

Странное дело. Это напоминание о питье сразу вызвало нестерпимую жажду. Чисто животное чувство охватило нас, и мы нетерпеливо столпились у цистерны. Но, жадно проглотив свою порцию, каждый бежал к колодцу и замирал у подножия башни.

Когда я приблизился к резервуару колодца, над ним уже свешивалась целая гирлянда любопытных голов. Я присоединился к ним. На дне цементированного водоема сверкала прозрачная жидкость, поверхность которой все время вздрагивала и бороздилась круговыми волнами. Это непрерывно тяжелыми всплесками свергалась сверху вода. Внутри самой башни слышалось неумолчное журчанье, похожее на шум водосточных труб.

Мы смотрели, слушали и молчали, как очарованные. Наши спины яростно палило беспощадное солнце, горячий воздух обжигал облупившиеся лица, кругом нас раскинулась сухая песчаная пустыня, а вот тут, внизу, блестела и журчала вода. Мало того, эта вода непрерывно лилась из того самого воздуха, который обдавал нестерпимым жаром наше тело, сушил рот и гортань.

Это казалось чудом, и я впервые во всей полноте ощутил огромную силу человеческой мысли и техники. Опыренный восторгом, я вскочил на ноги и крикнул в пространство:

— Да здравствуют наука и техника! Да здравствует человек — повелитель природы!

Весь этот день мы провели по-праздничному и, что особенно шикарно для пустыни, весь день пили чай, не жалея воды. Это были удивительные часы. От радости мы совсем превратились в детей. Дурачились, шалили, пели и даже играли в чехарду. Не менее других веселился и Александр Иванович. Старик кряхтел, но бегал и прыгал с удовольствием.

Мы совсем забыли о коварных «карандашах», и только случайно мелькнувший среди барханов верблюд напомнил об их присутствии.

— Теперь нам нечего их бояться, — смеясь, заметил Александр Иванович, — всякий колодец в пустыне для туземцев священен.

— А тот, кто устроит колодец, — добавил Иванов, — считается вроде святого.

— Я вам говорил, — продолжал Александр Иванович, — что мы пересеем Моисея со всеми его чудесами! Погодите немного, и мы устроим здесь озеро...

Это обещание, высказанное как бы в шутку, начало выполняться в скором времени. Имея теперь сколько угодно воды, мы решили работать только по ночам, когда после расслабляющего жара наступал бодрящий холодок.

Снова была пущена в ход электролопата. Она проложила канал от башни до небольшой ложбинки, начинающейся шагах в двухстах от воздушного колодца. По этому каналу были проложены довольно широкие трубы из обожженной глины. Трубы эти были подведены к колодцу с таким расчетом, чтобы в них попадала только вода, поднимавшаяся выше обычного уровня.

Таким образом, водоем колодца всегда должен быть наполнен до краев, а излишек воды уходит в ложбинку.

Я не буду вдаваться в подробности работ, — все это имеется в официальном отчете экспедиции. Я только сообщу, что через три дня в ложбинке образовалась довольно значительная лужа, из которой мог напиться небольшой караван. Это было до того поразительно, что даже не верилось глазам.

Что же касается «карандашей», то они почти ежедневно мелькали теперь среди барханов, но жечь щиты перестали. Мы мало обращали на них внимания, всецело захваченные новыми чудесами, какие творились в пустыне. Съестных припасов у нас было более чем на две недели, а запасов горючего для машин и примусов хватило бы и на месяц. О воде говорить нечего, мы сами создавали ее.

Теперь мы наслаждались заслуженным отдыхом, производя лишь небольшую и спокойную работу по

установке щитов. Щиты расставлялись по системе Хохлова так, чтобы сыпучие пески при всяком направлении ветра ложились кольцом вокруг щитов, не двигаясь дальше.

Так прошло семь дней, и в ложбинке за это время уже образовалось небольшое озерцо, в которое ежедневно вливалось около 60 сорокаведерных бочек воды. По вычислению Александра Ивановича, в ней было, несмотря на испарение влаги, приблизительно 15 тысяч ведер.

Мы часто сидели около этого озера, мирно беседуя после обеда.

Однажды мы заметили тучу пыли, которая быстро двигалась на нас. Вскоре послышался и отдаленный топот.

— Опять рогатая кавалерия, — рассмеялся Иванов, имея в виду напугавшее нас в первые дни стадо джейранов.

Все улыбнулись шутке, но улыбки тотчас же застыли на лицах. Мы ясно разобрали среди шума звон бубенчиков и крики людей.

— Налет! — крикнул Лавров. — К оружию!

Мы бросились к юрте, расхватили оружие и притаились за башней.

— Враждебных действий не предпринимать, — инструктировал нас Александр Иванович, — будем только защищаться, если нападут.

Из-за барханов один за другим выбегали обезумевшие выючные верблюды и, не слушаясь седоков, мчались прямо к озеру. Три-четыре коня, бывшие при караване, первые бросились в воду. Верблюды последовали их примеру. С не меньшей жадностью кинулись и люди. Мы спокойно вышли пить из-за башни и стали наблюдать за происходящим.

Когда улеглась суматоха, и обезумевшие от жажды люди и животные пришли в себя, мы окончательно убедились в более чем мирных намерениях наших гостей. Было слишком очевидно, что они посетили нас помимо своей воли. Теперь, заметив нас, они были крайне смущены. Александр Иванович и Иванов вышли им навстречу и, по восточному обычаю гостеприимства, пригласили отдохнуть в наших владениях. В ответ туземцы чуть не падали ниц, прижимали руки ко лбу и груди и все время призывали Аллаха. Изумлению их не было пределов. Успокаиваясь и постепенно хмелея, они удивлялись, откуда взялось тут озеро, — и беспокойно озирались кругом, словно еще не веря своим глазам. Потом, не встречая отпора с нашей стороны, с наивным любопытством взрослых детей устремились осматривать воздушный колодец. Они щупали и хлопали руками стены колодца, заглядывали в водоем, а затем сосредоточили свое внимание на машинах,

тракторе и автомобиле. Они все время громко болтали, вскрикивая от восхищения, но испугались и бросились прочь от автомобиля, когда резко рывкнул гудок, кем-то из них неосторожно нажатый. Мы от души посмеялись над этой забавной сценой.

Они шутили и хлопали руками стенки колодезя, заглядывали в водоем, а затем сосредоточили свое внимание на машинах, тракторе и автомобиле.

После, из расспросов наших гостей мы узнали, что их караван идет из Хивы в Мервский оазис. Они нам рассказали, что обычно следуют более восточной дорогой через колодец Яндоклы, но что они так же прекрасно знают и дорогу через колодец Чешме. Они про-

стодушно уверяли нас, что между колодцами Чешме и Янлоклы никогда не было озера, и что даже месяц тому назад здесь была одна сухая глина с натыканными зачем-то деревянными решетками.

— Вот этими самими, — указывали они на деревянные щиты.

— Почему же вы сбились с дороги и почему мучились от жажды, зная оба колодца? — спросил их Иванов.

В ответ они сообщили, что оба колодца Чешме и Янлоклы заняты какими-то вооруженными людьми. Считая их барантанатами, караван бросился в панике куда глаза глядят, и попал к озеру. Выслушав это тревожное сообщение, мы решили как можно скорее послать с караваном в Мерв письмо с просьбой о помощи.

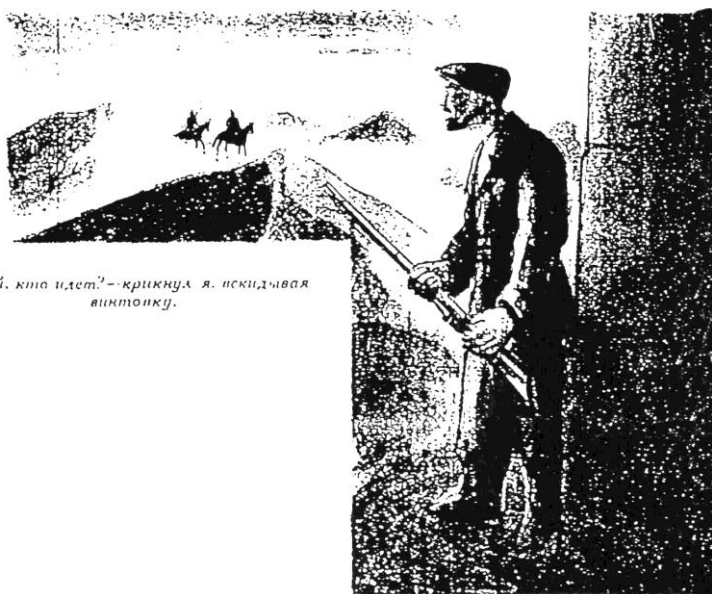
По уходу каравана мы тотчас же разделились на три смены по три человека для несения караульной службы. В течение трех суток мы неослабно наблюдали за пустыней, особенно по ночам, но ничего подозрительного не замечали. «Карандаши» ни разу не показывались.

На четвертые сутки я попал в ночную смену. С полночи я шагал с винтовкой в руках вокруг башни колодца, перекидываясь время от времени словечком с Ивановым, который дежурил у машин,

Вдруг в одну из своих остановок я услышал странный отдаленный шорох. Это взволновало меня. На всякий случай я сообщил об этом моим товарищам, из которых один стоял около нашей юрты, а другой сидел на верхушке подъемного крана. Пока мы совещались, подозрительный шорох прекратился.

— В пустыне бывают такие шорохи, — сказал Иванов, — а причина их никому не известна. Пустяки!

На этом мы кончили и разошлись по своим постам. Прошел час, другой — моя бдительность притупилась, а начавшийся рассвет совсем рассеял мои ночные тревоги. Я прислонился к стене башни и слегка задремал. Вдруг я услышал резкий скрип песка, а на фоне зари за ближайшим барханом четко вырисовались силуэты двух всадников.

Стой, кто идет? — крикнул я, вскидывая винтовку.

— Стой, кто идет? — крикнул я, вскидывая винтовку.

Мои товарищи забили тревогу и бросились в юрту будить остальных. Между тем, всадники приближались.

— Кто идет, — закричал я громче, — стрелять буду!

Всадники остановились. В это время ко мне подскочил и стал рядом Иванов с дробовиком, заряженным пулей.

— Кто идет? — опять закричал я.

— Свои, — ответил один из всадников на чистейшем русском языке, — свои же.

Я вспомнил о посланном нами в Мерв пароле и крикнул:

— Пароль!

— Наука, — ответил всадник, и в тот же момент изза барханов словно вырос целый конный отряд.

— Вали, ребята, сюда, — радостно крикнул Иванов, — пои лошадей!

Это прибыла кавалерийская часть, высланная из Мерва для нашей охраны.

На этом я кончаю свой рассказ, но добавлю следующее.

«Карандаши» все время находились, как потом оказалось, под влиянием одного из мулл. Настроенные против советской власти, они решили разделаться с нами и разрушить нашу работу. После выпуска воды из цистерны они предполагали, как теперь это выяснилось, что мы, мучимые жаждой, направимся к одному из ближайших колодцев — к Чешме или Яндоклы, где и устроили засады.

Однако, действие воздушного колодца и особенно появление озера все изменило. Случайно попавший к нам караван разнес повсюду о нас такие поэтические легенды, что в течение недели весть о наших чудесах взбудоражила все кишлаки. К воздушному колодцу началось настоящее паломничество. Местное населе-

ние все целиком стало на сторону советской власти, а мулла бежал в Персию.

Вокруг новоявленного озера стали устраиваться настоящие митинги. Собравшиеся с энтузиазмом говорили о победах над пустыней, о тысячах новых водных колодцев, о новых озерах и каналах, о скотоводстве, а также о хлопке, кенафе и кендыре, которые будут расти на орошенном плодородном суглинке. Здесь же обсуждались проекты колхозов и совхозов.

Так проснулась пустыня Средней Азии от прикосновения научной мысли, и все там заволновалось и закипело в предчувствии новой жизни.

ВОЗДУШНЫЙ КОЛОДЕЦ КНАПЕНА

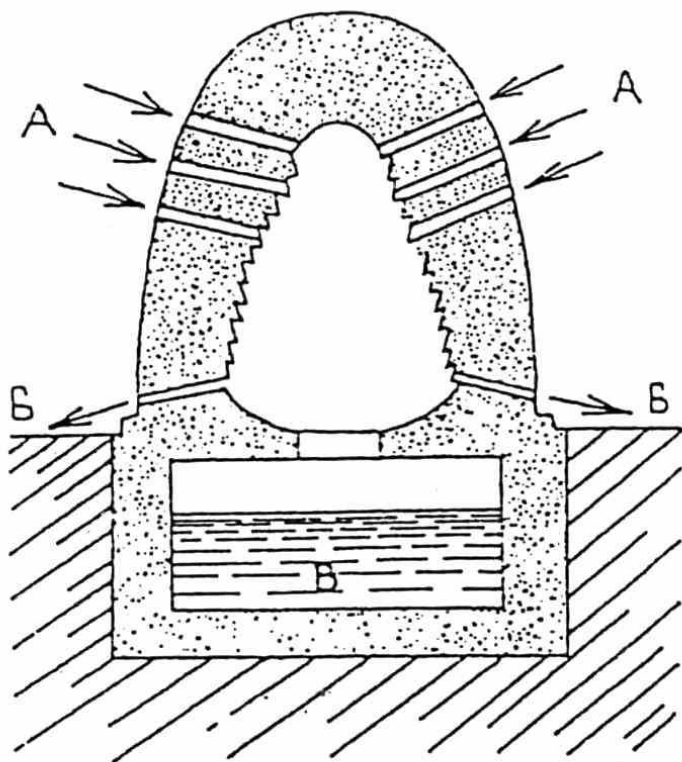
(Объяснение и рассказу В. ЯЗВИЦНОГО)

НА ЗЕМНОМ шаре огромные пространства заняты пустынями или полупустынями. Эти лишенные жизни места очень часто таят в себе самое тучное плодородие. Стоит только оросить их, и жизнь закипит на проснувшейся земле. Самыми большими пустынями являются Сахара в Африке и Гоби в центральной Азии. Пустынями заняты значительная часть южного Алжира и Туниса (Африка), а в СССР большая часть среднеазиатских советских республик включает в своих пределах значительное количество бесплодных песчаных и глинистых степей. Все эти мертвые земли при достаточном количестве влаги можно обратить в цветущие сады и сделать полезными для сельского хозяйства.

Инженеры всех стран давно пытаются всеми средствами добыть влагу для пустынь. Обычно с этой целью роют оросительные каналы, если имеется возможность провести откуда-нибудь пресную воду.

Где нельзя провести оросительных каналов, там роют артезианские колодцы, добывая воду из-под земли. Однако и скопления подземных вод часто находятся так глубоко, что добыть их невозможно. Обычные питьевые колодцы, например, у нас в средне-азиатских пустынях, имеют очень скудный запас воды, причем часто эта вода бывает полусоленой.

Учитывая все эти обстоятельства, бельгийский инженер Кнапен разработал проект особого прибора, который он назвал „воздушным колодцем“. Проект этого представлен Алжирскому водному конгрессу и Обществу инженеров в Париже.

Воздушный колодец Іікапена (в разрезе).

А. А — приток воздуха в башню колодца. Б. Б — выход воздуха из башни. В — резервуар под башней, в котором собирается вода.

Воздушный колодец должен добывать воду из воздуха, что основано на следующих соображениях. Воздух, окружающий землю, всегда содержит в себе значительное количество водяного пара. Согласно сделанным подсчетам, 1000 кубических метров воздуха

могут дать около 0,51 килограмм воды. Устройство прибора с постоянным притоком свежего воздуха, с охладителем и выделителем влаги создаст своего рода воздушный водяной источник. Таким прибором и является воздушный колодец Кнапена.

Воздушный колодец представляет собой высокую каменную башню с массивными толстыми стенами, с пустотой внутри. В толще стен, ближе к куполу башни, расположены ряды узких длинных труб, по которым проникает внутрь башни нагретый воздух. У подножия башни проделаны трубы для выхода охлажденного воздуха. Верхние трубы имеют наклон внутрь башни, а нижние трубы выведены с наклоном наружу.

Благодаря холодной — теплоемкой каменной массе колодца, внутри нее весь день находится холодный воздух, который в силу своей тяжести вытекает через нижние трубы, а взамен его засасывается верхними трубами горячий наружный воздух. Наружный воздух, вступая внутрь труб, охлаждается; водяные пары, находящиеся в нем, сгущаются и охлаждаются на стенах труб в виде росы. Капельки росы все время увеличиваются, сливаются друг с другом и текут внутрь башни по наклонным трубам. Охлажденный и обезвлажненный воздух выходит через нижние трубы.

Ночью, когда наружный воздух сильно охлаждается, поступление его в башню прекращается, но за это же время охлаждается и вся масса башни, собирая запас ночного холода для дневной работы.

Образование росы сопровождается значительным выделением тепла. При сгущении одного килограмма водяных паров выделяется около 580 калорий тепла, следовательно, температура внутри башни воздушного колодца, по мере накопления воды, будет все время возрастать, пока не станет равной температуре наруж-

ного воздуха. При таком равенстве температур круговращение воздуха в башне прекратится — колодец перестанет работать. При сгущающей поверхности воздушного колодца в 100 кв. метров и при толщине его стен в 5 метров подобная остановка работы возможна при накоплении тепловой энергии в количестве девяти с половиной миллионов калорий, что соответствует получению 16 куб. метр. воды.

По вычислению инженера Кнапена, воздушный колодец с площадью конденсации (сгущения) в 100 кв. метров способен дать в сутки от 30 до 50 тонн воды. При увеличении размеров воздушного колодца будет соответственно увеличиваться и количество добываемой им воды из воздуха.

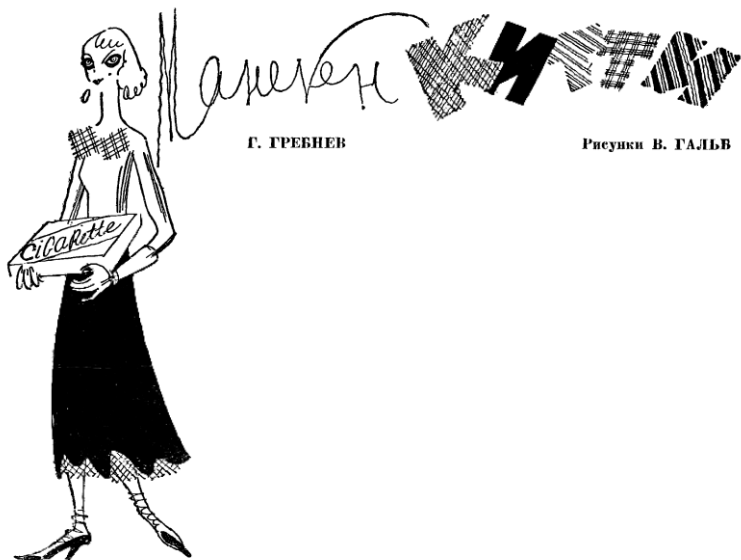
В. Я.

Г. ГРЕБНЕВ

МАНЕКЕН КИТТИ

Рассказ

Как установил впоследствии суд штата Нью-Йорк, до 23 сентября 1934 г. Китти Бинклей можно было видеть ежедневно, кроме дней воскресных, от 9 ч. утра до 7 ч. вечера в магазине мистера Флойда на Двадцать шестой улице.

Китти стояла и ходила за прилавком, лаконично и вежливо разговаривая с покупателями.

Она говорила:

— Да, мистер.

— Нет, мистер.

— Если мистер разрешит предложить ему этот мундштук...

Про Китти нельзя было сказать, что она «делает улыбку». Этот несложный прием в примитивной мимике цивилизованных рабов был несвойственен мисс Бинклей. Относительно же выражения ее лица, которое многие принимали за улыбку, можно было пред-

положить, что в детстве Кэтти была чем-то несказанно удивлена, и вот, у нее на всю жизнь сохранилось это лицо удивленного ребенка, готового одновременно расплакаться и расхохотаться.

Большинство покупателей не присматривалось к выражению лица Китти Бинклей. Но немало было и таких клиентов, у которых в памяти возникала эта зашифрованная улыбка хорошенькой продавщицы тотчас же, как только они вынимали свои папиросы. Как эти покупатели описывали Китти Бинклей своим знакомым, — неизвестно, но только общее количество постоянных покупателей табачных изделий в магазине мистера Флойда с каждым месяцем заметно увеличивалось. А одновременно среди них увеличивался и процент мужчин, покупающих антиникотинные мундштуки, глядя не на самые эти глупые штампованные изделия, а на Китти, продающую их.

Популярность Китти возросла настолько, что в районе 26-й и 35-й улиц даже привилось такое выражение: «Забыл зайти к Китти». Это означало: «одолжи папиросу».

Суд впоследствии не интересовался вопросом: знал ли мистер Флойд о той симпатии, которой пользовалась его продавщица среди покупателей.

Однако автору доподлинно известно, что мистер Флойд — владелец трех крупных табачных магазинов в Нью Йорке — не недооценивал присутствия мисс Бинклей в одном из его магазинов. Иногда он перед окончанием работы появлялся у прилавка Китти и, будучи человеком преклонного возраста, старался проявить в отношении ее отеческую заботливость. Так, например, однажды, узнав, что у мисс Бинклей имеются братья, мистер Флойд разрешил ей без вычета из жалованья взять из магазина коробку вполне приличных сигарет

«Каир». А в другой раз вместе с м-ром Флордом приехали в магазин кино- и звукооператоры, и засняли Китти для кино.

К сожалению, у Китти в то время не оказалось лишних денег, чтобы сходить в кино и посмотреть на себя. Но знакомые говорили ей, что действительно, в некоторых кино перед основным фильмом на экране появлялось крупным планом ее лицо, а затем она из-за прилавка протягивала зрителям коробку папирос и произносила:

— Я продаю эти папиросы в магазине мистера Флорда на Двадцать шестой улице.

И вот, случилось так, что Китти Бинклей однажды не явилась в магазин мистера Флорда. Это произошло 23 сентября 1934 г.

Заведующий магазином мистер Глейдвотер решил не доводить до сведения м-ра Флорда об этом и ограничился распоряжением вычесть из жалованья Китти Бинклей 1 доллар и 7 центов — однодневный ее заработок.

Китти не пришла в магазин ни 24-го, ни 25-го сентября. Тогда мистер Глейдвотер по телефону сообщил об этом мистеру Флорду.

Мистер Флорд приехал почти тотчас же после звонка заведующего магазином. Он сам, в своем, сверкающем как черное солнце «кодилъеке» отправился на дом к Китти, по адресу, который дала ему контора. Но там соседи Китти сказали мистеру Флорду, что мисс Бинклей уже с полгода, как переселилась вместе со своей семьей в Баури, и что произошло это после того, как ее отец и оба брата остались без работы.

В Баури, в этот одичавший от нищеты район, мистер Флloyd не рискнул отправиться. Вместо него туда проник рассыльный магазина на 26-й улице. Вернувшись, рассыльный сообщил мистеру Глейдвотеру, а тот, в свою очередь — м-ру Флloyd, что мисс Китти Бинклей умерла утром 25 сентября (у девицы, оказывается, были не в порядке легкие). 22-го ночью у нее пошла горлом кровь, и 25-го на рассвете она скончалась.

Мистер Флloyd, выслушав мистера Глейдвотера, сказал: «чорт возьми», и повесил трубку.

Манекен, из-за которого впоследствии все приключилось, появился в магазине табачных изделий на Двадцать шестой улице спустя неделю после смерти Китти Бинклей.

Их, этих элегантных, но не механизированных роботов много появилось в последнее время в витринах крупных городов Европы и Америки. Как англазированные невольники, стоят и сидят за огромными зеркальными стеклами витрин эти неполноценные мужчины и женщины. Порой они прекрасно одеты, но чаще всего полуодеты, и это особенно заметно на тех из них, которым придана внешность женщин. Их кожа лишена растительности, но это почти доброкачественная человеческая кожа, на которой даже прыщики могут выскочить. Так, по крайней мере, кажется порой.

У них несколько схематичные черты лица, у этих кукол. Но, кто знает, может быть, манекенные фабриканты, мистер Стенли и герр Губбер, не так уж и заблуждаются, поправляя своего господ бога, хотя бы в отношении людей своего круга.

На первый взгляд, манекен, появившийся в магазине мистера Флойда, мог показаться именно такой вот великолепной, но, вместе с тем, и обычной объемной копией молодой женщины.

Но только на первый взгляд.

Постоянные покупатели, из числа тех, ч.о без нужды покупали у Китти Бинклей антиникотинные мундштуки, тотчас же обратили внимание на поразительное сходство манекена с умершей Китти. Эта неподвижная девушка стояла за прилавком с коробкой сигарет «Каир» в робко протянутой руке. Неизвестно было, кому она предлагала сигареты, но где бы ни стоял в магазине покупатель, ему казалось, что смотрит эта девушка именно из него.

На манекене было надето платье Китти Бинклей: легкая белая блузка, клетчатый галстук бантиком и черная юбка. Но, несомненно, самое замечательное было в этой кукле — улыбка на ее лице. Очевидно, над нею поработали настоящие художники, ибо очарованное выражение лица Кити, которое было, по-видимому, ничем иным, как формулой ее душевного состояния, начертанной мимическими средствами — это выражение было воспроизведено почти с кощунственной точностью.

На этот шедевр манекенного искусства приходили посмотреть мужчины, не только покупавшие в свое время у Китти антиникотинные мундштуки, но и раньше о Китти даже не слыхавшие.

Вместе с толпой таких, явно неудовлетворенных мужчин, в магазин Флойда пришел однажды и Гарри Самюэль. Продавцы потом на суде припомнили, что этот плохо одетый, и необычайно изможденный молодой человек впервые обратил на себя их внимание 5 октября 1934 г. Он как пришел, как стал против мане-

кена Китти, так и простоял, не пошевелившись, около двух часов, и вперив в него глаза, как помешанный.

Он стал против манекена

На другой день Гарри Самюэль пришел в магазин рано утром. В этот раз он, не глядя уже на манекен, прошелся несколько раз по помещению, затем быстро приблизился к манекену, и прежде чем находившиеся в магазине успели что-либо сообразить, плеснул из какой-то склянки бензином в куклу, изображавшую Китти, и тотчас же поджег ее. Пламя охватило прилавок.

В магазине поднялась паника, покупатели и служащие, вместо того, чтобы пустить в ход огнетушители и быстро локализовать огонь, стали ломиться в выходные двери и на черном ходу, словно заключенные в момент тюремного бунта.

Поджигатель неторопливо уселся в кресло против горящего манекена и сидел там до тех пор, пока пламя не забушевало во всем магазине. Его, полуобгоревшего, почти задохшегося в дыму, вытащили из огня пожарные.

В тот же день вечером о поджоге магазина мистера Флойда появились сообщения во всех вечерних газетах и упоминалось в радиопередачах.

Почти все газеты были уже точно осведомлены о подробностях этого происшествия: они сообщили, что поджигатель Гарри Самюэль, 24 лет, родом из Кентукки, линотипист по профессии, в настоящее время безработный, совершил поджог магазина табачных изделий мистера Флойда по мотивам романического свойства. Газеты разъяснили, что Китти Бинклей, бывшая продавщица в магазине Флойда, была невестой Гарри Самюэля. Ее манекен, выставленный в магазине, произвел на несчастного влюбленного, внезапно лишившегося своей прелестной малютки Китти, такое неотразимое впечатление, что Гарри Самюэль не выдержал, и решил сжечь это замечательное произве-

дение фабрики манекенов, принадлежащей мистеру Стенли.

В интервью, которое сотрудникам газет удалось с разрешения полиции получить в тюремной больнице у Гарри Самюэля, — этот молодой человек заявил, что он ни в коем случае не намеревался причинить убытки мистеру Флойду, который так заботливо в свое время относился к маленькой Китти, но сходство манекена с его невестой почти лишило его рассудка в то время, как он совершал свой безумный акт.

Гарри Самюэль стал героем дня. Его фотографии и фотография Китти появились почти во всех журналах. В тех же журналах появились снимки с манекена Китти, предусмотрительно сделанные перед сдачей заказа на манекенной фабрике мистера Стенли. Сходство лица манекена с подлинным лицом Китти было поразительным. Причем, так как снимки были сделаны не с живой Китти, а только с манекена, то в журналах воспроизведены были также отдельные детали его.

Журналы шли нарасхват.

Женщины приносили к тюремным воротам цветы.

Мистер Флойд и мистер Стенли с разрешения полиции навестили в тюрьме Гарри Самюэля.

Суд происходил в одном из самых больших судебных залов Нью-Йорка, и, тем не менее, зал не мог вместить всех желающих попасть на разбирательство этого дела.

Подсудимый несколько разочаровал публику. Это был белокурый молодой человек с заурядной наружностью не то лифтера, не то рассыльного, и как рассматривали в бинокль многие дамы, — даже немного ря-

боватый. (На снимках в журналах он казался гораздо красивее). Держался он тоже очень странно: сидел по-пуный, сгорбившийся, уставясь в одну точку впереди себя, как загипнотизированный. Отвечал на вопросы судьи глухим голосом и односложно:

— Да...

— Нет...

— Не знаю...

Но зато защитник его, молодой и уже знаменитый адвокат, взявшийся защищать Гарри Самюэля бесплатно, был до жестокости великолепен в своей речи. В ответ на робкую попытку прокурора обратить внимание суда на те опасности, которым подвергнется общественное спокойствие, если поступок подсудимого останется совершенно безнаказанным, защитник взорвал целый остров негодования и обрушил его осколки на совершенно лысую голову прокурора. Он сравнил мистера Стенли, создателя манекена Китти, с безумным Пигмалионом, оживившим статую Галатеи, но тут же заявил, что как Пигмалион за свою дерзость был наказан богами, так и мистер Стенли, вместе с мистером Флойдом, получили суровое пред-извещение от Провидения, у которого Гарри Самюэль был только перстом указующего. Защитник пожалел об исчезновении костров инквизиции, на которых можно было бы сжигать все произведения рук человеческих, посягающих на соревнование с произведением рук творца всевышнего. Но под конец своей речи защитник все же оговорился, что в качестве гражданина Соединенных Штатов он вполне удовлетворен тем, что американские манекены превзошли по выполнению манекены германские.

Любовь Гарри Самюэля к Китти Бинклей защитник сравнил с любовным экстазом эльфов, которые, познав

счастье, тотчас же гибнут. Он назвал ее любовью неукротимой и всепобеждающей, как протуберанцы — эти вихри солнечного вещества, озаряющие наше созвездие на многие десятилетия роковым светом безумств и кризисов.

Подле судейского стола стоял новый манекен Китти, изготовленный по просьбе суда фирмой Стенли. Он был не хуже первого, и лишь вместо обычного костюма Китти на нем была легкая туника из совершенно прозрачной ткани. Многие женщины в зале почувствовали непреодолимое желание поступить с этой ужасной куклой также, как поступил Гарри Самюэль, т.е. сжечь ее, чего нельзя было сказать о мужчинах. Некоторые из них, правда, не прочь были бы сжечь кое-кого из присутствовавших в зале, но отнюдь не манекен.

Когда Гарри Самюэлю было предоставлено последнее слово, он встал с головой, свалившейся на грудь, и глухо сказал:

— Китти... была... хорошая... девушка...

Суд приговорил его к штрафу в размере 1 доллара в пользу муниципалитета за нарушение уличного движения, вызванного пожаром в магазине мистера Флойда.

Мистер Стенли и мистер Флloyd, присутствовавшие в зале, тут же вынули из жилетных карманов по монете в 50 центов каждый и, сложив их вместе, уплатили штраф за подсудимого, ввиду его полной безденежности.

Под аплодисменты опьяневшей от азарта огромной толпы, при свете юпитеров и под треск киноаппаратов мистер Стенли увез в своем автомобиле Гарри Самюэля на 103-ю улицу, где проживал последний. Они поднялись в лифте на 16 этаж, и почти одновременно вместе с ними, на грузовом подъемнике, был поднят манекен Китти, побывавший в судебном зале.

У Гарри Самюэля уже не было того безразличного и удрученного вида, с каким он держался на суде. Наоборот, он как-то сразу переродился: смотрел на своего спутника — мистера Стенли довольно независимо, играл бровями и даже насвистывал какой-то модный мотивчик.

— Вы неплохо сделали свою игру, — сказал мистер Стенли Гарри Самюэлю, когда они вошли в комнату. — Откровенно говоря, я опасался, что это будет чересчур грубый спектакль, а мой принцип, как вы знаете — тонкость, почти филигранная обработка деталей и художественное выполнение заказа в целом.

— Я сделал то, что было условлено, мистер Стенли, — спокойно сказал Гарри Самюэль.

— У вас природные данные актера. И изобретательность. Не приди вам в голову эта идея, я не имел бы такой мировой рекламы.

— Я сделал то, что было условлено, мистер Стенли, — снова повторил Гарри Самюэль.

— Ну, ладно, не будем спорить, — сказал мистер Стенли. — Получите чек на тысячу долларов, как мы с вами и условились. Куклу оставляю вам на память об этом веселеньком водевиле.

Он засмеялся и похлопал Гарри Самюэля по плечу. Молодой человек, хищно улыбаясь, провожал его до двери.

Уже у самой двери мистер Стенли обернулся и спросил:

— Кстати, это ведь неправда, что она ваша бывшая невеста?

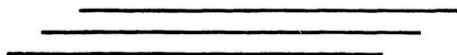
— Нет, мистер Стенли. Прошу твердо запомнить, что

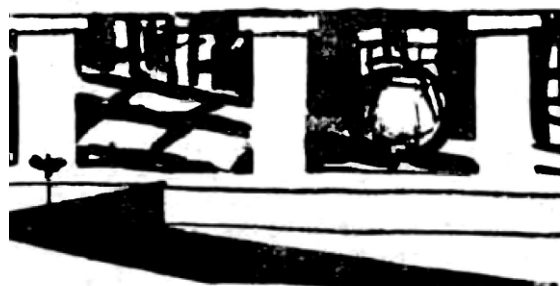
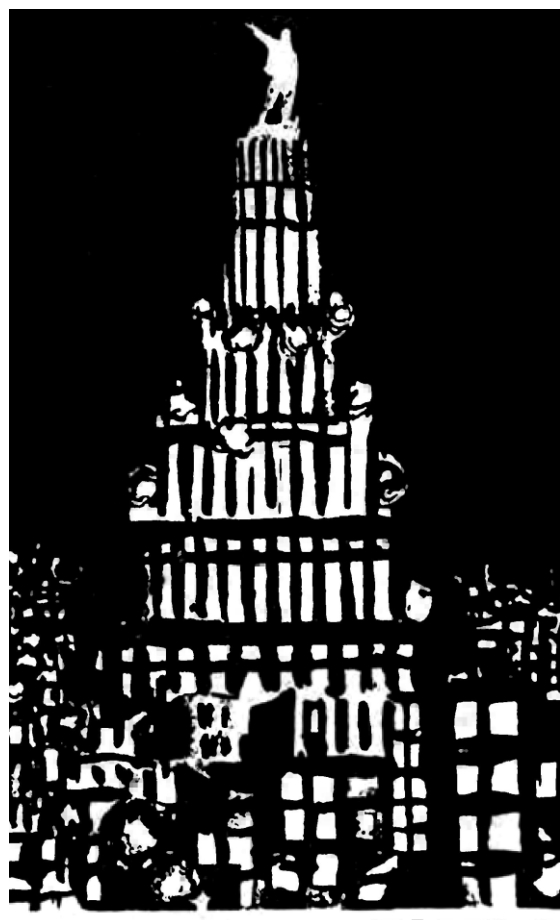
я с этой девицей познакомился только при помощи вот этого наглядного пособия.

Гарри Самюэль насмешливо кивнул на манекен Китти, стоящий в углу.

Когда мистер Стенли ушел, молодой человек вдруг преобразился. К нему мгновенно вернулся его прежний безрадостный вид, с каким он просидел все б часов судебного заседания: он как-то сразу обмяк, сгорбился, голова его снова опустилась на грудь и руки упали вдоль туловища, как струи воды. Он медленно подошел к манекену. Китти смотрела на него удивленными глазами и протягивала коробку сигарет «Каир».

— Китти... — глухо сказал он. — Ты была... хорошей девушкой. А твой Гарри оказался... подлецом. Но я, ведь, валился с ног от голода, Китти...

А. КАРАБАЕВА

В БУДУЩЕЙ МОСКВЕ

Главы из повести

В БУДУЩЕЙ МОСКВЕ

ГЛАВА ИЗ ПОВЕСТИ

... Перед ними открылось широкое авеню. В угловом сквере осень уже позолотила липы. Клены багровели, и листья их в желто-голубом небе трепетали как румяные дневные звезды. Посреди круглого газона высоко, как взброшенное копье, бил фонтан. Моссоветская гостиница, под стать этой пышной и пригожей осени, блистала гранитным цоколем: соки ягод и плодов, казалось, играли и пенились под темно-красной его корой. Двери плавного вестибюля, беспрестанно открываясь, пели густо и сочно, как труба военного оркестра.

Елена и Воробьев вошли. Их обняло светом, теплом и мягкими шумами, похожими на шуршанье крыльев: то скользили вверх и вниз лифты. Окна лифтов блестели, как глаза золотых рыб в аквариуме.

Портье, похожий на профессора консерватория, вручил путешественникам ключи от их комнат.

— Увидимся? — спросил Воробьев. Елена поймала на его жестких блестящих скулах, в улыбке, раздвинувшей плотные темные губы, выражение какой-то очень молодой робости и надежды.

— Конечно, увидимся, — сказала она, ласково пожимая большую мясистую руку.

Положив ключ в сумочку, Елена задержалась в вестибюле. Она наскоро вспомнила, как вместе со студенческой экскурсией когда-то поднималась вверх по скрипучим стремянкам, бродила по скупому освещенным

пещерам будущих коридоров и, натыкаясь на груды мусора, воображала будущее великолепие. Тогда еще не сняли лесов с гостиницы Моссовета. Тот день как раз был для нее особенно несчастным, и потому она с подчеркнутым старанием слушала, смотрела, лазала вверх, и всюду хотела попасть первой. А сама все отфыркивалась, как замерзший котенок, глотала едкие, ужасно колющие, как колосники, слезы, и тайком вздыхала.

— А... да что там еще!.. — опомнившись, прошептала Елена, и в резвой досаде даже прикусила губу. — Первая любовь... детство... глупости.

Она остановилась посреди просторного вестибюля, смутно отражаясь в глади паркета. Золотистые огни вспыхнули ей навстречу: это в окнах «справки», «поручения», «почта и телеграф» и «комната интуриста» зажгли свет.

Около окна «справки» стояло двое: один высокий старик в дорожном пальто, другой — приземистый, плотный, с седыми подстриженными усами, в кожаном шлеме и пальто летчика. Свежее девичье лицо мелькало в окне.

Высокий вдруг снял свою коричневую шляпу и белоснежным платком вытер лысый лоб. Он смеялся, заглядывал к девушке в окно и опять смеялся.

— О, das ist wundervoll!¹⁾

Девушка смотрела на старика, ничуть не обижаясь. Тонкая улыбка ее как бы говорила: «Ну что же тут удивительного?»

У высокого плечи все еще ходили от смеха, а крупное бритое лицо с мягким горбатым носом даже лоснилось от какого-то уж очень большого удовольствия.

1) О, это удивительно! (нем.)

— О! Это же полководец, и я должен повиноваться!
— сказал он по-немецки, обращаясь к своему спутнику, летчику.

Старик вдруг поклонился девушке в окне справок и, прижав шляпу к груди, что-то продекламировал сочным театральным басом.

Затем он торжественно протянул девушке большую жилистую руку:

— Bitte, Genossin, bitte!¹⁾.

— Дайте руку немцу, дайте! — смеясь, сказал девушке седоусый летчик, и она, в некотором замешательстве, протянула руку по-детски, «лодочкой». Старик нежно расправил ее пальцы, поцеловал и удалился, гордо отирая лысый лоб.

— Простите, — сказала, подойдя к справочному окну, Елена. — Я любопытна. Никак не могу проникнуть в смысл: что же здесь произошло?

— Самое обыкновенное дело, — разъяснил летчик. — Вот и немцы начали строить социализм. Им, конечно, значительно легче, чем нам в свое время: мы такого учебно-воспитательного заведения не имели. Это, знаете ли, известный германский журналист, приехал на интернациональный съезд аграрников-марксистов...

— Знаю, читала, это будет в Малом зале Дворца советов.

— Да, да... Немец и спроси вот эту девушку о том, о сем, а она его и возьми в работу: «А в таких-то знаменитых колхозах вы, товарищ, были? А с такими-то опытниками и теоретиками говорили?..» И пошла, пошла. Изложила ему этакий конспект-экспромт — содержание работ последней всесоюзной конференции генетиков и всесоюзного совещания об успехах новых туковых удобрений.

1) Прошу, товарищ, прошу (нем.)

— Товарищ Федоров, — прервала девушка, и юное лицо ее с мелкими веснушками выглянуло из круглого, как иллюминатор, прореза в стекле. — Я же, товарищи, справка! Справка, вы забываете?! Я же все должна знать!.. Вот чудачки, право...

— Ладно уж! — отмахнулся летчик. — Мало того, она упорно советовала немцу познакомиться с работами бригад «дворцов солнца». Это, знаете, в некоторых наших северных колхозах бригады оборудовали установки искусственного солнца для колхозных оранжерей, где, невзирая на время года и географическое положение на земном шаре, можно выращивать не только картошку, а — бери выше — мичуринские бельфлер-китайку, актинидию ананасную, грецкие орехи, абрикосы, персики... У немца с непривычки голова кругом пошла...

... Комната встретила Елену музыкой. Два голоса, мужской и женский, пели страстно и печально. На маленьком экране над письменным столом телевизировалась опера Вагнера «Тристан и Изольда» — утренник из Большого театра. В глубине рыцарского шатра сидели певцы. Широкий сверкающий меч разделял их. В прорезе входа занималось прекрасное утро. Двое сильных красавцев-людей, простирая друг другу руки, пели «прости» и мечтали о смерти. Елена задумчиво дослушала до конца акта, а потом перевела аппарат на другую волну.

Московский день заговорил по радио симфонией голосов и звуков, на экране замелькали залы научных конференций, партийных и комсомольских собраний, аудиторий популярных лекций. День замелькал концертными, хоровыми, танцевальными эстрадами, мотоциклетными гонками, стадионами, треками...

На ипподроме только что окончился заезд колхозных рысаков. Шестидесятилетний конюх, крепкий старик в полосатом свитере, кивая в ответ на рукоплескания, шел в буфет. Рысак его колхоза взял первый приз. Публика шумно вставала с мест.

— А, да что же я-то все сижу? — опомнилась Елена. Она сняла пальто и шляпу и выключила аппарат.

Напевая сквозь зубы, она прошла в ванную и повернула зеркально-яркие никелевые краны.

Вода, громко шепча и присвистывая, вырвалась плотной, алмазно-сверкающей струей.

Елена, полулежа в воде и держась руками за теплые изразцовые края ванны, вдруг вспомнила о сегодняшней встрече...

* * *

Через несколько дней Елена, встретясь вечером с Воробьевым, сказала, что Союз архитекторов предложил ей строить новую здравницу на реке Печоре.

— Север вас не пугает?

— Что вы, Алексей Петрович, напротив, даже очень интересно!

— Тогда сядемте, Елена Николаевна, — сказал он вдруг не обычным, торжественным голосом. — Так вот... могу предложить вашему вниманию другую поездку на север, к нам, в Якутию.

В глазах его было строгое и доверчивое выражение. Она сказала:

— Это неожиданно. Я должна подумать.

— Конечно. Время есть еще. Но я вижу, что вы не все ясно себе представляете. Знаете ли вы, что такое сейчас Якутия?

Он вынул карту и любовно разостлал ее на преддлинном столе. Твердый как железо ноготь прочеркнул под острым углом две длинные линии.

— Вот это новая автотрасса от Якутска до Сеймчана и от Сеймчана до Охотска. Эта новая трасса выводит огромную область к Охотскому морю. Ленская дорога от Тайшета до Усть-Кута, притока Лены... И вот, мы соединены с Сибирской магистралю, а летом по Лене мы опустимся к самому Ледовитому океану. А вот здесь еще новая тысячеверстная автотрасса от Алдана до Лены: она соединяет нас с Дальневосточным краем. Продолжение Ленской железной дороги на Якутов — вопрос нескольких месяцев. Смотрите же, каким мы становимся открытым краем!..

Воробьев увлеченно распахнул руки. Скулы его сияли.

— Каких-нибудь десять лет назад в некоторых наших районах не понимали фразы о «свином рыле» и «советском огороде», в тех местах не знали практически, что такое свинья и огород: их там никогда и не видали!.. А теперь? Я уж не говорю о колхозных и совхозных огородах! Вокруг Якутска вызревают дыни, арбузы, ягоды разные... Якутск, по примеру Москвы, мы озеленяли взрослыми деревьями: прямо из тайги. Но это все уже давно не в диковинку у нас... Хо! В южной Якутии уже несколько лет, как плодоносят мичуринские яблоки, канадская вишня, виноград... Вообразите себе якута, человека этак лет тридцати с небольшим: вырос этот парень среди кочевого племени, мужал на нартах, трепался по тундре. И вот он энтузиаст-виноградарь!

— Были нарты, а стали сады! — весело подхватила Елена.

— Сады наши, Елена Николаевна, растут не только из земли, но и из железа.

— Да, я знаю, что южная Якутия — это очень крупный горнопромышленный район.

— Мощный район, могучий! — и Воробьев упоенно затряс коричневыми кулаками. — Земля точно ждала нас... Известны ли вам богатства Верхоянского хребта?

— Я помню, читала, что там искали олово...

— Ого-го! И нашли, дорогая, нашли! Кроме олова мы открыли там целый сад цветных и драгоценных металлов: медь, цинк, свинец, вольфрам, молибден, никель, серебро... Ну, как это вам покажется?.. А Батомские, Кангаласские железорудные местонахождения? Вы знаете, что это такое? Это сотни миллионов тонн железной руды! — он вынул из портфеля тетрадь иллюстрированного журнала. Шуршащие листы издавали ягодно-кисловатый запах свежей краски. На меловой бумаге синели очертания обширной бухты. Где-то вдали, сливаясь с бледноватым спокойным небом, серебрилась бескрайняя линия горизонта — большая волна, океан. Вдоль длинного мола белели, как гигантские ландыши на высоких стеблях, сотневольтные фонари. Ущелья гор были бархатно сини, а многие окна большого белого пятиэтажного дома распахнуты: в бухте было лето. Около набережной сновали рыбацкие лодки и моторки. На рейде, подняв, как пики, мачты, стояли малокаботажные суда. К молу приставал ледокол. Густой, как кллок шерсти, дым таял в небе: ледокол плавно поворачивал к молу свой закованный в броню корпус. А на бортах его, высоко взнесенные над берегами, выстроились люди. На краю мола вздувалось, выгибалось налитую ветром грудь огромное знамя, и несколько шапок, восторженно взброшенных над толпой, чернели, как крупные бабочки.

— Знаете... и на фотоснимке это выглядит прекрасно. Очень легко воображаешь все это в увеличенном виде... и даже, кажется, ощущаешь...

И Елена, подняв плечи и как-то по-детски моргая, всей грудью вдохнула теплый шпинатный воздух — так вот, кажется, и ощущаешь свежий ветер!

— Что?.. Хорош наш северный ленский порт? Перевернем еще страницу. Смотрите! Вот она, верфь! Видите, какие баржи смолят? Это чтобы во все стороны Союза отправлять наши богатства... Хотите, расскажу вам об угле, железе, лесе, яблонях, золоте, серебре? Хо! Но для первого раза хватит и этого... А для чего я вам все это рассказал?.. За всем этим читай: люди!

И, приподнявшись на носках, Воробьев, полуоткрыв рот, зачем-то еще размашисто записал в воздухе: Л-ю-ди!

— За всем этим, — повторил он, — вы должны видеть шахтеров, золотоискателей, кораблестроителей, колхозников, агрономов, инженеров... Нужно выстроить и расширить десятки крупных рабочих поселков, несколько городков «Динамо», до десятка приисковых и районных домов культуры, школ, здравниц — у нас же в южной Якутии летом жарко, как в Средней Азии. Ну... поедете к нам?

Его темные сильные пальцы крепко, словно руль, сжали оранжевую плюшевую спинку кресла. На лице его светились в сдержанной игре мечтательность и упорство.

— Архитекторов у нас, как и везде, не хватает. Я сразу обрадовался, когда узнал, что вы архитектор. Но, я вижу, вы все раздумываете... Может быть, в моей неуклюжей речи не все убедительно для вас? Я вам представлю цифры, утвержденные планы... Хотите? Нужно вам все это?

Елена взглянула в черные как антрацит глаза Воробьева: слегка поднятые к вискам, они ярко лучились страстным охотничьим упорством.

«Печенег», — как и в первую минуту знакомства, подумала она и невольно улыбнулась.

— Ну? — радостно вскинулся он, — и Елена, совсем неожиданно для себя, решительно кивнула ему.

— Вы рассказывали о таких реальных вещах, что цифр мне, пожалуй, и не надо.

— Именно!.. Хорошо!... — глаза его сверкали. — Когда будем оформлять соглашение? Завтра? Да?

— Да хоть завтра, — ответила она, опять на ходу, торопливо изумившись самой себе. — Только, в таком случае, я должна сначала съездить за сыном.

— Он у отца?

— Нет, мой муж умер, уже третий год.

— Вот как!.. — его щеки вспыхнули кирпичным румянцем. — А у меня жена умерла... в прошлом году.

— А вы будто и рады этому! — бросила Елена. Этот румянец и сорвавшийся голос словно оскорбили ее.

— Нет, почему? — укоризненно возразил он, сразу стихнув. — С женой моей я прожил пятнадцать лет и любил ее. Она была смелая, фронтовая женщина, долго не могла расстаться с кожаной курткой и сапогами. Она была упряма — кремень! — и ничуть не береглась, считала, что «никакой чорт» ее «не возьмет», и умерла от воспаления легких. И вот... Впрочем, простите...

Он как на поединке глянул прямо в глаза хмурой, рассеянно слушающей Елены.

— Чего мне от вас прятаться? Вы правильно поняли! Я рад, что вы вдова признаюсь!.. Все в вас меня радует... выразить не могу! Я за эти дни много думал о вас... так именно люди и влюбляются. Вот этого осложнения вы и боитесь. Вполне естественно: свой

труд, свое творчество вы оберегаете от всяких досадных психологических случайностей. Прошу вас верить: без вашей доброй воли никаких осложнений не будет.

«Вот умница!» — вдруг весело подумала Елена и, расправив свои куньи брови, без слов, с чуть прищуренной понимающей улыбкой, подала Воробьеву белую теплую руку.

Неделю спустя Елена и Воробьев стояли у балюстрады верхнего кафе. Обширная терраса на три этажа выше крыши-сада поднялась, как башня, к темно-зеленому небу.

Как пожар, далеко озаряя небо и землю, сияла ступенчатая белая башня Дворца советов, сотни окон ее горели расплавленным золотом...

Дворец Наркомата тяжелой промышленности вздымался слева от них как гигантский корабль, пронизанный огнями. А дальше, как пожар, далеко озаряя небо и землю, сияла ступенчатая белая башня, сотни окон ее горели расплавленным золотом. Вверху, на высоте орлиного полета, будто властно породнись с полярной звездой, кипел в поднятой руке великана огонь, не знающий пепла.

Воробьев взял со столика дымящуюся чашку. В его загорелых пальцах она забелелась как кролик.

— В прошлом году, — заговорил он, мягко усмехаясь, — привезли в Москву на съезд советов старика-якута, одного из знаменитых наших колхозников. Старик посмотрел на Дворец советов и даже зашатался от восторга. Ленину вверх поклон послал. «Ну, — говорит, — увидел я самое большое чудо света, теперь и умирать можно!» А мы не умрем, товарищ главный архитектор, мы вот подобный домик, хоть и меньше размером, но, в основном, не хуже выстроим... а?

— Это будет, например, дом колхозника, — подхватила Елена и тут же смолкла, точно ушла в тень.

— Что? — осторожно встрепенулся Воробьев. — Вас все беспокоит это письмо?

Елена накануне получила письмо от одного своего старого друга.

— Да. Он пишет путано и даже дерзко, доказывает какое-то свое «право» на отклонение «от нормы и общего движения», и разное другое. А сам, это совершенно ясно, несчастен, и на таком ранжире долго не протянет... Вот он мне пишет, слушайте:

«Ты, пережив все язвы сердца, как небожитель, достигла всего, и потому радости и боли простых серых людей уже недоступны твоему пониманию...» Ах, Андрей, Андрей... Это он намекает, что с десяток лет

назад я была несчастна, разбита, я земли не ощущала под ногами... Но... эта эпоха прошла!..

Женщина гордо подняла голову. Упругая прядка спустилась на ее широкий лоб и заплясала на нем как пучок молодой травы на бегущей волне.

— Он думает, — продолжала она низким негодующим голосом, — он думает, что я, торжествуя, так и врасу в землю как обелиск с выбитыми на нем изображениями славных дел!... Да, я кое-чего достигла. Но тем меньше мне покоя, да его нет и совсем... Я всегда в тревоге: сколько драгоценного оружия надо сохранить острым и метким!... А знания мои, опыт, крепкая моя рука, веселая моя хватка в работе, воображение, чувства... ах, как я богата! Я прокляну себя, если в пятьдесят лет перестану радоваться, что клейкий лист тополя весною пахнет смолкой. Презирайте меня, если через десять — пятнадцать лет я перестану находить силу, ум и красоту в том, что делает другой, пусть годный мне в сыновья...

— А любите вы себя мучить, дорогая! — сказал Воробьев, еще не зная, надо ли ему изумляться или осуждать. — Так нельзя, все-таки.

— Пойдем слушать музыку! — перебила Елена. Глаза ее блеснули. — Чувствуете ли вы, какая в ней буря?

.....

М. ОЛЬГИН

ЖЕЛТАЯ СМЕРТЬ

Фантастический рассказ

М. Ольгин (Мойше-Иосиф Новомисский)
ЖЁЛТАЯ СМЕРТЬ
Журнал «Вокруг света» (Ленинград) № 8, 1929 г.

Рассказ М. Ольгина.

Рис. И. Корсаева.

Из цикла рассказов „1930 год“, печатавшихся в еврейской коммунистической газете „Freiheit“, выходящей в Нью-Йорке

I.

Томас Робинсон, железнодорожный машинист, в 11 час. утра сел в подземку, чтобы поехать домой. В пути он почувствовал себя плохо. Он решил, что просто устал. Всю ночь он работал без перерыва. Однако, когда подземка достигла станции, где ему следовало сходить, Томас Робинсон не мог приподняться со своего места. Ему помогли встать и выйти на платформу незнакомые люди. Дома жена немедленно вызвала врача. Пульс больного бился очень медленно. Томас находился уже в бессознательном состоянии. На теле, пониже грудной клетки, образовался широкий пояс из желтых пятен. Пришедший врач, в свою очередь, вызвал специалистов из клиники. Врачи прибыли в половине второго, когда больной уже еле-еле дышал. Глаза его были раскрыты, но затянуты какой-то желтой пленкой. Губы также приобрели какой-то желтый цвет. Пятна на теле понемногу становились зелеными, затем кожа лопнула. Врачи недоумевали. Им еще никогда не приходилось встречаться с такой болезнью.

Они оказались совершенно беспомощными. В 6 часов Томас Робинсон умер.

Лилиен Вудбридж, учительница колледжа Гопгуда, возвращалась домой. Но дороге она вела очень оживленную беседу со своей подругой Эстер. Обе подруги весело болтали и смеялись. Вдруг Лилиен заметила:

— Мне ужасно жарко. Зайдем — выпьем содовой воды.

Сидя в аптеке на скамейке, Лилиен сказала подруге:

— Знаешь, я сегодня рано встала, и поэтому чувствую себя очень скверно.

Через минуту она так ослабла, что даже не могла стакан содовой воды донести до рта. Стакан упал на землю и разбился. Лилиен положила голову на стол и несколько минут оставалась в таком положении. Эстер стала приводить её в чувство. Лилиен подняла голову и сказала:

— Я ничего не вижу.

Эстер взяла ее под руку и хотела вывести на улицу.

Лилиен при этом шепнула:

— Держи меня, у меня голова кружится.

Не доходя до двери, она упала.

Аптекарь посоветовал немедленно отвезти ее в больницу. Сидя в автомобиле, Эстер почувствовала, что и у нее кружится голова. Все кругом казалось ей в виде каких-то теней. В больнице обеих девушек уложили в одно и то же отделение. Лилиен была без сознания. Эстер еще кое-что шептала, но с каждой минутой голос ее все больше и больше ослабевал. Осмотр показал, что у них обеих опухоль в горле, и что пульс бьется необычайно медленно. На теле показались пояса из желтых пятен. Консилиум врачей пробовал делать им различные впрыскивания, искусственное дыхание, но все было бесполезно. В тот же вечер обе подруги скончались.

Марио Сальво работал на постройке 180-этажного дома, где предполагалось устроить вокзал для аэропланов. Вечером, когда рабочий день кончился, он тут же сел ужинать. Он вытащил из мешка свой длинный итальянский хлебец, луковицу и колбасу и начал есть. Скоро Марио Сальво почувствовал, что руки и ноги у него тяжелеют. Он хотел закурить свою трубку, но руки уже не подчинялись ему.

Утром его нашли мертвым, с желтыми стеклянными глазами и раскрытым ртом. Его вскрыли и нашли, что он умер от болезни, совершенно неизвестной медицине.

Газеты сообщали обо всех этих случаях с большими подробностями. Были даже напечатаны портреты умерших.

В первый день умер один, во второй — два, в третий — опять один, в четвертый — семь, в пятый — десять, в шестой — уже двадцать семь, а затем число мертвых достигло сорока и на этой цифре остановилось.

Газеты сообщали все мелочи, описывали подробно все симптомы этой новой, неизвестной болезни. Были также напечатаны отчеты о научных заседаниях, которые были специально созваны для обсуждения мер борьбы с эпидемией.

В итоге всех этих заседаний газеты пришли к следующим выводам:

1. Эпидемия распространяется лишь среди взрослых в возрасте от 17 лет и выше. Ни один ребенок до сих пор не заболел этой неизвестной болезнью.
2. Эпидемия не затрагивает людей, сидящих дома. Больные схватили эту болезнь где-то на улице.

3. Эпидемия не передается от соприкосновения. Никто из лиц, ухаживавших за этими больными, не заразился.

4. Причина, вызывающая эту болезнь, медицине не известна. Среди ученых образовались два течения, из которых одно утверждало, что болезнь получается от какой-то неизвестной бациллы, а другое настаивало, что она получается в результате какого-то яда, который вырабатывает человеческий организм под влиянием неизвестного до сих пор стимула.

Эпидемия проявляет тенденцию избегать богатые кварталы города, а это привело ученых к мысли о том, что тут имеют большое значение гигиенические условия жизни.

Но последний пункт вызвал большие сомнения в связи со смертью профессора Герберта. Профессор Герберт, известный физик, был женат на миллионерше и жил в самой аристократической части города. В тот день он выехал из своей виллы, находящейся где-то в горах. По дороге он остановился у газолиновой станции, где ему в машину накачали четыре баллона газа. Он ехал на своей собственной машине без шофера. Проехав около сорока миль от этой станции, он почувствовал, что глаза его отказываются смотреть. У него хватило еще сил вылезть из своего автомобиля и остановить мчащийся мимо автомобиль. Оказалось, что он как раз остановил студента, который хорошо знал профессора. Студент хотел было перенести больного в свой автомобиль. Но профессор, заметив симптомы новой, неизвестной болезни, отказался ехать дальше и попросил студента записывать наблюдения над ним до тех пор, пока он будет находиться в созна-

нии. Эти наблюдения были напечатаны на завтра во всех газетах и явились сенсацией дня. Все удивлялись героизму ученого, который в последние минуты своей жизни думал лишь о том, чтобы прийти на помощь науке своими собственными ощущениями и наблюдениями. Среди этих наблюдений профессора были некоторые, которые обратили на себя особенное внимание.

Профессор умер в пути...

**У него хватило еще сил остановить
мчащийся мимо автомобиль.**

Возбуждение в городе росло. Укрепилось мнение, что улица является главной причиной распространения этой «желтой смерти», — так стали называть эту болезнь.

Через несколько дней после смерти профессора Герберта газеты стали утверждать, что болезнь распространяется теми народами, которые прибывают из Советского Китая. Нашлись «собственные» корреспонденты, которые рассказали, что в Китае они сами наблюдали такую эпидемию. Нашлись даже такие ученые, знатоки древне-китайской литературы, которые откопали в старых книгах Тин-О-Таго описание «болезни, которая разукрашивает больных в желтый и в золотистый цвет и одевает на больного слоновый пояс». Газеты писали, что это не удивительно, если Советский Китай страдает от многочисленных эпидемий, ведь страна разорена властью рабоче-крестьянской диктатуры.

Немедленно образовался гражданский комитет, который предъявил главному инспектору здравоохранения требование — немедленно обследовать все китайские пароходы. В тот же вечер в порту собралось несколько сот человек. Вначале они только смотрели на эти таинственные китайские пароходы с их непонятными знаками. Потом толпа начала швырять камни в эти серые пароходы. Полиция не мешала этому. Об этом случае газеты писали в крайне вызывающем тоне. «Пусть они немедленно уберутся туда, откуда пришли», — вопили все газеты в один голос.

II.

В это время собралась «комиссия обороны» при центральном комитете рабочей партии. Эта «комиссия обороны» была организована с целью защиты рабочего движения от полицейских налетов, пока партия остается нелегальной, а также для создания связей на тот случай, если центральные организации провалятся. Собрание состоялось в конторе адвоката тов. Ленарда, тоже члена, комиссии, под видом совещания акционеров общества, приобретшего патент для новой радио-осветительной сети. Для вящей легальности это акционерное общество имело даже собственную лабораторию и собственную контору, в которых работали исключительно партийные товарищи. Официально тов. Ленард являлся юрисконсультom, а тов. Пирс, рабочий-металлист, — техническим экспертом общества.

Когда тов. Пирс открыл заседание, он первым делом счел нужным извиниться, что он опоздал. Ему пришлось два раза спускаться и переждать, пока, наконец, он убедился, что за ним больше не шпионит самолет.

Когда заседание началось, были немедленно выключены все радио, а тов. Пирс включил свой радио-изолятор. Это являлось гарантией, что разговоры в этой комнате не будут подхвачены какими-либо радио-аппаратами. Слово получил тов. Гордон, секретарь комиссии. Он заявил:

— Мы сегодня обсуждаем вопрос об эпидемии. Мне пришлось по этому вопросу провести целый ряд исследований, и вот их итоги:

Среди умерших до сих пор «желтой смертью» находится 42% коммунистов и сочувствующих, среди них 43 председателя фабричных комитетов и 60 секре-

тарей наших партийных ячеек, и 5 из той группы, которую партия делегировала в забастовочный комитет. Оказывается, что среди скончавшихся от эпидемии железнодорожников, металлистов, а также матросов имеется около 60% левых. Цифры совершенно точны. Они взяты все из материалов городского гигиенического бюро, где я получил общие цифры смертности, и сверены с данными наших партийных ячеек.

Гордон поднял свои холодные синие глаза и деловитым тоном заявил:

— Погибли как раз работники наиболее важных в стратегическом отношении отраслей промышленности: металл и транспорт. Это, конечно, не случайно, а говорит за то, что в данном случае мы имеем планомерную атаку со стороны врага. Тут не эпидемия, а планомерное выступление со стороны «Белого креста».

Гордон продолжал несколько минут, наконец, один член комиссии заявил:

— Давайте, прежде всего, разберемся по пунктам. Первый вопрос, который невольно встает, — это, откуда наш враг узнал имена наших товарищей. Неужели мы имеем тут дело с провокацией в грандиозном масштабе?

Гордон на это ответил:

— Это вовсе не так. Там, на фабриках, никто не прячется. Там все знают, кто — левый и кто — член ячейки. Неудивительно поэтому, что и хозяева фабрики прекрасно об этом осведомлены. Что же касается забастовочного комитета, то все его члены являются популярными работниками, которых все прекрасно знают. Я, конечно, не стану отрицать, что мы имеем тут дело с провокацией, но, во всяком случае, она не играет преобладающей роли.

Наступила тишина.

— Если это дело «Белого креста», — спросил Леонард, почему же они прячутся? Ведь до сих пор они всегда оставляли свой знак, прибегая к террористическим актам.

Гордон на это ответил:

— И это можно объяснить. До сих пор они хотели только напугать, а теперь они стремятся совершенно парализовать нас. В чем дело? А ларчик просто открывается: мы готовимся к всеобщей забастовке, и, очевидно, в надлежащих сферах узнали о принятых нами решениях. План наших врагов состоит в том, чтобы, прежде всего, вырвать у нашей организации лучших работников, вызвать панику среди рабочих и задушить забастовку. Обратите внимание на то, сколько председателей фабрично-заводских комитетов и секретарей наших партийных ячеек умерло за последнюю неделю.

— А профессор Герберт? — спросил кто-то.

— Случай с профессором Гербертом служит только подтверждением моего мнения, — улыбаясь, ответил Гордон. — Не всем вам, вероятно, известно, что Герберт находился в очень близких отношениях с нашим центральным комитетом. Он был одним из наших научных экспертов.

После этих слов было принято постановление отложить решение этого вопроса на три дня. В течение этих дней было решено организовать расследование и использовать для этого все нужные связи, а через три дня собраться вновь.

Заседание комиссии состоялось лишь через пять дней, так как комиссия к назначенному времени не успела закончить свою работу. На заседание явились не только члены «комиссии обороны», но и руководящие рабочей партии.

В 11 часов ночи собрание открылось. Из доклада выяснилось, что «комиссия обороны» разделилась на три группы и каждая группа работала в отдельном направлении. Теперь все следовательские группы явились на заседание с собранными фактами.

Группа, которая работала под руководством т. Гордона, прежде всего, занялась опросом друзей и знакомых умерших от «желтой смерти». Удалось даже опросить трех больных. Они не были в состоянии указать какие-либо факты, которые могли бы осветить интересующий комиссию вопрос. Один из них заболел после того, как он пообедал в каком-то дешевом ресторане, находящемся около фабрики.

Другой почувствовал себя плохо за работой, а третий в день заболевания даже и не был на фабрике. Он с семи часов утра находился в рабочем клубе, где товарищи готовились к какому-то пикнику. Себя почувствовал плохо, когда зашел в читальню. Оттуда его уже вынесли на руках. Никто из больных не мог указать, каким образом они схватили эту болезнь.

Тогда нам пришлось искать других путей, продолжал свою речь т. Гордон.

Мы решили: если тут оперирует «Белый крест» или какая-либо другая подобная организация, то она не оставит в покое ни одного рабочего, который открыто выступит в защиту революционных идей. Раймонд предложил всюду и везде стараться обратить на себя внимание своими революционными речами, а мы, со своей стороны, должны были следовать за ним по пятам и следить. Мы знали, что тов. Раймонд рискует при этом жизнью. Мы знали, что и мы, то есть те, которые следовали за

ним по пятам, также должны проявлять максимальную осторожность, чтобы враг нас не заметил. Но мы пошли на это, — другого исхода не было.

В тот вечер мы, каждый в отдельности, зашли в рабочий клуб, где обыкновенно собирается много народу. Мы организовали охрану из четырнадцати испытанных товарищей. Каждый из них должен был находиться вблизи Раймонда и внимательно следить за всем тем, что случится с ним.

В 9 часов вечера Раймонд собрал вокруг себя несколько групп и заговорил с ними о всеобщей забастовке. К нему подошел заведующий клубом и сказал:

— Товарищ, согласно закона в клубах нельзя говорить о политике. Клуб могут закрыть. — Но Реймонд не обратил внимания на его слова и стал издеваться над законом:

— Мы, рабочие, — заявил он, — сильнее любого капиталистического закона. Мы не должны подчиняться всем капризам наших хозяев. Наша задача — установить свои собственные пролетарские законы.

Когда Раймонд кончил, ему хотели задать кое-какие вопросы, но он заявил, что ему необходимо уйти, иначе он может быть арестован. — Кроме того, — прибавил он, — я должен посетить еще несколько клубов.

Раньше, чем оратор ушел, трое из наших товарищей стояли уже за дверью при выходе, двое на тротуаре, а несколько человек были рассеяны по всей лестнице.

Раймонд вышел на улицу. За ним пошел какой-то незнакомый человек в рабочем костюме. Мы все приняли меры к тому, чтобы незнакомец не имел возможности близко подойти к Раймонду до тех пор, пока мы не сочтем этого нужным. Раймонд пошел прямо по

направлению к аптеке тов. Зингера, как было между нами условлено заранее.

В аптеке Раймонд приказал подать себе кое-что выпить. Незнакомец уселся за тем же столиком, что и Раймонд, там же находились и четыре наши товарища, которые не спускали глаз с незнакомца.

Как только служащий аптеки подал Раймонду стакан с водой, незнакомец опустил руку в карман и вынул оттуда какую-то металлическую трубочку. В тот же момент трое из нас схватили его за руки, а еще через момент он уже находился в задней комнате аптеки.

Немного времени потребовалось, чтобы мы добились от него ясного ответа. Оказалось, что дело гораздо проще, чем можно было предполагать. Яд в виде какого-то газа находился в каких-то легких и прозрачных капсюлях, которые с виду напоминали мыльные пузыри. Эти капсюли разрывались от давления воздуха, как только капсюли прикасались к любому твердому предмету. Оболочка лопалась, газ немедленно выходил, и стоило этому газу коснуться кожи, чтобы немедленно получалось отравление всего организма.

Для отравления человека нужно было поставить трубочку против его лица, или против его руки, или к его затылку прижать пружинку, которая выталкивала оболочку вместе с газом. Оболочка, падая на человеческую кожу, немедленно лопалась, при этом получался звук точно от жужжания мухи. В каждой такой трубке находилось пять капсюлей, достаточных для отравления пяти человек.

Все это мы узнали от незнакомца. Мы узнали от него также, что убийцы не боятся отравления, так как раньше чем их посылают на эту работу, им делают прививки, которые предохраняют их от отравления.

Все это мы узнали третьего дня вечером.

Вчера на фабрике и словили еще двух отравителей. Мы от них хотели добиться кой-каких подробностей о всей организации этого дела, но оказывается, что дело организовано весьма конспиративно. Каждый низший агент знает только одного представителя, который имеет дело с десятью агентами. Все же нам удалось сегодня захватить одного такого «представителя».

Гордон вынул из кармана коробочку и раскрыл ее с большой осторожностью. Внутри коробки лежала металлическая трубка величиною приблизительно в механическое перо.

Все глаза устремились на это таинственное орудие. Все молчали. Наконец, Ленард спросил:

— А противоядие?

— Противоядие мы захватили у «представителя», — ответил Гордон и вынул из жилетного кармана небольшую коробку, в которой лежало несколько пилюль.

— На одной из этих пилюль мы при внимательном изучении нашли клеймо «Государственный техноинститут». Это клеймо до того незаметно, что только посредством увеличительного стекла можно было прочесть его.

Следующий отчет был сделан тов. Пирсом о работе своей группы. Они, одиннадцать человек, пришли поздно вечером к газолиновой станции, где останавливался в свое время профессор Герберт. Двое из них в спецодежде заняли станцию и держались там, точно свои люди, так что если бы кто-либо зашел в этот момент на станцию за газOLIном, он бы ничего не заметил. Остальные захватили служащих станции и отвели их в поле. Там они их подвергли допросу, и один из них, самый младший, сознался, что, действительно,

они отравили профессора Герберта. Никаких трубок с ядом у них не оказалось, они заявили, что у них все было забрано после убийства профессора, но зато у них оказалось несколько эмблем «Белого креста». Они соznались, что, действительно, яд они получили от «Белого креста».

— Мы решили, — продолжал Пирс; — остаться на станции и наблюдать за автомобилями, которые прибывают сюда. Мы внимательно всматривались в лица приезжающих. Мы решили, что посторонние люди не удивятся, если они вдруг заметят незнакомых людей на станции, но те, которые имеют кой-какое отношение к убийству Герберта, наверное, будут весьма изумлены, если они вдруг увидят нас на станции. Мы просидели там всю ночь до самого утра. Арестованных служащих мы отослали в город на одну из наших квартир.

Рано утром началось движение автомобилей. До 9 часов утра мы ничего подозрительного не заметили. Около девяти к станции примчался какой-то автомобиль, на котором находились молодой человек и барышня. Автомобиль хотел было уже остановиться, но молодой человек заметил нас. Я сразу обратил внимание на то, что его лицо как будто передернулось. Он было хотел повернуть автомобиль назад, как выскочили остальные наши молодцы и задержали их. Мы не ошиблись.

Оказалось, что задержанные нами были: молодой Фаррадей, отец которого стоит во главе пушечного треста; барышня оказалась секретаршей старого Стайвесента. В автомобиле мы нашли несколько пачек яда и противоядия. На каждой пачке был написан адрес, куда она должна была быть доставлена. Оказалось, что молодой Фаррадей развозил яд «желтой смерти».

Третья группа во главе с химиком д-ром Лайенсом занялась обследованием химических лабораторий, чтобы найти там кое-какие следы. Д-р Лайенс сообщил:

— Нам долго не пришлось искать. Я давно знал д-ра Шермана и знал, что он, хотя и непартийный товарищ, но весьма честный человек, которому можно доверить тайну. Я слышал о том, что он занимается исследованиями и изысканиями новой болезни, и я через третьих лиц назначил свидание с ним. Мы встретились в верном месте, и я прямо поставил ему вопрос: что известно ему о новой болезни?

Вначале он несколько мялся, но когда я ему дал понять, что именно мы подозреваем, он мне рассказал следующее:

— Через пять дней после начала своих работ он натолкнулся на истинные причины болезни. Однажды вечером к нему в лабораторию явилось двое незнакомцев, которые оказались тайными правительственными агентами. Они заявили ему, что он должен немедленно прекратить свои работы по этому делу, и если этого не сделает, то сам падет жертвой «желтой смерти». Они при этом прибавили, что если он кому-либо расскажет об этом разговоре, он этим самым подпишет себе смертный приговор. Д-р Шерман вообще не трус, но он понял, что при таких условиях, если ему даже и удастся сделать соответствующий анализ и найти составные части яда, он все же не будет в состоянии оказать помощь больным и предохранить их от этой болезни. Он поэтому прекратил свои работы в этом направлении. Одно ясно, как для Шермана, так и для нас, — что мы имеем тут дело с какой-то планомерной атакой со стороны господствующих классов. Вот все, что я могу сообщить, — закончил д-р Лайенс.

Все отчеты были заслушаны.

Необходимы энергичные действия, каждая минута дорога, и поэтому собрание немедленно перешло ко второму пункту повестки дня: — к вопросу о том, что необходимо предпринять.

Вопрос состоял в том, что нужно предпринять. Враг решился применять необычные меры: он пошел на массовые убийства рабочих и рабочих вождей. Все это делает он втайне, и благодаря этому ему удалось навести панику на рабочие массы. Убиты сотни рабочих, которые были бы чрезвычайно полезны при предстоящей всеобщей забастовке. Очевидно, что враг не остановится и перед дальнейшими убийствами, ибо он не хочет допустить всеобщей забастовки.

Дебаты были короткие, но очень горячие. Столкнулись три мнения: одни стояли за то, что необходимо немедленно выпустить летучки и объявить в нелегальной печати всю правду об этих отравлениях. Другие предлагали призвать рабочие массы на демонстрацию против этих убийц, а третьи находили нужным, чтобы партия ответила на террор террором.

Третье мнение вначале встретило мало сочувствия. Партия, указывали тут же, является массовой партией, — она привыкла вести борьбу через массы. Если приходится иногда идти на столкновения с полицией, с войсками, то такие действия ясны и понятны всем рабочим. Но проводить террористические акты через головы масс партия не имеет права, не говоря уже о том, что еще неизвестно, принесут ли они пользу.

Под конец дискуссии тов. Брен, один из ветеранов партии, взял слово. Он говорил спокойно и деловито.

— Мы не можем сообщить широким массам о нашем открытии — заявил он, — так как мы не можем этого доказать. Если мы выпустим какую-нибудь ле-

тучку, то в ответ на это капиталисты выпустят сотни газет и журналов. На одно наше сообщение о захваченных убийцах-отравителях они ответят тысячами фактов о якобы раскрытых советских отравителях, коммунистических агентах, еврейских кровопускателях и т. д. Самый факт массового отравления до того нов и необычен, что даже сочувствующие нам рабочие не поверят нам. В лучшем случае они будут сомневаться. Необходимо долгое время, пока массы привыкнут к методам борьбы нашего врага. Кроме того, какая польза получится от того, что мы опубликуем эти факты. Разве нам удастся таким путем приостановить убийства?

Тут говорили о том, что нужно повести рабочие массы на открытую демонстрацию против убийц. Одно дело — идти против полиции, или против солдат, или даже строить баррикады, — тогда каждый видит врага собственными глазами, у каждого таится надежда, что ему удастся, благодаря своей энергии, победить или переубедить врага, но совсем другое дело, когда приходится иметь дело с неизвестной и ужасной эпидемией, когда никто не знает ее причины и мер борьбы с ней. Я вполне допускаю, что наши враги пойдут на то, чтобы в самый разгар демонстрации отравить тысячи рабочих. Мы должны сознаться, что враг получил такое средство борьбы, которое дает ему огромный перевес.

Мы должны подойти к этому делу с другой точки зрения. Мы готовились организовать всеобщую забастовку. Мы хотим совершенно приостановить всю экономическую жизнь страны. Можем ли мы призывать рабочих на такую забастовку в тот момент, когда над всеми висит опасность «желтой смерти»?

Имеется только один исход: массы должны захватить в свои руки фабрики, арсеналы, склады ядовитых газов, лаборатории, крепости и т. д., и таким образом обезвредить капиталистов. Но это значило бы захватить власть, а этого ведь можно добиться лишь в результате нашей борьбы, а не в самом ее начале.

Брен опять приостановился.

— Это будет не отказ от массовой борьбы, а лишь средство для того, чтобы очистить нам путь от одного лишнего препятствия. Короче говоря, я предлагаю применить по отношению к нашим врагам то самое средство, какое они применили по отношению к нам, а именно — на смерть ответить смертью. Правда, наша партия всегда была против индивидуального террора, но ведь мы делаем исключение для провокаторов. Когда мы ловим провокаторов, то и наш приговор один — смерть, а здесь мы имеем дело с провокацией в огромном масштабе. Мы поэтому должны ответить на удар врага таким же ударом. Мы это дело не вынесем на широкое обсуждение пролетарских масс. Мы мобилизуем наилучшие и наиболее испытанные элементы нашей партии. Мы должны помнить, что наша партия сейчас — это не та маленькая организация, каковой она была 10—15 лет назад. Мы теперь имеем в каждом правительственном учреждении, во всех высших экономических и политических организациях и даже в собственных домах миллиардеров своих людей. Эта сеть и должна оказать нам огромную помощь в тот момент, когда мы приступим к захвату власти, но она поможет нам и теперь, когда мы нанесем контр-удар отравителям. Мы должны вселить страх в сердца властителей, чтобы они остерегались впредь таких шагов.

Эта фраза, ставшая потом исторической, звучала теперь с полной уверенностью в успехе дела.

III.

Синклер Семюр, директор центрального банка внутренней и внешней торговли, сидел в своем кабинете, находящемся в 61-м. этаже шикарного дома. Мистер Семюр слушал доклад своего секретаря и в это время осматривал свой стол. На одной половине стола были расставлены различные трубки, кнопки, а с потолка к письменному столу было спущено несколько проволок.

Синклер Семюр прислушивался к докладу своего секретаря, но при этом не мог удержаться от чувства радости и довольства, которое охватило его. Он только что провел одну сделку, благодаря которой вся трансафриканская железная дорога попадала в его руки. То, что секретарь ему рассказывал, ему было прекрасно известно с первого слова. Он был одним из трех властителей страны. Он чувствовал себя королем и властителем этого колоссального города.

Одним взмахом руки он покончил с докладом секретаря. Ему все ясно, — больше не надо. Секретарь поклонился и исчез.

Послышался шум. Одна маленькая перламутровая пластинка осветилась. Это был сигнал секретной радио-сети, которая соединяла чрезвычайно узкий круг людей. По этой цепи велись разговоры только на самые экстренные и важные темы.

— Слушаю, — сказал Семюр.

Послышался незнакомый голос. Кто-то говорил:

— Говорят от имени центрального комитета рабочей партии. Нам прекрасно известны причины так называемой эпидемии, которая распространилась по городу. Нам известно, что вы являетесь инициатором

этой эпидемии. Центральный комитет требует от вас немедленно прекратить это отравление. Вам дается срок до завтрашнего вечера. Если эпидемия завтра не прекратится, вы заплатите своей жизнью.

Все это показалось до того неожиданным и невероятным, что вначале Семюр принял это заявление за шутку одного из своих друзей, но с такими вещами не шутят. К тому же голос, говоривший это, был совершенно незнаком Семюру. Как они раскрыли секрет этой радио-цепи? Неужели это вообще возможно?

Он немедленно опросил всех семерых человек, которые были с ним объединены в этой радио-цепи, и спросил их, не говорил ли кто-либо из них только что с ним. Но никто не говорил, и никто понятия не имел о таком разговоре.

Синклер Семюр был человеком действия. Минут через 20 он поднялся со своего места и сказал:

— Эта компания хочет меня напугать, но это не пройдет. Надо усилить дозу.

Генерал Пуркинс получил такое же сообщение у себя на вилле. Он только что вернулся к себе домой после парада. Он сидел в своем прекрасном саду под каштановым деревом и играл с собакой. Генерал Пуркинс, несмотря на свои 60 лет, выглядел еще хорошо. Высокий, с жилистыми руками и с телом, точно выточенным из крепкого дерева, он производил впечатление, что ему еще предстоит долго, очень долго жить. Он теперь отдыхал.

Солдат принес ему пакет с печатью главного штаба.

— Только что получено, ваше превосходительство!

Генерал Пуркинс вскрыл пакет и вынул оттуда бумагу. На бумаге было написано:

«Вы являетесь председателем тайной террористической организации «Белый крест». Вы и ваши люди отравили массу рабочих. Центральный комитет партии предупреждает вас, что если вы до завтрашнего дня не приостановите отравлений, вы заплатите своей жизнью».

В тот же час министр труда Стоун получил такое же сообщение, находясь на яхте своего друга, редактора-миллионера Стивенса.

Это случилось во вторник, а в четверг все вечерние газеты были полны сенсационными сообщениями о том, что в последнюю ночь умерли: миллиардер Синклер Семюр, министр труда Стоун и генерал Пуркинс. Газеты сообщали об этом огромными заголовками, но никаких подробностей о причинах этих смертей не приводили. Сообщалось только, что Семюр умер в тот момент, когда находился в гостях в вилле знаменитой французской артистки мадам Эстель. Генерал Пуркинс умер у себя на городской квартире, куда он приехал со своей дачи. У него на квартире было всего три солдата — его личная охрана. Министр Стоун в четверг утром вылетел на военном аэроплане в город и по дороге выпал из окна аэроплана. Его тело до сих пор не найдено.

В четверг эпидемия желтой смерти поглотила свое обычное количество жертв, а в пятницу пять весьма видных лиц: председатель стального треста, председатель железнодорожного треста, министр промышленности и торговли, директор техно-химического института и председательница патриотического дамского общества «Нордик» получили следующие сообщения:

«Семюр, Пуркинс и Стоун погибли в наказание за свою инициативу в деле распространения массового

отравления, так называемой «желтой смерти». Они были предупреждены о том, чтобы приостановить отравление, но они не послушались. Мы предупреждаем вас, что если отравление не приостановится завтра, в субботу, вы все заплатите своей жизнью, как виновные в массовом отравлении. Это сообщает центральный комитет партии».

Это сообщение было разослано в пятницу. В субботу «желтая смерть» еще бушевала, а в воскресенье все эти пять человек умерли смертью, весьма похожей на «желтую смерть».

В понедельник, между 12 и 6 часами, двенадцать финансистов и видных правительственных чиновников получили такое же предупреждение. Во вторник эпидемия еще продолжалась, и казалось, что она усиливается. Среди умерших — два члена центрального комитета и один член комиссии обороны, но они погибли от револьверных выстрелов, а в среду сообщение центрального комитета с предупреждением о смертном приговоре было получено 24-мя видными деятелями. Каждый из них вместе с тем получил и список 24 лиц, которые были приговорены к смерти, а в пятницу 22 из них умерло.

В пятницу ночью состоялось заседание правительства, а также директоров центрального треста. Во всех газетах крупными буквами было сообщено, что на этих заседаниях будет обсуждаться вопрос об эпидемии и о мерах борьбы с нею.

Когда члены ЦК прочли это сообщение, они поняли, что капиталистический мир дрогнул. К этому заседанию были доставлены радио-сообщения с предупреждением, что если эпидемия не прекратится, то и ЦК продолжит свою террористическую деятельность.

ЭМИГРАЦИЯ

КРУГ.

2

МОСКВА-
ПЕТЕРБУРГ.

4023

НИКОЛАЙ ОГНЕВ

ЩИ РЕСПУБЛИКИ

Фантастический рассказ

Круг. Альманах артели писателей, книга 2, 1923 г.

*Восстановление хозяйственной мо...
(Надпись на обертке для табаку Д.Г.Т.Ф.).*

Глава медлительная

Слесарь от Грубера и К^о, а теперь шестнадцатая государственная, — Петр Иванович Борюшкин ехал в дальнюю губернию за картофелем. Под лавкой вагона, в темноте, ехал и мешок Борюшкина с двадцатью фунтами соли и четвертью очищенного денатурата, — мешать.

Велосипед замечателен стрекозиным трепетанием спиц, аэроплан похож на плавающего коршуна, а вот поезд... поезд, это — живой, конечно, организм, но — фантастический, далекий от природы: дракон. У дракона есть сердце: лязг буферов, стук колес о соединения рельс, мерное похлопывание металлических площадок, — вот биение драконова сердца. Музыка этих звуков работает правильно, и даже тогда, когда составитель клеит хромой на все ноги вагон, то — так тому и быть: значит, сердце с перебоем; а поезд, все-таки, живой.

Но вот, когда нахрапом, задом, хлебовом, — захлестнет живой этот организм промышляющая Россия, вцепится сапогами, шинелями, пальцами, мешками, мешищами, мешочками, навалится ехать: вези, боле никаких, не желая мыслить в обще-государственном масштабе, — сердце замирает, стихает, стучит чуть слышно, тут даже чумазики с клейкими масленками не помогают, хоть и хлопочут — бегают, как гномы, — замызганные, озлобленные железные гномы железной Революции. А без работы сердца не может существовать организм, — он становится, тоже стиха-

ет; и бессильно пыжится тогда драконов мозг, — машина; идет от нее пар во все стороны, словно от тяжелых дум; а сама — ни с места.

А в поезде:

- почем картошка —
- до чего дожили —
- мать твою за ногу —
- при царизме лучше было —
- господи матушка царица небесная —
- в советской России стекол не полагается —
- говорят, хлеб-то скоро миллион.

Ну, конечно, здесь-то он от нечего делать четче всего и щелкает, звериный оскал засебятины, и ощеряется, и прет изо всего черного вагонного нутра, а засветишь зажигалку — уже подмигивает из беззубого рта крестящейся старухи, и криком кричит из кучи грязных пеленок на багровых бабьих клешнях; погаснет зажигалка, — оскал щелкает еще злей, яростней, отчетливей, — того и гляди перекусит железное драконово горло, того и гляди вопьется в стальную огнедышащую грудь, того и гляди сожмет клыками ослабевший, но чугунный ход сердца, — и опрокинется Революция, станет, как часы, и — под откос — назад.

Стал дракон. Захотелось Петру Иванычу от махорки, от тяжелого духа — на волю, вот он и полез. Людей было набито, как червей в коробке удильщика, — и — как червь, с натугой, выползал Петр Иваныч наружу. Со всех сторон:

- куда прешь —
- не усидел —
- носит вас, чертей —
- что тебе: в вагоне места мало —
- не толкайся, сволочь несчастная —
- погоди, батюшка, я посторонюсь —

— да пррроходи, чтоль —

но червем-червем — выполз все-таки Петр Иванович, выпихнулся в холодный воздух, ощупал карманы, и тут же услышал:

— Кто по дрова? С каждого вагона по пяти человек — дрова грузить к паровозу. Не погрузите — не поедете.

Какой-то темный рядом сплюнул, пыхнул в темноте мирной, багровой папироской и ответил с сочувствием к Петру Ивановичу:

— Деньги взял, так вези; сам погрузишь и повезешь.

Но Петр Иванович бодро гаркнул:

— Надо идти, —

и, расталкивая толпившихся у подножек, побежал по краешку насыпи к паровозу, вперед, узнал, где дрова, сунулся по твердой грязи к длинной, заиндевевшей поленице, наложил было на плечо тяжелого осинового полуторнику — и остановился, прерывисто дыша и глядя на слабо мерцавшую вдали паровозную топку: не то, что по пяти человек с вагона, а и никто, кроме Петра Ивановича, грузить дрова не пришел.

Вдали кто-то долго и хрипло откашливался, мерцали красные точки папирос, но к дровам никто не двигался, и даже, как будто, и около площадок стали стихать разговоры: должно быть, постояв, лезли в вагоны, греться.

Петр Иванович недоуменно швырнул дрова на землю, — они застучали, как кегли, — а сам, обмахиваясь от сора, медленно пошел к своему вагону. Втиснулся в вагон и прислушался: из темноты ползла ленивая руготня, вздохи, зевки и храп.

— А дрова грузить на паровоз? — громко и злобно сказал Петр Иванович.

— Без нас обойдется, — ответили с пола. — Тереха, дай свернуть.

— Свернуть! Свернуть! — затрепыхался Петр Иванович. — Шею вам, чертям, свернуть, больше нет ничего! Вы что же думаете? Лакеи за вами есть, дрова грузить? Бездельники! Думаете, поезд сам пойдет? Черви навозные! Все, все должны отвечать! Все транспорт громили! Эй ты, — встань, встань, встань, тебе говорить! Выходи, сукин сын, к паровозу! Ах вы, тунеядцы! А?

— Да ты что разорался-то? — робко ответил кто-то в стороне. — Тебе больше всех надо, что ли?

— Коммунист, наверно, — вздохнули наверху.

— Сам ты коммунист, а я господа бога помню, — взъерепенился Петр Иванович. — Ты думаешь вас, чертей, правительство накажет? Бог, бо-ог вас накажет, вот кто! Он, батюшка, всех разыщет! Крестьянство! Мужичья страна!.. Пни! Насекомые, вот вы кто! Каждый старается для себя сделать, а для других задом дернуть не хочет! Вставай, вставай, — ты, стоеросина, выходи к паровозу! Эй, ты, валенок, слезай с полки, да слезай — тебе говорят, силом сдерну! Пни!

В ногах Петра Ивановича зашевелилось, одновременно кто-то насел на него, тяжело дыша; еще кто-то, кряхтя, тиснул в его плечо, — и навалом — в тесноте горячих тел — поперло Петра Ивановича на площадку и вывалило наружу. Петр Иванович ляпнулся на мерзлую землю, ушиб руку, но тут же кто-то молодой и звонкий закричал:

— Где дрова, ребята? Наскакивай! Даешь Варшаву!

А из вагона выскакивали все люди да люди и, подпрыгивая, неслись к паровозу.

Через десять минут тендер навалили с верхом и машинист, высунувшись, сказал:

— Довольно... Чего стараетесь! Все равно скоро не поедем: — дрова сырые.

— Как чего стараемся? — задорно ответили снизу. — Для тебя и стараемся: печку затопишь, щи сваришь.

— Советские.

— С селедкой.

— Правильно, — важно подтвердил Петр Иванович. — Щи советской страны. Щи республики.

Глава сравнительная

Яга Малявиха, баба сухая — жилистая — крепкая на руку, только что вернулась к своей избушки на трех курьих ногах с бестолковой и бесплодной гоньбы по лесу. Скинув кашемировый полушалок и пхнув помелом ступу, отчего ступа немедленно закувыркалась в сарай, — Малявиха вихрем влетела в избушку; не найдя того, кого искала, выскочила наружу, плюнула на все четыре стороны и, заложив сухие, костлявые пальцы в рот, засвистала пронзительным, раздраженным посвистом.

В ответ по лесу раздался сухой, медвежий треск хвороста и, ломая кусты, на поляну к избушке с виноватым видом вылез серый, лохматый малявихин сожитель, — пожилой леший Егорко.

— Ты что же это, старый хрычина, а? — завизжала Яга, шаря привычный у двери ухват и, не находя его, разозлилась еще пуще. — Ты что же это, а? Теперь за тобой еще народ посылать что ли, мухоморина несчастная?

— А ты постой, погоди, Аленушка, — добродушно скребя в затылке, попытался возразить леший. — То-

го... как его? Я было по грибы ударился: дай, думаю, — того, как его?... Свежих зародушков Аленушке... Как его?... На ужин.

— Очень мне нужен твой ужин! — заверещала в ответ Яга, нашарив, наконец, ухват и вертя им в воздухе перед самым егоркиным носом. — Ходишь по лесу, космач косоглазый, да летошний снег разыскиваешь! И-ишь, ноздрю-то распялил на всю улицу! Из-за тебя, старого дармоеда, по всей округе ни одной лошади не найдешь, — всех распугал, перебендень голозадый! Даром, что ли, ни свет, ни заря, я — работница несчастная, подымаюсь, да до вечера ступу мочалую? Даром я мои силушки трачу? Что ж — помирать нам, безлошадным, таперь из-за тебя, из-за бесспинного? На чем картошку с заднего огорода будешь возить, а? Говори!

— Придется, ин, Аленушка, умирать и впрямь, — неожиданно спокойно для Яги ответил леший. — Камуна, что ль, какая землю русскую рушит: водяной на Бучихе намерднись сказывал... Прет их быдто несметная сила, у хресьян картофель отбирают и такое делают, что смерти подобно.

— Я те вот покажу камуну, — уже смягчаясь, воркнула Малявиха. — Велю вот русалкам защекотать тебя до родимчика, и про камуну позабудешь. Иди, что ли, шти разогрей вчерашние, не то попрет тебе от меня ухватом по харкалу... Последней ноздри не досчитаешься.

— Да я что ж, Аленушка, мне что, — смирно сказал леший и боком, мимо Яги, просунул в избу.

В это время из кустов на полянку выпорхнула крохотная малявихина внучка Кикиморочка. Вертясь и гримасничая, она на одной ножке подскакала к Яге и уверенным, привычным к ласке движением схватила бабушку за руку.

— Ах ты, умница моя хорошая, — сказала Яга, глядя внучку по зеленоватым волосам. — Пришла навестить бабушку.

— А я где была-то, баушка, — ласкаясь, ответила Кикиморочка. На самой чугунке! Народу там, народу! И все за картошками едут. И у каждого мешок за плечами. А Водяной на Бучихе рассказывает, будто это — камуния, баушка.

— Ах он, старый пес, — свирепо взвизгнула Яга. — Да можно ль так дитю пужать? Егорко, где ты там, поганкин отец, копаешься? Иди сюда, брось шти, — дело есть! А ты, внучка, — беги, отвори сарай.

Леший, кряхтя, вылез из избы и с виноватым видом уставился на Ягу, а Кикиморочка вприскок бро-силась к сараю и отворила его: тотчас из темноты сарая неуклюже повалила на поляну ступа и, поворачиваясь ржавыми, давно нечищенными держалками, стала перед Ягой.

— Ну, ты вот что, Егорко, — сказала Яга, подняв подол и залезая в ступу длинной и острой костью ноги. — Ты скорей скорого жарь на Бучиху да скажи там водяному, чтоб к вечеру на чертовом болоте согнал всех русалок, какие не заняты. Да чтоб у меня живо, — одна нога здесь, другая там, без никаких! А ты, внучка, беги к этому народу, что с чугунки слез, да замани их к болоту, дорогу им спутай. Знаешь, как сделать, деточка?

— Знаю, баушка, — весело ответила Кикиморочка и юркнула в чашу кустов.

— Поворачивайся и ты, — крикнула Яга лешему и вдруг, взмахнув в воздухе пестом, заревела так, что по лесу заухало и отозвалось со всех концов. — Покажу я нехристям, как матушку Русь крестьянскую забижать.

И, ударив со звоном ступу по боку, размахивая помелом, Малявиха понеслась в чашу.

— Выдумает, — добродушно сказал Егорко и, махнув рукой, поплелся было в избу за шапкой, но в дверях осекся, чуть не в живот упершись мохнатому, волосатому парню в солдатской шинели в накидку.

— Выспался, что ль, Верлиошенько? — ласково спросил леший и корявой ладонью постукал любовно парня по животу.

— Вы-спишься у вас, — спросонья сердито ответил парень. — Куда это мать понеслась?

— Все насчет лошадей рыскает, — вздохнул леший. — Опять же на Бучиху идти наказывала, все беспокоится, все беспокоится...

— Орут-орут, поспать всласть не удастся, — зевнул парень. — У нас на фронте, под Якобстатом, и то спокойней было.

И вдруг нагнулся, пхнул разом — руками и ногами — землю, и взлетел, как белка, на самую верхушку ближайшей сосны. Сосна закачалась вольно и плавно, как от ветра, а на сосне заухало, закурлыкало, заворчало — совой, куликом, лесным волосатым Верлиокой.

Глава крестоводительная

...С гордостью: — сам очищал — углем — луком — солью — яйцом. Оттого и вкус имеет крепкий, пронизательный.

— От нее жиг в нутре. — Отчищать надо не так; отчищают перегоном, все одно, как самогон.

— Пейте, ребята, не скисняйтесь. На обмен хватит. Я думаю, мужики за нее все отдадут, с душой. Так ты говоришь, был в этих местах?

— Вдоль и поперек знаю. Вот, сейчас, за речкой, угорье, за угорьем пойдут леса. А в лесах этих — дерев-

ни, деревни... не сочтешь. Есть и отдельно, на хуторах, тоже менять можно...

— А не пора ль трогать, ребята? Дело видать, к ночи.

Петр Иваныч вытер руки о бумагу, закупорил бутыл, заботливо засунул ее в мешок и — встав, выпрямившись, почувал себя не Петром Иванычем, а вольным, беззаботным Петришкой девятьсот пятого года, когда гордо ходил по темным проулкам с дробовым франкоттом в руке и охлацивал городских, отбирая у каждого по солдатскому нагану и по селедке, когда был беспартийным депутатом от беспартийного Грубера и К° и когда. Вольно вдохнул в себя ветер и пошел за попутчиками, гордо озираясь кругом. Угорье прошли промахнули — не заметили, а за угорьем навстречу поплыла прозрачно-черная лесная мгла, бодрила, но подмораживала пальцы и тонкими струйками вползала в рукава и за воротники. И — если бы внутри огненными цветами не цвел денатурат — Петришка, пожалуй, подумал бы об оставленной дома фуфайке. Но что там фуфайка, к черту фуфайку, — в девятьсот пятом фуфаек не было, а просто в одной рубашке по темным, морозным проулкам с франкоттом в руке... эхма! Грел вольный дух.

— А долго ль еще идти-то, всю ночь пройдем, — начал было Петр Иваныч, но почувствовал, что идет по болоту; кругом было черно; липкая лесная мгла окутала даже верхушки деревьев. Только слышно было, как там, наверху, ветер ведет тонкую, дрожащую, больную песню, — предвестницу лесной осенней бури.

— Так нельзя, — решил Петр Иваныч, и остановился, достал из мешка свою бутыл; приложился, жгуче обливаясь, и раз, и два, и три; и не успел дотянуть третьего, самого длинного, огненного глотка, как вновь

почуял бодрость, стал из Петришек Петришкой, и под ногами стало ровно, словно и кочек не было; быстро и дробно пошел; остановился, с размаху налетев на людей. В темноте стояли они и к чему-то прислушивались.

— Здесь ктой-то есть в лесу, — тихо сказал один. — Меня ровно в плечо пихнули.

— Кто?

— Ась?

— Верно, ктой-то.

— Ты, Серега?

— Я.

— Трахни из пушки.

— Ба-бах, — треснул и рассыпался по лесу револьверный выстрел, осветив на мгновение корявые стволы деревьев. И не успели замолкнуть отклики выстрела, как в уши вошел, въедаясь, пронзительный, злоеущий посвист, от которого закрипели, качаясь, деревья и посыпалась на землю сухая листва. А в ответ на свист — не то стон, не то хохот, не то зов пошел по лесу и по болоту, и резкий буревой ветер с дождем и снегом налетел на путников.

— Бей в них опять, ребята, — загоревшись звуком выстрела, закричал Петришка, но осекся: странно и слабо прозвучал крик.

— Ты, что ль, Серега?

— Я.

— Валяй опять.

— Сейчас. — А Петришка почувствовал, как что-то нежным, но неудержимым движением тянет его книзу, как рассудок затуманивается сладким, похожим на сон, чьим-то шепотом, как звенят какие-то таинственно-властные слова и обволакивают с ног до головы невыразимо ласковым щекотом.

Петришка повернулся, и хотел было бежать, но наткнулся на дерево и поцарапал щеку; думая, что нужно от кого-то отбиваться, поднял сук и хватил им вперед, в ночь. Сук треснул и перелетел пополам. Тогда внезапно в Петришкины уши вошла мертвая, шипящая тишина и он, подумав: — Что ж я, дурак, с деревьями-то дерусь? — сел, раскарячившись у дерева и замер; слышал еще, замирая, как кто-то захлебывался в трясине и хлюпал ртом: — уп, уп, уп. Потом тишину прорезал снова тот же мертвящий, призывный свист.

— Да палите же, ребята, — надрываясь, кричал Петришка. — Их здесь много, а никого не видеть.

— Го-го, — отдалось в вершинах деревьев, и на Петришку налетело, закружило, замело: — Да не сдамся, не сдамся, — подумал он, вскочил на ноги, шагнул и провалился по колено в трясину; схватился, чтобы удержаться, за ветку и вдруг понял, что не ветку держит в руках, а чью-то худую, косматую, жилистую руку; темное, страшное лицо наклонилось к Петришке и обдав ледяным дыханием, шепнуло, захлебываясь: — Пойдем, миленок, какой ты складный.

Петришка хотел крикнуть, не смог: задохнулся холодной струей чужого, черного дыхания; грузно сел на землю и уж на земле к его губам прильнули ведьмовским поцелуем твердые, страшные губы. А ладонка на что, — вдруг горячо пошло по спине и наполнило грудь. Последним усилием рванул себя за шиворот и поймал за веревочку материнское благословение, — ладонку. И тотчас ослабло, отпустило, отлегло; пошел все дальше и глубже мертвящий свист. Упершись рукой в корень, вскочил Петришка на ноги. И все еще держа в руке маленькую, неслышную ладонку, двинулся вперед, — туда, где играл между деревьями, отливая красными лучами, синий огонь.

Глава щи республики

У порога избушки остановился и опять приложился к бутылки; вход был низок и темен, и Петришка до звону в ушах бацнулся о притолку головой; из сенец раскрыл двери и остановился: от синего огня вытянул руки, как корни похожий на пенё мужичонко, и прямо к Петришке навстречу.

— Здоровы бывайте, — болтнул Петришка не своим голосом и всем телом подался к огню.

— А ты не бойсь, мил человек, — добродушно гуднул мужичонко. — Мы — того... как его... не нехристи какие. Обогрейся, оклемайся.

— Что же это у вас в лесу-то... — начал было Петришка, да поперхнулся: над огнем, блистая зелеными лучами пялились на него большие лесные глаза; — не волк ли? Нет, не волк, — девочка; сидит на печи, над огнем, а сама мешает в котелке, а котелок на огне; глядит на Петришку; чудно.

— Чья такая? — спросил Петришка и, чувствуя жар в спине, попятился к двери.

— Не бойсь, не съест, — утешил мужичонко. — Она у нас не кусачая. Она у нас, говорю, удобная. По картошке с чугулки, что ль? Садись, гостевать будешь.

— По картошку. — Сел на край лавки, принялся дрожащими пальцами распутывать мокрые обмотки, а язык непрошенно выговаривал затекшие слова. — Лес-то у вас что! Лес-то, а? Лесина-то... Ну, и лес!

У печки молчали, обмотка не развязывалась, и Петришка откинулся спиной к стене; и тотчас в глазах понеслись, прижимаясь, зеленые звезды и яркие, желтые круги; рот и горло загорелись мучительным, жгучим пламенем, и язык, еле поворачиваясь, выговорил:

— Пить... пить...

Сухие, перегорелые губы с трудом поймали край берестяного корца; холодный, льдистый квас так бы и лился без конца в горло; но за корцом опять встали те же лесные безмолвные глаза и в них — тихой зеленыю — вопрос. Голова Петришкина задрожала, он рванул, плеская, корец в сторону, куда-то на лавку, полез в мешок и ухватился за приветно торчавшее горло бутыли. И, опрокинув, припал к ней вплотную, против силы вливая едкую влагу.

— Оклемайся, парняга, оклемайся, — тот же голос корявый, покорный; Петришка завел глаза, а мужичонко так и лезет в лицо мшистой, плесневой бородой. Петришка бурлыкнул бутылью об лавку и вновь припал к корцу с квасом. В сердце заиграло, загорячилось, зеленые звезды скрылись, и Петришка, оглядевшись, понял: заблудились, он отбился, попал в чью-то избу на отлете, ничего страшного нет, и девочка обыкновенная, и глаза у ней — только так показалось.

Весело хлопнул мужика по плечу, да так сильно, что даже руку отдернул: словно о дубовый пень.

— Что ж, дядя, выпей ханжички.

— Не, отвыклое дело, — пыханул в ответ мужиченко прелым дубовым листом. — Ране, верно, что прикладывались, а ныне...

— Да ты не бойся, не отравя! — с весельем в сердце крикнул Петришка. — Сам отчищал: солью, углем, яйцом, и никаких. Есть сменная картошка, говори?

— Есть и сменная, — ответил новый, недружелюбный, хворостяной голос; Петришка, оглянувшись, увидел сухую старушонку, как вошла — неизвестно, даже не скрипнула дверь.

— А, хозяйка, наше почтение, — еще пуще развеселился Петришка. — К вам вот заявился в гости.

Вскочил, налил в корец денатурата, болтнул и весь изогнулся, поднося старухе под крючковатый нос. Старуха глянула блестящим лиловым глазом, стукнула клюкой об пол, и вдруг, выхватив корец, плеснула вправо, влево, в синий печной огонь, — остатки вылила в себя, и — ей бы крякнуть, а она мяукнула по-кошачьи, продолжительно и тонко.

— Ишь, как у вас хозяйка, — кошкой, — подмигнул Петришка мужику, но тот сморщился весь и заковылял в угол, — не то пень, не то коряга, — и руки сучьями, и словно нет ни спины, ни лица...

— За картошкой? — визгнула старуха, сев на лавку и выперев вперед острые локти. — Чего привез, говори?

— Соль и ханжа, — лениво ворохнул соловыми губами Петришка. — Лесом нес, лес беспокойный. А соли много, соли двадцать фунтов.

— Картошечки захотел? Кар-ртохи? — искривилась старуха. — Бу-удет тебе картоха. Фунт на фунт, — полу-чай и проваливай.

— Так. Тэк-с, — подумал вслух Петришка. — Это, значит, дороже городского. Нет, хозяйка, дело не пойдет. Не сладимся. Заночую у вас, да дальше трону. Вот оно что. За ночевку налью ханжички, — пей, бабушка.

Старуха рванула корец, выпила, фукнула и стала шарить ухватом в печи, разрывая кучку погасших углей. Петришка хватил прямо из бутылки и повалился на скамью, ляпаясь пальцами за ее края и пытаясь удержать крутившуюся во все стороны голову. Поплыло, понеслось; встал лес, черный осинник; засвистала буря; и опять ее рев прорезал тот же странный, колдовской посвист. Нет, не улежать; Петришка поднял голову. Прямо в рот совал ему ложку сучковатый мужичонко.

— Штей иди похлебай с нами, хозяйка велела.

— А! Щи... республики.

Петришка вскочил и, шатаясь, подошел-свалился к низкому, синему огню печки; от широкой лохани шел пар; Петришка сунул ложку в лохань, потом в рот; щи были прелого листа, без соли; дотянулся до мешка, из дыры в мешке натряс в руку соли; кинул в лохань; зашипело, еще злей пошел пар. Тогда Петришка стукнул ложкой о край лохани и, мотая виноватой головой, закричал:

— Вы мне щей, я вам соли! Вот они щи республики! Так и надо! Трескай, ребята, в обе щеки навинчивай!

— Это все равно у нас под Якобстатом, — сказал неизвестно откуда взявшийся сосед: рожа широкая, красная, облупленная, а из под коры ее лезут короткие рыжие волосы.

Петришка проглотил каплю кипяткового навару, голова, как будто, стала светлей; глянул кругом — мужиченко истово хлебал, подставляя под ложку вместо хлеба, кусок бересты; все так же пялила лесные глаза девочка; старуха в облаке пара была, как ведьма; а сосед подпирал Петришку деревянным локтем дружелюбно и сочувственно.

— Так бы и всегда надо, — учительно сказал заплетющийся Петришкин язык. — Я тебе, ты мне, вот и выйдут щи республики. А то бросаются, как псы, рвут куски, каждый себе тащит. Засе-бя-тина! Эт-то всякий может. Хозяйка, а хозяйка! Давай меняться! Хошь фунт на фунт — получай фунт на фунт. Я такой! Мне ничего не надо!

И не успел Петришкин язык договорить слова про бога, который всех разыщет и накажет, как сунулся Петришке в лицо его же мешок, набитый картошкой. Петришка ощупал мешок кругом, взвесил на руке:

верно, фунтов двадцать, не больше. Захотел встать, встал. Взяла досада, швырнул мешок об пол; голова отрезвела, обернулся, топнул ногой.

— Старуха, отдавай соль!

И отстучал по краю лохани, как по телеграфу:

— Щи республики. Боевая задача рабочих и крестьян. И крестьян! А ты что делаешь? И крестьян.

Но не успел он — говорком-говорком — ляпнуть-ковырнуть про крестьян, как свинцовыми сверлами из морщин впились в него с размаху старухины лиловые гляделки, завертелся ходенем — кругом — синим солнцем мертвый огонь печки, и вспыхнул все тот же злобный, зловещий, сверлящий посвист вопросов в уши:

— Ш-што?!!

Тогда, забыв обо всем, даже о республике, даже о боге, Петришка выхватил из-под лавки сучковатую корягу и, колыхнув легонько в воздухе, как приходилось юнцом колыхать кувалдой у Грубера и К°, теперь шестнадцатая государственная.

— Брось, товарищ, так не годится!

Прямо перед глазами — широкая, брыкастая рожа соседа, а вместо глаз — ногти торчат из-под острых сучков, не бровей.

— Но корягой — корягой — бац в старуху! — жмыху, жмыху не будет — и вон из избы.

Глава стремительная

Колено ударилось о пень, и тут же в глаз въехал сучок: зеленые звездочки засвиристели в глазу острой и едкой болью. Вот рук не было: ими бы раздвигать мокрые ветки, рвать паутину, чтобы не лезла в глаза и рот. Хорошо, что хоть ноги несли все вперед и вперед, че-

рез кочки, пни, водоемины, через деревья, через мрак, через ночь.

— Недаром, недаром, — бессмыслил сухой Петришкин язык и хотелось залить его ручьем, рекой, морем воды, — недаром, недаром, недаром, недаром, — и с размаху коленями о невидное острие пня, лицом в мокрый мох; оба колена заныли, завыли, залились огневой болью, и тут стало понятно, почему рук не было: сердце по-дурацки колотилось от живота до самого горла большим, неровным, черным мячиком, заглушая все звуки кругом, во всем лесу, во всем мире.

Лежать бы так маленькому дураку Петришке — головой в мох, ноги на пне — и слушать колотящееся помячиному, по-кирпичиному, по-обушину в глотку свое немирное сердце, — а кругом — слепота, чернота, только звездочки свиристят в глазах. Но мысли застругали голову и стружками покрыли сердце.

— Ши республики — наворотил делов густо — не провернешь штопором. — Взять бы голову, да как арбуз — об камень, об камень, об камень, — красное потечет, — зачем это я ее? Значит, я тоже за себя? — Где это — где это — доку-умент на обратный проезд — хорошо в поезде ехать — или голову под кувалду? — Засе-бя-тина!

А лес набухал сзади — черный, огрублый, тяжелый, по-чужому, по-бессмысленному, по-безработному, и вдруг — трах! — прорезался свинцовым свистом, багровым предвещаньем, темной угрозой, огненным бичом непонятной и никогда непонятой тоски —

Погоня!

Сердце Петришкино остановилось сторожко, сам он быстро и точно поджал расхлябавшиеся ноги, пальцами рук коснулся мокрого моха — так примерялись на фабричном дворе гоняться на приз — полбутылки —

Погоня!

И вновь, вперед, в невидные черные сучки, в тугую паутину, в чуждое, в чужое, в мокрые листья головой, как об стаю лягушек — чирк, чирк! — не горит зажигалка — главное, скорей, стремительней, как бы ни болела спина, как бы ни ныла грудь, как бы ни подгибались ноги, — скорей —

— ведь, погоня, погоня!

Ну, черта ли, грудь захлестнуло; остановился Петришка — обидно. И какой там Петришка, девятьсот пятый давно сгорел безвозвратно, — нет, Петр Иванович Борюшкин, всеми уважаемый слесарь от Грубера. Вот, только бы сердце остановить, задержать малость сжать кулаком — и все придет в порядок, станет на свои места; не будет ни леса; ни погони; ни бессмысленного скока через кочки, сучки, буераки; что, на самом-то деле; обидно.

А сзади... сзади... в сплошную стену липлого и черного осинового листа — так сваялся в одно весь лес — опять нарастала тревожно и густо, сторожко и хрустко крадучись по-медвежьи, глухо звоня о мшистые коряги — немыслимая ржавая темная ступа. А за ней... за ней — сетью лесных невидно-зеленых глаз, щупая, подбираясь, шаря, ерзая, обмусливая каждую ветку, каждое дерево, каждый сучок в темноте в слепоте, в черноте — приближалась погоня.

Схватил ладонку, сжал до боли в руках, — не помогло; и вот совсем с другой стороны донесся голос поезда, — далекого, может и огнедышащего, дракона; возник, встал над лесом, угрожая — предупреждая — властвуя.

— Слу-у-у-шай —

И — вот удивительно — стало легче бежать: завиднелись сучки. И пни не так часто встревали под мок-

рые ноги. — А, это у ветра лицо посветлело, — догадался Петр Иванович и пошел шагом. — Ладно. Рассудим, чего я бегу?

— Соль. Ханжа. Картошка. Кар-ртоха. Сам виноват — с ними щей не сваришь, нет. Наше дело — болты, винты, шурупы, винтиля, конуса, втулки, механика. Вот что!

Обернулся назад и крикнул в хруст ступы:

— А не хошь ли, Яга, электрических щей? Ува-жим!

И зародовался, забурел, закарнавался; и все бы хорошо, да сердце опять:

— Погоня, погоня, погоня!

Ступа нарастала медленно, тяжело, хрустяще, почти видными ржавыми держалками разворачивая лес. И вот — чириканье, визг, карканье, стрекотанье в вое светлорожего ветра взметнулось кверху — погоня! — разглядеть и накрыть Борюшкина и раздавить, стереть в порошок, под ступу.

Тогда сердце рубнуло топором:

— Нет!

Всему лесному уклювью, ветром крыльев шевелящему мокрые ветки; всему ухвостью осеннему, празднующему конец летней страды, всему безглазью бескрайнему, завывающему пьяные песни буревыми закатами по бурым полям.

— Нет! Враги, враги.

И вот — остатнее — в новом бегу стало унылой стеной глиняное разрытое вражье поле. Теперь его проминовать — и готово. Там, за угорьем — дракон.

Вот уже слышно, как он тархтит глухо и плавно; добежать — пустяки, — не разорвалось бы сердце. Да нет, на фабричном дворе у Грубера всегда Петр Иванович зарабатывал приз, полбутылки... Вот и насыпь видна, и заря стала белой под хмурым облаком восхо-

да. Еще немножко, возмись-ка, Борюшкин, возмись... Дракон подползает.

Нет сил бежать, остановился Петр Иванович, посмотрел назад. Лес неизбывной стеной, а над лесом, до неба — ступа, а в ней — до неба — Яга — корявая, злобная, вековая. Вот, сейчас, сейчас, сейчас настигнет...

Стой, стой, стой, дракон! Тебя Борюшкин зовет, твой железный ход догоняет слесарь от Грубера, тебя, стального, тебя, бедного, измызганного, с выбитыми стеклами-глазами, тебя, с хилым, слабым, перебойным, чугунным сердцем — тебя, тебя, тебя. Ну, еще немножко, ну еще... и Петр Иванович, хватаясь за рельс, упал на песчаную насыпь.

А над ним, сдержав с розмаху осатаневшие от грохота копыта, подавая всемилостивую помощь, встал в серебряно-блистающих и тающих лучах солнца, железный, стальной, чугунный, надломленный Дракон Революции.

ЛЕВ ЛУНЦ

РОДИНА

Повесть

Повесть "Родина", завершенная Л. Лунцем в июле 1922 г., была напечатана в "Еврейском альманахе" (1923 г., П.-М.)

I

— Ты сам не знаешь себя, Веня, — сказал я: — да взгляни на себя.

Зеркало. И в зеркале высокий человек с могучим лицом. Черные волосы гневно падают на упрямый лоб, а под спокойными, ясными бровями страстно светят дикие, глубокие, пустынные глаза.

— Веня, ты не видишь себя. Вот таким пришел ты из Египта в Ханаан, помнишь? Это ты лакал воду из Херона, вот так, животом на земле, жадно и быстро. А помнишь, как ты нагнал того, ненавистного, когда он запутался волосами в листве и повис над землей? Ты убил его, и кричал, и он кричал, и кедр кричал...

— Глупый ты, — ответил Веня. — Что ты пристал. Я не люблю евреев. Они грязные...

— Веня, да. Но ведь в каждом еврее, вот в тебе, древний... ну как сказать? — пророк. Ты читал Библию? Вот я знаю, что и во мне, у меня лоб высокий... но, смотри, я маленький и щуплый, у меня нос вниз смотрит к губе. Львом зовут меня, Иегудой, а где во мне львиное? Я хочу и не могу выжать из себя, вызвать то суровое и прекрасное... Пафос, Веня. А ты можешь, у тебя лицо пророка.

— Отстань, Лева, сделай милость. Я не хочу быть евреем.

В Петербурге летним вечером я с приятелем за самогоном. В соседней комнате отец мой, старый польский еврей, лысый, с седой бородой, с пейсами, молится лицом к востоку, а душа его плачет о том, что единственный сын его, последний отпрыск старинного рода, в святой канун субботы пьет самогон. И видит ста-

рый еврей синее небо Палестины, где он никогда не был, но которую он видел, и видит, и будет видеть. А я, не верящий в бога, я тоже плачу, потому что я хочу и не могу увидеть далекий Иордан и синее небо, потому что я люблю город, в котором я родился, и язык, на котором я говорю, чужой язык.

— Веня, — говорю я: — слышишь отца моего? Шесть дней в неделю он торгует, обманывает и ворчит. Но на седьмой день он видит Саула, который бросился на меч свой. Ты тоже можешь увидеть, ты должен, в тебе восторг и исступленье, и жестокость, Веня.

— Я сух и черств, — отвечает он: — я не люблю евреев. Зачем я родился евреем? Но ты прав. Я чужой себе. Я не могу найти себя.

II

— Так я тебе помогу, — сказал я: — идем, Веня.

За стеной отец перестал молиться. Сели за стол: отец, мать, сестра. Меня не звали, меня уже три года не звали; я жил, как филистимлянин, в их доме. Их дом стоял под вечно-синим небом, окруженный виноградниками, на горе Вифлеемовой. А мой дом выходил на Забалканский проспект, — прямой, чужой, но прекрасный. И мое небо было грязное, пыльное и холодное.

Революция: пустые улицы. Белый вечер. Как плотно железной дороги, плывет улица, суживаясь вдалеке. Как стая птиц, летят трамвайные столбы.

— Веня, когда я смотрю на этот город, мне кажется, будто я уже видел его когда-то, вот таким: жарким, прямым и чудовищным. И будто мы с тобой уже встречались в нем, и ты был такой же, только в другой, странной одежде. Ты смеешься надо мной...

Но он не смеется. На Обуховском мосту, он черный и дикий, он вырастает из себя, простирая руки над рекой. Серый плащ взлетает за его плечами и пустынные, страстные глаза видят.

— Да! — кричит он. Голос его звучит, как струна, протяжно и мощно. — Я помню. Мы плыли с тобой на лодке. Круглой как шар. И мы толкали ее баграми. было жарко...

— Было жарко! — отвечаю я ему криком. Мы смотрим испуганно, выросшие, горящие, и узнаем друг друга.

И вдруг сгибаемся униженно и смеемся.

— Какой ты чудак, — говорит Веня: — даже я не выдержал. Чепуха.

Белый летний вечер. Окруженная сухими каменными домами, стоит хоральная синагога. По широким ступеням поднимаемся мы, а навстречу из синагоги выходит старый шамеш, служка, плюгавый. Говорит:

— Ах, это опять ви? Шиводня никак нельзя. Шиводня суббота.

Это он ко мне. Я не в первый раз прихожу к нему. И не в первый раз отворачиваюсь от него, гнусного.

Не глядя, сую ему в руку деньги, а он, скользя, как мышь, бесшумно ведет нас через сени в гигантскую спящую залу.

Веня идет скучающий и лениво смотрит по сторонам. А я мелко семеню, потупив глаза.

— Шюда, говорит шамеш.

Едва заметная дверь хрипит, открываясь. И жестокий холод охватывает нас. Вниз ведут скользкие ступени. Мерцает светильник. А дверь за нами закрылась.

— Слушай!

Далеко внизу — гул.

— Я уж был здесь трижды, Веня. Я боялся... А с тобою не боюсь.

— Я тоже не боюсь, — говорит он: — но я не хочу идти. Я не хочу.

Он говорит: я не хочу — и идет вниз по скользким ступеням. Я не хочу, говорит он и идет.

Спуск долог и душен. И чем дальше мы идем, тем все громче становится гул. Светильник мерцает по-прежнему.

Ступеней больше нет. Стена. За стеной высокий, густой гул, шум колес и удары бичей. А светильник потух.

— Лев, — говорит Веньямин: — идем!

— Здесь стена, Веньямин. Я много раз был здесь. Выхода нет.

И опять во тьме его голос зазвучал, как струна, протяжно и мощно:

— Иегуда! Сюда! Я знаю путь!

Тягуче открылась каменная дверь, и горящее золото солнца бешено ударило мне в лицо.

1

Первое, что помнил Иегуда:

Прямая, как царская дорога, улица. Тяжелое, сонное солнце слепит великий город, и белая прозрачная пыль плывет над Иегудой. Иегуда — мальчик в холщовом грязном хитоне и грязной тунике — сидит на мостовой и глотает пыль. Мимо летит колесница. Могучие кони, раскинувшись веером, бегут храпя и задрав к небу безумные морды. А навстречу несется другая колесница. И с пыльным грохотом на узкой улице разъезжаются они, не замедляя твердого бега. Иегуда си-

дит посредине, и звонкие лидийские бичи свистят над его головой. Первое, что полюбил Иегуда.

Великий город, прямые и стремительные улицы, прямые точные углы и огромные спокойные дома. В Вавилоне родился Иегуда. Был он невысок и быстр, и дух его был слаб, как дух птицы неразумной, но хитрой. У него не было ни отца, ни матери, ни деда, ни друга и никто не знал рода его и племени, но был он иудеем. Иегуда знал: далеко на запад, за пустыней, лежит прекрасная страна, откуда пришла мать его, которой он не знал, и отец его, которого он не помнил. Иегуда видел, как соплеменники его молились на запад, умоляя таинственного и страшного бога Иагве о возвращении в страну предков. Но Иегуда не молился. Потому что он жил на улице и любил белую прозрачную пыль города, в котором он родился, Вавилона.

2

Но когда дул ветер с запада, желтела прозрачная пыль и колола глаза. Тогда вставал с земли Иегуда и бежал, пока не утихал ветер. Как дикий, низейский конь, летел Иегуда по прямым улицам... На земле, глотая пыль, лежали вавилоняне и грелись под солнцем, Иегуда перепрыгивал через них, обгоняя колесницы, и львиной гривой развевались по ветру его рыжие иудейские волосы. Ветер дул с запада, через пустыню, из тех мест, откуда пришел отец Иегуды, которого он не знал, и мать, которой он не помнил. И желтый ветер пустыни поднимал Иегуду и нес, как песчинку, по Вавилону. Вавилон же раскинулся над Ефратом, прямыми улицами и прямыми перекрестками. Прямые, как солнечные лучи в полдень, падали улицы в реку, проходя под высокими набережными, и, прорвав мед-

ные ворота, ступенями спускались к реке. Камнем из пращи пробегал Иегуда под воротами, бросался в быструю воду и плыл. Река густо пестрела лодками и не раз ударяли иудея баграми и не раз окликали его грубо и больно. Но Иегуда не слышал и не видел. Переплыв реку, он избегал по ступеням и, не стряхнув холодных, светлых капель с хитона, летел дальше, гонимый западным ветром.

Он был хил и немощен, но когда дул ветер из пустыни, то с восхода до заката и с заката до восхода бежал он быстрее ангаров, царских скороходов. Он пробегал мимо старого дворца на правом берегу, пробегал под пестрым новым дворцом, что стоял на горе. Восемь раз обегал он храм Бэла-Мардух, восемь раз по числу башен, стоящих одна на другой. Четырежды обегал он холм Бабил, где четырьмя этажами, высоко над городом, висели таинственные сады. Стража била Иегуду тупыми пиками, а стрелки натягивали толстую тетиву, чтоб посмотреть, обгонит ли стрела Иегуду. Стрела обгоняла. А Иегуда неутомимый, как желтый ветер, дующий с пустыни, бежал дальше по городу.

Вокруг города ползла великая стена Нилитти-Бэл. В четыре стороны света смотрела она, и все четыре стороны были равны, как ладони измерения. Сто ворот прорезали стену и у ста ворот трубили бактрийские трубы, возвещая закат. Вал был широкий, как улица, и на валу была улица. К вечеру поднимался Иегуда на западную стену и бежал по краю ее, глядя в пустыню, откуда дул ветер. Когда же стихал ветер, а пыль снова делалась белой и прозрачной, ложился иудей на стену и смотрел на запад, туда, где была таинственная, прекрасная, чужая страна.

Когда же дул ветер с болот, сырой смрад вползал в Вавилон. Тогда уходили люди в дома, а кони опускали головы, замедляя бег. И тогда врывалась в душу Иегуды тоска. Он вставал и понуро шел через мост на правый берег, где в низких, унылых домах жили иудеи. Шел он тяжело, шатаясь, как идет юноша, в первый раз возвращающийся с ложа женщины. И дойдя до соплеменников своих, жадно слушал звонкие и жестокие слова пророка о далекой чудесной стране. Но Иегуда не верил пророку, и росла в душе его тоска.

И было раз, когда слушал он пророка; вот взоры его упали на юношу, который стоял поодаль. Был юноша высок с могучим лицом. Черные волосы гневно падали на упрямый лоб, а под спокойными, ясными бровями страстно светили дикие, глубокие, пустынные глаза. Иегуда узнал юношу, но не мог вспомнить, где он видел его. И в душе его говорили непонятные слова. Видел он серое, незнакомое, холодное небо, и холодный ветер свистел в его уши.

А юноша смотрел на Иегуду и тоже узнал его. Мучительно напрягся его упрямый лоб, и глаза ушли глубоко: видели серое, незнакомое, холодное небо. Иегуда подошел к нему и спросил:

— Кто ты, юноша?

И ответил юноша:

— Я Беньомин, имени отца своего не знаю. А ты кто, юноша?

И ответил Иегуда.

— Я Иегуда, иудей, имени отца своего не знаю.

Тогда сказал Беньомин:

— Я тоскую, Иегуда. Я пришелец в Вавилоне. Где родина моя?

И повторил Иегуда.

— Где родина моя?

И замолчали оба. Часто и высоко дышали они, а из души поднимались непонятные слова. И вдруг увидел Иегуда, что на левой руке юноши, ниже плеча, белели три пятна треугольником, точно следы язвы. И вскрикнули оба на чужом странном языке.

И сказал Беньомин:

— Я знаю тебя.

И сказал Иегуда:

— Я знаю тебя.

Так стояли долго и смотрели, недоумевая. А пророк кричал звонко, что близко избавление, и что идет Иагве с войском Коурэша, персидского царя, чтобы вернуть иудеев в землю обетованную.

4

Первое, что запомнил Беньомин: темный и странный зуд на левой руке ниже плеча. На левой руке ниже плеча белели ноздреватые пятна. Точно солью посыпанная рана, зудели три белых пятна. Как раненый эфирский пес, падал Беньомин на землю, тер руку о песок, терзал ее ногтями, а потом, отогнув пальцами правой руки кожу, целовал пятна горячими устами. Но боль не утихала. И только, когда дул северный ветер с болот, вставал Беньомин и всей грудью вдыхал холод, с холодом покой.

Первое, что полюбил Беньомин: ненависть жаркую и всесильную. В Вавилоне нашел его младенцем Еман, золотых дел мастер, названный отец его. Был Беньомин прекрасен собой, и любил его Еман, как родного сына, но Беньомин возненавидел его и ушел от него. И пришел к Амасю, левиту и ушел от Амасая, левита.

Много домов и много отцов переменял он, всюду благословение Иагве ложилось на дом хозяина его и на дела его, и на род его. Но Беньомин уходил. Звериная душа была у него, мудрая, молчаливая и ненавидящая. Ненавидел он Вавилон, город, в котором родился, и прекрасную страну, откуда пришел отец его, и где жил отец отца его и бога Иагве, таинственного и чужого.

5

А годы текли, подобно водам Ефрата, что впадают в Ерифрейское море. Новые дни катились за старыми, рос Иегуда, и росла борода на лице его, и выросла в сердце его любовь к Ремат, вавилонянке, дочери Рамута, резчика. Была Ремат мала и смугла и некрасива, но были у нее синие глаза, как у рабынь с севера. А Иегуда был нищ и гол. Птичья душа была у него, и жил он, как птица: неразумно и ясно. Но когда выросла борода на лице его и в сердце его любовь, встал он и пошел по городу искать работы. Но не находил.

Каждый день встречал Иегуда Беньомина и дрожал от страха и от радости, видя серое, холодное, родное небо, которого он не узнавал. Долго смотрели друг на друга юноши и молча расходились. Но раз подошел к Иегуде Беньомин и сказал:

— Иегуда. Ты голоден.

И сказал Иегуда: — Я голоден.

И сказал Беньомин:

— Иди за мной. Вот я знаю лодку, и нет на ней лодочников.

И спросил Иегуда:

— Куда погоним мы ее?

И ответил Беньомин:

— В Ур.

И сказал Иегуда: — Да будет так.

6

Из Вавилона в Ур сплавляли они мехи с хиосским вином, мальтийские ткани, кипрскую медь и изделия из халкедонской бронзы. Было так: судно круглое и глубокое, из армянских ив сколоченное и обтянутое кожей, набито соломой. Иегуда и Беньомин длинными баграми толкали судно вниз по течению. Товары лежали на соломе, на товарах стоял осел. И было: когда приезжали они в Ур, то продавали товары, и судно, и солому, а кожу снимали и навьючивали на осла. Так возвращались берегом в Вавилон, ибо Ефрат был быстр, и не было человека, который бы мог победить течение его.

Не раз и не два проплыли юноши по Ефрату из Вавилона в Ур и не раз и не два измерили они дорогу из Ура в Вавилон. Уже умер старый хозяин их Авиел, и теперь сами покупали они товары и судно и сами продавали их. Уже были у Иегуды три смены платья и низкие беотийские башмаки. И заглядывались девушки на Иегуду. И бывало, когда шли они из Ура, вот встречались на пути их женщины. И говорил Иегуда: — Девушка, я люблю тебя. — И отвечала она: Хорошо — и ложилась на песок. Беньомин же стоял поодаль и смотрел на запад. На западе были зезамевые поля, прорезанные арыками, финиковые сады, за садами желтая пустыня, а за пустыней прекрасная и незнакомая страна, откуда пришел отец Беньомина и где жил отец отца его.

И возлюбил Иегуда Беньомина, и возлюбил Беньомин Иегуду. Но любили молча. Не раз и не два совершили они путь свой и не сказали друг другу слова. Но

однажды, когда приближались они к медным воротам Вавилона, вот поднялся ветер с пустыни. И заметался дух Иегуды, колеблемый западным ветром, и воскликнул Иегуда: — Не там ли родина моя? — Рука же его указывала на запад. И воскликнул Беньомин: — Нет! — И воскликнул еще раз: — Нет! Вот ненавижу тебя, Иагве, жестокий и злобный. Вот грехи наши на голове твоей и преступления твои на сердце твоём. — И упал Беньомин на землю, и забилося тело его в корчах, и ударила изо рта его пена. И воскликнул: — Так говорит Иагве, сотворивший тебя, Иаков! Не бойся потому, что я спас тебя — ты мой. Когда ты будешь переходить через воды, я буду с тобой, и через реки — они не потопят тебя, потому, что я Иагве, бог твой, святой Израилев! — С востока я приведу потомков твоих, с запада я соберу тебя. Я скажу северу: отдай, и югу: не удержи-вай. Приведи сынов моих издалека и дочерей моих с концов земли. Я Иагве, святой ваш, творец Израиля, царь ваш.

И понял Иегуда, что сошел на Беньомина дух Иагве, и пал ниц. Но вдали за пылью увидел он великую стену и восьмую башню храма Бэла-Мардух и висячие сады на холме Бабил, и вспомнил прямые улицы и белую прозрачную пыль и сказал: — Не верю!

А на другой день встал с земли Беньомин, пророк, взял нож свой и содрал кожу с левой руки своей, ниже плеча. Но когда зажила рана и обросла новой кожей, по-прежнему белели на ней три пятна треугольником.

7

И было так. Вот взял Иагве Коурэша, персидского царя, за руку, чтоб поразить перед ним все народы, и распоясал чресла царей, чтоб открылись перед ним

створы ворот. Он пошел впереди Коурэша и сгладил горы, сломал медные двери и сокрушил железные засовы.

Коурэш же, царь персидский, отвел воду из Ефрата в озеро, и по сухому руслу, когда взошла звезда Тастар, вступил в Вавилон. Там убил вавилонского царя и приближенных его. Сокровища царские взял себе, а жен роздал воинам своим.

И в ту же ночь, когда взошла звезда Тастар, запела в сердце Иегуды Бай-бюль, птица любви. Потому что Рамут-резчик был на стене, чтоб защищать город от врагов, а Ремат, дочь его, спустила из окна толстый шнур. Иегуда влез по шнуру и в великую ночь познал Ремат, дочь резчика, и познал счастье.

А на утро пришел Габиз, перс, и сказал Ремат, что он убил отца ее, и что она будет его рабыней.

8

Так говорит Иагве, устами Беньомина, пророка своего:

— Не бойся Иаков, возлюбленный мой, которого я избрал. Потому что я излию воды на жаждущее и ручьи на иссохшее, излию дух мой за племя твое и благословенье мое на потомков твоих, чтоб они росли между трав, как ивы при истоках вод. Помни это, Иаков и Израиль, потому что ты раб мой. Я уничтожу, как туман, беззакония твои и, как облако, грехи твои. Ликуйте небеса, ибо Иагве говорит это; воскликните от радости, глубины земные; воспойте песнь, горы и леса. Так говорит Иагве, искупитель твой, зачавший тебя в материнской утробе. Я Иагве, который сотворил вас; один раскинул небеса и разостлал землю, который уничтожил знаменья лжецов и обнаружил безумие ча-

родеев, ниспроверг ум мудрецов и превратил знание их в глупость; который Иерусалиму говорит: — Ты будешь населен, — и городам иудейским: — вы будете отстроены; — который бездне говорит: — иссохни; который о Коурэше говорит: он раб мой.

И один из всей толпы иудейской сказал Иегуда:

— Не верю!

И сказал Беньомин пророк:

— Будь проклят!

9

Вдоль Ай-Буршабум, улицы процессий, через канал Лилил-Чигалла, через мост к Западным воротам — ползли иудеи. Ржанье коней и рев лошаков, крики певцов, и звон иудейских арф и кимвалов, все восхваляло Иагве и Коурэша, персидского царя. Конные биченосцы в высоких шапках сдерживали толпу. Всех же вместе было сорок две тысячи шестьсот человек. Из Вифле-ема, Нетофа, Азмавефа, Кириаф, Чаримы и других мест. Все шли в землю, откуда пришли отцы их, и где жили отцы отцов их. Шли они коленами и родами, с женами, с детьми, со скотом, с утварью. И вел их Се-сбассар, сын Иоакима. Так ушли они из Вавилона. Вавилон же раскинулся над Ефратом прямыми улицами и прямыми перекрестками. Прямые, как солнечные лучи в полдень, летели улицы, и под жестоким сонным солнцем горели огромные спокойные дома. Белая прозрачная пыль поднималась над Вавилоном.

Вокруг Вавилона ползла великая стена Нилитти-Бэл. На западной стене у больших ворот лежал Иегуда. И было, когда прошли сыновья всех колен, вот вышел на дорогу отряд мужей, не знающих имени отцов своих. Впереди же их шел Беньомин-пророк. Был он пря-

мой и высокий и смотрел на запад. И крикнул ему Иегуда: — Беньомин! И ответил Беньомин: — Будь проклят! Вот придешь ко мне и разорвешь одежды свои и посыплешь главу свою пеплом и скажешь: — возьми меня с собой! Но воздается тебе по делам твоим, и нет прощения изменнику. Будь проклят!

И было вечером. И подул ветер с болот. Тогда встал Иегуда и пошел к Габизу, персу, и сказал ему: — Отдай мне рабыню твою Ремат в жены. — И спросил Габиз: — Что даешь мне взамен? И сказал Иегуда: — Себя! И обрили ему бороду, и поклонился он Ормузду, и стал рабом у перса и женился на рабыне его Ремат.

10

На четвертый день вышел Иегуда, раб, на улицу и лег посреди ее, как ложился некогда мальчиком, и вдохнул белую прозрачную пыль родного города. Дышал быстро, глубоко и радостно. Прохожие переступали через него, а колесницы пролетали мимо, свистя лидийскими бичами над его головой.

Но было когда повернуло солнце на запад, поднялся желтый ветер, дующий с пустыни. И поднял ветер Иегуду. И спросила Ремат, вавилонянка, Иегуду: Куда ты? Но он не ответил.

И понес ветер Иегуду к Западным воротам, на дорогу, что ведет, через Цирцезиум и Рилу в Иерусалим. Было жарко, и Иегуда бежал, храпя, как конь, неутомимый, как конь, как ангар, царский скороход. Дорога была крепка и звонка. Иегуда бежал. В кровь изодрано было его тело, на плечах тяжело висела голова, — Иегуда бежал. Громко, со свистом, дышал он, бесшумно ударял пятками по крепкой дороге, днем бежал и ночью бежал. Кровью налились глаза его, пеной по-

крылось тело, изнемогла душа, но западный ветер дул по-прежнему, — Иегуда бежал.

На третий день к вечеру он увидел вдали иудеев. Громко закричал и простер руки к ним, громко кричал и простирали руки к ним, но настичь не мог. Тогда пал на землю и пополз по дороге, как ползет змей. В кровь изодрано было его тело, кровью истекала его душа, — Иегуда полз. Зашло солнце и снова взошло, и еще раз взошло, вдали поднималась пыль, шли иудеи на родину свою, — Иегуда полз. За Иегудой полз по дороге кровавый след, ветер же дул с запада по-прежнему.

На шестой день он настиг иудеев. Сзади всех шли мужи, не знающие имени отцов своих, и Беньомин-пророк вел их. И было, когда остановились они у разрушенного дорожного дома, чтоб отдохнуть, — подполз к ним Иегуда.

И сказал Беньомин:

— Вот изменил он народу своему и сбрил бороду свою. Убейте его, иудеи! И сказал Иегуда: — Брат мой! Но ответил Беньомин: — Ты мне не брат. Тогда Иегуда встал. Гнулись его колени, кровью истекало его тело, кровью были покрыты его руки, но на левой руке ниже плеча белели три пятна треугольником. Кровь была у него изо рта, и с кровью выплевывал он незнакомые слова, чужие и холодные. И схватил раб Беньомина за левую руку, и увидели иудеи ниже плеча три белых пятна треугольником. И задрожал пророк и закричал на чужом, звонком языке и, вырвав руку, протянул ее Заккаю, воину, говоря: — Рази! И отрубил ему Заккай, воин, левую руку у ключицы, и упала рука на землю. И увидели иудеи три белых пятна на руке, точно следы язвы.

Беньомин же поднял ее правой рукой своей и бросил ее в Иегуду. Иегуда упал, а иудеи забросали его

камнями. Гулко и неторопливо ложились камни, гро-моздясь тяжелой кучей...

Бесшумно и тягуче закрылась дверь, и серая тьма молча взглянула на меня. А в моих глазах все еще золото пустынного, сонного солнца.

— Веньямин! — закричал я: — Возьми меня с собой, Веньямин!

Мерный гул за стеной ответил мне: точно камень падал о камень. И вдруг голос протяжный и мощный, как струна, закричал: — Будь проклят!

И топот бесчисленных ног. А я, прислонившись к сырой стене, неистово царапал ее. Тело мое, израненное, покрытое кровью, кричало от боли. Топот замирал вдалеке. Потом тишина.

— Веньямин! — закричал я: — брат мой! Зачем ты оставил меня?

И снова тишина.

Прошли минуты, а может быть дни. Я не знаю, сколько времени я простоял так: недвижно, бездумно и больно. И не знаю, почему, я вдруг, согнувшись, пошел по лестнице вверх. Подъем был тяжек и душен. Изодранные ноги скользили, колена касались ступеней. И вдруг я споткнулся. В ту же минуту замерцал светильник, и я увидел — на ступеньке передо мной лежали: мое платье, платье Веньямина и Веньямина левая рука. Медленно сочилась из плеча еще теплая кровь и победно белели треугольником три оспины, вечная печать мудрой Европы.

III

Я вышел на улицу. Старый мой любимый пиджак, любимые старые брюки закрывали изодранный хитон

и изодранное тело. Больно мне не было. Точно громадный пластырь, залепила мои раны одежда. И только в глазах все еще бродило золотое жаркое солнце.

Магазин. В витрине зеркало. И в зеркале маленький человек, лысый, с узким лбом, с мокрыми хитрыми глазами, грязный и гнусный. Это я. Я узнал себя. И понял: все, что было во мне прекрасного и древнего: высокий лоб и восторженные глаза, — все осталось там, на дороге, что бежит через Цирцезиум и Рилу в Иерусалим. По дороге той идут на родину иудеи, ведет их Сесбассар, сын Иоакима, а сзади идет Беньомин, однорукий пророк.

Петербург же раскинулся над Невой прямыми улицами и прямыми перекрестками. Стремительные, как солнечные лучи, улицы и огромные спокойные дома. А над Петербургом серое и холодное небо, родное, но чужое.

Июль, 1922.

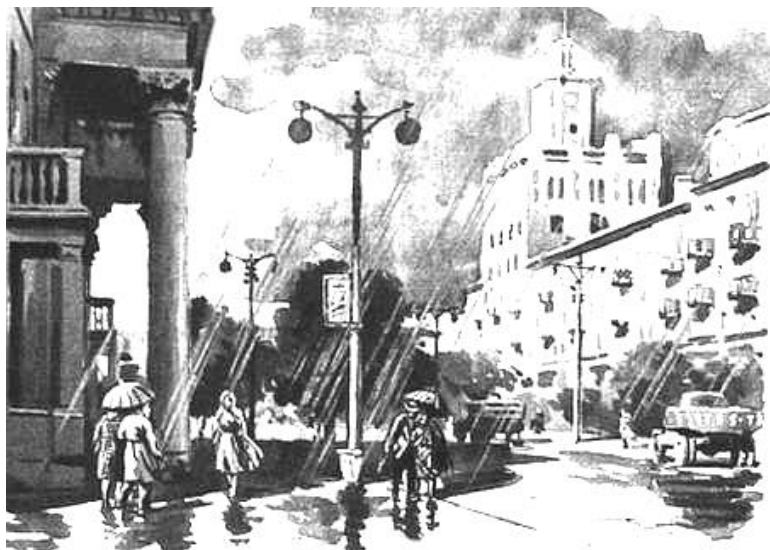
АЛЕКСАНДРА КОЛЛОНТАЙ

СКОРО! (ЧЕРЕЗ 48 ЛЕТ)

Фантастический рассказ

Журнал «Юный пролетарий Урала» (Екатеринбург),
1920, №3

Седьмое января 1970 года. Празднично, светло, тепло и оживленно в «Доме отдохновения», там, где доживают свои дни ветераны «Великих годов» мировой революции.

Ветераны решили вспомнить свою юность, детство и устроить в день прежнего Рождества «елку», настоящую елку, такую, какая бывала до годов мирового переворота. Эту затею с одушевлением подхватила молодежь, подростки, дети. Особенно когда узнали, что «красная бабушка» будет рассказывать о великом 1917 годе.

Елку достать было сравнительно просто, хотя и пришлось поторговаться с коллегией по охране лесов. Но, в конце концов, удалось убедить бдительных стражников растительного царства, что лес не поредеет от того, что одно лишь деревцо украсит такой необычный и странный праздник.

Труднее было дело со свечами. Новый способ освещения, с помощью отраженных солнечных лучей, не только вытеснил окончательно керосиновые лампы-коптилки, но и загнал электричество в отдаленные провинции, куда новшества последнего десятилетия не успели ещё проникнуть. Свечей молодое поколение никогда не видело, и ветеранам «великих годов» пришлось рисовать свечи и далее собирать специальное совещание из прежних членов совета народного хозяйства революционных лет, чтобы изобрести способы приготовить свечи. С помощью проворных и приспособленных ко всякого рода труду рабочих рук предприимчивой молодежи.

Но, когда после ряда неудач, мелких недоразумений и неожиданных препятствий, елку удалось украсить пестрыми бумажными украшениями, сладями, орехами, сочными, сладкими апельсинами, румяными яблоками и пестрыми самодельными свечами в самодельных же подсвечниках, — и ветераны, и молодежь, и дети решили единодушно, что «Десятая коммуна»

давно не видала такого оригинального и интересного праздника. Молодежь веселилась, как веселится юность во все века. Шутки, смех, песни, игры, танцы...

Но стоило приглядеться к молодежи, чтобы увидеть, что это уже не та молодежь, которая боролась на баррикадах в «Великие годы», и еще менее та, что жила под игом капитализма.

Прежде всего, молодежь «Десятой коммуны» отличалась здоровьем и крепостью юного, гибкого и красивого тела. У девушек были пышные, длинные косы, которыми они красиво убрали голову, потому что в коммуне строго соблюдали правило, чтобы у каждого члена коммуны было время не только на отдых, но и на уход за собою, и потому, что члены коммуны любили красоту и естественность и не насиловали и не уродовали природу.

У юношей были свободные, живописные одежды и в руках их чувствовалась сила и ловкость.

Среди всей собравшейся на праздник «елки» молодежи коммуны не было ни одного больного, бледного, изнуренного лица. Ярко блестели задором пытливые

глаза, смелы, гибки и ритмичны были движения их упругих, юных тел. Но всего радостнее было то, что переливы веселого смеха неумолчно наполняли светлый, праздничный зал.

Молодежь «Десятой коммуны» любила жизнь, любила смех и хмурилась только тогда, когда ей предстояло вступать в бой с единственным оставшимся врагом у человечества — с природой. Но хмурилась она не потому, что борьба была ей не по сердцу, а чтобы лучше сосредоточиться и избрать лучший путь для одоления врага.

С природой еще было много борьбы. И чем больше овладевало ею коммунистическое человечество, тем больше «загадок» задавала она ученым, техникам, смелым борцам со стихиями.

Но молодежь любила эту борьбу. Какая была бы жизнь без борьбы, без одоления препятствия, без пытливого искания ума, без вечного стремления вперед — в неизвестное, к недостижимому?

Без этой борьбы скучно стало бы жить в коммуне. Жизнь налажена и катится по разумно заведенному порядку. У всякого своя специальность и свое любимое дело. «Специальностью» называется та работа, которую член коммуны выполняет в те два часа в день, когда его силы используются для коммунального хозяйства. Остальное время каждый отдает свои силы любимому роду работы, науке, технике, искусству, усовершенствованному полеводству, писательству, преподаванию. Девушки и юноши работают вместе на том же деле, в тех же специальностях.

И жизнь налажена так, что живут не семьями, а расселяются по возрастам. Дети в «Дворцах ребенка», юноши и девочки-подростки в веселых домиках, окруженных садами; взрослые — в общежитиях, устроен-

ных на разные вкусы; старики — в «Доме отдохновения».

В коммунах нет ни богатых, ни бедных; эти слова — забытые слова. Они ничего собою не выражают. У членов коммун имеется все, что надо для того, чтобы не думать о насущном, о материальном. Одежду, пищу, книги, развлечения все доставляет своему члену коммуна. За это член коммуны отдает коммуне свои рабочие руки на два часа в день, и свое творчество, пытлиное искание своего ума во все остальное время своей жизни.

У коммуны нет врагов. Так как все соседние народы и нации уже давно устроили у себя такие же коммуны, и весь мир представляет собою федерацию коммун. Молодое поколение уже не знает, что такое война...

— Дедушки, расскажите про красный и белый фронт и как вы воевали с живыми людьми! — приставала молодежь к ветеранам «Великих годов».

Но в праздник «елки» ветеранам не хотелось рассказывать про войну. Им казалось, что будет правильнее рассказать про великих вождей революции.

— Пусть догорят свечи на елке и пусть дети получают свои лакомства, тогда мы вам расскажем про великих вождей.

Юноши поспешили вкатить в зал стеклянные столы на колесиках, на которых в художественных пестрых вазах разложены были любимые детские лакомства.

— Скорей бы насытились лакомки сладостями!.. Скорей бы догорели свечи на елке! — так желали юноши.

Но ветераны с грустью глядели на догоравшие огни. Эти огни напоминали им прошлое, далекое, забытое прошлое капиталистического строя, которое они пламенно ненавидели тогда, когда были так же юны и отважны, как и сегодняшняя коммунистическая моло-

дежь, но которое полно было для них великих бурь, великих исканий и великих достижений!.. Грезы их юных лет сбылись, но жизнь шла теперь мимо них, не поспеть им старческой поступью за смелым полетом юности!.. Не понять им многого, чем живет и грезит коммунистическая молодежь...

— Дедушка! Я знаю, что значит слово ка-пи-та-лист! — хвастается бойкий мальчуган, уплетая праздничный пирог.

— А я знаю, что такое «барыня»!

— А я — что такое рубль и вообще всякая денюга! Мы видели деньги в музее! Дедушка, а у тебя тоже были деньги? И ты их носил в мешочке, в кармане? И были люди... как их звали? Воришки, что ли?.. Которые таскали деньги из кармана товарища? Это правда? Вот забавно-то!

И звонкие голоса сливаются в дружном смехе.

А ветеранам революции как-то неловко и обидно за то далекое прошлое, когда были и капиталисты, и воры, и деньги, и барыни...

Догорели последние свечи, укатили столы с лакомствами. Нетерпеливая молодежь окружила рассказчиков.

— Бабушка! Красная бабушка! Расскажи про Ленина! Ты его сама видела? Живого? Он жил, как и все люди? Ел? Пил? Смеялся? А на звезды, бабушка, Ленин когда-нибудь смотрел?

Пытлива молодежь, и свой у ней ко всему подход! «Красная бабушка» качает головою. При чем тут звезды? Тогда, когда жил Ленин, столько еще дела было на самой земле... Ведь, голод был. Народ изнемогал... Война и голод... Голод и война... Страдания, жертвы, кровь, но и отвага, самопожертвование, героизм, великая, непоколебимая вера в победу, в торжество революции, в правильность взятого пути.

Рисунок П. ВАСИЛЬЕВА

«Красной бабушке» хочется, чтобы молодежь поняла всё величие той прошлой, социальной борьбы, последней, кровавой классовой схватки.

Но юноши и девушки слушают ветеранов, как слушали они сами когда-то забытые легенды, рожденную сказку...

Капиталы, барыши, частная собственность, даже «фронт», даже «чрезвычайки», даже «мешочники» и «заградительные отряды», — все это стало только «историческими словами». Дети учат их в школе, когда им рассказывают о «Великих годах революции».

Туда, в высокое, зовущее, звездное пространство устремлены взоры юношей мировой коммуны... Не понять им величия былой борьбы. Не понять былых радостей и трепетного страха за участь революции!..

— И ты сама, красная бабушка, стреляла в человека? В живого человека?

Глаза юнцов коммуны глядят удивленно, в них искрится упрек, недоумение... Стрелять в живого человека!.. Ведь, жизнь — святыня!..

— Мы сами тоже шли на смерть!.. Мы жертвовали всем для революции, — оправдывается «красная бабушка».

— Как мы для нашей коммуны!.. — гордо несетя ответ молодежи.

И бабушка смолкает... Жизнь ушла вперед! «Великие годы» перестали быть «былью». Не зажечь уже сердца юнцов рассказами о подвигах на мировых баррикадах в годы «последнего, решительного боя». Социальный вопрос разрешен. Идея коммунизма оправдала себя. Человечество свободно от рабства, наемного, непосильного труда, от пут материальной зависимости, от борьбы за хлеб насущный.

Новые, неизмеримо-грандиозные задачи ставит перед человеком его же собственный неугомонный, пыливый, мятежно ищущий дух... И по сравнению с великими горизонтами, открывающимися перед молодежью в новый 1970 год, вся прежняя борьба социальных сил кажется так просто разрешимой!..

— Голод! Вы голодали годами!.. Какие же вы, красная бабушка, были неорганизованные, какие вы были неучи!

«Неорганизованные», «неучи» более страшного приговора юная коммуна не могла произнести над современниками «красной бабушки».

— Но, дети, если бы не мы, не наша стойкая вера в торжество коммунизма, не наша упорная, ожесточенная борьба с капитализмом, с врагами трудящихся, — никогда не знать бы вам счастья всеобщей организованности и радости свободного, творческого труда!

— Вы сделали свое, мы знаем. Но наши задачи крупнее! Наши дерзновенья — шире, необъятнее!

Вызывающе подняты молодые, смелые головы, задорно обращены глаза юношей в звездное небо, что темным фоном застилает широкие, незавешанные окна праздничной залы.

— Вы достигли. Достигнем и мы. Вы покорили социальные силы. Мы покорим природу! Споем же, красная бабушка, с нами наш новый гимн, гимн борьбы с непокорной стихией! Ты, бабушка, знаешь мотив: это ваш любимый интернационал. Но слова наши новые, те, что зовут и нас на великую борьбу, на подвиг, на вечное стремление вперед и вперед... Пусть догорел ваш праздник «елки»! Наш праздник — впереди! Жизнь — в борьбе, в вечно-мятежном искании — не в достижении...

Л. КАСИЛЬ

ДЯДЯ КОЛЯ, МУХОЛОВ

Рисунок
С. БОИМ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОМУНИСТИЧЕСКОГО
СОЮЗА МОЛОДЕЖИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1938 ЛЕНИНГРАД

ЛЕВ КАССИЛЬ

ДЯДЯ КОЛЯ, МУХОЛОВ

Рассказ

ГЛАЗА НА ЗАТЫЛКЕ

— Так-то вот лучше, — сказал он, когда сдавленная в его пухлых пальцах зеленая мушка перестала жалобно звенеть и сучить лапками. — Так-то лучше, — повторил он. Достал из сумки флакон, не спеша отвинтил пробку, капнул чем-то на ватку. Кругом запахло аптекой. Мальчики подвинулись еще ближе, стараясь заглянуть ему через плечо.

— Мухус-цокотухус обыкновенная, так и запишем, — нараспев, себе под нос, протянул веселый мухолов и насадил мушку на длинную булавку.

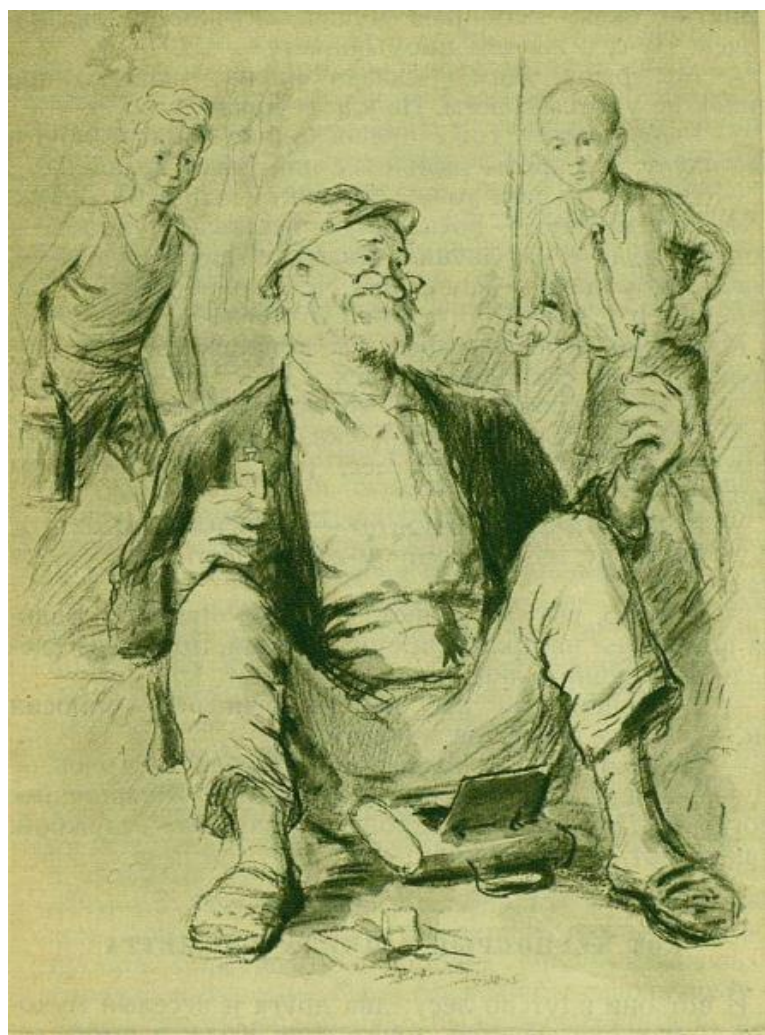
— Ничего, что мы смотрим? — спросил Ларик, чтоб как-нибудь начать разговор.

— Очень даже чего, — сказал мухолов, не обернувшись, — смотреть дозволительно, а подсматривать — форменный срам. А вы, молодые люди, подкрались тихонечко и именно подсматриваете. Я уже давно тени ваши вижу. Я все вижу. Вот я не оглядываюсь, а прямо вам скажу: у молодого человека, который стоит у меня слева за спиной, нос того... сыроват.

Ларик поспешно шмыгнул носом. Нос действительно был мокрый. Ларик немножко простудился вчера, бегая босиком по лужам после дождика. Но откуда об этом узнал мухолов? Ведь насморк на тени не выходит...

— Я все знаю, — продолжал мухолов, не оборачиваясь и продолжая возиться со своими коробками. — У меня там сзади, на затылке, глаз есть, под картузом, не видно только! Все знаю! Вы уже три дня все за мной ходите, по кустам прячетесь... Один из вас кудлатый, другой стриженный. Стриженный удочку держит.

— Это и я так могу, по тени, — сказал Вадька, приятель Ларика, — хитрый вы, тоже.

Мухолов обернулся и весело посмотрел на мальчиков.

СТРАННЫЙ ДАЧНИК

Глаза у него были белесо-голубые, какие бывают у грудных младенцев, нос лоснился, красный и облупившийся. Мухолов улыбнулся, и у него смешно дернулась светлая мочальная борода.

— Ну, ладно уж там, за спиной хорониться, — сказал он. — Заходите с красного крыльца. Милости прошу.

Мальчики обошли разложенные на земле банки, коробки, сачки и встали перед мухоловом. И Ларик и Вадька были весьма смущены. Действительно, они уже три дня высматривали из кустов этого странного дачника. Он ходил по лесу, бродил вдоль речки, выуживал что-то из воды. Размахивая большим зеленым сачком, он носился за бабочками. На дачнике-мухолове были широкие парусиновые брюки, чесучевая косоворотка, перепоясанная черным толстым шнуром с кистями, сандалии на босу ногу, черный, отливающий на солнце пиджачок из альпага, а на голове смешной картуз из люфы, вроде каски. «Спереди — здравствуй, сзади — прощай», называют такие картузы. Потому что у них два козырька: один спереди, другой сзади. В руках дачник носил, кроме сачков и удочек, небольшой длинный баульчик. Такой был нарисован на одной из карточек старого детского лото, которое подарила Ларику тетка. В лото это называлось: «Ботаническая коробка».

— Вот, молодые люди, — сказал мухолов, слегка и приятно бкая, — собираю мушек, жучков ловлю, бабочек. Ну-с, а вы чем промышляете?

— Мы рыбу удим, — сказал Ларик, — только она никак не удится совсем. Не клюет никак, и все.

— Рыбу удите? Тоже превосходное занятие. Ну, я вас научу, я секреты рыбы все наперечет знаю.

— Вы тут на даче тоже? Дачник? — спросил Ларик.

— Вот именно, — воскликнул веселый мухолов, — когда я в даче, я дачник, когда у дачи — удачник, когда не у дачи — неудачник, а если за дачей — задачник. Что, ловко? Вот то-то и оно-то!

Мальчики переглянулись: им понравился этот словоохотливый смешной человек.

— А вы где работаете? — спросил Вадька.

— Везде и повсеместно, — сказал мухолов и широким жестом обвел рукой лес, реку, небо, огороды вдали.

— В командировки ездите? — спросил Вадька.

— Природу изучаю, мир и его окрестности, служу науке.

— Я знаю, вы натуралист, — сказал Ларик, и Вадька посмотрел на приятеля с уважением, но тотчас сделал равнодушное лицо.

— А почему на вас картуз банный? — спросил он, — как все равно из мочалки?

— Не банный, а люфяной, — сказал мухолов. — Ну-с, юноши, будем продолжать охоту. Желаете помогать? Дружба — дружбой, а служба — службой. Так-то вот лучше. Пошли!

КОТ ЧЕРНОБРЫС И ПЧЕЛА ЖОРЖЕТТА

И вот они идут по лесу: два друга и веселый мухолов — его, оказывается, зовут дядя Коля, а по-настоящему — Николай Петрович Сидоров. Все на свете знает мухолов! На каждом шагу, на любой тропинке, у всякого кустика он находит что-нибудь новенькое, удивительное, о чем мальчики и не подозревали.

Он видит лисий помет, он находит летучую мышь в дупле, он вспугивает дятла с сосны, он показывает следы белочки на коре. Он здоровается с каждой травинкой, с каждым цветком. Весь лес ему знаком. Он видит насквозь муравейник и рассказывает ребятам очень смешные муравьиные истории. Папоротники, мхи, трут — все он замечает, про все он знает что-нибудь интересное. Потом они выходят из леса и идут мимо большого колхозного двора. И тут тоже все оказываются знакомцами дяди Коли. Всех он наделил смешными кличками и прозвищами. Вот возится в куче навоза хлопотливая курица Феклушка, вот сидит на стогу петух Кирик, зашипел у забора гусь Гога. Выскочила из ворот и завияла хвостом собачка Фунтик. А с забора недовольно посмотрел на нее зеленоглазый кот Чернобрыс. Пролетела пчела Жоржетта. Ероша перья, скребя крыльями землю, растопылив веером хвост, заболтал, забормотал сердитый индюк Миклуха-Маклай. И со всеми с ними дядя Коля здоровается и каждого знает по имени.

С этого дня для Ларика началась совсем новая жизнь. Едва встав, он уже мечтал о встрече с дядей Колей. Ему казалось, что он уже ни одного дня не сможет прожить без этого удивительного и всезнающего человека. До того как появился в Клементьевке этот веселый дачник со своим баулом, Ларик очень скучал на даче. Дача была большая, просторная. Эту дачу подарили отцу Ларика, известному конструктору Ф. Отец строил замечательные самолеты, быстрые и красивые. Ему за это дали два ордена и отличную дачу. Но дача не нравилась Ларику. Она была слишком городская. Телефон, электричество, ванная, водопровод. Совсем как в городе. Ларику казалось, что гораздо интереснее было бы, если бы сквозь щели был виден сад. За водой

надо было бы бегать к колодцу, и во время дождя с потолка бы капало... Тогда бы по крайней мере чувствовалась настоящая дача.

Мама уехала в Крым лечить почки. Отец приезжал из города и тотчас уходил к себе наверх, где у него был кабинет, мастерская с большими окнами. Он там что-то чертил, писал, и за большими стеклами поздно ночью горели яркие электрические лампы. А всем распоряжалась тетя Женя, которую Ларик обещал слушаться, когда мама уезжала. Но с теткой Ларик не ладил. Она была очень скучная и боялась мокриц и ящериц. То ли дело дядя Коля! Вот с этим можно было водиться всерьез.

Ранним утром Ларик и Вадька с нетерпением поджидали дядю Колю в условленном месте, у речки.

— Вон он идет, дядька этот, насекомый, — говорил Вадька, — ой, и чудак!..

И дядя Коля появлялся в своих широких, растоптанных сандалиях, люфяном картузе, вооруженный удочками, сачком, со своим неизменным баульчиком. Ларик даже ревновал сперва дядю Колю к Вадьке. Но чудесный мухолов оказывал предпочтение Ларику, хотя Вадька был уже в третьем классе, а Ларик перешел только во второй.

«ОБЩЕСТВО ЗЕЛЕНОГО САЧКА»

Мальчики помогали дяде Коле ловить жуков, бабочек. Они собирали гербарий. Они удили рыбу. Дядя Коля действительно знал секретное рыбье слово. «Чигорчух!» — восклицал он, закидывая блесну, ловко сматывал лесу, и рыба — тут как тут! — блестела, выдернутая из воды. Он знал сотни таких историй, что некогда моргнуть, когда их слушаешь. «Вот у нас на

верховодье в Нижегородской бывшей губернии...» — начинал он, и ребята, широко раскрыв глаза, разинув рты, часами слушали его. Он знал повадки птиц, ежей. Он разгадывал хитрости рыбы и зверя. Только один раз ребятам удалось доказать, что и они знают кое-что такое, чего не знает дядя Коля. Они лежали в тот день на песке у пруда, они смотрели в небо. И в небе, урча, прошел от облака к облаку самолет.

— «БФ», — сказал Ларик, взглянув на небо.

— Это его отца, — сказал Вадька, кивнув на Ларина, — его папу Богдан Георгиевич зовут, а фамилия на фе начинается. Это он строил, вот и назвали «БФ».

Но дядя Коля не проявил никакого интереса к самолету.

— Я, братики мои, козявки мои дорогие, — сказал дядя Коля, — я в стрекозах разбираюсь, птицу тоже чувствую. Кое-что в жуках соображаю. А вот эта штука мне до сих пор не вполне понятна. Как-то влечения не ощущаю.

Мальчики были даже немножко огорчены. Самолеты казались и Ларину и Вадьке самым главным в жизни. Но через минуту они хохотали и катались по песку. Потому что Ларик спросил лукаво: «А почему летает самолет, знаете?» А дядя Коля простодушно ответил: «Пропеллером воздух под себя подгребает, ну, вот и того... летит». Впрочем, тут же дядя Коля предложил мальчикам смастерить большую летающую модель стрекозы. В стрекозах он знал толк.

Стали готовить материал для стрекозы. Еще до этого дядя Коля предложил создать тайное, — обязательно тайное, иначе неинтересно, — «Общество Зеленого Сачка». Никаких секретов тут не было. Но мальчикам очень нравилось, что тут была тайна. Такие простые

занятия, как ловля бабочек, катанье на лодке, ужение рыбы, просушка растений для гербария, — все это у дяди Коли выходило интересно и таинственно. И когда Ларик встречался с Вадькой где-нибудь на людях, оба таинственно переглядывались, а Вадька толкал Ларика локтем в бок и говорил: «Зеленый сачок?», на что Ларик, заговорщицки осмотревшись вокруг, отвечал: «Черный жучок»... Ларик был очень доволен, что у него теперь есть тоже своя тайна. Раньше тайны были только у отца. Отец не позволял входить к нему в мастерскую. Уходя, он запирал дверь на ключ. В последнее время отец работал очень много и целую неделю прожил на даче, почти не вылезая из своего кабинета. Иногда он по вечерам выходил к чаю. Глаза у него были натруженные, воспаленные. Облачко табачного дыма входило вместе с ним. Он потягивался, подхватывал подмышку Ларика, скидывал его кверху и говорил:

— Ну-с, Ларец, полетим, брат, скоро!

— Куда полетим, на чем?

— Много будешь знать, так борода вырастет...

Стрекоза была уже почти готова. Из тонкой проволоки были сделаны крылья, из картона — зеленое туловище. Теперь надо было обтянуть проволоочный каркас чем-нибудь упругим, прозрачным. Дядя Коля попросил Ларика достать у отца кальки. Но, как назло, ночью отец уехал в город.

«ЗЕЛЕНЫЙ САЧОК, ЧЕРНЫЙ ЖУЧОК...»

Утром тетка ушла на станцию за хлебом и ягодами. Ларика оставили сторожить дачу. Вдруг он увидел, что на террасе появился дядя Коля. Ларик очень удивился. До этого дядя Коля никогда не приходил к ним на да-

чу. Дядя Коля не любил людей, дядя Коля любил лес и дружил только с Лариком и Вадей.

— Ну, каково поживаем, где калька? — опросил дядя Коля. — Дело, брат, за тобой — все готово. Стрекоза получается всем на удивление.

Ларик сообщил, что отец уехал. Дядя Коля как будто очень удивился.

— Уехал? Ну? Вот так оказия! Ну, ничего, мы немножко возьмем, ему останется вдоволь.

Второй ключ от отцовского кабинета лежал в столе у тетки. Ларик знал это. Но разве можно нарушить запрет?! Отец ведь никому не велел входить в кабинет.

— Нет, как же... ну, раз нельзя если, — жалобно сказал Ларик.

Он боялся, что дядя Коля будет настаивать, но дядя Коля понял...

— Понятно, неловко, — согласился дядя Коля, — да у тебя, верно, и ключа-то нет. Так бы и сказал, чего же тут огород-то городить!

— Нет, ключ-то у тетки в столе, — сказал Ларик, — но раз нельзя...

— Ну, раз нельзя, так нельзя, что ж тут толковать! — воскликнул дядя Коля. — Конечно, отца послушаться — последнее дело. Молодец, Ларион!

Он задумался и посмотрел в окно. В окно доносились веселые взвизги и крики играющих в волейбол на соседнем участке.

— Ну, хвалю за стойкость, — сказал дядя Коля, — идем, брат, я тебе за это такого жука-плавунца покажу, что ты сроду не видел. Богатырь жук, целый броненосец! Где у вас вода?

Они пошли в ванную. Дядя Коля открыл кран. Ларику казалось, что вода на этот раз течет как нарочно медленно. Ему не терпелось скорей увидеть жука-

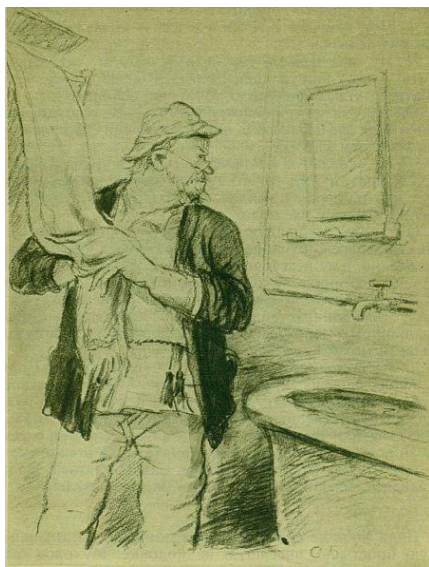
плавунца, которого принес в темной банке дядя Коля. Когда ванна была заполнена, дядя Коля выпустил в воду обещанного плавунца. Жук действительно был исполином. Огромный, словно черепаха, он поплыл, шевеля мохнатыми лапами.

— А ты подуй, подуй на него, — сказал дядя Коля.

Ларик перегнулся через борт ванны и, почти касаясь губами воды, стал дуть на жука. И вдруг мягкие руки дяди Коли, ставшие необыкновенно жесткими и злыми, схватили его за плечо и за затылок и резко ссунули в воду. Ларик хотел закричать, вода полезла ему в нос и в рот. Он стал биться, захлебываться. Вода, казалось, сейчас разорвет ему уши, нос, грудь...

* * *

Дядя Коля не спеша вытирал мокрые руки о мохнатую простыню, висевшую на колонке. Мухолов был

немножко бледен. Он еще раз торопливо взглянул на неподвижного Ларика. Голова мальчика и плечи оставались в ванне, под водой.

— Зо ист бессер, — сказал мухолов по-немецки, — так-то лучше.

ПОЯСНЕНИЯ КАПИТАНА К.

— Вот такая история произошла не так давно в поселке Клементьевке, — сказал капитан К., кончив рассказывать мне о коварном мухолове и бедном Ларине. — Вы бы, — продолжал капитан К., — написали об этом книжечку... Такие вещи не мешает знать и большим и маленьким.

— Погодите, погодите... Что же дальше было? Так и погиб Ларик? Что дальше?

— Дальше вот что было.

Мухолов мигом достал ключ из теткиного стола, кинулся в мастерскую инженера и быстро стал собирать папки с чертежами, которые оставил отец Ларика. Но в эту минуту он услышал чьи-то шаги на террасе.

— Ларик... Фью-ю-ю!.. Ларка, ты где?.. Да Ларик же! — кричал Вадька, бегая по даче. — Ларик, ты чего там делаешь в ванне?

Мухолов бросился к окну, услышал знакомый голос и свист.

И вдруг Вадька замолк... Мухолов понял: Вадька увидел... Схватив чертежи, мухолов выпрыгнул через окно в сад и бросился в кусты.

Вадька сам чуть не умер от страха, когда увидел, что голова Ларика под водой. Он обхватил обвисшее тело Ларика и вытащил его из ванны. Через секунду дачники, игравшие в волейбол на соседнем участке, услышали отчаянный вопль:

— Ой-ой... скорей!.. Ларик захлебнулся... Не дышит уже... Ой, скорее, скорее!..

С большим трудом доктор, прибежавший из соседнего дома отдыха, вернул Ларику дыхание и жизнь. Прошло немного времени, и наконец Ларик открыл глаза.

— Ну, мальчуган, — сказал уставший, но довольный доктор, — приди твой приятель на минутку позже, уже поздно было бы... Как же это ты так нырнул?

— Меня дядя Коля, дядя Коля... Зеленый сачок... Черный жучок!.. — закричал вдруг Ларик, трясаясь, но, взглянув на Вадьку, замолк.

Но тут перепуганная тетка хватилась ключа. Увидели, что кабинет инженера открыт, чертежи разбросаны... окно настезь.

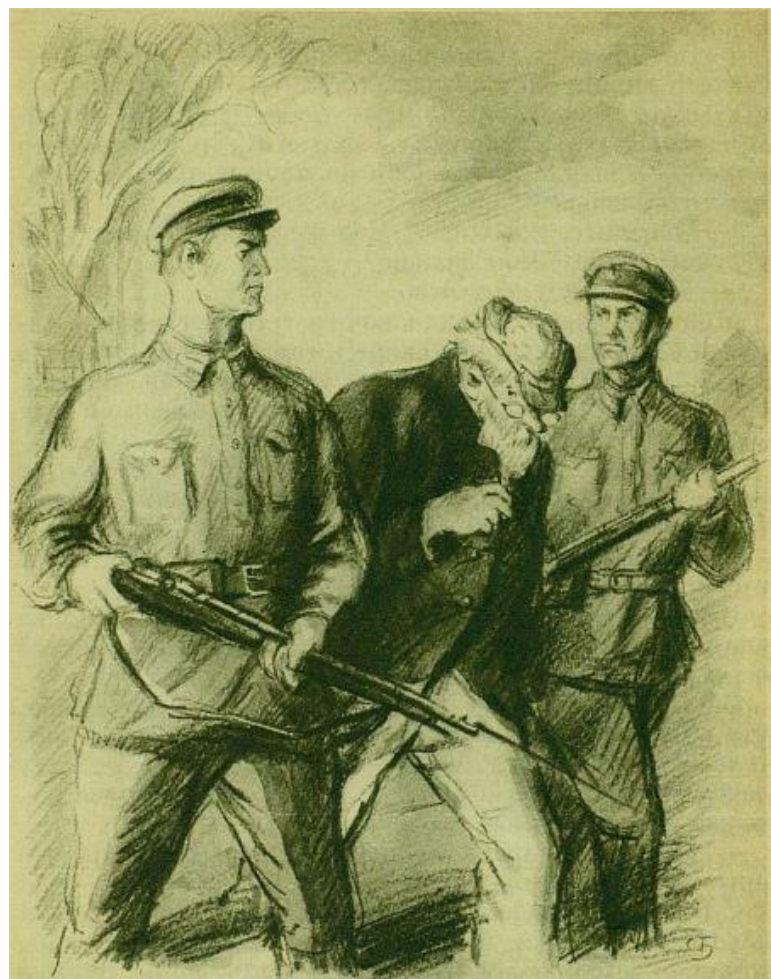
В ванне продолжал плавать большой жук-плавунец. Он греб мохнатыми лапами, тукался в борт ванны, пытался вскарабкаться, но срывался со скользкой эмали.

— Это мой жук, — узнал Вадька, — я его вчера дяде Коле поймал. Разве дядька тут был?.. Да будет уж секретничать... Зеленый сачок, черный жучок...

Так все выяснилось. Мальчики раскрыли тайну, рассказали о своем знакомстве со странным дачником. Описали его наружность. Через час мухолов был задержан на станции. У него отобрали украденные чертежи.

И оказалось, что дядя Коля был на самом деле совсем не Николаем и не Сидоровым. У него было совсем другое имя. Он был иностранец. Он пробрался к нам из-за границы. Он был фашистский шпион.

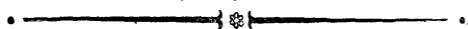
Отец Ларика держал у себя на даче важные секретные чертежи, хотя по правилам такие чертежи надо хранить в специальном месте. Шпион узнал, где живет на даче инженер Б.Ф. Он поселился по соседству, прикинулся натуралистом-мухоловом, нарочно заинтересовал своим таинственным поведением мальчиков, подружился с ними. Потом он узнал от Вадьки, что отец Ларика уехал в город. Шпион выследил, когда тетка ушла и Ларик остался один. Чтоб Ларик потом не смог выдать его, мухолов

решил убить мальчика, тихо, без шума... В воде Ларик не мог кричать.

— Вот какая история была в тихой нашей местности, — сказал в заключение капитан К., — вы бы написали об этом. Такие вещи не мешает знать и большим и маленьким, — повторил он.

А. БЕЛЯЕВ

ПЛЕННИКИ ОГНЯ

Отрывок из фантастического романа
«ПОД НЕБОМ АРКТИКИ»

Рисунки Н. ТРАВИНА

А. БЕЛЯЕВ

Новый роман А. И. Беляева посвящен проблеме освоения Севера. Печатаемый отрывок передает эпизод испытательного пробега вездехода нового типа «Тайга», созданного для круглогодичных исследовательских экспедиций на дальнем Севере.

Инженер Игнат Бугаев, инспектор единой высоковольтной сети и негр Джим, приехавший в СССР из Флориды, направляются в новый город Челюскин, где строится огромная электростанция, использую-

щая разницу температур воздуха и морской воды. В пути самолет совершает вынужденную посадку и неожиданно встречается с вездеходом. Игнат и Джим решают совершить остальной путь на «Тайге». Для получения электрической энергии, установлены ветросиловые двигатели — трубы Дюбо и высотная ветросиловая станция «Змей». Вездеход движется на колесах, на гусеничном ходу, на лыжах, как аэросани, может переплывать реки и брать препятствия, как танк.

К Симакову подошел Фома.

— Гарью пахнет, капитан!

— Я ничего не чувствую, — сказал Симаков, нюхая воздух.

— У меня ноздри старого таежника. Сегодня ветер на юг, а потянет на север, и вы почувствуете, — ответил Фома.

— Но что тебя беспокоит? — спросил Симаков. — Наверное, охотники костер развели.

Фома неопределенно закивал головой.

— Все может быть, — ответил он. — А только... не лучше ли нам выбраться отсюда поскорее.

— Ты думаешь, что в тайге пожар? — уже с некоторым беспокойством спросил Симаков.

— Пахнет, да! — за бородатого штурмана ответил Джим, втягивая воздух широкими ноздрями. Почувствовали запах гари и Бугаев и Симаков.

— Пожалуй, ты прав, — сказал капитан. — Надо удирать.

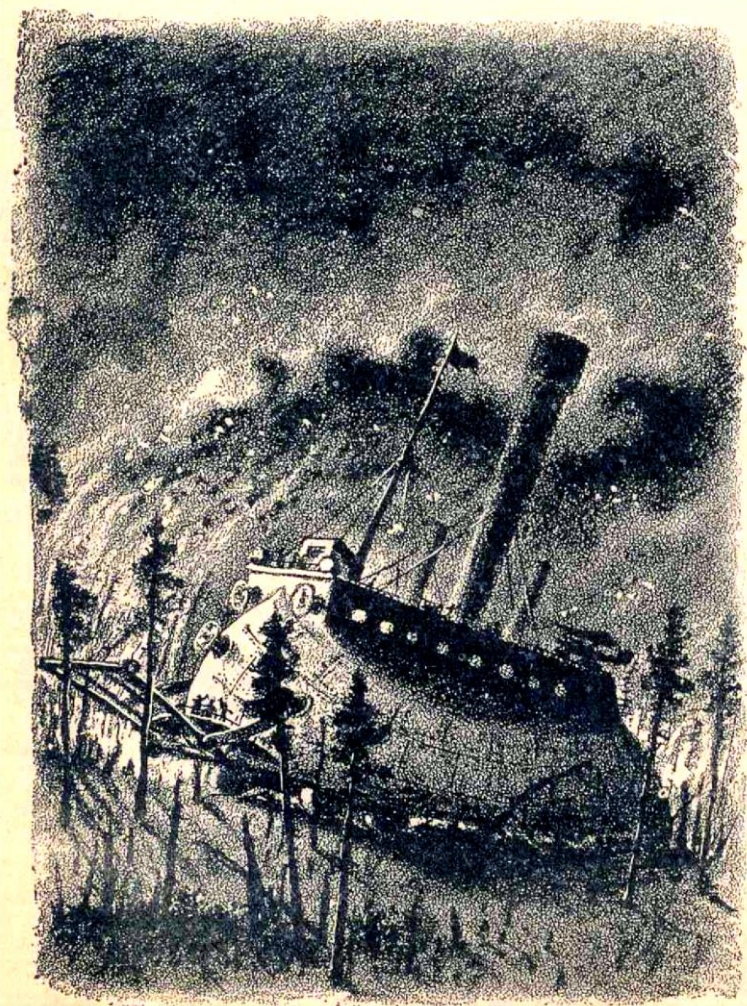
Игнат посмотрел на окружающий лес. Плотная стена лиственниц, бурелом, громоздкий вездеход — все это как-то не вязалось со словом «удирать». Какую скорость могла развить «Тайга» в лесу? Едва ли более пяти километров в час. И куда «удирать»? Впереди был не вырубленный лес. Просека вела назад, к месту пожара. Кто сделал эту просеку? Разумеется, «Тайга». Но чтобы сделать просеку, надо немало времени. Пилить деревья на пути и подвигаться вперед, — этак и километра в час не сделаешь,

— Смотри! Смотри! — воскликнул Джим.

По сучьям деревьев, с лиственницы на лиственницу, прыгали с испуганным писком белки. Их было множество, и все они неслись на север, убегая от пожара. Внизу по просеке мчались три зайца. В стороне, в чаще показался большой медведь. Он вышел на просеку, встал на задние ноги, понюхал воздух и, вновь тяжело опустившись на передние, поспешно зашагал в лес, с необычайной быстротой поворачивая свое тело.

Над лесом с криком летели стаи птиц. Фома хлопал по бокам своими тяжелыми ручищами и стонал. В нем проснулся охотник. Сколько дичи! Но сейчас не до нее. Приходилось звонить в колокол, созывая всех на аварийные работы.

Один за другим на палубе появились обитатели «Тайги» — механик Адам Жуковский, геологи — золотистоволосая Анна Фор и черная, как цыганка Зинаида

„Тайга“ продвигалась вперед

Карская, врач Дубовицкая, студенты и практиканты Митя Дрешер и Федя Грицай. Выбежали даже две собаки лайки, встревоженные колоколом и поднявшейся суматохой. Они возбужденно лаяли с борта на птиц и зверей.

Наконец, появился толстяк радист Гребенщиков. Он сообщил, что со «Змея» высотной электросиловой установки, сообщают о начавшемся пожаре.

— Знаем. Наш Фома пронюхал этот пожар раньше, чем они с неба заметили.

Джим посмотрел на «Змея».

— Им там хорошо, — сказал он. — До них не только огонь, но, пожалуй, и дым не дойдет.

— А если проволока, которой «Змей» привязан к «Тайге» перегорит, что тогда? — возразил Игнат.

— Не так уж страшно, — отозвалась Анна Фор. — Все полые части «Змея» наполнены водородом. «Змей» не улетит вверх, но и вниз будет падать медленно. Его отнесет за линию пожара.

— Однако, ветер на юг, и «Змей» может упасть в пламя, — тревожно сказала Карская.

— Внимание! — крикнул капитан. — Все по местам! Работу машин на полный ход.

Жуковский побежал к своим моторам. Фома стал за штурвал, капитан Симаков с Игнатом и Джимом отправились к капитанской рубке, под нею сгруппировались остальные.

Загудели моторы. «Тайга», дрогнув всем телом, медленно двинулась вперед. Скоро сухопутный корабль подошел вплотную к стене лиственниц. Дальше идти было некуда. Бешено загудели пропеллеры на носу.

— Неужели одною винтовой тягой можно двигать это чудовище? — спросил Игнат.

— На снегу можно, — ответил Симаков.— Здесь же пропеллеры только помогают; «Тайга» движется на колесах, которые вращаются при помощи моторов. Будет время, расскажу подробно. А кое-что и сами увидите.

— Рама! — крикнул он.

Впереди вездехода выдвинулась металлическая рама, укрепленная на низких колесах. Передние концы рамы были соединены тонкой металлической пластиной. Позади пластины, на некотором расстоянии от нее, проходила металлическая труба. Она шла параллельно пластине и также соединяла своими концами боковые металлические стержни. Все вместе и составляло «раму», напоминающую связанные впереди, но очень широко расставленные, оглобли.

— Ток! — продолжал командовать Симаков, наклоняясь к слуховой трубке.

Джим и Игнат увидели, как тонкая металлическая полоса впереди «оглобель» покраснела и накалилась добела. Полоса врезалась в лиственницу и прошла сквозь ее ствол с легкостью ножа, разрезающего масло. Соки дерева обратились в пар, вырвавшийся из разреза. Показался дымок. Но в тот же момент из трубы, находившейся за пластиной, через дыры начали вырываться струи пенистой жидкости, облеплявшей место среза. Вспыхивающее пламя тотчас тушилось. Шипение усилилось. Пар и дым покрыли электрический нож.

— Клешни!

Две пары рычагов, оканчивающихся железными клешнями, вынырнули откуда-то снизу. Дрешер и Грицай ловко управляли железными руками. Клешни схватили дерево выше среза и отвалили в сторону. «Тайга» подвинулась вперед. Карская, Фор, Дубовиц-

кая помогали Дрешеру и Грицаю направлять паденье деревьев в тех случаях, когда, «руки» не успевали во время сделать это. «Тайга» оцетинилась механизированными баграми, клешнями, рычагами.

Работа была напряженная, небезопасная, требующая большой ловкости и сноровки. Капитан время от времени справлялся по радио, с какой быстротой движется пожар. С вышки «Змея» ему сообщали об этом.

— В каком направлении лежит ближайшая граница леса? — спросил капитан змеевиков.

— Перед нами до горизонта сплошной лес — отвечали со «Змея».

Симаков нахмурился.

— Придется послать на разведку Анну Фор, — сказал он.

— На авиаэтке «Стрекоза»? — спросил Игнат.

Капитан кивнул головой.

— Геолог-авиатор! Я вижу, вы тут универсалы, — сказал Игнат.

— Приходится, — ответил Симаков, — Аничка любит летать. — Он отдал распоряжение.

Через несколько минут автожир «Стрекоза» уже взвился почти отвесно над вездеходом, взяв курс на север, и скрылся за лесом.

Симаков начал подсчитывать, что движется быстрее: «Тайга» или пожар? Судя потому, как он мотал головой, итоги получались неутешительные.

— Ну, что? — спросил Игнат.

— Пожар нагоняет, — ответил Симаков. — А к вечеру ветер должен усилиться.

— Но неужели «Тайга» не может двигаться быстрее? Не в обиду будь сказано, хорош твой танк, но как медленно пробивается он через лес. Механизация не

полная, если людям приходится работать почти столько же, сколько машинам. Люди скоро выдохнутся.

— А мы зачем? Гости? Наблюдатели? — спросил вдруг Джим, засучивая рукава, — я не привык быть посторонним наблюдателем, когда другие работают. Идем на помощь, Игнат.

Симаков отрицательно покачал головой:

— Едва ли вы будете полезны, во всем нужен навык, — и, обращаясь к Игнату, он продолжал: — Я согласен с тобой, что моя «Тайга» далека от идеала. Но ты ошибаешься, думая, что железные руки «Тайги» непременно требуют добавления рук человеческих. Если окажется необходимым, мы уберем людей и пустим в ход одни механизмы.

— Почему же сейчас ты не делаешь этого?

— Тебе станет понятным, когда я это сделаю, — ответил Симаков.

Огонь усиливался. Огонь, охватывавший все большее лесное пространство, сам создавал ветер. Он уже гудел по верхушкам деревьев, пронося едкий дым. Но искр не было еще видно.

Над «Тайгой» затрещала и круто опустилась на палубу «Стрекоза». Возбужденная, раскрасневшаяся Анна Фор указала кратчайший путь из леса.

День угасал. На небе зажглись первые звезды. Зверьки уже все пробежали, птицы пролетели.

— Теперь бы тучи, дождик, а небо, как назло, чистое, — ворчал Симаков.

Со «Змея» сообщили, что пожар делает прыжки: поднявшийся ветер переносит горящие сучья, ветки, вызывая новые очаги. Дело принимало нешуточный оборот. Откуда-то вновь появились обезумевшие животные, быть может, где-нибудь задержанные перебросившимся пламенем, сбившим их с пути. Общая

опасность примирила вековых врагов; разные обитатели леса бежали вперемежку, не обращая внимания друг на друга. Становилось трудно дышать.

— Уложить трубу и роторы! — приказал Симаков.

Высокая труба ветросиловой установки оказалась складною. Она осела, словно провалилась. Роторы были положены на бок, как пароходные трубы при прохождении парохода под мост.

— Остановить моторы воздушной тяги!

Часть моторов затихла. Пропеллеры, покружившись на холостом ходу, остановились. Дрешер и Грицай быстро сняли их и уложили внутри корпуса.

— Дугу!

— Есть, дугу! — по-морскому ответил Грицай.

В носовой части сухопутного корабля над палубой поднялись три металлических дуги, одна выше другой.

— Задраить иллюминаторы!

— Есть, задраить иллюминаторы!

Но на это «есть» ушло не менее двадцати минут. Джим и Игнат ожидали, что будет дальше. «Тайга» напоминала корабль перед наступлением циклона. Она готовилась вступить в борьбу с огненной бурей и стихией леса. Нешуточная борьба. Лес цепко держал в своих лапах, огонь упорно нагонял корабль.

Симаков глубоко вздохнул. «Тайга» была готова для штурма леса.

— Дать лесорезы! Полный ход! — раздалась новая команда.

«Тайга» быстро двинулась вперед, как танк в атаку. Накаленный добела резак подкашивал толстые стволы, и они падали в разных направлениях. Деревья, шумя как морские волны, опускались прямо на «Тайгу», падали на дуги, и по ним соскальзывали вниз. Иные падали поперек дороги. «Тайга» переползала их,

поднимаясь то носом, то кормой, как корабль при килевой качке. Иногда, однако, на пути наваливалось столько стволов, что приходилось отступать и снова двигаться, чтобы разбросать их.

— Это уже напоминает борьбу ледокола со льдами, — заметил Игнат.

— Да, но за ледоколом не гонится, по крайней мере, огненный смерч, — заметил Джим.

Совсем стемнело. Но, несмотря на шум моторов, треск падающих деревьев и шипенье огнетушителей, уже слышался гул наступающего пожара. Потемневшее ночное небо на юге становилось багровым. Мелкие искры пролетали над «Тайгой», как метеоры.

«Бросить «Тайгу» и спастись по примеру зверей», — подумал Игнат и тотчас устыдился этой мысли. Да, это было бы неблагоразумно. Еще, пожалуй, такой лесной медведь, как Фома, нашел бы спасение. А непривыкший к лесу только плутал и кружил бы, пока не стал жертвой пламени. Надо разделить участь всех, участь «Тайги».

По расчетам Игната, теперь «Тайга» двигалась со скоростью десяти — двенадцати километров в час. Со всем неплохо для пути через сплошной лес.

— Почему бы тебе не устроить предохранительные дуги и для пропеллеров, и не останавливать их? Скорость еще больше увеличилась бы.

— Я уже думал об этом — ответил Симаков. — Я, просто не предусмотрел того, что «Тайге» придется иметь дело и с лесными пожарами.

— А эти дуги сделаны, разве, не на случай пожара и сумасшедшей езды напролом?

— В том-то и дело, что я ставил своей задачей сделать езду по сплошному лесу не сумасшедшей, а нормальной. Я предполагал механизировать косьбу дере-

въев, чтобы они почти не задерживали обычного хода на колесах или гусеничном ходу. Но нам не удалось еще сконструировать такие железные руки, которые идеально справлялись бы со своей задачей. Приходилось или прибегать к помощи человеческих рук, чтобы разбрасывать во все стороны падающие деревья, или же ставить эти дуги. Но дуги все-таки мало помогают. Гляди, как загружена палуба — обломками сучьев и хвоей.

— Сюда может попасть искра, весь этот мусор необходимо убрать, — сказал Игнат.

— Ты, прав, — ответил капитан. — Вот тебе и Джиму нашлась подходящая работа.

— Идем, Джим! — сказал Игнат. Они начали сбрасывать с палубы груды сучьев, хвои, шишек.

— Тепленько становится работать, — сказал через некоторое время Игнат, утирая пот с лица и поглядывая на Джима.

Черная фигура негра уже была ярко освещена заревом пожара и казалась бронзовой.

— Да, теплеет, — заметил Джим, также останавливаясь, чтобы передохнуть.

На помощь Джиму и Игнату пришли Фор и Карская.

— Живей, живей, девочки, если не хотите изжариться, как куропатки, — шутил Игнат.

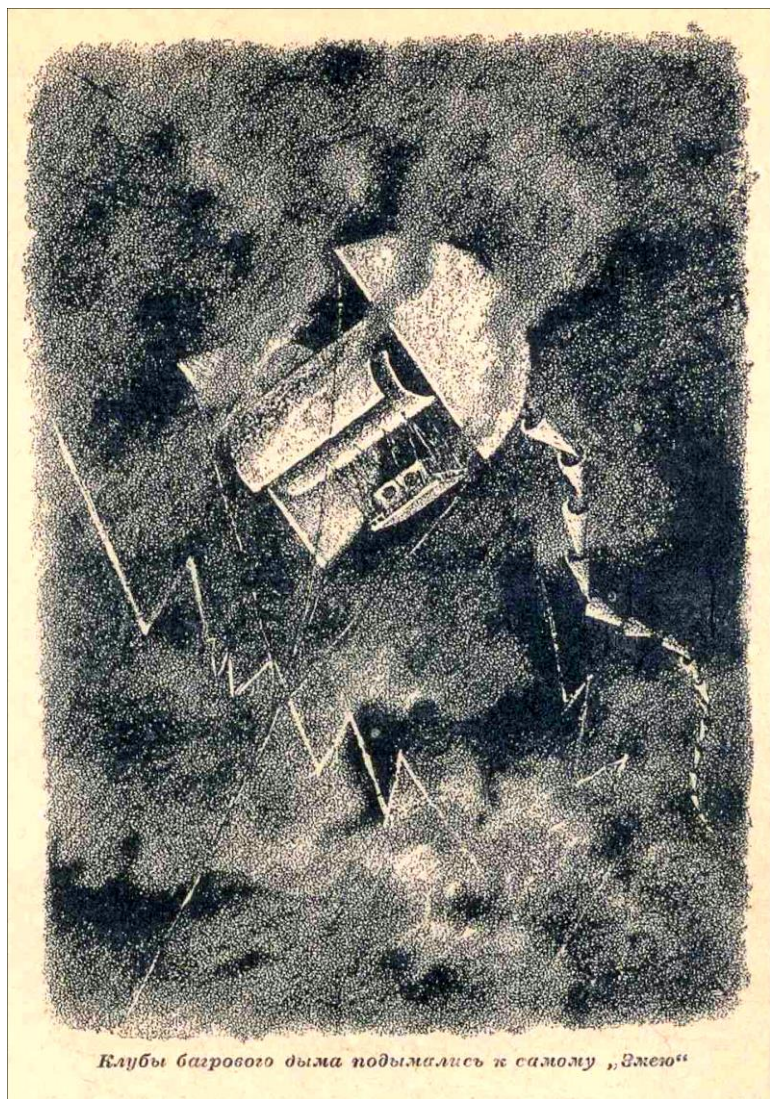
— Тепло это хорошо, — сказал тропический Джим, — дышать тяжело, это уже худо.

Мимо пробежал Грицай и сказал на ходу:

— Скверное дело. Не хватает огнегасительной пены. Запасы истощаются. Дубовицкая не успевает изготавливать. Кто-нибудь, помогите ей!

Анна Фор сбросила охапку мусора за борт и ушла.

В лесу уже было светло и горячо, как в июльский полдень.

Клубы багрового дыма подымались к самому „Зкею“

— Невеселые дела, Джим, — тихо сказал Игнат, — пожалуй, спокойней нам было продолжать путь на аэроплане. На худой конец, из этого ада может вырваться один-два человека на «Стрекозе». Да пожалуй, вот эти там, наверху, уцелеют, — Джим показал рукой. — Высоко над лесом ярко светился «Змей». — Нет, и там им несладко — продолжал он, следя глазами за клубами багрового дыма, поднимавшимся к самому «Змею».

В это время Игнат и Джим работали на корме, возле лебедки, к которой был привязан «Змей».

Прибежал Грицай и начал отдавать трос.

— Змеевики Тестев и Гривич просят поднять их повыше, поджариваются и задыхаются. Они сейчас висят над самым пожаром, — объяснил Грицай.

Змей начал медленно подниматься.

Палуба была очищена вовремя. На нее все чаще летели искры и головни. Но работу нельзя было бросать ни на одну минуту: непрерывно накапливались новые обломки, сучья, шишки от деревьев, падающих на дуги и скатывающихся вниз.

Игнат подошел к капитанской рубке.

— Как дела? — спросил он Симакова. — До конца леса далеко?

— Не менее десятка километров, — ответил капитан.

— Выберемся?

Симаков пожал плечами.

— Огнетушители с минуты на минуту откажутся работать.

— И что же тогда? Зажаримся?.. — Ответа не было.

Игнат посмотрел на работу механических лесорезов. Труба огнегасителя шипела и свистела, как испорченный насос. Из многих отверстий вырывались струи

воздуха без жидкой пены. Стволы вспыхивали.

— Сама «Тайга» поджигает лес, — сказал он.

От жары на носу уже трудно было стоять. Позади «Тайги» по стволам и пням скошенных деревьев змеились огоньки. Одно сухое дерево пылало. Пожар разгорался совсем близко от вездехода. Его механический корпус все более нагревался. Было тяжело дышать. Жар усиливался с каждой минутой. Но ни один человек из всего экипажа, не исключая девушек, не проявлял паники.

Игнат шутил:

— А ты еще боялся, Джим, что окоченеешь от холода на севере. Пожалуй, тут теплее, чем в твоей Флориде.

Джим улыбался, сверкая зубами.

На самой палубе вспыхнула куча хвои, другая, третья... Дрешер бегал, заливая пламя огнетушителем.

Пожар трещал, гудел, завывал, свистел. Птицы и звери уже давно опередили «Тайгу». Только одни люди вели последнюю борьбу с пламенем. Они изнемогали. Главная опасность сейчас угрожала от воспламенения мусора, скоплавшегося на палубе. Огнетушители скоро были израсходованы. Дрешер пустил в ход последнее средство — палубные шланги. Но в баке было не так много воды, чтобы ее хватило до конца лесного пути. При этом, вода нужна была и для охлаждения моторов и бензиновых баков, которые могли взорваться от нагревания. «Змеевики» ежеминутно сообщали свои наблюдения. Они уже давно видели границу леса, и давали направление. Граница была близка, но сплошное море огня еще ближе. К счастью, ветер переменялся, дым и горячий ветер относил в сторону. Иначе все задохлись бы прежде, чем пожрало их пламя.

Несколько сухих деревьев, спиленных огненной пилой, уже пылали, как факелы. Пламя перебросилось на подсушенные горячим воздухом соседние деревья. За кормой и с левого борта начался настоящий лесной пожар. Карская и Фор невольно вскрикнули.

— Сейчас выедем из леса. Без паники! — ободряла их Дубовицкая, хотя ее лицо было взволновано не менее других.

— Я вижу просвет! — закричал Игнат своим громовым голосом.

Все встрепенулись, посмотрели вперед, но за дымом ничего не было видно. Однако, Игнат не ошибся. Всего несколько рядов деревьев отделяли «Тайгу» от границ леса.

Засыпаемые искрами, задыхающиеся, пленники огня продолжали бороться за свою жизнь, сбрасывая с палубы загоравшиеся сучья. Грицай с остатками воды в ведре обегал людей и окатывал их. От одежды поднимался пар.

Вдруг раздался с кормы крик Дрешера:

— Трос! «Змей» зацепился за сук дерева. Стоп! Остановите машину!

Эти слова тотчас были переданы капитану. Каждый пережил тяжкую секунду внутренней борьбы. Положение для всех было ясным: задержка «Тайги» хотя бы на несколько минут может стоить жизни всем. Спаситься возможно, только пожертвовав «Змеем» и змеевиками. Позади на много километров бушевало огненное пламя. И «Змей» неминуемо упадет в огонь. Но допустить погибнуть товарищам? Никогда! Всем спастись, или погибнуть всем!

— Стоп!

«Тайга» остановилась, как взнузданный конь.

Дрешер, облив себя остатками воды из ведра, дергал трос, пытаясь освободить его.

«Не задерживайтесь из-за нас! Спасайте вездеход и экипаж!» — радировали змеевики.

Капитан только досадливо махнул рукой. Дрешер продолжал то накручивать на лебедку, то опускать трос. Но трос прочно зацепился за сук. Дерево уже пылало внизу. Огни пламени, перебираясь с ветки на ветку, приближались к тросу. Трос разогреется, металл сделается мягче и порвется...

Все, забыв о личной безопасности, с волнением смотрели за работой Дрешера. Фома, простучав тяжелыми сапогами по железной палубе, исчез в люке.

— Игнат, есть у тебя револьвер? — спросил Джим.

Игнат дрогнул от этого вопроса и с тревогой посмотрел на Джима. Неужели у него не выдержали нервы, и он хочет покончить с собой? Но Джим, преодолевая волнение, улыбался. Игнат, после короткого колебания, передал револьвер Джиму. В ту же минуту из люка поднялся Фома с винтовкой в руках. Ему и Джиму пришла в голову одна и та же мысль. Они начали посылать в сук пулю за пулей. Сук надломился, трос был освобожден. Все вздохнули с облегчением.

А кругом «Тайги» бушевало пламя. Жар становился нестерпимым. Остаться далее на палубе было невозможно. Симаков отдал приказ всем спуститься во внутреннее помещение корабля. Но сам он решил оставаться на капитанском мостике.

— Живьем сгоришь, — возражал Игнат.

Симаков упорствовал.

— Я должен... — Симаков задохнулся от дыма, закашлялся и пошатнулся.

Игнат схватил его своими огромными ручищами, как ребенка, и понес к люку.

В кают-компании Симаков очнулся и вновь пытался выйти на палубу. Игнат сжал руку капитана и строго сказал:

— Сиди, «Тайга» движется вперед, и сама выберется из пожара. Осталось каких-нибудь полкилометра.

— А если наваленные деревья повернут вездеход в сторону и он собьется с пути?

— Змеевики будут сообщать нам... направление... дышать нечем... как в затонувшей подводной лодке.

Анна Фор уронила голову на стол. Обморок... Джим бросился к ней на помощь. Но что мог он сделать? Поднял золотоволосую голову девушки, растерянно дул в лицо. Дубовицкая с белым, как у мертвеца, лицом, шатаясь и цепляясь за горячие стены, побежала к аптеке за спиртом. Но возле двери сама упала.

— Однако, дело табак, — проговорил Фома, ни к кому не обращаясь.

— Алло! Вы живы?— телеграфировали змеевики. — «Тайга» находится у края леса. Осталось не более...

— Что такое? Почему он не договорил? — взволновался Симаков и закричал в телефонную трубку:

— Тестов! Тестов! Алло! Гринич! Не отвечают. Неужели «Змей» оторвался? Я иду на палубу, — сказал Симаков решительно.

Игнат видел, что на этот раз отговаривать бесполезно.

— погоди! Раньше батьки не лезь в пекло, — загудел Фома, расставляя перед Симаковым руки, — говорю, погоди, а не то стукну. Сиди. Я сейчас...

Фома, переваливаясь, как медведь, вышел, и скоро вернулся с кожаным пальто, шлемом и темными очками.

— Вот, надень. Да водой облейся. Полведра я еще сберег.

Симаков быстро оделся. Фома облил его с ног до головы.

— Теперь идем.

Игнат также последовал за ним.

С трудом взобрались по горячей железной лестнице до люка. Фома, надев кожаные рукавицы, открыл люк. Их обдало горячим багровым дымом. Фома быстро захлопнул люк.

— Крышка! Каюк! — сказал он. — Нельзя выходить. Все равно сгоришь. — И он насильно свел Симакова с лестницы.

Шатаясь, дошли до кают-компаний. Люди сидели и лежали на столах, там было не так жарко, как на накалившемся полу. Минуту длилось тягостное молчание.

«Я искал новой родины и нашел крематорий», — с горечью подумал Джим.

Анна Фор вдруг приподнялась, обвела всех затуманенными глазами и запела торжественный гимн своей родины. Она Джиму казалась безумной. Но безумие в такие минуты заразительно, все подхватили. Было ли это безумие?

Джим с недоумением смотрел на поющих.

Пение оборвалось. Трудно петь, когда воздух обжигает горло и легкие.

Снова молчание, гул моторов, шум пожара...

— Однако, как будто посвежело немного, — сказал Фома.

И в тот же момент раздался голос змеевика, внесший весть о спасении:

— «Тайга» вышла из пожара! Живы ли вы? Мы живы.

Холодный ветер быстро остуживал стенки «Тайги».

— Спасены!

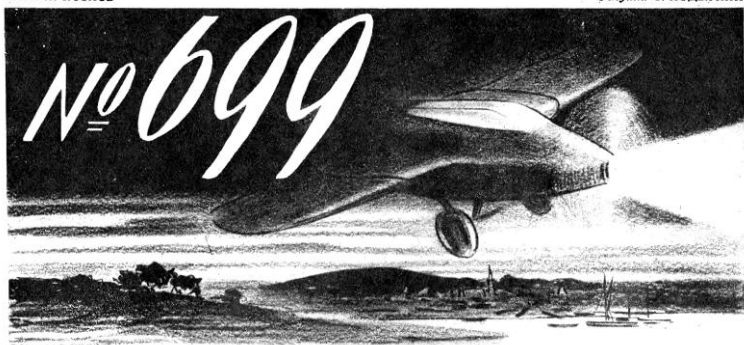
Анна Фор запела вновь. И на этот раз пение не оборвалось. Оно звучало, как победный марш. Впечатлительный Джим вдруг засмеялся, захлопал в ладоши, замотал курчавой головой и присоединил свой высокий тенор к общему хору.

П. КОЗЛОВ

№ 699

Фантастический очерк

Автор помещаемого фантастического очерка «№ 699» не претендует на техническое обоснование в нем своей фантастической машины. Цель очерка — пропагандировать идею «летающего автомобиля», над осуществлением которой работает автор. Здесь показано на наглядных примерах преимущество этого необычайного вида транспорта.

На этот раз совещание в Московском автоклубе было на редкость бурным и грозило затянуться. Обсуждался не совсем обычный вопрос: предстояли между-народные автомобильные гонки, в которых многие из присутствующих водителей и конструкторов должны были принять участие.

Маршрут гонок был уже утвержден, каждый из участников совещания имел на руках карту маршрута и брошюрку с правилами соревнования. Но не эти вопросы волновали собравшихся. Дело в том, что спортивный комиссар Воронцов, приехавший из Парижа со съезда, на котором утверждались правила гонок, сообщил, что, кроме уже известных машин, в гонках будут принимать участие новейшие скоростные машины, построенные специально для соревнования. Сведения об этих машинах держатся в строжайшем секрете, но, судя по некоторым отрывочным сообщениям иностранной прессы, речь идет о сверхмощных автомобилях больших скоростей с авиационными моторами. Одна из машин — итальянская, вторая принадлежит немцам.

Тот, кто хоть раз участвовал в спортивном состязании, знает, как неприятно действует это ожидание встречи с еще неизвестным соперником, этот покров тайны, за которым скрывается противник. Какие неожиданности принесет он с собой? Какова его сила? В чем его слабости, знание которых позволило бы одержать победу?..

Сразу же после того, как спортивный комиссар закончил свое официальное сообщение, в зале поднялся шум. Конструкторы и водители, перебивая друг друга, открыли оживленную дискуссию, строя всевозможные догадки и предположения о таинственных машинах... Кто-то сбегал в читальню и принес кипу иностранных автомобильных журналов. Они пестрели короткими, но яркими сообщениями рекламного характера.

«Закончены испытания гоночного автомобиля «Шварц-Тейфель», — крикливо сообщал германский автомобильный журнал. — Немцы могут спать спокойно: эта сверхмощная машина не имеет конкурентов». Рядом с текстом было помещено рекламное изображение автомобиля. Судя по рисунку, он оправдывал свое название «Черного дьявола», и неся с такой бешеной скоростью, что походил на летящую пулю, снятую киноаппаратом.

В таких же хвастливых тонах, но более подробно расписывали свои новые «гениальные конструкции» итальянские журналы.

Споры разгорелись с еще большей страстью. Теперь в голосах некоторых спорщиков сквозили нотки беспокойства и предвзятого страха перед сверхмощными конкурентами. Многие водители горячо доказывали, что именно на мощных машинах можно наверняка выиграть гонки.

Когда крики спорщиков стали несколько утихать, в разговор вмешался ровный голос молодого человека, до сих пор не принимавшего участия в спорах. Это был известный в узких кругах авиаконструктор Холодов, один из участников предстоящего соревнования. Сдержанный не по годам, он умело завладел вниманием, и его спокойные слова скоро освежили разгоряченных спорщиков.

Он говорил, что гонки на столь значительное расстояние проводятся впервые, что маршрут проходит по сильно пересеченной местности, а в таких условиях, кроме скорости, большую роль будет играть проходимость машины.

— Всмотритесь хорошенько в маршрут, — сказал он: тут будут и горы с крутыми заворотами, и болотистые участки, и пески, и малопроезжие, запущенные дороги. Все это не особенно выгодно для сверхмощных машин. Ведь они отличаются большим весом, а значит, и большей нагрузкой на квадратный сантиметр опорной поверхности колес. Значит, на всех этих участках они будут менее поворотливы, и будут вязнуть больше других. В таких условиях надо найти какую-то, может быть, совершенно новую и оригинальную конструкцию. Спору нет, может быть, немцы неплохо построили своего «Шварц-Тейфеля», отделив в нем каждую мелочь. Однако почему вы думаете, что наши советские конструкторы не способны на свое собственное, гораздо более смелое решение задачи? Многие из наших машин тоже будут показаны на этом соревновании впервые, и еще рано судить об их качествах.

В тоне молодого конструктора чувствовались спокойствие и обоснованная уверенность в своих силах.

Эта уверенность передалась и другим участникам совещания. Уходя из клуба, они уже не чувствовали навязчивого страха перед неизвестными конкурентами, и уносили в себе только острое желание, чтобы скорей прошли немногие дни, оставшиеся до гонок.

Париж. Уже полчаса дается старт сотням машин — участникам соревнований. Десятки тысяч зрителей расположились на трибунах по всему полю и вдоль

стартовой дорожки. Машины выпускаются по одной с интервалами в несколько секунд.

Около судейской трибуны нервно похаживает спортивный комиссар Воронцов. Он поминутно оглядывает подъезжающие к старту машины и взволнованно переговаривается с представителем полпредства. Из тридцати заявленных от Советского Союза машин на старт явилось двадцать девять.

— Нет этого чудака Холодова, — говорит Воронцов, в сотый раз поглядывая на часы. — Понимаешь, вчера вечером в его машине оказалась сломанной одна ответственная часть. Вот он и ждет самолета с деталью, — ее срочно выслали из Москвы, Надо же, чтобы так не повезло!.. В Москве машина прошла все испытания. Если бы только она успела!..

«Машина номер 699 — подготовиться к старту!» объявили по радио.

Воронцов, не закончив фразы, побежал к трибуне, что-то коротко сказал председателю жюри и, вскочив в свой автомобиль, покатил в сторону гаражей, расположенных на противоположном конце поля, где ожидал запасной части Холодов.

Холодов читал газету, сидя у раскрытых ворот гаража. Он был почти спокоен. Вызов своей машины слышал. Считает, что может стартовать еще в течение часа после вызова, если будет доставлена нужная деталь. Самолет с деталью вылетел из Москвы. У него с ним радиосвязь...

Действительно, из кабины автомобиля, стоявшего в гараже, вышел один из помощников Холодова и молча подал последнюю радиограмму с самолета: «Через десять минут будем в Париже, — прочел Холодов. — Высылайте за деталью на аэродром».

До аэродрома — пять-шесть минут езды.

Комиссар, захватив механика, очутился на аэродроме раньше, чем самолет закончил посадку. Прошло не более двадцати минут, когда комиссар снова подъезжал к гаражу Холодова, на ходу помогая механику распаковывать ящик с запасной деталью. В гараже все было готово к ремонту.

Прошло еще несколько минут, и зрители, уже собиравшиеся расходиться, были изумлены появлением на стартовой дорожке какой-то запоздавшей машины весьма странного вида.

— Номер 699, — крикнул судья, — вы задержались на сорок пять минут. Последняя машина ушла десять минут назад!

— Вы потеряли сорок пять минут, — повторил Воронцов, подбегая к машине Холодова перед самым стартом: — не забудьте, что ваше время началось с момента первого вызова.

Холодов улыбнулся и переключил скорость. Ветер отнес его ответ в сторону. Машина рванулась, и через несколько секунд скрылась за рядами людей.

Но Воронцов поплатился за свой прощальный разговор с Холодовым. Не успел он проводить взглядом скрывшуюся машину, как на него налетела целая стая корреспондентов. Защелкали аппараты, замелькали блокноты...

- Почему автомобиль 699 такой странной формы?
- Скажите, чем лучше трехколесная система?
- Что это за «плавники» по краям кабины?

— Что за странная одиночная фара на носу машины?

— Почему мотор установлен сзади водителя?

Только с помощью нескольких членов жюри комиссару удалось спастись от этой атаки. Он залез в свою машину и, издавая непрерывные гудки, с трудом выбрался из толпы. На прощанье Воронцов приоткрыл дверцу и крикнул:

— Всего хорошего! Скоро вам все будет ясно!

Дорога зигзагами поднимается на гору. Водители машин хорошо знают, как действуют на нервы эти подъемы, когда нельзя использовать и половины возможной скорости из-за частых поворотов, и когда за долгий путь по склону машина подымается только на два-три десятка метров.

Но вслед за подъемом начинается спуск с горы — это тоже зигзаги, и их не меньше. Дорога сбегает в долину. Каждый раз с поворота видна вся долина, река, мост через нее, кажущийся сверху игрушечным.

Добрая половина участников растянулась на этом пути, проклиная повороты и зигзаги, когда Холодов подъезжал к перевалу.

«Где-то здесь должен быть прямой участок», подумал Холодов.

Он нажал гашетку на штурвале управления. Тотчас же перед ним, на доске приборов осветился небольшой экран. Это было одно из замечательных усовершенствований машины — телевизор, — дающий возможность увидеть предстоящий путь. Несколько поворотов вариометра — и на экране один за другим стали появляться изображения подъема, усеянного автомашинами. Проследив по экрану свой ближайший путь, Холодов наметил прямой, ровный участок, вслед за которым начинался более крутой подъем.

Перед Холодовым на экране проходил весь предстоящий путь.

— Кстати, здесь же и контрольный пункт, — пробормотал Холодов, увидев на экране фигуры контролеров по краям шоссе; — А следующий пункт только после спуска, у моста... Что же, подходит время преподнести сюрприз.

Едва машина выбралась на намеченный участок, Холодов нажал несколько рычагов, и вот, к шуму мотора постепенно стал примешиваться какой-то знакомый звук. Впереди машины засверкал металлический диск. Скорость заметно увеличилась. По краям кабины, выдвигаясь на глазах, выросли металлические плоскости — крылья...

Контролеры, стоявшие по сторонам дороги, с изумлением наблюдали автомобиль, который, приближаясь к ним с бешеной скоростью, на ходу менял формы. Они едва успели рассмотреть его гоночный номер — 699, громадными черными цифрами написанный на жел-

той табличке, но для этого им уже пришлось задрать свои головы кверху: диковинная машина легко оторвалась от земли и стала набирать высоту, оставляя под собой изгибы дороги, подъем в гору, перевал...

Когда машина опустилась по ту сторону горного хребта, Холодов поздравил себя с успешно законченным перевалом.

— Треть участников осталась позади... Надо узнать, что делают передние.

Включив радиостанцию, Холодов услышал, что лидер пробега «Шварц - Тейфель» прошел пункт № 37, в ста километрах впереди. Спустя десять минут после него, через этот пункт прошло еще несколько машин.

«Посмотрим, как они себя чувствуют», подумал Холодов и снова включил экран телевизора. Вот проступили контуры шоссе за 37-м пунктом, и на нем маленький силуэт автомобиля, поднимающего за собой густые вихри пыли. Несколько увеличив изображение, Холодов без труда узнал «Черного дьявола» — лидера гонок.

Судя по карте, «Шварц - Тейфель» проходил тяжелый участок пути, и его скорость показалась Холодову рискованной. — «Ты, приятель, плохо ориентируешься в местности», — подумал Холодов. Повернув вариометр, он увидел группу деревьев, за которую резко сворачивала дорога, проходящая над крутым обрывом реки. Как раз за поворотом виднелось какое-то нагромождение, застрявший грузовик, подвода...

«Здесь он разобьется», мгновенно подумал Холодов, и тотчас же его правая рука легла на ключ радиотелеграфа:

«Машина № 50... № 50... № 50...»

На доске приборов вспыхнула лампочка: значит, «Шварц - Тейфель» принял позывные.

— Вам грозит опасность, — предупреждал по радио Холодов: — в пятнадцати километрах от вас шоссе занято. Осторожнее!..

Взглянув на экран, Холодов увидел, что предупреждение подействовало: пыльный вихрь, несшийся за машиной, заметно уменьшился. Приближаясь к повороту, «Шварц - Тейфель» пошел еще медленнее и, наконец, остановился.

Но и сам Холодов уже приближался к опасному повороту. Пора было позаботиться о самом себе. Выбрав подходящий для взлета участок, Холодов снова включил авиационный винт, выдвинул плоскости, и через несколько минут автомобиль оторвался от дороги. Все участники соревнования остались позади. Последний соперник — «Шварц-Тейфель» — все еще стоял у поворота, к которому Холодов приближался со скоростью быстро летящего спортивного самолета. Убрав газ, Холодов низко прошел над поворотом дороги, и теперь уже в натуру увидел застрявшую подводу, залезший в канаву грузовик и сверкающего кожей водителя «Шварц-Тейфеля».

Вся эта картина промелькнула перед Холодовым в несколько секунд. Этого было, однако, достаточно, чтобы разглядеть и запомнить обращенное к нему, искаженное злобой и изумлением, лицо водителя «Шварц - Тейфеля». Холодов ясно прочел в его взгляде, что будь у этого человека возможность, он сделал бы все, чтобы сбить летящий автомобиль, уничтожить его, превратить в дымящиеся обломки...

Это выражение бессильной ярости окончательно утвердило у Холодова уверенность в победе. Он ощутил непередаваемое чувство слитности со своей заме-

чательной машиной, для которой не существует препятствий и случайностей.

С удивительной четкостью он управлял теперь своим летающим автомобилем, пролетая над всеми трудными участками и снижаясь у контрольных пунктов.

Ему вспоминались годы работы над своей машиной, обидное недоверие, скептицизм специалистов, всевозможные препятствия и огорчения... Но над всем этим стоял, затеняя собой все, тот, кто, не будучи сам специалистом в этой области, первый поверил в смелые замыслы молодого человека. И на всю жизнь запомнились Холодову его слова: «Если вы большевик, то сумеете доказать свою правоту, не страшись трудностей...»

— Ну, хватит, товарищ, размечтались, — оборвал себя Холодов с привычной иронией. — Смотрите внимательнее, пора на землю. Вот снова контрольный пункт.

В этот день вечерние газеты всех городов вышли с запозданием. «Таинственный лидер», «Необычайная машина ведет гонки», «Летающий автомобиль Советского Союза» — такими заголовками пестрели газеты. Под этими заголовками сообщалось, что на самом трудном участке пути машина Холодова выиграла шесть часов и оторвалась от других на тысячу двести километров.

Газета «Спорт», с обычной для нее высокопарностью сообщала, что уже вылетел ее корреспондент, известный под псевдонимом «Ртуть». Он летит на скоростном самолете, пересекая маршрут гонок, увидит «советскую диковинку» и немедленно раскроет тайну летающего автомобиля...

Холодов заканчивал заправку машины горючим, когда к нему, запыхавшись, подбежал человек в кожаном шлеме с пилотскими очками, съехавшими на затылок. Человек на бегу вытаскивал из футляра «лейку», пытаясь в то же время достать блокнот из болтавшейся сбоку сумки.

— Превосходно! Таким я и ожидал вас увидеть! Сила и мощь затейливо переплетаются с простотой и скромностью! — льстиво выкрикнул репортер, пытаясь одновременно прицелиться «лейкой» в машину Холодова,

— Вы, кажется, хотите ознакомить меня с отличными качествами вашего аппарата? — спросил Холодов, следивший за всеми движениями репортера. — Разрешите мне его на минутку...

Он взял из рук несколько растерявшегося репортера «лейку» и протянул стоящему рядом судье пробега:

— Будьте добры, верните эту вещь гражданину, но, пожалуйста, только после того, как я отсюда уеду.

Холодов уселся было в кабину самолета, но, словно вспомнив что-то, обернулся к корреспонденту:

— Вы оставили свой самолет на полянке, по ту сторону поселка. Вам надо бы вернуться к нему, а то ваш пилот, кажется, заснул, и любознательные ребятишки могут что-нибудь повредить в вашей машине.

— Кто вам это сказал? — растерянно пробормотал корреспондент.

— Я это вижу, — отвечал Холодов. — Да, так и быть, поглядите сами.

Корреспондент торопливо нырнул головой в кабину и замер, увидев на экране знакомую лужайку, на которой стоял самолет, окруженный ватагой ребятишек. | — Вас интересует, где летчик? — спросил Холодов. — Всмотритесь, вон он лежит под крылом. Вы, вероятно,

замучили беднягу: он спит, как младенец. Но что это с вами? — спросил он, заметив гримасу боли, с которой корреспондент вдруг отскочил от машины.

— А-а, понимаю. Кажется, мой Аркадий Павлович вас несколько нелюбезно принял. Что поделаешь, он у меня строговат, не любит посторонних. Познакомьтесь: «Аркадий Павлович», — так мы прозвали нашего «автоматического пилота». В полете он безошибочно ведет машину по нужному курсу, а во время стоянок он не менее отличный сторож, так как по его жилам течет электрический ток. Вам захотелось мимоходом ознакомиться с машиной и потянуть за сектор газа, но Аркадий Павлович не разрешил этого сделать, как и не разрешит никому без моего ведома... Ну, а пока...

Холодов взглянул на часы и включил мотор:

— Простите, у меня нет больше времени для беседы с вами. Однако на прощанье я просил бы вас в своем отчете сделать маленький вывод из всего виденного. «Шварц - Тейфель», который так расхваливали в вашей прессе, оказался битым советской машиной. Не мешало бы кому следует понять, что, если любые «черные дьяволы», или коричневые, или еще какие-нибудь захотят испытать нас в более серьезном соревновании, результаты окажутся такими же...

Гонки заканчивались. Еще один горный кряж, пески, лесной массив с дорогами, запущенными после дождей... Во всех этих местах Холодов поднимал свой автомобиль в воздух, выпрямлял путь, пролетал тяжелые участки и проходил по земле только контрольные пункты.

Все газеты пестрели заголовками о сенсационном финише летающего автомобиля. Следующая за ним

машина пришла только через тринадцать часов. Холодов выиграл две тысячи пятьсот километров пути...

Газета «Спорт» вышла с обширным сообщением своего корреспондента. Неугомонный Ртуть выжал все, что мог из встречи с Холодовым.

«Я имел возможность два раза увидеть это «чудо-вище», — писал Ртуть. — В первый раз я нагнал его за перевалом в маленьком городке. Уже стемнело, когда я прямо с аэродрома подъехал к базе для гонщиков. Взволнованный администратор, путаясь, рассказал мне, что, действительно, в одном из гаражей стоит «весьма странная машина за № 699», что он никого не ожидал, так как «Шварц-Тейфель» должен прийти только через семь-восемь часов, что шофер странной машины потребовал от него ключи отдельного гаража, вкатил туда машину и заперся. Администратор проводил: меня к гаражу, и я прождал около часа, пока, наконец, ворота гаража открылись. Однако рассмотреть что-либо было невозможно. Кругом было совершенно темно, а яркий луч света, исходивший из носовой фары машины, слепил глаза и не давал возможности ее увидеть. Странная машина быстро выехала на шоссе и пропала в темноте. Я вскочил в свое авто и погнал шофера к городской заставе. Я рассчитывал увидеть картину взлета этой дьявольской штучки. Я учел, что шедший сегодня дождь испортил земляное шоссе за городом, и машина вряд ли захочет ночью скользить и вязнуть по размокшим колеям, когда имеет возможность миновать этот участок по воздуху. Я не ошибся.

К счастью, местный шофер вывез меня к заставе кратчайшим путем, опередив диковинную машину. Мы попали вовремя. Яркий свет фары стремительно приближался, и как раз перед нами машина, собираясь

взлететь, раскрыла лопасти пропеллера... Невинная осветительная фара на носу машины оказалась втулкой воздушного винта. Лопасти его были искусно убраны в специальные люки на крыле. По краям кузова выросли плоскости. И когда машина поднялась в воздух, мы увидели в ночном небе очертания, напоминающие скоростной самолет. Даже задняя часть кузова вполне соответствовала хвостовой части самолета с рулями и стабилизатором».

Так передавал Ргуть свои впечатления о первой ночной встрече с Холодовым. Расписывая свою вторую, дневную встречу, корреспондент не менее подробно рассказал о машине все, что он только успел заметить. Он отметил кстати, что в своем «наземном состоянии» машина занимает немного места и может пройти по улицам любого города, как и всякий автомобиль, не нарушая тишины и порядка.

Что же касается вывода, который Холодов просил на прощанье передать читателям газеты, то корреспондент счел более удобным не приводить его в своей статье. Впрочем, этот вывод читатели сумели сделать и без его помощи.

АРСЕНИЙ НЕСМЕЛОВ

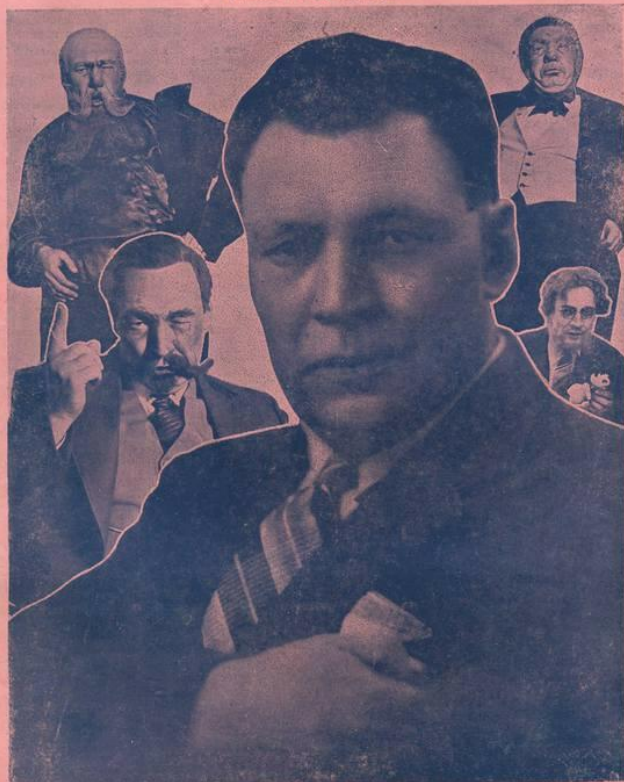
КОЛЬЦО ЦЕЗАРЯ

Фантастический рассказ

庚辰四年四月一日第三種郵便物認可 (送別)

РУБЕЖ

ХАРБИН. XV ГОД ИЗДАНИЯ.

СОЗДАТЕЛЬ И РУКОВОДИТЕЛЬ ДРАМ. АНСАМБЛЯ В ХАРБИНѢ, АРТИСТ В. И. ТОМСКИЙ
(См. очерк на стр. 12—13 о 500-м слепотантѣ).

№ 42 (715)

11-го октября 8 года Нан-Да
(1941 года).

Цѣна — 45 ф.

В Китаѣ — 55 и.

Арсений Иванович Несмелов (1889–1945 гг.)

Опубликовано впервые в журнале «Рубеж», 1938 год,
№ 34 (Харбин)

КОЛЬЦО ЦЕЗАРЯ

I

В записках Цезаря о галльской войне, написанных, как знает каждый, с простотой и ясностью, свойственной великому автору их, есть одно тёмное место. Это там, где Цезарь говорит о завоевании им свевов... Вы помните удивительный эпизод спасения укреплённого лагеря римлян, осаждённого свирепыми свевами, этим воинственнейшим из галльских племен?

Это место как-то не вяжется с общим ультрареалистическим тоном записок. На фоне трезвой повествовательной прозы это место словно пятно, нанесённое чужой кистью, — вы помните намёк как бы на некое чудо, спасшее лагерь, упоминание о каких-то существах, метавших гром и молнию?.. Некоторые из толкователей «Записок» склонны даже считать это место за добавление позднейшего переписчика.

Но, так или иначе...

Легиону, которым командовал сам легат, его лю-

бимейшему одиннадцатому легиону, грозила неминуемая гибель. Осада лагеря свевами вступала уже в тринадцатые сутки. Рвы и валы лагеря были окружены осадными башнями, искусству строения которых свевы научились у самих римлян. У осаждённых иссякли запасы копий и стрел, их противоосадные башни были сожжены. Сожжен

был преториум легата. На его пепелище угрюмо сидел Цезарь. Над ним, поникшим, на кедровом древке высился серебряный орел легиона. Хищные рубиновые глаза орла смотрели вперёд, на свевов, на восток. Глаза его уже заалели от первых лучей зари. Серебряный орел ни о чем не думал. Цезарь же думал о неминуемой гибели легиона, которую принесет новый приступ врага.

Услышав шаги приближающегося человека, он не поднял головы, Цезарь знал, что это дежурный трибун; Цезарь знал, что он скажет:

— Легат, у пращников нет больше ни камней, ни свинчаток для метания.

Или:

— Легат, запас наконечников для стрел иссяк. Или еще что-нибудь, что исправить, восстановить, добыть — он был бессилен.

Цезарь не поднял головы, великий полководец был в отчаянии.

Но то, что доложил ему трибун, вдруг заставило его поднять голову, насторожиться — в этот миг Цезарь стал похож на хищного легионного орла — и затем быстро подняться с обгоревшего бревна, на котором он сидел.

— Но что делают эти люди, и откуда они? — быстро спросил он трибуна.

— Их не было ещё вчера, легат, — ответил юноша в изорванном и во многих местах прожженном сагуме.

— Тот холм, на вершине которого они за ночь вырыли маленький ров, был на заходе солнца еще пуст...

— Они — галлы?

— Нет.

— Может быть, германцы?

— Тоже нет, легат.

— Римляне, наконец?

— Клянусь Геркулесом, нет, легат. Но они дышат огнем...

— Какую чепуху ты говоришь, Секст! Как могут люди дышать огнем?..

— Но, легат, они дышат им! Почти каждый из них имеет в зубах странный предмет, похожий на ма-

ленькую курительницу. И они выдыхают дым... Пожалуй, они боги.

— Чепуха! Но как они ведут себя по отношению к нам, дружелюбно ли?

— Вполне. Они показывают в сторону свевов, пренебрежительно машут руками и плюют.

— Сколько их?

— Не больше одной центурии. И... прости меня, легат... они все в штанах, как бабы или старики.

— Есть у них оружие? Стрелы, копья, баллисты?

— У них в руках какие-то короткие палки. Впрочем, не совсем палки: они сделаны и из дерева, и из железа... С одной стороны эта штука расширяется. Этой стороной они вставляют эту штуку в плечо, показывают в сторону свевов и гордо говорят...

— Что говорят?

— Прости меня, легат, но они говорят: «пу»...

— Какая чепуха, Секст! Не с ума ли ты сошел от страха, что через час тебе, Впрочем, как и мне, придется броситься на меч, чтобы не достаться в руки галлам.

— Легат!..

— Впрочем, пойдем... Я сам выясню, что это за ди-кари, дышащие пламенем и говорящие «пу»...

II

Часть воинов первой центурии сбежала в ров. Тут же был и их примипил с красным султаном на медном шлеме. Они окружили двух парней в защитных куртках и защитных штанах, смело соскочивших в ров. Действительно, оба незнакомца выпускали из ноздрей дым — в зубах у них были наши трубочки.

— Кто вы такие и откуда вы? — спросил орленосец.
— Видимо, вы не враги, раз так смело пришли в наш лагерь...

— По-каковскому они лопочут, Митрич? — спросил один из парней другого. — И все в железе, — видать, дикари... Ох, Сибирь-матушка, и какого только люда не живёт на тебе! Гляди-ка — луки и стрелы! Может, башкиры или гураны?.. Ничего, парень, ничего, — свои! — похлопал он по плечу примипила. Свой народ, тоже белые... Ротный нас послал к вам насчет провианту... Прямо сказать — нет ли какой ни на есть жратвы? Хоть хлебушка, что ли? А может, и водочка найдется? Ужаси, до чего отощали! Нас в обход красным послали, а мы и заблудились. Вы, видать, башкирской самообороны, а мы первого добровольческого, которым капитан Жилинский командует. Ничего, всё одно — свои! Стало быть, водочки, винца бы...

Из всей этой речи римлянам было понятно только одно слово: вино.

— Винум, — сказал младший центурион. — Они просят вина, примипил.

И он протянул незнакомцам свою флягу с крепким легионным вином, к которой те и стали припадать с величайшей жадностью. В это время на валу появился Цезарь со свитой.

С помощью воинов оба добровольца поднялись на укрепление. Надо сказать, что выпитое на голодный желудок крепкое солдатское вино уже порядочно ударило им в головы. Начался разговор — вернее, попытка объясниться. Цезарь пробовал греческий, египетский, арамейский языки. Он призвал галльского толмача, но и тот не был понят незнакомцами. Солдатишки дружески трепали его по плечу, говоря всё одно и то же:

— Нам, главное, милый, жратвы бы... Ну, хлеба, что ли... Отощала братва! А вино, настойка эта ваша, что ли, она действительно хороша. Винца бы, конечно, тоже не мешало бы.

И они показывали себе на рты и на животы.

В этом отношении оба посланца неизвестных союзников были Цезарем поняты, и, хотя сами посажденные уже страдали от недостатка провианта, Цезарь знаками дал своим гостям понять, что им дадут и хлеба, и вина.

— Христос те храни! — обрадовались солдатишки. — Хоть и нехристи, а понимают, что мы — свои люди. Одно дивно: ведь, кажись, башкиры-то вина не пьют...

— Может, после революции и им вино разрешено, — догадался другой. — Тоже, хоша и басурманы, а выпить надо.

— Ну, Митрич, полезем назад. Вишь, сколько нанесли. Стало быть, сочувствуют.

— Не ссыпаться бы с валу. Эй, ты, пожарный в каске, подсоби...

— Винца бы еще хлебнуть, Митрич. Не дает энта собака — ишь, ощерился. Вот этого разве попросить — он, кажись, у них за главного. Ваше благородие, винум, понимэ? Прикажи этому в каске дать нам хлебнуть. — Что это у вас за плечами? — спросил Цезарь, прикасаясь к винтовке, висевшей у Митрича за плечом.

— Дикари! — удивился тот. — Истинная татарва, винтовки не видали! Вы, ваше благородие, прикажите этому носатому дать нам винишка, а уж мы вас ублажим винтовочкой. Куда бы пальнуть, Федот?..

— А вот над нами гуси летят.

— И впрямь!..

Митрич снял с плеча винтовку, вскинул её и выстрелил по стае. Звук выстрела и огонь, сверкнувший

из ствола, поверг наземь всю свиту великого полководца. Не испугался лишь Цезарь. Но и он с великим удивлением смотрел на упавшую к его ногам убитую птицу.

— Друзья! — сказал он затем своим сконфуженным подчиненным, торопливо поднимавшимся с земли. — Кто бы ни были эти люди — они вооружены таким оружием, которого у нас нет. Вы говорите, что они боги? Не думаю. Боги не стали бы с такой жадностью пить наше дрянное вино. Но, во всяком случае, нам лучше иметь их своими союзниками, чем врагами. Поэтому прибавьте к тому, что я им уже дал, еще одного жареного барана и дайте им еще вина. И помогите им всё это донести до их холма, потому что оба они и так уже едва держатся на ногах.

III

К этому времени достаточно рассвело.

Впереди, менее чем в версте от римского укрепления, уже зашевелилось становище свевов. В этот раз враги не торопились с приступом: они знали, что достаточно будет первого хорошего нажима — и римское гнездо станет их добычей.

Знал это и Цезарь... если, если таинственные незнакомцы занявшие соседний холм, не окажут ему и его солдатам неожиданной божественной помощи.

Но едва ли на эту помощь можно было серьёзно рассчитывать и обнадёживаться ею.

Защитники вершины холма были так жалко малочисленны! Да к тому же все они уже и попрятались в ямы, нарытые ими за ночь, видимо, устрашённые грозным противником.

— Смотрите! — кричали воины Цезаря. — Они или спрятались, или снова ушли в землю, откуда и появились. И напрасно мы принимали их в своем лагере! Это, конечно, злые духи галльской земли, подземные жители!..

— Или галльские лазутчики... Они всё вывели и высмотрели у нас!.. Горе, горе нам!

— А мы еще снабдили их хлебом, мясом и вином!..

— Горе, горе!..

— Мы ничего не потеряли, солдаты! — громко сказал Цезарь крикунам. — Всё равно, мы обречены на гибель, если не будем настолько мужественны, чтобы отбить и этот приступ. Нам надо продержаться только до вечера — седьмой легион уже спешит к нам на помощь...

Солдаты смолкли.

Трибун Секст Клавдий сказал:

— И притом, легат, не все те странные существа спрятались в землю. Вот около той штуки, что торчит между двух маленьких их валов... Ты видишь — она похожа на баллисту?.. Там мои глаза замечают людей...

— Да, да, и мы видим! — закричало несколько голосов. — Они шевелятся там у себя на холме. Помогите им Юпитер, если они действительно наши союзники...

В это время на площадках осадных башен свефов показались первые неприятели. Они изготовились для метания с вершин своих сооружений зажигательных стрел в коновязи турм, расположенные за рвами. Свевы хотели вызвать огнём панику среди лошадей конницы и затем уже броситься на приступ.

Но едва свевские стрелки метнули первые стрелы, как по вершине холма, занятого странными существами, забегали огоньки, что-то там затрещало, легкий

свист раздался над головами римлян, и в то же мгновение враги их стали мертвыми падать с башен.

— Милосердный Юпитер! — закричали воины. — Что же это происходит? Эти существа, вышедшие из земли, поражают наших врагов своим оружием: громом и молниями!..

Цезарь молчал.

К нему, сгибаясь в поклонах, протискался легионный жрец.

— Высокочитимый питомец побед!.. — высокопарно начал он, склоняясь перед полководцем. — Ну не говорил ли я тебе вчера вечером, что ауспиции благоприятны, и что мы обязательно победим врагов?..

— Попробовал бы ты мне сказать иное! — сурово сдвинул брови Цезарь. — Твои ауспиции нужны не мне, а воинам...

— Стало быть, так или иначе, но я нужен, и я полагаю, что Юпитер был бы очень обрадован, если бы ты вспомнил свое обещание и прибавил бы мне жалование...

— Уйди, старая сандалия! — рассердился скуповатый Цезарь. — Ты мне мешаешь наблюдать за тем, что происходит у свевов. Да, по правде говоря, ты и так уж сожрал всех кур в лагере под предлогом необходимости гадания на их внутренностях... И еще попрошайничаешь!

Жреца оттеснили.

Тут к нему подбежал денщик трибуна Секста, известный своею трусостью вольноотпущенник Дав и стал умолять, чтобы жрец возложил на него руки и тем предохранил бы его от ран и увечий на сегодняшний день...

— За возложение рук, Дав, — деловито сказал жрец, — я беру, как тебе известно, два сестерция.

— О, я отдам тебе деньги завтра же! — молвил вольноотпущенник, но жрец был непреклонен.

— В кредит я не возлагаю рук! — решительно сказал он. — Так провозлагаешься, в кредит-то! А вдруг тебя все-таки пришибет бревном? Кто мне заплатит?..

В это время многотысячные полчища галлов оставили уже свое становище и устремились на холм. Видимо, их передовые отряды донесли главному командованию, что некая группа римлян, вооруженная дальнобойными пращами необычайной силы, заняла возвышенность перед лагерем, и прежде, чем атаковать главные силы, надо уничтожить опорный пункт противника...

— Трибуны, центурионы, по местам! — крикнул Цезарь. — Помните, жизнь всех зависит от доблести каждого. Я буду находиться при легионном орле...

Цезарь с замиранием сердца смотрел на эту ужасную атаку. Он знал — сейчас защитники холма будут раздавлены, а затем будет раздавлен и его лагерь.

И вдруг то, что его трибун принял за хобот баллисты, полыхнуло огромным кругом желтого пламени и грянуло настоящим, подлинным громом. Что-то оглушительно завизжало, уносясь в сторону свевов, и, снова сверкнув огнём, прогрохотало там.

И так до десяти раз в течение трех, не более, минут: взлетал огонь, гремело, взвизгивало и огнем рвалось среди расстроенных уже рядов пытавшегося наступать врага. Потом в нескольких точках вершины что-то торопливо, захлебываясь, затыкало, словно одновременно залаяли все семь голов подземного пса Цербера.

Свевы бежали. Всё поле было усеяно трупами...

Ликующий Цезарь приказал отворить боковые ворота лагеря и выпустил на бегущих свою конницу.

Легкие турмы быстро развернулись на ровном поле и, легкокрылые, пошли добивать врага.

Это был полный разгром; решительная, окончательная победа!

Жрец, полумёртвый от страха ещё секунду назад, первым пришёл в себя. Хватая Цезаря за край его паладамента, он звал его к ларам лагеря, чтобы скорее совершить возлияние богине Победы. Не столько, правда, возлияние его интересовало, как возможность при удобной обстановке напомнить Цезарю, чтобы его, жреца, не обошли бы при дележе добычи.

Цезарь оттолкнул жреца ногой.

— Секст, — сказал он своему любимому трибуну, — пойдём на холм... Я хочу видеть предводителя этих божественных людей.

Но уж сам подпоручик Казанцев шёл ему навстречу.

Подпоручик Казанцев был очень поджар в своем галифе. Цезарю, задрапированному в пурпур широчайшего паладамента, он показался похожим на цаплю. Не менее комичным показался Казанцеву и Цезарь.

Отдание чести.

— Ну, вот и всё! — сказал подпоручик Казанцев, протягивая руку великому полководцу. — Как просто! Вот, Юлий Цезаревич, как за две тысячи лет шагнула вперёд военная техника!

Подпоручик Казанцев был классиком по образованию, он говорил по-латыни.

— Кто вы? — спросил Цезарь. — Ты и твои люди? Вы... боги?..

— Ерунда! — ответил подпоручик. — Какие там, к чёртовой бабушке, боги!.. Я, ваше высокопревосходительство, центурион первого Омского добровольческого полка. Нас, видите ж, послали в обход красным, а мы вот и зашли в тыл... на две тысячи лет назад...

Ничего не понимаю!..

— А вы думаете, я что-нибудь понимаю?.. Вот, говорят наши астрономы — астрологи по-вашему, халдеи тож, — что есть звезды, свет с которых идет на землю две тысячи лет... Так с тех звёзд земля видна такою, какою она была в то время, когда вы ещё жили. Так вот, может быть, я с одной из этих звёзд руку вам и подаю... А то есть еще теория относительности... Впрочем, всё это ерунда собачья, а важно то, что командир моего полка — по-вашему легат моего легиона — обязательно будет крыть меня на чём свет стоит за мой неудачный маневр с обходом большевиков... Действительно, чёрт знает куда я попал — в Галлию времён ваших «Записок».

— Но... какую награду хотите вы получить за помощь, оказанную вами римскому войску? Хотите, я прикажу сенату возвести вас в римское гражданство?

— Это бы неплохо! — подумав, ответил Казанцев. — Только... придётся быть эмигрантом, ну его в болото! Но того... в Риме теперь Муссолини... Признаёт ли он и теперешний римский сенат ваше распоряжение? Да, к тому же, русским быть мне всё-таки приятнее, чем итальянцем...

— Русским?.. Что это такое?

— Ну, скиф, скажем.

— Скифы — дикари... Не может быть, чтобы вы были скифом... Я вас тоже именую во множественном числе, как и вы меня.

Подпоручик Казанцев смотрел вдаль, не отвечая. Из-за опушки леса выскочил верховой, во весь опор несущийся к холму. Но это не был конник из турм Цезаря — это был казак из штаба первого Омского добровольческого полка.

— Вон и вестовой от командира! — испуганно сказал подпоручик Казанцев. — Простите, Юлий Цезаревич, но мне пора. Уж вы как-нибудь сами добивайте своих галлов. Нам же и большевиков хватит.

— О юноша! — прослезившись, сказал Цезарь, обнимая добровольческого офицера. — Возьми от меня на память хоть этот вот перстень!..

И, сняв с руки кольцо, полководец надел его на палец моего дружка.

Пусть это странно и даже дико, но... в моём рассказе нет и крупницы выдумки. Дело было так...

Двадцать лет назад, в июле 1918 года, первый Сибирский добровольческий Омский полк наступал на городок Ялуторовск. Городишко оказался оставленным большевиками. Прикрывая только что отошедшие красные части, отходил и броневик, поплёвывая в нас гранатами и шрапнелью.

Я был на взводе, подпоручик Казанцев на отделении. Он был в шести шагах впереди меня, когда граната разорвалась перед ним. Я подбежал к упавшему... Ни царапины, лишь глубокий контузийный обморок.

Мы подняли беднягу, на руках дотащили до Ялуторовского вокзала и внесли в зал. Долго мы возились, пытаясь привести Казанцева в чувство, но так и не смогли этого сделать. Потом пришел врач, впрыснул Казанцеву камфару и велел оставить его в покое. Сам, мол, очнётся, если не помрёт. И Казанцев не помер, очнулся. Слабым голосом, ночью уже, он позвал меня к

себе. И тут же стал рассказывать о своей встрече с Цезарем. И Федота, и Митрича называл, наших добровольцев...

Рассказ его я принял за бред. Попив чайку, Казанцев уснул. Но и утром, уже почти здоровый, он вернулся к своему рассказу и так, отрывками, всё возвращался к нему до самой Тюмени, до подступов к ней, где и убили его, моего дорогого друга. Многие из рассказов его я забыл, а что запомнилось, вот записал.

Помнится, говорил мне Казанцев, что предлагал ему Цезарь какую-то прекрасную галльскую пленницу в подарок, какую-то галльскую царевну...

Но и от пленницы Казанцев отказался. Скромно сказал:

— Женат я, Юлий Цезаревич: в Омске у меня законная супруга. Как с германского фронта приехал, так мы и поженились... Да вот опять воевать пришлось.

А самое удивительное во всём этом вот что...

Ведь ночью-то, когда Казанцев очнулся, золотой, удивительной формы древний перстень оказался на его безымянном пальце. Перстень-печатка с латинскою буквою Ц. Кольцо это я сам после смерти Казанцева носил, пока, в Омске уже, не повидался с его молодой вдовою. Ей кольцо и отдал.

Очень барыня удивлялась, что это за перстенёк такой и почему на нем «сы» — так она латинское Ц читала, — если она не Соня, не Сима, а Ольга Петровна.

А горевала Ольга Петровна о моём Васе Казанцеве не очень долго, скоро, я слышал, опять замуж вышла. А я вот о дружке моём ратном забыть не могу. Вспоминается.

И иногда я так думаю: «А где же это теперь мой дружок, Василий Казанцев? Неужели так, без остатка, и сгнил в могиле под Тюменью?.. Не может этого быть!

Наверно, к Юлию Цезарю вернулся, и воюют они вместе где-нибудь на планетах. Потому что, как и Цезарю, нам тоже не воевать невозможно: ведь мы дети каких годов — четырнадцатого да гражданского восемнадцатого!..»

Ночью настукиваю я эти строки, за полночь кончаю их. Слышишь ли, Вася, ты мои думы?

ПОГРАНИЧНИК

НАНУК

Приключенческо-фантастическая повесть

Журнал «Вокруг света», №№ 24 – 26, 1929 г.

Нанук

Повесть Пограничника

Рис. И. Королева

ГЛАВА 1

Тетрадь, найденная во сне

ПРЕЖДЕ всего, я должен сказать несколько слов о происхождении предлагаемого рассказа. Я счел нужным опубликовать его для того, чтобы прекратить бессмысленные и разноречивые толки, возникшие вокруг таинственных событий, имевших место в недавнее время. Эти события притом развернулись в стране, о которой многие из нас ровно ничего не знают. Удивляться этому не приходится. Стоит взять карту Азии и отыскать на ней северное побережье Чукотского полуострова. Место действия этого рассказа — полярный круг и 180° восточной долготы от Гринвича. Отдаленная и малоисследованная страна. Самая, быть может, отдаленная и глухая страна в мире.

... Летом прошлого года, по любезному приглашению Олафа Кнудсена, судовладельца, шхуны которого были зафрахтованы Североторгом для снабжения Колымского края, я совершил небольшое полярное путешествие из города Нома в Аляске до Нижне-Колымска на быстроходной моторно-парусной шхуне «Нанук». При небольшом количестве предполагавшихся заходов и всего недельной стоянке в устье Колымы эта поездка должна была носить довольно поверхностный харак-

тер и не обещала прибавить ничего существенного к материалам и наблюдениям, собранным мной раньше в Аляске и на берегах Берингова пролива. Однако приглашение я принял с великим удовольствием. Искушение было слишком сильно после того, как я пять месяцев пробыл в эскимосской деревушке, питаюсь моржевиной и нерпичьим жиром. Комфортабельная обстановка шхуны, прекрасная кухня со знаменитым Лассом, квартероном - поваром, участвовавшим ещё в экспедиции Амундсена и вывезенным с Крысьих островов; наконец, содержательные рассказы самого Кнудсена, опытного полярного морехода, говорящего по-русски, чукотски, эскимосски, английски, немецки и индейски лучше, чем на своем родном норвежском языке, и мистера Баллистера, бывшего «проспектора» (золотоискателя), затем майора американской службы и теперь клудсеновского компаньона, — все это делало для меня поездку занимательной и полной глубокого интереса.

Через сутки после отвала из Номы мы прошли Берингов пролив, держась левее скалистого и обрывистого острова Имаклик, большего из двух островов, носящих название Островов святого Диомида. Между этими островами как раз и проходит граница СССР и САСШ. Большой принадлежит Советскому Союзу, малый — Америке. Отделяет их пролив в 3 километра шириной, по которому с переменной силой стремится Берингово течение.

В два часа хода мы обогнули бурый, каменистый Мыс Дежнева, к которому прилепился, напоминая горные аулы Кавказа, Наукан, селение азиатских эскимосов, и мы вышли в Северное полярное море.

Плавание было удачным и поучительным. Погода стояла все время тихая. На всем протяжении пути, за

исключением небольшого скопления «сала» у Мыса Сердце-Камень, мы не встретили плавающих льдов.

На берегу, однако, дело обстояло не так благополучно. В чукотских стойбищах мы увидели голод и разорение. Возле домов чукчей, состоящих из остова, сделанного из китовых костей, обтянутого моржовыми шкурами, валялись скелеты. Охотничьи снасти были брошены. Ездовые собаки на берегу доедали остатки туземных байдарок, сшитых из кожи морского зверя. Этой зимой была плохая охота, а у чукчей, кроме того, было мало патронов. Фактории Североторга, недоснабженные в прошлом году, были пусты, и не могли оказать населению никакой помощи.

— О! Плохое хозяйство, — говорил Кнудсен, — мне, конечно, это безразлично. Я делаю свое дело. Я получил свои деньги в Сиаттле и выполняю договор, но, все-таки, делать хозяйство, как тут, нельзя. Впрочем, мне все равно, мистер Пограничник, и я не вмешиваюсь в эти дела. Я — посторонний.

И правда, этому человеку было действительно все равно! Но я на этой земле не был посторонним...

Возле Мыса Чигайакатын шхуна стала на рейде в небольшой, защищенной от ветров бухте, имевшейся в маршруте Кнудсена, хотя и не отмеченной на карте Гидрографического управления. Здесь находился дом русского зверолова Алексеенки. С ним Североторг предполагал заключить договор на организацию разъездного агентства по приемке пушнины.

Однако дом Алексеенки мы застали пустым. Внутри дома были разбросаны по полу медвежьей шкуры, по стенам развешаны кухлянки, олени окорока и гигантские непромокаемые торбазы из дымленины. Насколько позволял разглядеть свет, проникавший сквозь вставленный в окно нерпичий пузырь, всё оставалось

на месте. На земле стояла огромная незакупоренная бутылка, содержимое которой ударяло в нос тошнотворным запахом самогона.

Однако обитатели дома исчезли неизвестно куда. Вначале я подумал, что Алексеенко ушел на промысел. Но этого не могло быть, — на охоту он бы не брал с собой ни своей жены-чукчанки, ни детей, которые также исчезли вместе с их вещами. Кроме того, и это самое главное, он не взял с собой оружия. В углу комнаты на закопченной медвежьей шкуре были свалены грудой винчестеры, ножи и винтовки. Казенные части ружей были сложены отдельно. В некотором отдалении, на пестрой нерпичьей шкуре лежали отрубленные собачьи головы и мохнатые хвосты, обмазанные кровью. Картины, подобные этой, я видел в тундрах полярной Америки. Там они свидетельствовали о жертвоприношениях эскимосов в день весеннего солнцестояния. На азиатском берегу это являлось, по-видимому, следом посещения какого-нибудь шамана.

Все это было очень странно. Люди севера никогда не покидают своего дома без оружия, и, во всяком случае, никогда не оставят в доме невыпитой бутылки спирта. Больше всего нас встревожила эта бутылка, зеленоватое, молочно-мутное содержимое которой говорило о какой-то неясной трагедии или тайне. Кнудсен вышел из дома, презрительно и мрачно улыбаясь. Он был явно доволен. Это согласовалось с его мнением, что, находясь в России, можно ждать самых неожиданных неприятностей. Мы последовали за ним по мокрому, скользкому и болотистому лугу, несмотря на июнь месяц, не вполне очистившемся от снега.

На взгорье стояла низкая, похожая на чудовищный гриб, туземная «яранга», по поверхности которой под ветром хлопали обрывки сгнившей кожи, гулко, как по

барабану. Дикие, ободранные собаки с острыми волчьими ушами кружились на алыке, привязанные к гибкому, как перо огромной птицы, китовому уссу, воткнутому у завешенного шкурой входа в ярангу. Хозяин дома — чукча сидел на корточках, пристально глядя на какой-то стоящий перед ним ящик, и мерно покачивая головой. Рядом возилась его жена, несмотря на дождь и холодный ветер обнаженная до пояса, выскребывая из зловонной и глубокой ямы остатки зимнего запаса «копальхена» (моржового мяса), скисшего и зачервивевшего. Возле нее бегал проворный чумазый мальчишка лет пяти.

На наш приход семья не обратила внимания. Это также было не совсем обычно, потому что прибытие корабля представляет собой огромное событие в жизни полярного туземца. Обыкновенно к пароходу приезжают береговые жители за добрую сотню верст.

Женщина продолжала свою работу. Мужчина даже не повернул к нам головы, с удвоенным вниманием следя за ящиком, из которого вылетали какие-то хриплые, и ни на что не похожие звуки.

Подойдя ближе, я разглядел, что это был граммофон.

Мы подошли к туземцу вплотную. Он сидел, не двигаясь. Зато граммофон, и без того хрипевший и частивший так, что ни слова нельзя было понять, заторопился, казалось, еще больше и что-то отрывисто залял вместо приветствия. Мне показалось, что я разбираю слова: «Живо... Живо... одай... ару пнга... подай... скорее!.. чтоб жилось веселей...» Это был памятник минувшего благополучия — этот граммофон, когда якутские купцы из кожи лезли, чтобы конкурировать с появившимися в океане американскими шхунами, и заваливали чукчей товарами. Тогда были годы обилия мехов и товаров, годы пьяного буйства на кочевых ярмарках, где белый и голубой песок принимались на круг по одной цене. Однако эта пора давно миновала, оставив за собой холод и нищету.

Наконец чукча повернул к нам голову и хмуро пробормотал на своем языке:

— Этты? (вы пришли?)

— Да, мы пришли, — отвечали мы хором.

— Зачем пришли? — снова задал вопрос чукча.

Ему отвечал Кнудсен, спокойным и ровным голосом, как он всегда говорил со всеми. Казалось, что разговор на языке, на котором ему приходится говорить не чаще чем раз в год, не затруднял его нисколько. Он говорил на наречии Восточного мыса.

— Удивительно, — сказал он, — о, удивительно! Ты не знаешь, зачем каждый год приходит «скунер» к Береговым? Я скажу: забирать пушнину, рухлядь, кито-

вую кость, клыки мамонта, мех красного, белого и бурого зверя. Отдавать патроны, муку, сахар, плиточный чай, галеты. Хым-нан Кнудсен тлю-лют-утльин-нут-ипп, — я — Кнудсен из страны усатых людей, я — Кнудсен, который двадцать лет торговал для себя, и теперь торгует для русских. Со мной приехали спичечные люди. Скажи, где все белые люди Чига́йа-Каты́на, Экойгу́на и Кезойу́на? Где спичечные люди, где брусковые люди, где штанастые? Где торговцы, где звероловы? Где Алексеенко, где Уолл, где Ольсен, Саропук, Соколовский? Где Ли-фу и юкагир Паньков? Какой последний пынгитль тундры?

Я внимательно прислушивался к его словам, разбирая них смысл только наполовину. Чукотский язык знаком мне не очень хорошо. Это бедный и несложный язык. Спирт называется на языке чукчей эккэ-мимэтль — дурная вода. Война народов переводится как маинги марау — большая драка. Аэроплан, слухи о котором дошли к чукчам через чужанцев и бывавших в Америке эскимосов, носит название железной утки. Себя чукча называет «о<...>аведлан» — человек, а все остальные народы зовет — «тангитан», или белые люди, различая их только по некоторым признакам. Русских, которые впервые привезли чукчам спички, называют спичечными людьми, амориканских торговцев, доставлявших брусковый чай, зовут брусковыми людьми, норвежцев — усачами, китайцев — штанастыми за их широкие нанковые штаны. Американских эскимосов называют большеротыми.

Чукча внимательно следит за тем, как передвигаются редкие чужеземцы в его стране. Рассказы о них, да еще об охоте, о состоянии стада у оленных и морском лове у береговых и составляют «пынгитль» — этот своеобразный перечень новостей, неизменную

сплетню тундры, которую обязательно спросит у вас полярный туземец при встрече.

Чукча не проявил никакого оживления, узнав, что перед ним русские и сам Кнудсен, прозванный береговыми «Великим торгашом». Он слегка покачал головой и только засвистел сквозь зубы, что обозначает уважение.

— Мы перестали ждать тебя, — сказал он, — ты нам не нужен. Мы больше никогда не будем брать граммофонных пластинок, чай, муку, галеты. У нас нет ничего в обмен. Если мы умрем голодом, то пусть умрем. Если будет хорошая охота, мы будем бить столько песцов и столько нерп, сколько нужно для нас, а не для вас. Мой дед говорил давно, что в те годы, когда не было табаку и патронов по взморью, было много китов, белух, моржей, лахтаков. Умка — белый медведь позволял убивать себя пятилетним детям, а голубая лиса вырывала у ездовых собак кислую рыбу в дни весны. Белые люди нам не помогают. Из-за них совсем мало осталось зверя. Их железные сапоги и дым из их ртов распугали зверье в воде и на тундре. Пынгитль побережья такой — зверя не было, рыбы не было, олени табунных людей заболели копытницей и подохли, по лагерям ходит красная лихорадка. Русские разорили нас, и теперь стараются бежать отсюда. О них разговор такой: Уолл оторвал себе обе руки, когда закладывал в про рубь динамитный патрон. Соколовский, Саропук, Муха сели на байдару и бежали в Рощхынот (Аляску). Алек-Чеен-Кау ушел неизвестно куда, а новый белый человек из бухты Китовой — человек с пером — считает людей и яранги, он пошел пьяный по торосам и упал с льдины вниз. Еще другие русские приходили из бухты Китовой, видели наш голод и ушли неизвестно куда. Вот весь пынгитль.

Этот ответ не требовал толкований. Нам следовало повернуться и уйти, оставив в подарок старику куль муки и несколько пачек жевательного табаку, но мы почему-то медлили. Не хотелось отступать, не сделав чего-то для несчастных обитателей полярной бухты. Кроме того, во мне жила какая-то смутная надежда узнать что-нибудь более достоверное об исчезновении белых людей.

Мы сели полукругом на корточки возле входа в ярангу, чувствуя под ногами ненадежное болото. Хлюпкое и зыбкое болото севера, засасывающее жизни пришлых людей. Чукча понял нашу нерешительность по-своему.

— Ты мне не веришь? — сказал он, — все правда! Пойди, посмотри. Труп нового человека лежит на берегу в камнях. Его объели рыбы. Алек-Чеен-Кау ушел навсегда. Его никто не найдет. Я знаю, где он. Когда началось лето, я нашел в тундре мухоморы. Два больших мухомора и один маленький-маленький — вот такой. Наши люди едят мухоморы все равно как спирт. Я съел эти мухоморы и сказал одно слово и стал совсем пьян-пьян. Много-много пьян. Потом лег спать, крепко спал. Целый день. Когда проснулся, сразу вспомнил — я был в Мертвой земле. К ночи об этом не говорить. Там тоже тундра. Солнца нет. Я посмотрел в дырку. Темно. Мох. Болото. Вижу — на берегу стоят дома и домов столько много, как в речке икры во время рыбьего нереста. И стоит там мой отец, мама, все мертвые, бьют нерп — далеко-далеко. И вижу — там сидит Алек-Чеен-Кау, курит трубку и пишет, пишет, пишет на большом листе белой бумаги. И я испугался. Сказал мухоморам: «Несите меня назад». Я проснулся.

Сказав это, он оборвал свой рассказ, выжидательно глядя на Кнудсена и на меня. Мы молчали. Возражать

ему не стоило. Он не сказал бы нам правды. Эта небылица, которую он нам сплел, была, по-видимому, придумана для того, чтобы удовлетворить наше любопытство историей, которая чукче могла казаться правдоподобной.

— Да, все это правда. Правда — мой рассказ, — добавил он через некоторое время, — смотри, я взял с собой тетрадь, которую дал мне во сне Алек-Чеен-Кау. Бери ее, — мне не надо.

Порывшись в груди разлезшихся кож, сваленной у его колен, он вынул эту тетрадку. Она была истрепана и залита жирной, плохо пахнущей ворванью. Некоторые листы слиплись, и их трудно было отделить друг от друга.

Кнудсен передал мне тетрадь и встал.

— Надо сниматься с якоря. У нас нет времени возиться с местными тайнами, — проворчал он.

Действительно это был плохой признак — то, что чукча хотел избавиться от предмета, принадлежащего Алексеенке. Так поступает на севере убийца, желая, чтобы дух убитого ошибся и стал преследовать того человека, кому передана вещь, приняв его за убийцу. Я был свидетелем, как американский миссионер Айргемп обнаружил убийство, пользуясь подобным суеверием эскимосов. Был найден мертвым эскимос Пэк-Уммиак, и полагали, что он споткнулся, и, падая, напоролся на нож. О том, что здесь совершено убийство, догадались только тогда, когда старый деревенский колдун сбрил себе брови, обнаружив боязнь быть узанным духом убитого и нечистую совесть.

Я взял тетрадь в руки и быстро перелистал ее. Первые страницы были разграфлены карандашом и покрыты чернильными отметками и цифрами, которые зачеркивались одна за другой. Это был календарь, без

которого в одиночестве очень легко спутать дни. Кое-где, между какими-го запутанными денежными расчетами и вычислениями, попадались заметки вроде:

«Пятница 7. На мысу убили кита. После дележки на мою долю досталось три нарты сала и кожи.

23. Приезжал Соколовский. Он больше не занимается торговлей, стал промышленником. Недавно к нему приехал старший милиционер чукотского рика, требует какой-то налог. Жалуется.

3, понедельник. Убил три нерпы. В Тульской губернии сейчас цветут фиалки»...

На одной из страниц были начерчены нотные линейки и поставлены цифры. Владелец тетради учился играть на балалайке. Тут же был нацарапан куплет:

*«Если в душу вкрадется сомненье, что красавица
мне не верна,*

*в наказанье весь мир содрогнется, перекрестится
сам сатана».*

Посередине тетради был вложен листок писчей бумаги, вверху которого размашистыми буквами было написано:

„Жизнеописание для отправки в центр“

Вот оно:

...«Мой дом стоит на берегу Восточного Ледовитого океана, в трех верстах от Холодного мыса. Если стать на мыс и ждать, когда разойдется туман, оттуда можно видеть столообразные вершины земли Врангеля.

Я живу здесь шестой год. Первую зиму я думал, что сойду с ума в вечера, когда трескаются льдины, а за мысом начинает скрипеть западный ветер, что приносит сухой холод и бураны. Тогда я закладывал в путь свою собачью упряжку, свистал — «поть-поть-поть».

Серко — вожатый колымский пес с черным щепцом и бурым правилом — дергал вперед, натягивался потяг, и я летел в гости за девяносто — сто верст к одному из немногих русских, живущих здесь. Там ждали меня чай, трубка американского табаку, глоток самогона, и — снова назад. Я быстро научился понимать чукотский язык, вернее — два чукотских языка, потому что мужчины и женщины здесь говорят на разных — мужском и женском — наречиях.

В одну из своих поездок я взял себе жену. Зовут ее Нгау-Нгау. Я взял ее из яранги медвежатника Нотавиа, на стойбище Кееойун, в голодный месяц за ящик сухарей и два кирпича чаю. Она чистоплотна, лицо ее татуировано, работает хорошо, и родила мне двоих детей — мальчика и девочку за эти годы. Кроме того, это помогло мне. Я породнился с чукчами, и они стали указывать мне кочевья зверя, потому что зверь кочует по тундре точно так же, как человек. «И в Сибири люди живут». Живут люди и на Ледовитом океане. И неплохо живут, когда корабли»...

Здесь текст обрывался и следовало несколько пустых страниц, исчерченных странными словами: «Текама, теками айолима». Что это значило? Последние страницы тетради были исписаны сплошь тем же почерком, но писавший, должно быть, чего-то боялся или торопился, потому что в записях было гораздо меньше завитушек, украшений и закорючек, встречавшихся раньше и характеризующих обыкновенно почерк людей, обладающих большим количеством времени и небольшим количеством мыслей. На этот раз писавший не обращал внимания на почерк и выбор слов, и оттого его записи запестрели непонятными туземными словами и оборотами. К сожалению, чернила

совершенно расползлись от жирных пятен. Некоторые места, однако, можно было разобрать:

«Опять стучит. Энгенгилин все стучит и стучит. Товаров нет. Патронов нет. На мыс пришли моржи. Ревут и мечутся по лежбищу. Нельзя курить, жечь мох и кустарник, нельзя свистать и говорить громким голосом. Я вышел на мыс и оглушил гарпуном трехлетка. Притащил домой. Съели тайно, Энгенгилин видел из своей яранги, но тогда ничего не сказал. На третий день моржи снялись в море и люди не успели сделать запасов. Энну сказал: Алексеенко нуйв-этль-ин. Я молчал. Энгенгилин молчал. Теперь он стучит в яр-яр, зовет моржей назад: «ры-ркыке-эт», женщины по-своему кричат: «цыцыки ки-эт». Пришел домой. Ваня кричит: «Папа, усол морз». Я снова возвращаюсь мыслю к берегам этой реки. Если спустя десять дней...

Я вышел на мыс и оглушил гарпуном трехлетку...

...Напрасно не взял их в Колыме, когда предлагали. Правда, одним консервированным перцем не проживешь, но это лучше чем...

...В складе на мысе Кееойун ничего нет, кроме мясорубок и битой посуды. Рентыыргин откочевал в направлении кочевок Убиенной. По карте двести верст. Энгенгилин говорил...

...И видел сон, как будто я добрался до Веема и лежу на земле. Сладкое-сладкое молоко земли. Текама... айолима текама...»

На этом кончалась запись. Это, как видно, было все, что осталось от Алексеенки и его семьи, потому что, несмотря на шестичасовые поиски, мы не смогли обнаружить в окрестностях его следов. Чагайакатын обезлюдел. Возле мыса, где к морю спускается базальт пластинчатый и похожий на ломкую шоколадную соломку, мы нашли голый, наполовину сгнивший труп белого человека. Рядом валялись какой-то неуклюжий, похожий на кирку инструмент и большое железное блюдо, напоминавшее бритвенный таз. На нем острым предметом были выцарапаны слова: «Убит и брошен. Смерть юго-юго-запад текама айолима перевалить гнейсовый риф». Голова с вытекшими глазами и огромной, спутанной и позеленевшей от воды бородой валялась отдельно в луже, образовавшейся после отлива и успевшей уже покрыться наледью. Это было тело статистика, о котором нам говорил чукча.

ГЛАВА II

Текама Айолима

IIIХУНА огибала розовую, в лучах косого полярного солнца, гору, по склонам которой, слепя унылым блеском, полосами лежали снега. Мотор работал сонно и глухо. На зеленой океанской воде гнутыми колеями расходился мутный, грязно-мраморный след кормы. Это был священный у чукчей мыс, отмеченный в лоции громким названием горы Северный Паранс.

Мыс подымался вверх ровными уступами. На них, белея как огромные бабки для игры великанских детей, валялись выветрившиеся китовые позвонки. Казалось непонятным, какая сила занесла их так высоко на гору и бросила в добычу солнцу, дождю, буранам. Эта гора была открыта в 1911 году Кнудсенom, и им же впервые нанесена на карту. Чукчи всех окрестных кочевий, за сто верст и дальше, с давних пор хоронят на ней своих мертвецов по древнему и таинственному обряду.

Таких гор имеется несколько на всём пространстве Чукотского полуострова. Одна из них находится, между прочим, всего в одной версте от районного центра советской Чукотки, где есть райисполком, школа, начальник милиции и, наконец, радио, установленное в 1927 году и не работавшее в течение целого года. Чукчи никого не допускают к своим священным холмам. Холмы служат для жертвоприношений, и на них стоят дозорные, оповещающие население о ходе моржей и китов.

Мы сидели вдвоем на спардеке в удобных соломенных креслах, не соответствовавших своим легкомысленным тропическим видом плаванью в этих непри-

ветливых водах. «Ферст мэйт» (старший офицер) шхуны мистер Боббс, покатываясь со смеху, рассказывал, почему-то по-немецки, какие-то остроумные анекдоты, которым я из вежливости должен был улыбаться. Кнудсен молчал. Я следил с бессознательным недоверием за выражением его лица, всегда замкнутого и насмешливого. Он не захотел говорить со мной о тайне, скрывавшейся в покинутых жилищах Чигайака-тына, но мне почему-то казалось, что она продолжала завимать его мысли. В конце концов, Кнудсен вскочил с кресла и, обратясь ко мне, сказал:

— Я думаю, вы не будете иметь ничего против возможности обследовать священную гору. Я давно собирался это сделать. Мы пошлем отчет в Географическое общество. Погода удовлетворительная. Дует зюйд-вест. Нет опасности, что начнется ветер с моря. Когда ветер с моря — выбирайте якоря, дорогой друг, и идите штормовать в океан. Но сегодня — нет.

Я, разумеется, не возражал, хотя было непонятно, с какой стати должен Кнудсен отдавать мне отчет в своих действиях и просить моего разрешения. Для меня не представляло сомнения, что холм мог открыть нам много нового. Это был тот самый мыс, о котором говорилось в дневнике Алексеенки.

Моржи ушли отсюда. На скалах, где обычно раздавалось овечье блеяние маток и рев секачей, была тишина. И дозорный не стоял на вершине горы. Было как раз удобное время для обследования.

Со шхуны была спущена шлюпка, и мы пристали к крутым и осыпающимся берегам. Холм высился в отдалении, уныло и невыразительно зияя раскрытыми, как мусорная яма, боками.

Прибой был довольно силен. Мы с трудом втащили шлюпку на берег и один за другим поднялись наверх.

Гора заканчивалась котловиной, скучной и болотистой, как и вся бесконечная тундра полярной Азии, — этой странной земли, где ледники занимают берега моря и низины, а неприступные пики упираются в гиблые болота, с вонючей водой, голубицей и оленьим мохом. Везде, куда ни хватал взгляд, были разбросаны выщербленные камни. Это напоминало большую свалку, куда сметалась вся нечисть и лишнее в жизни неизвестного народа, сложившего эту гору. Но в этом смятении был свой порядок, торжественный и мрачный, если взглядеться в него.

Мы осторожно проходили между большими камнями, уложенными в форме длинного овала, настолько широкого, чтобы улечься на них взрослому человеку. В одном из концов овала, всегда со стороны моря, был воткнут острый как стрела камень, указывая в ту сторону, где среди плавающих льдов и густых туманов лежало северное полярное царство, страна мертвых, небытие. Это была классическая форма могильника чукчей, называемая палякуч.

Под камнями изголовий валялось несложное имущество мертвецов — путевой припас, изготавливаемый близкими и родными. Там были чашки и блюдечки, олени рога, маленькие табачные пачки, трубки, раздутые у чубука и похожие на голову очковой змеи. Черепа и кости валялись здесь — не на могильниках, а между ними, растасканные волками и песцами, и обглоданные разным мелким зверьем. В тундре нельзя закапывать мертвецов в землю. Вечная мерзлота начинается на глубине двух человеческих рук, и земля в глуби тверда как железо, а если все-таки закопать, то болотные воды по весне выпирают труп наружу, и снова он окажется на поверхности земли, словно не был схоронен.

Затем он поднялся на ноги, держа небольшой мешок из пестрой нерпы...

Вот и все, что мы нашли на Священной горе. Там не было ничего таинственного и останавливающего взгляд. Слегка разочарованные, мы разошлись по разным сторонам, стараясь сфотографировать и зарисовать те из могильников, — которые казались более древними. Кнудсен ползал на четвереньках по дну какой-то расселины, рассматривая что-то, чего я не мог разглядеть. Затем он поднялся на ноги, держа небольшой мешок из пестрой нерпы, в каких туземцы хранят свою кладь. Я пошел навстречу ему.

— Не имеет важности, — закричал он издалека, — я пошлю в музей вещи с могильников. Мы пойдем обратно. М-р Боббе! Есть багометрическая нивелировка вершины горы?

— Есть, сударь, — немедленно откликнулся Боббс, — внимание! Я был на той стороне горы. Там лежит еще один труп. Он не принесен. Он, по-видимому, упал с горы и разбился. Его голова разбита. Он мог бы как один нью-йоркский скотчмен воскликнуть: «Хорошо, что это голова, а не бутылка виски». Сказав это, Боббе громко расхохотался своему остроумию.

Мы поспешили по тому направлению, которое он нам указал. Противоположный склон священной горы был крут и обрывист. По камням, подпиравшим друг друга и громоздившимся, как развалины дома, я добрался до ската. Внизу протекала неширокая и прозрачная река. Ее не было ни на одной из имевшихся у нас карт. Это объяснялось тем, что, как я теперь видел, она не дотекала до океана. Она образовывала широкий лиман, упирившийся в скалы Священной горы.

На берегу речки, сжимая камни в исцарапанных руках, лежало тело разбившегося человека. Он был в меховой шапке и разорванных меховых штанах. Ноги

его, на которых висели обрывки оленьих мокассин, были раздроблены и залиты густой темной кровью. Он был изранен и перенес дальний путь.

Увидев его, я сразу понял, что Боббс ошибся. Человек еще дышал, и на губах его пузырилась пена. Быть может, его еще можно было спасти.

Вдвоем с Боббсом мы потащили его к самому берегу речки и окунули голову в воду. Теперь я увидел, что висок его раздроблен, и на половине головы с волосами ободрана кожа. Кнудсен вытащил из-за пояса фляжку и налил ему в рот несколько глотков спирту. Это мгновенно пробудило неизвестного. Он открыл глаза и посмотрел на нас мутными, заплывшими глазами,

— Я был мертвым, — пробормотал он, — пить! Где мой мешок?

Затем на мгновение, казалось, он потерял сознание. Торопясь, как только возможно, мы перенесли его на шлюпку, и через полчаса он лежал в кают-компании, забинтованный и окруженный всей командой «Нанука», с нетерпением ждавшей его рассказа.

Очнувшись окончательно, неизвестный пристально обвел нас глазами.

— Я на американской шхуне? — быстро спросил он.
— Хорошо. Где мой мешок?

Я поспешил вмешаться.

— Не беспокойтесь, товарищ, вы на американской шхуне, зафрахтованной нами. Мы идем в Колыму. Вы будете доставлены в Россию. Вас еще вылечат, и все обойдется. Обойдется, товарищ Алексеенко.

Против ожидания, этот человек не выразил никакой радости, услышав русскую речь. В его глазах появился жадный и трусливый блеск, выдававший тайный ужас.

— Я не Алексеенко, — со вздохом протянул он. — Я — Брилович, делопроизводитель чукотского тузрика. Разве здесь нет моего мешка?

Снова он спрашивал о каком-то мешке.

— Слушайте, — с беспричинным смехом воскликнул Боббе, обращаясь к Кнудсену, — хозяин! Вы подняли проспекторский мешок на могильниках. Не он ли это?

Кнудсен посмотрел на него уничтожающим взглядом. Он задыхался от гнева.

— О, мистер Боббс, — жестко сказал он, — м-р Боббс, прошу прощения! У меня в Снаттле есть датский дог. Вы... вы умнее этого датского дога. Но не намного! Я не брал никакого мешка. Вы не знаете, о чем говорите.

Боббс сконфуженно замолчал. Я был удивлен поведением Кнудсена, но не стал вмешиваться, решив предупредить спасенного нами человека, когда буду с ним наедине.

— Там должен быть мой мешок, — с большим упорством бормотал человек, называвший себя делопроизводителем тузрика, — в нем находится глина и.. обыкновенная глина. Не раскрывайте его!

— Текама айолима, — воскликнул я, осененный внезапной догадкой, — не имеет ли это касательства к этим словам?

Я никогда не видал, чтобы чьи-нибудь слова производили такое впечатление. Лицо этого человека передернулось и исказилось гримасой, словно он коснулся обнаженных электрических проводов.

— Что вы знаете об этом? — заорал он, — где они? Откуда вы их достали?

— Кто — они? — в свою очередь спросил я.

— Текама... — он подозрительно поглядел на меня, — или мне показалось?

Я честно отвечал, что ничего не знаю об этом, за исключением того, что было вырезано на клыке и осталось от Алексеенки. Что значат эти слова?

Он откинулся на диване и закрыл глаза, как бы не желая больше говорить.

— Что значат эти слова? — продолжал настаивать я.

Тогда он сказал со странной блуждающей улыбкой. Я не забуду ее до самой смерти.

— Текама айолима. Айолима — это на языке вымершего теперь племени юкагиров с реки Убиенной значит — пляшущая луна.

На этот раз был возмущен и я. Я собрал всю суровость, на которую был способен.

— Слушайте, гражданин Брилович, — произнес я, — вас подобрали на пустынном берегу отдаленной окраины. Вы были ранены. В нескольких милях отсюда мы нашли труп убитого человека. Алексеенко исчез. Сейчас не время для шуток о пляшущей луне. Здесь нет ни одного представителя местных властей, и ближайшие власти находятся за тысячу верст отсюда. Поэтому вы будьте любезны дать свои показания.

— Кому? — с глумливым стоном спросил спасенный.

В нем было что-то непонятное и внушавшее безраздумное недоверие, хотя я понимал, что оно, в сущности, ни на чем не основано.

— Мне, — сказал я, — вы дадите показания в присутствии американских граждан. На шхуне все более или менее понимают го-русски. Они подпишут протокол, который мы сдадим в Колыме.

Он посмотрел на меня угрюмым и хитрым взглядом и слегка приподнялся, опираясь на левую руку. Кнудсен сидел неподвижно, словно он был насажен на палку, и потом во все время рассказа не произнес ни слова. Я торопливо записывал показания. Только один

м-р Боббс, смущенный резким замечанием принципа-ла, пучил глаза, булькал и икал, словно проглатывая запоздалые восклицания и остроумные ответы Кнудсену, просившиеся на язык. Команда слушала молча, столпившись в дверях кают-компаний.

Я торопливо записывал показания...

И вот он заговорил. В нем были какая-то претенци-озность и жеманное литературничанье, почти нестер-пимое в человеке, находившемся в его положении. Мне несколько раз хотелось его перебить и заставить говорить просто, но я не перебил его. И с каждым сло-вом его рассказа передо мной вставала жизнь туман-ного северо-востока с ее течением дней и странными, как кошмары, грезами.

ГЛАВА III

Рассказ человека с горы

— Моя рука быстро заживет. Это не первый со мной раз — раны и кровь. Не первый раз. Но я боюсь — я сильно болен. Я много дней не ел и скрывался в камнях, и всякую минуту меня преследовал страх, неотступный страх... Мне очень скверно — там, внутри. Но, я даю вам слово, я ни в чем не виноват, мне не в чем упрекнуть себя, хотя я знаю — вы можете мне не поверить. Как ужасно сознавать, что не так много недель назад я мог избежать всего, что было. Я расскажу все с самого начала. С первого дня.

В то утро я проснулся в хмуром блеске нестерпимых весенних лучей. Сон был полный испарины, и ныла голова. В комнате были сор, холод и беспорядок. На стенах, обитых желтым американским картоном, висел липкий бессонный пар. Пар уносился в раскрытое горло камбуза, где сверкали таинственные полупотухшие угли, уводившие голубое пламя в морозный сквозняк трубы. Я вылез из кукуля, линяющего на белье оленьей шерстью, и подошел к окну. Лагуна была покрыта синим бездонным льдом, пересеченным зубчатыми, как перья, застругами и белыми омутами снеговоротов. Холм по другую сторону лагуны был массивен и блестящ, как тяжелый и огромный настовый сугроб. Метель кончилась, сменившись долгим и холодным днем, с ясным небом и ослепительным солнцем апреля. В окно мне был виден весь поселок. Жилища туземцев, обвешанные большими валунами, темнели над снегом, как перевернутые чугунные котлы.

Я увидел, как Дьячков, местный старожил и бывший скупщик мехов, высунул бороду наружу и выбежал на снег, подпрыгивая на камусовых торбазах.

Он нес за плечами свой винчестер неуклюже, как куль с мукой. Вся земля была наполнена тоскливым и беспредельным светом. Собаки метались, привязанные к кольям, и судорожно махали хвостами, облезлыми, как цынга. Из черной дыры, обозначающей вход в ярангу, выбежала смуглая и грязная чукчанка, сбивая длинной и гибкой палкой снег, застрявший в складках наружных шкур. Она была в раздутых и потертых меховых штанах, с непокрытой головой, в сапогах и рукавицах. Плечи ее были открыты морозу, и в воздухе болталась левая грудь, обветренная и обшарпанная руками детей. Это была Уа-кат-валь, вторая жена Тлингита. Она кормила грудью четырех детей. Старшему из ее младенцев было 10 лет, и он бегал с кожаной пращей по ветровому взморью, попадая в гагар, в горы и в облака. Тлингит, Ауау и Хиуеу были на охоте.

Я оделся и вышел на улицу. Когда я подошел, она искоса посмотрела на меня и, улыбаясь, опустила голову. Ее лицо было странно и неестественно красиво, и сверху казалось, что синяя татуировка на ее лице дика и ветвиста, как оленьи рога.

В это время Дьячков, подпрыгивая, подошел ко входу в ярангу. Я отошел в сторону и стал за огромными щитами, на которых висели для просушки шкуры недавно убитых моржей. Дьячков поставил винчестер перед собой и сел на корточки рядом с чукчанкой.

— Я пришел. Здравствуй! — сказал он внезапно и хмуро. — Ты все работаешь? Наверное, совсем бедная. Мое сердце за тебя кричит. Наши белые женщины — все равно горбуша: мягкие и носы длинные — все равно копыя. Береговых людей женщины мало-мало хорошие. Ты, погляжу, тоже хорошая. Правда, тебе говорю. Я наверно совсем глупый — жил зиму, тебя ни разу

не смотрел. Пойдем, правда, скорее в полог. Однако, ладно?

Женщина торопливо ответила:

— Не знаю, наверно, не ладно. — При этом она оглянулась назад и прошла внутрь яранги. Ей понравились слова Дьячкова. Он говорил как настоящий чукча.

В яранге было дымко и светло, и под гнутыми прутьями крыши горел веселый костер. Я подвинулся за ними. Делать мне было нечего, и было любопытно узнать, чем кончится разговор. Я рассказываю об этом, чтобы вы поняли, как далек я был в то утро от того, что произошло впоследствии.

— Однако, правда, ладно, — говорил Дьячков, подвигаясь вплотную за ней, — разве можно говорить нет? Я хороший человек, говорю на настоящем языке, все равно как люди, а не как русские. Я, однако, богатый. Подарю твоему мужу новую трубку и две банки снуффтабакко. Правда, даже три банки. Однако ладно?

— Рультынгеут, все равно, подари один-два доллар, — неохотно сказала женщина. — Ты чего бросился на меня, как морж? Чего не сказал вчера, что любишь меня? Рультынгеут все слышит. Сидит в своем пологе. Первая жена. Известно, все скажет Тлингиту, меня будет потом ругать. Однако, все равно — морж.

Они прошли в полог. Немного поколебавшись, я откинул завесу полога и просунул голову внутрь. Полог состоял из тяжелых оленьих шкур, которыми была разгорожена задняя половина яранги, составив несколько жарких меховых клетушек. Полог бросился мне в лицо своей тьмой и пахнущей моржовым жиром тишиной ночного логова. Внутри можно было только сидеть и лежать. На низкой подставке стояли большие чугунные плошки с жиром, в которых горели волокна

зеленого болотного мха. Плошки давали сильный и ровный свет, распространяя приторный запах горячей ворвани. Сын Уа-ка-твали — Рипитль лежал возле плошек совершенно голый и сучил в воздухе руками, напевая какую-то никому не известную песню.

Увидев меня, чукчанка вскрикнула и задула огонь. Ребенок оборвал песню и громко закричал.

Я вышел снова на улицу. Было решительно нечего делать. Я пропустил час охоты. Была примерно половина дня. Я пошел по тоненькой утоптанной тропинке, прорезавшей огромный сугроб, на котором стоит поселок Китовый. Поселок тянулся по косе, словно рассыпанный ветром. Он состоял из низких черных яранг и убогих косостенных русско-американских строений. Впереди, как здесь — полюс, а направо был зеленый мыс, за которым, стиснутая берегами, открывалась вода Берингова пролива. Да вы видели все это со шхуны!

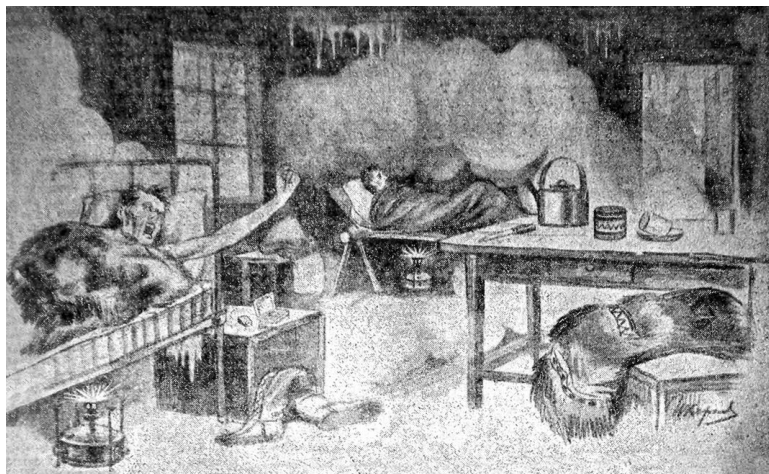
Я прошел до конца селения. На берегу лагуны, несколько на отлете, стоял угрюмый, серый, сколоченный из досок домишко, принадлежавший когда-то Магомету Дударову, выселенному с Чукотки спекулянтукавказцу, и занятый под квартиру сотрудников исполкома.

В Китовом живет десять русских людей — восемь мужчин и две женщины. Они живут в домах. Все, кроме Дьячкова. Он уже двадцать лет как женат на чукчанке и «квартирует», как говорят здесь, в просторной богатой яранге вместе с шестью собаками, граммофоном и отборным охотничьим хозяйством. Я не пошел к нему, потому что видел, что он с утра пьян, и когда вернется, будет мне рассказывать о торговом доме Чурина, которого он был агентом, о прежней жизни и о гребных гонках в Сан-Франциско, где он жил пять лет. В дударовский дом мне также не хотелось идти, пото-

му что там все были в ссоре, но я все-таки пошел. Я не мог справиться с гнетущим чувством тоски безделья. Это чувство наполняло сознание болью и отвратительной злобой.

Кухлянка была сырая внутри, и все казалось холодным и неудобным. Глаза болели, ослепленные фиолетовым блеском отраженного снегом весеннего солнца.

Я постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, прошел внутрь дома. Узкая дверь из крохотных загроможденных сеней вела в жарко натопленную, довольно поместительную комнату, где по углам стояли четыре кровати, а на стенах висели летние торбазы, непромокаемые меховые штаны и дальнобойные винчестеры. Здесь жила молодость — учитель школы, радист, инструктор кооперации и старший милиционер Звякин. Возле печки стояли ящики с содовыми галетами — единственное из продовольствия, что осталось в ближайшей фактории к весне.

Все четверо лежали в постелях, мотая головами, высунутыми из спальных мешков, как спеленутые младенцы. Они перебранивались, как всегда по утрам, и язвили друг друга. С осени, когда уходил пароход, они еще были друзьями. Только в декабре отношения начали немного портиться. Дома из-за дежурств по хозяйству выходили постоянные недоразумения и споры, и каждый ревниво следил за тем, чтобы его сосед не работал меньше, чем он. Наконец, в роковой день разразилась первая ссора. Это было, когда Звякин вышел из комнаты и не затворил за собой двери. Остальные трое лежали на кроватях.

— Затворяй! — крикнул ему вдогонку учитель.

— У меня на то специальные холуи есть, — отозвался шутливо Звякин и выбежал, на ходу застегивая шинель. Он не предполагал, какая буря вырастет из этого замечания.

Дверь осталась открытой, и через сени в комнату влетел белый морозный пар, наполнив комнату жгучими — не продохнуть — облаками. Никто не вылезал из спального мешка, потому что никто не хотел принять на себя прозвище, брошенное Звякиным. Наконец, инструктор кооперации выскочил из кукуля, разжег примус и, накрыв его цинковым листом, поставил под кровать. Примус подогревал кровать снизу, а в раскрытую дверь несся холодный ветер, промораживая и леденя стены. Глядя на это, вылезли из кукулей и остальные двое. Каждый из них достал свой собственный примус и стал его разжигать. Они были горды, и честь не позволяла закрыть двеоь, раз другие ее не закрывают. Когда Звякин вернулся домой, дверь была все еще открыта. В комнате плавали клубы копоти от разожженных примусов, а стены были покрыты тонким слоем льда. Звякин поглядел в свой угол. О, позор!

Его постель была разбросана и скомкана, а в его новую форменную милицейскую фуражку, которую он не носил из-за холодов, было-вылито содержимое помойного ведра.

— Я этого так не оставляю, — с достоинством сказал Звякин, — казенное имущество. Я рассматриваю это, как оскорбление при исполнении служебных обязанностей, и дам делу законный ход.

С этих пор в Китовом началась открытая и жестокая вражда. До июня месяца, когда открывается навигация, у Чукотки связи с миром не было — радиотелеграф не работал. Каждый из обитателей дударовского домика, собирая в папке материал против своих врагов, надеялся засадить остальных. И было за что, потому что ни один из администраторов в поселке Китовом в этот год не работал, занимаясь только подсиживанием друг друга. Кроме меня, конечно. Вы можете мне не верить, но я действительно старался не вмешиваться в склоку и делать свое дело, хотя это было очень трудно. Меня обвинили в курении самогона. Это, конечно, слишком вздорно, чтобы об этом стоило упоминать, но, кроме того, было употреблено много способов, чтобы и меня вовлечь в склоку. И, все-таки, я не поддавался. Уверяю вас.

И на этот раз, кроме перебранки, я ничего бы не услышал в дударовском доме. Я уже хотел уйти и, кто знает? — если бы я тогда ушел, может быть, больше ничего бы не случилось, и я до сих пор жил бы в поселке Китовом, ссорился бы понемногу, и никогда не видал бы тайн этой реки. Но видно, меня вела судьба, и чорт бы ее побрал, эту судьбу!

Через минуту после моего прихода раздался стук в дверь, и в комнату вошел Та-Айон-Вот, высокий красивый чукча, постоянно ездивший каюром (вожатый со-

бачьей упряжки), когда кому-нибудь из русских надо было проехать по служебным делам по району. Войдя, он постоял у двери и обратился к нам с обычным чукотским приветствием: «Я пришел».

— Да, ты пришел, — ответили мы ему традиционной фразой.

— Я приезжал с дальних пастбищ Кееойуна, — продолжал он, — я брал себе жену в роде Оленных и я видел чудные дела и страшные вещи и не взял жены, а скорее поехал к русским начальникам, как морж бежит, когда над лежбищем увидит дым. Все равно — так.

Никто из лежавших не пошевелился.

— Чорт побери! — проворчал учитель, — лезут всегда, когда не просят. Осатанели мне за зиму их проклятые рожи, достаточно того, что я вожусь с ними в школе.

Та-Айон-Вот терпеливо стоял, крутя в руках ожерелье из бус, намотанное на шею и грудь.

— На западе не запасли копальхен, — продолжал говорить он. — Будет великий голод и великий мор на людей. Шамана Тэлппу бьют припадки. Он видел во сне своего деда, который велел ему идти к берегам Сладкой реки. И он говорил: иди к русским — проси у них лопату и прядево. Будем ловить гольцов и есть землю. Вот что сказал шаман.

Эти слова могли показаться бредом сумасшедшего тому, кто не знает Чукотки так хорошо, как я. Но для меня они были полны глубокого смысла. Я не хотел продолжать этот разговор на людях.

— Пойдем ко мне, — сказал я, — поговорим. Будем пить чай, курить табак, топить печку.

У меня в комнате чукча стянул с себя громоздкую кухлянку и парку и остался в красной американской

фуфайке и меховых штанах с ремневым опояском, увешанными резными амулетами из моржового зуба и уродливыми изображениями божков. Та-Айон-Вот был стройный парень со смуглым татуированным лицом и длинными волосами. На темени была тщательно выбрита белая широкая тонзура. В пряди волос были ввязаны разноцветные стекляшки, предохраняющие от сглаза. Он был зажиточный чукча. У него было сорок ездовых собак, большая юрта и две жены. В эту поездку он собирался брать на западе третью.

Мы долго пили чай и время от времени бросали слова о погоде, о ветрах и новых китобойных пушках, привезенных на факторию в прошлом году. Выпив шестую чашку, Та-Айон-Вот сказал: «Тэппа!» и начал говорить, отсчитывая для вескости каждую фразу на бусинах ожерелья.

— Бри-лау-ищ, ты слышал о реке Сладкий Вээм, о которой говорили наши старики? Из года в год попадали туда «чаучу» — пастухи с оленьими стадами, когда проходит лед, а олени бегут, и за ними несутся комаринные стаи и олени бесятся. А весной туда заезжал иной раз заблудившийся чукча, когда его сбивал с дороги буран. И он не чаял выйти из больших голодных хребтов на стороне захода солнца. И вот они говорят. Хребет кончается и вокруг стоят мрачные обрывистые скалы. И потом — лощина, и за ней луг с высокой зеленой травой. И из травы бегут горячие ключи, над которыми всегда пар. Земля там оттаивает рано, и зимой на снегу черные пустые лужайки.

— Да, я знаю это, — сказал я, — я слышал об этом. И еще я слышал много таких рассказов. Одним можно верить, другим нельзя. Я слышал, что где-то есть такая река. Берега ее из желтой глины, и в глине лежат блестящие камни, красивые и пестрые, как бусы. И эту

глину можно есть. Она сладкая и слегка терпкая на вкус. Что это за глина — никто не знает, потому что ни один русский там еще не бывал. Чукчи говорят, что эта глина пропитана молоком земли.

— Там люди едят кожу с домов и лодок,—говорил Та-Айон-Вот...

— Да, — сказал Та-Айон-Вот, — чукчи не говорили русским, где находится река. Они знают: если туда придут русские — не жди добра. Они построят дома на берегах Сладкой реки, распугают зверя, заберут глину и житья не станет в окрестной тундре. Но теперь чукчи сами идут за вами. Я был на западе. Нынче зима была сильно холодная, и река замерзла, а у кочевых нет ни топоров, ни лопат, чтобы долбить землю. Великий плач и страх. Нынче год без охоты и крепкая голодовка. Люди едят кожу с домов и с лодок. Старики сказали: если русские через месяц не придут — скоро на западной стороне не будет ни одного человека. Вот все. Я кончил говорить. Теперь говори ты.

Я не стал долго размышлять. Это был бы козырь для меня, если привести в исполнение план чукчи. Во-первых, я заткнул бы глотку всем склочникам, которые взваливают на меня всякие небылицы, а сами ленятся палец о палец ударить. И какой позор людям из рика, что чукча приходил к ним с важным сообщением, а они даже не потрудились его выслушать, и делопроизводитель перехватил у них дело из-под носа. И делопроизводитель совершил важное открытие для науки и оказал помощь туземному населению.

Я взвесил все это и сказал Та-Айон-Воту, что лопаты, топоры и прядево будут.

— Идя к себе в ярангу, и завтра, когда рассветет, мы выйдем в путь. Только смотри — ничего не говори другим русским людям. Они не позволят увозить из Китовой бухты лопаты. Они скажут: если чукчи будут есть землю, кто будет покупать у нас муку? И тогда уж я не буду помогать вам.

Это был обман с моей стороны, но я не мог поступить индче. Если бы Та-Айок-Вот проболтался, то тузрик организовал бы экспедицию. И, в результате, они стали бы «героями».

Я заявил в рике, что с завтрашнего дня выбываю в двухнедельный отпуск. Весной делопроизводителю здесь совершенно нечего делать, а я не пользовался отпуском в течение двух лет. Дальше я пошел в склад запасных товаров, поставленный здесь для приходящих судов еще фирмой Гудсон-бэй и обновленный завозом в прошлом году. Я отобрал один тюк прядева № 17, двадцать штук лопат и четыре дроворубных топора, и погрузил их на нарты, укрываясь за ярангой Та-Айон-Вота. По необходимости мне пришлось это сделать тайно. Тем не менее, я тогда же оформил свои

действия, проведя все взятое по книгам. С этой стороны, таким образом, все обстоит благополучно.

Затем я забил в ящики двухнедельный запас продовольствия на двух человек, уложил пятьдесят пачек патронов и пошел к себе в комнату дожидаться, пока минет полночь и взойдет луна. Я решил отправиться ночью, чтобы никто не видел моих нарт с их не совсем обычным грузом.

В окно я заметил, что у обитателей дударовского дома идет какая-то суетня. Они ходили туда и назад, и стояли возле яранг, разговаривая с чукчами. Признаться, это меня несколько беспокоило. Как видно, их здорово, что называется, заело мое внезапное отбытие. За Та-Айон-Вота я был спокоен — он будет молчать. Но вот из других чукчей кто-нибудь мог рассказать о новостях с ледяного запада, хотя подробностей никто из них не знал. Та-Айон-Вот, возвратившись, направился прямо к русским, не заходя в яранги. Огня я у себя не зажигал, и мне было очень хорошо видно, как они шлепались по селению, оживленно жестикулируя и поглядывая в мою сторону. Я, однако, решил не обращать на них внимания и, забравшись в кукуль, крепко уснул. В полночь меня разбудил Та-Айон-Вот. Мы тронулись в путь.

Весенняя езда на собаках — это детские игрушки для того, кому случалось передвигаться на них зимой, и апрельский путь при полном безветрии, гладком накате и ясном горизонте представляется легкой прогулкой. Мы сделали в четыре дня около пятисот километров, и на пятый выехали в Чи-Гойакаты. Там мы встретили Алексеенку. Он был грязен и непохож на себя. Голод застал его неподготовленным. Запасов у него не было, и, так же как чукчи, летом он рассчитывал на осеннюю, осенью — на зимнюю охоту.

Алексееenko сделался промышленником недавно. Раньше он был спекулянтом-скупщиком пушнины. Последние годы ему пришлось бросить торговлю, потому что где-то в Нью-Бедфорде обанкротился купец, на хищнической шхунешке присылавший товары в отдаленную бухту Чигайакатын. Обанкротился, и с тех пор не приходила шхуна «Дэзи», забиравшая песцов, олени шкуры и мамонтовый клык в обмен на сладкий трубочный табак, муку и спирт — эти бесценные дары самой высокой из человеческих цивилизаций.

С тех пор Алексееenko стал промышленником. Он был слишком неповоротлив и непредприимчив, чтобы самому отправляться за товарами. Для этого нужно ехать в Наукан, где эскимосы перепродают товары из Нома, или в поселения реки Анадырь — на ярмарки Усть-Белой, Маркова или Ново-Мариинского поста.

Сейчас он ныл и жаловался на неизбежную гибель. Действительно, в доме его не было ни крошки муки, и его семья — чукчанка жена и двое черномазых ребятшек — питались «кислой», т. е. гнилой, рыбой и вонючими остатками моржевого мяса из старых, заброшенных «ям» (погребов для хранения мяса). Собаки Алексееенки, по его словам, подошли и были давно сварены и съедены, за исключением трех лучших вожатых псов, которых он не решался убить. Но на них жалко было смотреть. Они были худы и ободраны до последней степени, и походили на куски окровавленного мяса, заросшего шерстью. Недалеко от дома Алексееенки находился маленький чукотский лагерь, состоявший из нескольких яранг. В них голод был еще более суровым и неприглядным. В пологах у жителей лагеря было темно. Огонь не горел в плошках, потому что последние остатки жира были употреблены на «вых-вых» — голодное кушанье неудачных лет. «Вых-

вых» представляет собою похлебку, которая варится из резаных вермишелью нерпичьих ремней и выцарапанного из-под снега оленьего моха, приправленных небольшим количеством жира.

Чукчи сидели в холодных поlogах, мех которых был покрыт белым льдом, с неподвижным безучастием закрыв глаза. Увидев меня и нары, они повскакали с мест и громко загалдели.

— Ты приехал? Давай юколу, давай кау-кау (гале-ты)! У тебя есть пища, — у нас ничего нет.

Я объяснил им, что взял провизии только на дорогу и ничего не могу уступить им. Тогда они стали жаловаться на Алексеенку и бранить его, как только могли.

— У него дурной глаз и глупая голова, — сказал мне старый шаман Энну, — его надо убить. Он — человек одного с тобой племени, убей его!

— Людей нельзя убивать, — сказал я, оторопев, и не понимая, чем мог заслужить такую ненависть Алексеенко.

— У нас второй год дурная охота, — продолжал говорить Энну, — и Алек-Чеен-Кау ходил с нами на охоту и тоже ничего не убивал, а мы делились с ним, когда нам попадалось что-нибудь. Но мы ждали терпеливо. Мы знали, что летом каждый год с давней поры к мысу Кееойун приходят на лежбище моржи, и можно будет много убивать и много есть, и делать на много месяцев запасы. Моржи — как люди, они знают нас, а мы знаем их. Они согласны, чтобы мы забирали у них лишний народ, сколько нужно нам, но не больше. И они позволяют нам кормиться около них, но они любят, чтобы уважали их закон. Когда приходят моржи, люди должны тихо ходить у себя в жилищах. Сначала идут самцы и выбирают места для своих дневок и громко режут, а на их зов из моря выходят их жены и

приветствуют их радостными криками на своем языке. Они спрашивают; спокойно ли все, а самцы отвечают, что все тихо и что люди спят у себя в ярангах, а на скалах расставлены часовые — старые охотники с желтыми, потрескавшимися клыками. И тогда жены моржей выходят на берег, и у них начинается веселье. Они играют друг с другом, и целыми часами ласкаются и бьют хвостами по земле, и потом часами спят среди водорослей и зеленой слизи, наклонив голову набок и уперев жесткие усы в прибрежный камень.

Когда проходит месяц, охотники нашего народа выходят из своих яранг. Они оставляют винчестеры в пологах и берут с собой только гарпуны и убивают спящих моржей сколько нужно — ни больше, ни меньше. О проклятый Алек-Чеен-Кау!

— Что же сделал Алексеенко? — спросил я удивленно.

— Алек-Чеен-Кау нет головы. Он дрожал всю зиму, а когда пришли моржи, он не стал ждать. Он пошел на лежбище и стал бить гарпуном моржей, не дожидаясь, пока стадо уляжется на своих местах. И моржи были потревожены. Они заревели, громко, как прибой над камнем, и ушли в морскую глубину, — никто не знает, куда. Искать других лежбищ и других путей.

Он замолчал, словно проглотил конец слова, и вытащил из тайника в шкурах широкий плоский бубен с желтой и пятнистой кожей, туго растянутой, как человеческое брюхо. Длинной дрожащей колотушкой он начал нервно ударять по вибрирующему центру бубна, дававшего глухой звук, похожий на звук оборванной струны. Он запел песню, заунывно и в нос, прерывая слова вздохами, взвизгиванием и хрипом, вперемешку с лаем, имитирующим крик песца, попавшего в капкан. Иногда он учащал стук и ударял колотушкой

плашмя по всему бубну, захватывая оба его края, и тогда звук получался и гулкий, как хлопанье мокрого паруса под внезапными шквалами ветра.

«Ворон Кургыль, умирая,—пел он,—
айангаай, айангаай,
Приказал работу чукчам,— хау-хау,
я-анга,
Чукчи вышли — берег моря,— айан-
гаай, айангаай,
Стали резать истуканы,— хау-хау,
я-анга,
Из бревна морского леса,—айангаай,
айангаай,
Принялись долбить колоду,— хау-хау,
я-анга,
И в колоду посадили,— айангаай,
айангаай,
Человечков деревянных,— хау-хау,
я-анга,
Слово Кургыля колоде,— айангаай,
айангаай,
Будь большой железной лодкой,—
хау-хау, я-анга,
Деревянные болваны,— айангаай,
айангаай,
Станьте русскими купцами,— хау-хау,
я-анга,
И колода загудела,— айангаай,
айангаай,
Дым понесся над водой,— хау-хау,
я-анга,
Винт столбом врубился в воду,—
айангаай, айангаай,
И вода взвилась кругами,— хау-хау,
я-анга,
Русские пристали к мысу,— айангаай,
айангаай,
И пошли скупать меха,— хау-хау,
я-анга.
Продавать дурную воду,— айангаай,
айангаай,
И вести большую драку,— хау-хау,
я-анга...»

— Стой, — перебил я его пение, которое могло продолжаться так без конца, — что же дальше?

— Моржи ушли, — снова сказал шаман, — а Алек-Чеен-Кау остался. И с тех пор стала у нас беда. У него дурной глаз, и куда он ни посмотрит — плохо людям. Такие люди зовутся «нуйв-этль-ин». В них скрыты «нуйв-ээтль» — злые чары. Моржи ушли, а другие звери ушли еще раньше, и второй год не было охоты. Вслед за зверьем потянулись вглубь страны оленники — кочующие чукчи, и не стало никого, кто мог бы нам помочь. А теперь мы умираем. Зачем спрашиваешь? Видишь сам.

— Мы послали за тобой, — сказал другой старик, сидевший в углу полога. Лицо его было разрисовано красной краской, слипшейся и повисшей сгустками.

— Помогай нам. Были дурные предзнаменования. Чтобы вернуть зверя, осенью мы совершили обряды очищения огня. Мы потушили костры и плошки, и добыли новый огонь трением дерева о дерево. Этот огонь мы стали поддерживать в яранге шамана. Но и здесь работал дурной глаз. Как-то люди заснули в пологах и костер стал потухать. Долго тлела зола, и наконец потухла, а из углей раздался жалобный писк, похожий на скрип кости о кость. Это улетела душа огня. С тех пор мы поняли, что сытые дни не вернутся. Мы собрали совет и решили идти искать Сладкий Веем. В давние годы старики рассказывали нам дорогу туда.

— Да, я привез лопаты и топоры и пойду с вами, — сказал я.

Шаман мрачно и слабо улыбнулся.

— Мы немного обманули тебя, спичечный человек. На Сладкой реке, правда, лед, и нам нужны лопаты. Но у нас есть ножи и руки, и наши дети голодны. Лед не остановил бы нас. Нам нужен белый человек со злым

сердцем и сильными руками. Ваш народ всегда дерется. Он привык драться и убивать друг друга. Может стать, теперь нам придется воевать. С неизвестных нам времен на берегах Сладкой реки живет маленькое племя. Мы зовем его инпын-чаучуван — старые кочевники. У них есть железные копья, и они направляют их в грудь людей.

— Благодарю вас! Я, значит, человек со злым сердцем и сильными руками, — сказал я.

Впрочем, я был, пожалуй, скорее польщен этим определением, чем обижен. В конце концов, это доказывало, что я пользовался некоторым уважением со стороны чукчей.

Я вернулся к Алексеенке. Он был запуган и подавлен. Откровенно говоря, он произвел на меня в этот раз жалкое впечатление человека, обреченного на гибель, и решившего не сопротивляться судьбе. Между тем, в прежние годы, когда я знал его, он совсем не казался мне человеком слабым. Он даже раздражал меня некоторой самоуверенностью, которую он проявил, как старожил, со мной — новичком в этом крае.

— Как быть, однако? — спрашивал он меня, заискивающе и подобострастно. — Они убьют меня. Ведь они убьют меня! Пока здесь был статистик Белугин, я ничего не боялся. Он умел держать их в повиновении, но он две недели назад выехал на своих собаках в район Чуана для переписки кочевников. Я хотел с ним ехать, но у меня нет больше собак. Тэппу, главный шаман, вчера зарезал двух щенков у меня в доме. Вы видели его в пологе, — его щеки и бок замазаны кровью. Я спросил его, что он делает. Он сказал, что Ынне-ынин-тытгун — жертва духам предков. Я знаю, что это неправда. Они готовятся к убийству. Это искупительная жертва. Они думают, что если не будет меня, — охота станет лучше.

Я успокоил его несколькими незначительными фразами и предложил погрузить семью на мои нарты. В крайнем случае, они могли остаться у кочевников. У них не могло быть такого голода — не все же олени заболели копытницей.

У меня самого было смутно и скверно на душе. Вблизи положение казалось мне неясным и полным опасностей. Я готов был пожалеть, что ввязался в это дело, но мысль о «добрых друзьях» из дударовского дома придавала мне бодрость. Я накормил собак размоченными рыбными галетами, два ящика которых нашлось на складе в поселке Китовом, и лег отдохнуть в доме Алексеенки.

Мне не спалось. Перед рассветом я вышел из дома и сел на остов байдары возле крыльца. В море, играя бледными голубоватыми столбами, потухало полярное сияние, проносясь по небу бесшумной световой метелью. Я услышал дальний выстрел со стороны гор. Может быть, это треснула льдина? Воздух был тих, и в слабом морозе костенела уходящая ночь. На горизонте скользнули тени, и мне послышались дальние крики и щелканье бичей. По сопке, шагах в пятидесяти от чукотского лагеря, пролеслось, тяжело дыша и фыркая, стадо каких-то животных, рога которых причудливо чернели в сырости рассветных сумерек.

Это были дикие олени, несшиеся с реки в горы...

Это были дикие олени, несшиеся с реки в горы. Я побежал в дом за ружьем, но, когда я возвратился, все снова было тихо. Стадо промелькнуло и, казалось, его никогда не было.

Что вызвало их внезапное бегство и заставило пробежать возле самого человеческого селения? С волнением и безотчетным страхом я вошел в дом и проспал до утра...

Глава 4

Продолжение рассказа человека с горы

ЗАБЫВШИСЬ, Брилович вздохнул и громко застонал, держась за горло. Мне почему-то показалось, что в этом есть изрядная доля фиглярства. Он рисовался своей усталостью и опасной раной, полученной при падении со скалы.

В это мгновение в каюте суперкарго пронзительно и нелепо зазвенел будильник. Все вздрогнули, и напряжение, владевшее всеми, разорвалось.

Мы молчали. Кнудсен постукивал ногой по полу кают-компания, на котором блестел чистенький и свежий линолеум. Он ни разу не поднял глаз на Бриловича, хотя тот почему-то искал именно его одобрения, и все время искоса засматривал ему в лицо.

— Вы очень бледны. Можете отдохнуть, — сказал я, — а когда вы проснетесь и восстановите силу, мы будем слушать вас дальше. Иначе это вредно отразится на вас.

Брилович кивнул головой и откинулся на подушку дивана. В нем сразу потухло все оживление, которое поддерживало его во время рассказа. Он закрыл глаза и вытянул руки вдоль тела. Лицо его, синее и бескровное, с белой повязкой на лбу, не выражало решительно ничего. Мне подумалось: он скоро умрет. Но жалости к нему у меня не было. Этот человек принадлежал к несчастной породе людей, которых нельзя жалеть. В них есть что-то фальшавое и ненастоящее, как в часах японской работы: вот ходят и вот — дзынь — остановились, и из середины посыпались какие-то алюминиевые пружинки и дешевая труха.

Мы вышли на спардек и столпились отдельными кучками. Как бы то ни было, я решил потребовать у Кнудсена отчета в его поступке.

— Мистер Кнудсен, прошу прощения, — сказал я, — я хотел поговорить с вами. Может быть, вы не поняли Бриловича? Мне кажется, спрашивая о каком-то мешке, он имел в виду тот мешок, который вы нашли на священном холме Кееойуна. Я думаю — Боббс прав. Брилович оставил мешок на могильниках и потом пошел к воде и упал вниз. Я, конечно, не сомневаюсь, что вы умолчали об этом неумышленно. Все-таки следовало бы предъявить этот мешок Бриловичу для опознания.

Против ожидания, Кнудсен несколько не рассердился. Он годнял брови и качнул в знак согласия головой.

— Я не возражаю, — сказал он, — мы подождем, пока м-р Брилуитч закончит свой рассказ, или, вернее, — показания, и опишет нам содержимое мешка, и тогда мы его вскроем и, разумеется, вернем тому, кто является владельцем. Мешок лежит в штурманской рубке на столе.

— Вы не довгряете ему? — спросил я, колеблясь. Поведение Кнудсена было не совсем ясно для меня.

— О, мне просто кажется — этот господин не из тех, кто отправится в погоню за землей, хотя бы она была сделана из марципанов.

— Следовательно, вы думаете...

— Я ничего не думаю и просил бы, чтобы мне приписывали возможно меньше мыслей, м-р Пограничник. Я не думаю, а исполняю свое дело.

Наступило неловкое молчание. Я не находил слов и отвернулся к декхаузу, откуда раздавались звуки чье-го-то варварского пения. Дверь из рубки растворилась,

и оттуда, качаясь и распевая фальшивым голосом веселую нью-йоркскую песенку, вывалился Боббс. Он уже успел, по-видимому, за эти несколько минут основательно зарядиться, и в нем появилась необычайная развязность и исчезла всякая вежливость в обращении с начальством. Он обратился прямо к нам голосом, который, казалось, так же шатался, как сам Боббс на ногах. Он сразу и говорил, и пел, перебивая сам себя.

— Джентльмены, «Ой же я ковбойчик Леви, ой-ой-ой-ой-ой, я поеду в Мидлэнд-прери, буду я ковбой. Брошу я приход и кассу, заведу ружье и лассо»... Джентльмены, не думаете ли вы, что нам следует воспользоваться пребыванием в водах, не знающих сухого закона? Раздавим, благослови вас господь, по наперсточку. «Ой же буду я ковбойчик, ой-ой-ой-ой-ой»...

Кнудсен сухо отказался, а я последовал за Боббсом в рубку. В конце концов, он был славный парень — этот Боббс. Не его в сущности вина, что это не он сделал луну из сыра, как говорят канадцы. В своих пределах он был очень честен — верный товарищ и добрый малый, и в нем не было нервной торопливости спасенного нами русского и не было двойственности и молчаливой хитрости Кнудсена.

Да, мне они порядком поднадоели — эти полярные трагедии и их участники со своими заковыками, в которых сам чорт сломит ногу. Я уже начал с удовольствием вспоминать то время, когда я жил в эскимосской деревушке в «иглу» (доме) Налювиаака, занимаясь фольклором и экономическим обследованием хозяйств Кы<>мина. И меня снова потянуло к их трудолюбивой и простой жизни.

Боббс, войдя в рубку, запер дверь и начал тщательно шарить по всем углам, вытаскивая отовсюду маленькие плоские бутылочки, похожие на флаконы из-

под одеколону. На бутылочках были навинчены крохотные, как наперстки, стаканчики.

— Дернем, разрази вас Юпитер, — сказал Боббс, и мы, слегка прихлебывая, выпили по «наперсточку» японского виски, сладкого и похожего по вкусу на доппель-кюммель.

— Я стою в «собачьей вахте» — от 12-ти до 4-х ночи, и времени у меня сколько угодно. В этих широтах не время-деньги. О, нет, наоборот, деньги — это... что это?.. Это — ничто, вода, ветер. Это... то есть я запутался.

Виски было очень вкусно, и так как закусок у нас не было, мы хватили «для разгона» по второй, по третьей, четвертой и пятой. В голове стало легко и горячо. По рукам и по ногам пробежал приятный зуд.

После восьмой рюмки Боббс замолчал и, опершись локтем о стол, разнеженным голосом протянул: «Я кончил колледж в Гонолулу». Потом он заплакал и завопил какую-то песню на непонятном языке, гнусая и вибрируя голосом в подражание мелодическому и певучему звуку (гавайской гитары)... «Уа-уа-пиуи Мауна-Лоа, калаи леи, леи, леи, леи, лонг»...

Скоро все вокруг посветлело. Рубка показалась маленькой, и предметы, ее наполнявшие, мелкими и не стоящими внимания. Повсюду валялись опорожненные флаконы, дразня своей пустотой. Я посмотрел в окно. Море было спокойно, и шхуна быстро неслась, равномерно дребезжа машиной, мимо мертвых и скалистых берегов. Кееойун остался далеко позади..Мы приближались к Колыме.

На палубе прозвенел гонг, созывая на «диннер». Мы пошли в столовую, где разговор все еще вертелся вокруг Бриловича и его походов. Говорил Баллистер тоном авторитетным и непреложным.

— Да, мы знаем, где находится Текама. Мы узнали все ее качества еще в Аляске в 1902 году, когда русские и не думали о россыпях на азиатском берегу. Мы посмотрим, как будет говорить с русскими этот новый Гулливер. Как он сможет скрыть...

В этот момент, заметив, очевидно, меня, он замолчал и усердно начал пить из чашки бульон, заедая его твердым и черствым сухариком...

— А что такое? Что вы знаете? — спросил я поспешно, — что вы можете знать, чего не знаю я?

— О, нет! Не имеет значения, — успокоил меня Баллистер, — совершенно посторонний разговор!

Я почувствовал какую-то перемену в отношении ко мне американцев. Это не была открытая враждебность, но я заметил, что все как-то виновато отворачиваются от меня, усиленно стараясь разговаривать на посторонние темы. Здесь было что-то скрыто. Какая-то тайна. Но что — я не мог определить. Вся бурная веселость, разлившаяся по моему телу вместе с виски, мгновенно исчезла и уступила место вялой подавленности. Я подумал: «Скорей бы кончалась поездка, и чорт бы побрал этих зафрахтованных Плавучих Голландцев, пора вернуться назад».

После диннера я заснул на час, и когда снова вернулся в кают-компанию, там уже сидели Кнудсен, Баллистер и Бобсс. Они сидели вокруг раненого, который казался посвежевшим и отдохнувшим. Он начал говорить, не дождавшись меня. Его голос после отдыха окреп и потерял прежнюю монотонность и хрипотцу. Он говорил даже с легкой беглостью. Звонко, как будто хотел вескостью голоса придать убедительность своему рассказу. Он говорил о берегах Сладкой реки.

— Внизу открывалась узкая, изрезанная скалами лощина, где стадами бегали олени и лежали подтаяв-

шие снега, усеянные черными проталинками и следами каких-то животных. Мне бросилось в глаза что-то неестественное в этом пейзаже. Несмотря на всю сугубую реальность, он производил впечатление картины, увиденной во сне. В нем была какая-то деталь, раздражавшая взгляд, как раздражает слух расстроенная скрипка в оркестре. Немного приглядевшись, я понял, в чем дело: в противоположность обычному зимнему пейзажу, когда склоны гор покрыты плотными сугробами, здесь горы были белы и точно слеплены из снега, а внизу, на ровном черном поле протекала спокойная прозрачно-зеленая река, по берегам которой желтели дерновые оползни. Алексеенко остановился с криком: «Вот она, незамерзающая река!» Вслед за ним остановились и двигавшиеся за нами чукчи, — их было человек 12, — отказываясь дальше идти. Чиутак, этот отважный охотник, убивший за свою жизнь двести медведей, сказал трусливо и гадко смеясь:

— Иди вперед, Брилауищ, иди. Или пусть идет вперед Алек-Чеен-Кау, — его не жалко. Мы пусть пойдём сзади.

Я не ответил ни слова и, свистнув на своих собак, погнал нарты под откос, балансируя и управляя «остолом», как охотничьим гарпуном. Теперь я мог разглядеть среди несметных оленьих стад черные островерхие шатры какого-то народа. Это не были плоские, как котлы, чукотские яранги. Эти шатры напоминали вигвамы северо-американских индейцев, как их рисуют в детских книжках.

По-видимому, это были люди, о которых предупреждали меня шаманы чукчей, «Инпын Чаучуван» — старые кочевники. Нас тотчас заметили в их лагере, и я увидел, как на лужайке перед шатрами показались какие то дикие фигуры в шкурах и с длинными палка-

ми в руках, угрожающе и злобно крича. Вслед за ними из шатров, враскорячку, как медведь, ставший на задние лапы, вылезли их женщины, одетые в странные платья, состоявшие из меховых рубашек и штанов, сшитых вместе.

На руках они держали голых, посеревших от холода ребятишек. Завидев нас, женщины и дети подняли отчаянный вой и визг.

— Стой, стой! — крикнул Чиутак, стараясь на бегу остановить мои нарты. — Они говорят: если пойдешь вперед, будем тебя колоть стрелой и копьем. Берегись!

В это мгновение человек, стоявший у шатров впереди всех и размахивавший длинной палкой, присел, широко разведя колени, и коротким рывком выбросил руку вперед. Над моей головой с унылым свистом пронеслось копье.

Над моей головой со свистом пронеслось кем-то брошенное копье...

Снова раздался шум. Я поглядел налево. За снежным бугром ближней сопки показались люди. Они были одеты в черные меха. Копья их сверкали желтой костью, потемневшей и зазубренной на наконечниках. Мы были окружены. Среди чукчей, сопровождавших

меня, началось смятение. Они стали зарываться в снег, как сурки, разгребая его руками.

Алексеев бросился к жене и, вырвав из ее рук ребенка, как-то отчаянно всхлипнул, глядя на меня тоскливыми, покрасневшими от натуги глазами. Я выхватил из-за пояса револьвер и бросился вперед. Я делал большие прыжки и бежал к шатрам. Шатры увеличивались в моих глазах с каждым прыжком, и я видел у каждого шатра человека в боевой позе с копьем или луком. В оцепенении они ждали моего приближения.

Почти не глядя и продолжая бежать вниз к шатрам, я нажал курок и выстрелил в человека, который бросил в меня конье. Со всеми остальными он выл и плясал, подымая руки к небу. Он упал на бок, словно сломавшись пополам, и заколотил воздух руками и головой. Пуля прошла через его живот и разбила позвоночник. У шатров началось смятение. В меня полетело несколько копий.

Тогда я начал с короткими промежутками стрелять в середину оленьего табуна, сгрудившегося, наклоняя рога из стороны в сторону, как ветки желтого кустарника. Упал один олень и рядом — другой.

Эта летучая и невидимая смерть, сопровождающаяся громом и дымом, произвела на народ шатров неописуемое впечатление. Женщины выпустили на землю ребят и легли навзничь, закрыв их своими телом. Копья и луки опустились. Весь народ шатров лежал на земле, положив руки на головы и униженными знаками показывая покорность. Они ползли на животе и, кивая на свои шатры, предлагали нам себя и все свое достояние. Я одержал победу легкую, быструю, несомненную.

В одно мгновение чукчи перешли от глубокого от-

чаяния к шумной радости. Они стали бить себя от радости и громко смеяться, захлебываясь и тряся головой, как одержимые. Многие из них тотчас же бросились к берегам реки. Вода ее, прозрачная, несмотря на глинистость плеса, бурлила колкими пузырьками. В середине своего течения вода реки смешивалась, как видно, с водой горячих ключей, кипевших на дне. Глина на берегах была тверда как камень, блестящая и оливковая.

Я отбил от берега кусок земли и положил ее в рот. Она была жирновата, отдавала затхлостью погребя и расходилась во рту, делаясь мягкой как студень. Я не мог проглотить куска и выплюнул его. Но чукчи набросились на эту землю, били ее топорами, царапали руками и зубами. Казалось, они готовы съесть всю долину.

— Эт-кин! Бросьте! — не выдержав, крикнул Алексеенко по-чукотски. — Вы все умрете от этого! Землю есть нельзя. Смотрите, нам режут оленя, мы будем есть оленину, есть мясо.

Это была ошибка. Слова Алексеенки были встречены молчаливо и злобно. Чиутак поднял голову и отвечал:

— Злой человек, ты хочешь навести сглаз на эту землю. Что мы сделали тебе? Это добрая земля. Ее создал сам Великий Ворон для своих детей. Замолчи! Не говори!

Однако в словах Алексеенки была правда. Увидев, что я не продолжаю стрелять, люди из шатров вскочили на ноги и забегали, приводя к лагерю жирных оленей. Женщины вбежали в шатры, и оттуда понесся вкусный едкий дым. Мы сели у костров, Я знал, что, испытав действие руки, несущей гром, как перевел мне Чиутак, они не посмеют напасть на нас.

Лагерь кипел жизнью. Везде горели костры, дымились котлы с мясом, бурлила жирная вода. Нам принесли туши нежных двухгодовалых ланей, предлагая съесть сырую печень и сердце — это лучшее лакомство туземцев. Чукчи, наевшиеся земли, церемонно брали мясо в руки, выбирая лучшие куски. Я вынул из своего запаса несколько кирпичей брускового чая и бросил их в котлы.

Для меня и для Алексеенки были постелены медвежьи шкуры в самом просторном из шатров. Это был шатер вождя. Сам вождь, маленький, безбородый старикашка с длинными жилистыми руками, сидел рядом со мной и засовывал мне в рот кровавые куски оленьей грудинки, предварительно обсасывая каждый из них. Чукчи опьянели от сытости, тепла и восторга победы.

— Удивительно, брат Брилауиц, — болтал шаман Энну, — ты заставил их принять нас гостями! Ты теперь их ту-ум-ге-тум — победитель и друг. Старые кочевники одного корня с белыми людьми. Они — юкагиры. Их дядья на Колыме давно охотятся с ружьями и стали все равно как русские. Даже говорят по-русски. Это младший их побег — кочевые юкагиры. Они бежали в тундру давно, когда с юга пришел ваш народ «качак» (чукотское название казаков). «Качаки» — злой народ. У «качаков» был Солнце, начальник (по-чукотски — царь), тоже злой. У этих людей также есть вождь. Ух, злой! Старые кочевники, как белые, не любят гостей. Не делятся ни с кем добычей на охоте. И у них есть обычай убивать людей, все равно как у вас. И мы боимся их, все равно как боялись «качаков», хотя у нас есть винчестеры, а у старых кочевников только копья и луки. Хау! хау! — спасибо тебе, ты открыл для нас счастливую жизнь. Гей, счастье! Эй, счастье! Счастье!

И правда, — на взгляд чукчи это была райская долина, заключавшая все, что нужно для скудного счастья нищих полярных туземцев. Тучные стада оленей, незамерзающая вода, жирные форели в реке, неисчерпаемые запасы коричневой глины — мечта многих, сладкое ничегонеделание, земля — питательница.

Еда и веселье продолжалось до сумерек. Я заснул утомленный дорогой, снова проснулся, а чукчи все еще ели. К вечеру, однако, веселье было нарушено. Нескольких чукчей стало лихорадить. Чиутак лег на шкуры, жалуясь на головокружение и тяжелую резь в желудке. За ним слегли Энну и Тенана. Это было последствие съеденной глины. Месяцы голода и фунты жадно поглощенной земли. Чукчи с проклятиями и воплями валялись на шкурах.

— Нуйв-этль-ин, дурной глаз, колдун Алек-Чеен-Кау, — вопили они с бесконечной тоской и страхом, — за что ты убиваешь наш народ! Хитрый песец! За что охотишься на нас? Мы не звери! Красный песец! Лисица!

Алексееенко сидел на корточках в углу шатра, глядя на всех бессмысленными глазами. Жена его сидела рядом с ним, худая, согнувшаяся как ворона, и черными тонкими руками прижимала к себе детей. Она, кажется, верила тому, что кричали её сородичи. Она не могла представить всей величины надвигавшегося несчастья. Она — молчала, сжав зубы и раздвинув в мертвенную улыбку запекшиеся губы. Вождь юкагиров вынул длинный костяной нож, — у этого народа не было металлических орудий, — и медленно, как рысь, подобрался к Алексеенке. Я почувствовал на своем теле цепкие сильные руки, выхватившие у меня из-за пояса револьвер.

Вожь юкагиров вынул длинный костяной нож и медленно подходил к Алексеенке...

— Отнесите его в другой шатер, — сказал чей-то голос. Я рванулся вперед и встретил головой жестокий удар чем-то тупым и тяжелым. Я упал на землю без чувств.

Когда я очнулся, в ушах моих стоял тягучий замирающий вой, пробившийся сквозь цепкую пелену больного кошмара. В голове моей, как бубен, гулко билась пульсирующая боль. Со всех сторон лагеря неслись крики и стук боевых барабанов. Я лежал в широком закопченном шатре. Это был не тот шатер, где меня ударили рукояткой гарпуна.

С трудом переваливаясь, я дополз до выхода из шатра. По лагерю шла толпа вооруженных копьями юкагирских юношей. Они вели связанными четырех человек. Не веря себе, я узнал русских из бухты Китовой. Это были мои сослуживцы по РИКу. С ними был статистик Белугин. Не в добрый час они вздумали выслеживать меня. Я мог догадаться, в сущности, об этом раньше по десятку мелких признаков в пути: бегству диких оленей, вою ездовых собак, дымку на горизонте. Теперь все они были в плену.

Их вели к шатру, где находился я. Увидев меня, они пытались что-то сказать, но не могли. По-видимому, они были обессилены схваткой и ударами. С ними в шатер вошел старый чукча Тэппу. В руках у него был ворох каких-то одежд — черные и страшные лохмотья, в которых я узнал одежду Алексеенки и его жены.

— Чиутак мертв, Энну мертв, мертвы люди — сколько пальцев на моих руках. Их околдовал Алексеев-Кау.

— Отпустите меня, — простонал я, — вы убили Алексеенку. Вы убили людей...

— Не верь своим глазам, — ответил он, — никогда нельзя верить глазам. У нас есть сказка: раз маленькие девочки сидели на берегу и поймали пеструю нерпу. Взяли ее в руки. Увидел это ворон. Спрашивает: «Что у вас здесь?» — «Это вязанка хвороста». — «Да у нее усы!» — «А это усатая вязанка». — «И глаза!» — «Это глазастая вязанка?» — «И лапы!» — «А это вязанка с лапами». Мы не отпустим тебя. Твой язык расскажет русским, что видели глаза. Живи с нами. Будем кормить. И сегодня будем кормить. Сегодня будет большой праздник.

Пленные были связаны и брошены на шкуры шатра. Меня отвели в шатер вождя и отпаивали чаем и теплой оленьей кровью. Трупы умерших и убитых были куда-то убраны из лагеря. Из всех юрт раздавался гулкий и тревожный стук бубнов. Над берегом реки сустились женщины, устанавливая высокие шесты, на которые перекладами были набросаны сучья.

Вождь сел на корточки около меня и подозвал одного из чукчей, бормоча и гнусавя что-то на своем языке. Чукча переводил его речь на свой язык, затрудняясь и проглатывая отдельные слова.

— Ты не бойся. Тебя мы не будем убивать. Ты друг чукчей. Тот колдун, что пришел с тобой, — очень сильный и злой. Мы его убили. Он хотел погубить наш народ. Он вызвал злых колдунов, они спрятались в сугробах за горой Кедлюч. Зачем им идти сюда? Мы поймали их. Сегодня мы их убьем. Мы не плохие люди. Мы их убьем, и всем будет хорошо. Они не будут колдовать. Мы принесем их в жертву луне. Мы сегодня режем двадцать оленей, — все будут сыты. Мы зовем на праздник луну. Она будет плясать перед нашими кострами.

Я молчал и закрыл глаза, удрученный катастрофическим ходом событий. Меня не связали, но выйти из юрты вождя я не мог; у входа сидел дюжий юкагир с широким лицом, держа на коленях обоюдоострый белый кинжал из мамонтового бивня.

Наступил вечер. В шатрах непрекращающийся барабанный бой и пение юкагиров слились в сплошной захлебывающийся вой, томительный, как завывание волчьей стаи. Мимо юрты вождя пронесли маленькую кожаную лодку-душегубку с поднятыми веслами. Ее несли к берегу реки. За ней бежали старики и дети, крича: «Текама, текама-айолима!»

В их визгливый хор вплетались голоса чукчей, исступленно галдевших на своем языке: «Йитль-итль, луна, пляшущая луна, приходи, пей кровь, приходи, пляши, ешь мясо!» Стороживший меня юкагир опустил шкуру, закрывавшую вход в шатер. Снаружи мне был слышен гул и вой, в котором мне показалось, что я разбираю крик отчаяния и возглас на русском языке. Я впал в почти полуобморочное состояние, подавленный страшной трагедией, которую я чувствовал на берегах незамерзающей реки.

Спустя некоторое время в шатер вошли возбужденные юагиры, крича, шатаясь и колотя в плоские субны. За ними шли женщины, волоча дымящиеся туши оленей и долбленные тuesки, полные каким-то зеленым горячим напитком. Снаружи было темно. С края горизонта выползала луна, кровавая и страшная, словно торопясь попасть на пир туземцев. Они снова набросились на еду, запивая ее водой из тuesков.

— Пей, — сказал мне Тэппу, — это настой мухоморов. Увидишь сны, будешь весел, забудешь все.

Все они были пьяны и теряли сознание с каждым глотком, бахваясь и не слушая друг друга. Пир затянулся на много часов. Я сидел неподвижно, и юагиры, время от времени бросавшие мне кусок мяса, могли думать, что я заснул. Один за другим они сваливались на шкуры и засыпали, подкошенные опьяняющим ядом мухоморов.

Прошла полночь. Только вождь держался, с пьяной настойчивостью продолжая грызть лопатку оленя и запивая ее мухоморной настойкой. Перед каждым глотком он бросал несколько капель в сторону входа. Это был дар луне.

Наконец, заснул и он. Меня не сторожил никто, потому что никто не боялся моего ухода: зачем мне было уходить от тепла и еды в лунную снеговую пустыню, — чукча или юагир никогда бы не сделал этого.

Я выбрался из шатра, задев и перешагнув через жену вождя, упившуюся больше всех и теперь спавшую у входа. Она не пошевелилась. Ее лицо было плоско и невыразительно, как земля. Я закутался в расшитую кагаблю юагира. Поверх нее я надел первую попавшуюся кухлянку, висевшую на шесте перед входом в шатер. Часовые спали. Никто в лагере меня не заметил. Было странно-тихо, и в лунном свете

на берегу реки темнела лодка с поднятыми веслами, поднятая на шесты. Поднятые весла у всех полярных туземцев обозначают приглашение на пир. Я отвязал от кольев нарты и заарканил несколько оленей, спавших стоя и очумело топтавшихся на одном месте. В воздухе мерцали серые пятна рассвета. Затем я свистнул, крикнул, и олени кинулись вперед. Все это осталось у меня в памяти, как сон. Зашумел в ушах воздух. Как пьяные, понеслись мимо холмы. Сзади в лагере было тихо. Мир был вокруг, как ящик, наполненный движением и тишиной. И я неся, неся, неся. Никто не преследовал меня.

На другой день я убил подпряжного оленя и выпил его кровь. Тушу я взвалил на нарты. Затем я снова помчался вперед и мчался, пока не загнал оленей, разжиревших и привыкших к неподвижности на пастбищах незамерзающей реки. Я бросил упряжку и пошел вперед. Я шел, шел, и дошел до берега океана. Вот и все. Ведь вы мне верите? Вы нашли труп Белугина у скалы? Его принесло водой в море.

.....

Он оборвал свой рассказ внезапно и неожиданно, и обвел нас острым, сверлящим взглядом.

— Вот и все. Я кончил. Пришло спасение, и куда мне деваться теперь? Я бежал от ножа и похоронил всех своих спутников, Видел то, чего забыть нельзя.

Слова этого человека, пустые и театральные, были раздражающе ненужными, и, казалось, падали в пространство, не задевая слуха.

— Конечно, нет, — неожиданно сказал Кнудсен, — как будто продолжая прерванный разговор. — Я не могу согласиться.

Я насторожился.

Брилович, по-видимому, успел о чем-то просить Кнудсена до моего прихода в кают-компанию.

— Я не могу взять вас в Америку. «Нанук» не имеет права брать пассажиров без разрешения русских властей. Компания, представителем и пайщиком которой являюсь я, взялась вести торгово-снабженческие операции на восточном побережье Ледовитого океана. Эти места принадлежат русским, и я не могу отсюда никого брать. Если вам разрешат, я возьму вас. В будущем году.

Лицо Бриловича досадливо передернулось.

— Ах, все равно, тогда все равно, — со вздохом сказал он. Он отвернулся и закрыл глаза.

Но я решил довести дело до конца. Я должен был узнать истину. Быстрыми шагами я бросился по лестнице в штурманскую рубку и схватил оттуда со стола мешок. Это был мешок из пестрой кожи, найденный нами на Священном холме. Сбежав вниз, я протянул его Бриловичу.

— А мешок? Вы ничего не сказали о мешке!

Он потянулся к мешку поспешным и порывистым движением, как будто в нем хранились все сокровища мира. Прижав мешок руками к груди, он вскочил на ноги и огляделся дикими глазами. «Подождите, подождите», — пробормотал он. Шатаясь, он кинулся к окну, стекло которого было забрызгано моросящим туманом. Мы не успели ему помешать. Зазвенело стекло, и мешок полетел за борт, туда, в непогодную хмурь... Спустя мгновение мы кинулись к Бриловичу, боясь, что и он выбросится вслед за мешком. Но он не бросился за борт. Он начал бегать, кружась по кают-компании, как летучая мышь, спотыкаясь и задевая о предметы. Он выбежал к двери. Здесь силы его оставили. Он упал, как мешок, на пол, задев виском о край стола. Мы кинулись к нему. Он был мертв. Это был конец.

Мы похоронили его по доброму обычаю, сохранившемуся и не измененному до сих пор. Баталер шхуны отпустил из судовой лавочки три метра дешевой материи на чехол для «усопшего на волнах». Я настоял, чтобы над трупом не читались молитвы.

Концы материи были сшиты шпагатом. Вместо камня, мы зашили с трупом несколько ржавых чугунных болтов, валявшихся на дне судового катера, и труп пошел ко дну.

ГЛАВА 5

Убеждения мистера Кнудсена

Кнудсен был прав. Шхуна шла вдоль длинной песчаной косы острова Медвежий ставок, отделяющего устье Колымы от океана, когда марсовый матрос, наблюдавший в бинокль, крикнул: «На траверзе с левого борта льды!» На этот раз это не было «битое стекло», как говорят американцы о мелких льдах, оторванных ветрами от береговой полосы и раздвигающихся по сторонам при проходе судна. Это были сплошные льды. Их поверхность, грязная и коричневая, как уличный снег, показывала, что лед был давно-стью не одного года. И это был осенний лед, самый опасный для плавания, потому что он разрезает обшивку судна, как бритва.

Кнудсен сам стал за руль и осторожно вел шхуну, задевавшую о края льдин, так что все на ней подпрыгивало и скрипело. Началось обратное плавание, утомительное и неинтересное, как все пройденные пути. Я решил не возвращаться на Аляску, а постараться пересечь в заливе Лаврентия, на берегу Чукотского полуострова, на советский пароход «Астрахань», совершавший свой осенний рейс.

При самых благоприятных обстоятельствах я не мог рассчитывать вернуться в Москву раньше чем через три месяца, — три месяца вынужденного безделья, в обществе людей, во всем не похожих на меня. Это была невеселая перспектива.

«Нанук» шел с убийственной медленностью, среди отвратительно однообразного моря, окаймленного с одной стороны скучными льдами, а с другой — болотистым и пустынным берегом. Я готов был погибнуть со скуки, не приди ко мне на помощь неизменный Боббс.

Положительно, Боббс покровительствовал мне. Подойдя ко мне, он похлопал меня по плечу и вытащил из одного из своих бесчисленных карманов бутылочку виски, бунча мне на ухо конфиденциальным шепотом:

— Выпьем по дракончику, парень. Все равно — тонуть. По правде сказать, Погги (вы позволите вас так называть вместо этого варварского Погранитчник?), наша шхуна абсолютно лишена мореходных качеств. Во-первых, у нее слишком высока спардечная часть, — такая большая надстройка годится только для плавучего ресторана, а не для полярной шхуны. Нас чертовски парусит, Погги. Во-вторых, наша шхуна слишком валкая и притом узкая, как щука.

Несмотря на все это, с каждым днем шхуна медленно, но постоянно продвигалась на Восток.

К 12-му сентября мы прошли мыс Сердце-камень и вышли в свободное от льдов море. Приближался день моего прощания с американцами.

В одно утро мы сидели за столом в дайнинг руме и пили кофе. Кнудсен был очень оживлен, и несколько раз во время разговора обращался ко мне с расспросами о том, что я намерен делать по возвращении из плавания. Я отмалчивался, но, наконец, это мне надоело, и я решил поставить вопрос ребром.

— Мистер Кнудсен, — сказал я решительно, — я считаю некорректной политику умалчивания, которую вы ведете по отношению ко мне, зная, что мне придется давать объяснения по делу Бриловича и Сладкой реки. Я знаю, что мешок принадлежал Бриловичу, хотя тот и отказался от него. Что вы нашли там?

Кнудсен поклонился с таким видом, как будто он все время ждал этого вопроса и, наоборот, не он скрывал от меня истину, а я проявлял равнодушие и нелюбопытство.

— О, в его мешке был, — отвечал Кнудсен с обязательной усмешкой, спокойной и неприятной, — в мешке был кусок золота, мелкий золотой песок и набор инструментов. Знаете ли вы, что это значит?

Я отрицательно покачал головой. Я хотел определенного ответа, а не догадок.

— Это значит, что золото есть золото, — твердо сказал Кнудсен, — а все остальное есть ерунда. Неужели вы сомневаетесь, что Брилович убил своих товарищей, потому что не хотел делить с ними прииск? Я это понял сразу. Я не сказал вам ничего, потому что не желал вмешивать себя в золотое дело. Золото — это риск, и ваше правительство не допустит меня работать на своей земле. А кто будет владельцем золота, и будут ли русские убивать друг друга на своей земле — согласитесь, это не мое дело. Это не входило в договор. Но теперь этот человек умер, и мы не знаем, где его прииски. Во всяком случае, могу вас уверить, когда-нибудь их найдут. Золото, в конце концов, всегда будет найдено.

— Так, следовательно, река Сладкой глины выдумка? — воскликнул я.

— Кто знает? — бросил Кнудсен. — Я неоднократно слышал подобные рассказы за 20 лет моей торговли с Восточной Сибирью. Я думаю — речь идет об одном из сортов сукновальной глины. Они съедобны. Не знаю, перевариваемы ли. Но важнее не это. Важно, что золото — это золото, и если бы Брилуитч был другим, он стоил бы теперь не один миллион, сударь. Для этого надо было бы быть меньше славянином и больше американцем. У него не было размаха. Он хотел быть одиноким на прииске и копать землю наедине с землей. Это никогда не удастся. И вот теперь, если бы он не умер, я не

дал бы за его жизнь ни одного сента. Как не дал за его смерть.

Кнудсен замолчал. На губах его играла неприятная улыбка. И в ней мне открылась Америка и непоколебимый ее дух, — дух хищников и торговцев, создавший суд Линча и вегетарианские общества, пославший на Север своих постных миссионеров и кровожадных скупщиков. И я потерял охоту к разговорам. В это время вмешался Боббс.

— О, мистер Пограничник, — воскликнул он, — я очень сожалею, что не имел права рассказать этого вам раньше. Вы понимаете, что я, конечно, догадался с самого начала. Я знал все это. Не правда ли — великолепно? Эту историю можно послать в «Морской вестник» или в «Нью-Йоркские воскресные приключения», клянусь Юпитером! Погги, читаете ли вы фэнни пэперс? Там бывают замечательные шгучки. Например, там задается вопрос: что такое жизнь? И ответ: это невкусный сэндвич между двумя небытиями. Как вы находите? Но, конечно, главное — это все-таки золото. Всегда золото. Это правильно, и я тоже говорю это. И Текама Айолима, пляшущая луна — обман, не то, что вы думаете. Текама — пятая станция Небраска — Айова железнодорожной линии, в Штатах.

— Пятая станция? Какая станция? — воскликнул я, — а юкагиры, а незамерзающая река, а жертвоприношения?

Кнудсен снова засмеялся.

— Славянская фантазия, славянские бредни — в этом сказывается русская душа, вечная тайна сфинкса с отбитым носом. Поскребите русского, и вы откроете чукчу. Прошу у вас прощения за оскорбительный, быть может, взгляд, сударь. Без сомнения, именно так сказал бы Наполеон в этих широтах. Вспомните, как мы

пришли на Чигайакатын. Алексеенко исчез. Чукча боялся вmeshать себя в следствие об убийстве и быть свидетелем. Не забудьте, что голод действительно был и действительно существуют кочевые юкагиры, непохожие на оседлых и обрусевших юкагиров, и действительно пролилась кровь.

И вот — чукча рассказывает нам фантастическую историю. Он не подозревает, что мы сразу разгадали его. Он думает, что мы ему верим. И мы не говорим ему ни слова в ответ, и уходим. Наше правило — не вмешиваться. Правило честных коммерсантов. Через день наша шхуна у Священной горы. Мы находим русского. Этот русский опьянен золотом. Он убил членов администрации полуострова и убил зверолова м-ра Алексеенко. Но он такое же дитя, как дикарь-туземец. Он боится нас. Он рассказывает нам историю, где ложь украшена причудливо подобранной правдой. Но он заблудился: американец — не русский. Американца не удовлетворяют славянские бредни. Американец знает, что единственное, из-за чего проливают кровь — это золото. И Брилуитч раскрыт.

И все-таки я его не понимаю, этого Брилуитча. На что он мог рассчитывать? Как мог он думать, что я не знаю, что такое Текама! О! Я знаю юкагиров и знаю Колыму, Индигирку, чукчей, но я знаю и Калифорнию, и Клондайк, и Юкон! Когда я услышал слово Текама, все стало мне ясным и не осталось ни одного сомнения.

— Да! Все ясно, — взвизгнул Боббс. Он не мог больше молчать. — Вы скажете, что Соединенные Штаты не величайшее из всех государств? Величайшее, величайшее! Посмотрите на земной шар. Везде ходят американские суда, везде есть американские ткани и американские моторы. Мы не последние во всем! Золото-

промышленность есть в Сибири, в Австралии, в Южной Африке, но где готовят драги и станки для механической разработки золота на приисках? В Америке, в Штатах. Единственный завод в мире, где приготавливаются буры, соответствующие современной технике, это завод «Джонс» в городе Теката, штат Айова, линия Небраска-Айова железнодорожной компании. Там приготавливаются паровые буры, бойлера на 10 пойнтов и части для драг. Их марка — „Текама-Айолима-Текама-Айова Компани Лимитед“. Эти машины закупаются всеми, кто только ищет и добывает золото. В заливе Николая и на чукотских берегах. И где-то в глубине полуострова есть прииск, тайно открытый и хищнически разрабатываемый. И там стоят машины. Американские машины.

Боббс был радостен и багров. Он засуетился и начал крутить ручку граммофона, стоявшего в углу кают-компаний. Он поставил большую пластинку с надписью — «Американизм», речь Варрена Гардинга.

Шипя и останавливаясь, вылетели из рупора первые слова, произносимые гнусавым и слегка хриплым голосом чистокровного американца.

— «Американизм... шаг за шагом отвоевывал леса у дикой природы и ее детей... хрр... хрр... шш... так пусть же американизм, в котором соединена человечность... хрр... хрр... хрр... будет освещающим факелом для всего мира... и пусть растут фабрики, распространяющие свет просвещения и свет цивилизации по диким морям... дух первых поселенцев, высадившихся со шхуны «Майский цветок...» Гип-гип-хурра...»

В первых числах октября мы снова миновали мыс Дежнева и прошли на юго-запад в направлении залива Лаврентия. Мы вошли в бухту. На берегу, краснея оцинкованными крышами, стояли дома культбазы,

построенной советским правительством на берегах Берингова моря. Длинный дом больницы, недостроенный интернат, школа, Дом кочевника и зверолова. Это был крайний пост Советского Союза на северо-востоке. За нами были льды, туман, полярное море. Впереди были дома, бараки, леса строящихся зданий. С берега отошел расхлябанный чахлый катеришко, встречая американскую шхуну. На корме его развевался маленький красный флаг. Я спустился на катер по шторм-трапу.

— До свидания! — крикнул Кнудсен.

КОНЕЦ.

А. ПАЛЕЙ

ЧЕЛОВЕК БЕЗ БОЛИ

Фантастический рассказ

ЧЕЛОВЕК БЕЗ БОЛИ

Фантастический рассказ А. ПАЛЕЯ, рис. Н. ХОРДИНА

— ИТАК, вы твердо решаетесь подвергнуться этому ужасному эксперименту?

— Ужасному?

Мельников пожал плечами и весело рассмеялся.

— Вы меня спрашиваете, профессор, так, как будто речь идет, по меньшей мере, о прививке чумы.

— То, что я вам предлагаю, — возразил профессор, — и есть величайший подвиг, не меньше того, какой совершил покойный Богданов, перелив себе кровь малярика и погибнув от этого.

Седенький профессор отодвинул от себя лежавший перед ним на стеклянной доске стола большой сверкающий шприц и, подумав, прибавил таким тоном, словно в комнате никого не было, и он говорил с самим собой:

— Итак, вы твердо решаетесь подвергнуться этому ужасному эксперименту?

— Мне еще страшнее подвергать этому опыту человека, который не сознает и не хочет сознавать его опасности. Но что же мне делать? Я презираю свою трусость. Богданов не искал объектов для своего эксперимента, он произвел его на себе. Я же позорно уклоняюсь от риска и предлагаю его другому.

— Знаете что, профессор, — перебил его Мельников, — да-

вайте говорить начистоту. Вам необходим объект для вашего эксперимента. Ваша чрезмерная щепетильность заставляет вас предупреждать об ужасной опасности, в которую я, кстати сказать, не верю. Вряд ли при этом условии вам удастся найти еще желающего. Прodelать опыт на себе вы не решаетесь?

— Да, — прошептал профессор, мучительно стыдясь и опуская глаза. На его землисто-сером лице, обрамленном сединой бороды и бакенбард, вспыхнул румянец нестерпимого смущения.

Великодушно не замечая этого, Мельников продолжал:

— Все равно, я не уйду от вас раньше, чем вы не впрысните мне ваше снадобье. Разговор об этом я считаю оконченным. Лучше расскажите мне, в чем заключается сущность вашего изобретения.

Ход оказался удачным. Профессор, действительно, сейчас же отвлекся от первоначальной темы и оживленно заговорил о том, чем он исключительно занимался в последнее время. Без сомнения, он был горячо увлечен разговором. Но полубессознательно он спасался от колючего первоначального вопроса, судорожно вцепившись в поданную ему руку помощи.

— Вы знаете, что такое кураре? — спросил он своего собеседника.

— Мы начинаем играть в „Викторину“, — улыбнулся Мельников. — Это какой-то яд, которым иные дикари смазывают острия своих стрел.

— Вот именно, — ответил профессор. — А о действии этого яда вы что-нибудь знаете?

— Во всяком случае, очень мало: только то, что он действует очень быстро и всегда смертельно.

Профессор потрогал шприц, потом свою серо-седую бороду.

— Люди, пораженные ядом кураре, погибают, действительно, очень быстро, и смерть их сопровождается всеми признаками удушения.

— Это интересно, — заметил Мельников, — а в чем дело?

— Кураре парализует окончания двигательных нервов, всех, без исключения. Едва начинается действие яда, человек теряет способность производить как сознательные, так и бессознательные движения, в том числе дыхательные. Он перестает дышать так же, как если бы его схватили за горло. Он умирает в ужасных мучениях, молча, — ведь для того, чтобы крикнуть, тоже надо произвести какое-то движение. Это похоже на кошмарный сон, когда человек не может издать звука. Но от этого сна нет пробуждения.

— Ужасно, — воскликнул Мельников, и его впечатлительное нервное лицо подернулось почти физической болью. — Сколько же длится это мучение?

— Ровно столько, сколько можно прожить, не дыша. Вы знаете, что и лучший пловец не проведет больше двух-трех минут под водой. Сейчас вы упомянули о новокаине. Кокаин, новокаин и тому подобные действуют на окончания чувствительных нервов так же, как кураре — на окончания двигательных.

— Ага, понял, — перебил Мельников, — ваше открытие — какой-нибудь препарат кокаина.

— Ничего подобного, — возразил профессор. — Общая анестезия при посредстве кокаина применяется в медицине уже давно. Просто впрыскивают кокаин в одно из межпозвоночных отверстий поясничной части. Анестезия продолжается $\frac{3}{4}$ часа и больше. Но длительного обезболивания всего организма этим способом нельзя достигнуть, как никаким другим из до сих

пор известных. А если бы и можно было, то все равно это никуда не годилось бы.

— Почему?

— Потому, что человек, лишенный действия всех чувствующих нервов, не сможет прожить и одного дня: он оглохнет и ослепнет, он не будет испытывать чувства голода; он не сможет ходить, если не будет все время смотреть себе под ноги, так как потеряет осязание; но по этой причине он вечно должен будет смотреть на свои руки; он лишится вкуса, обоняния, способности ощущать температуру и сырость. Словом, он превратится в живой труп. Но несомненно, что ощущения чувствующих нервов специфичны. Так, если даже механически раздражать зрительный нерв, то человек видит свет, хотя бы и не существующий. Вы знаете, что, если ушибить область этого нерва, то „искры сыплются из глаз“. В момент перерезки его (при операции) пациент видит ослепительный свет.

То же, например, со слуховым нервом. При его раздражении мы слышим шум или звон в ушах. хотя бы вокруг нас, на самом деле, царствовала невозмутимая тишина.

Физиологи допускают специфичность (в смысле эффекта восприятия) окончаний чувствующих нервов и полагают, что существуют рядом нервы, ощущающие температуру, прикосновение или же боль. Надо вам сказать, что, строго говоря, и мне не удалось дифференцировать эти нервы и, в частности, найти болевые. Но я косвенно доказал их существование тем, что открыл состав, — профессор указал на небольшой флакон, наполненный прозрачной, бесцветной жидкостью, — который действует парализующим образом только на эти нервы, не затрагивая никаких других областей ни мозга, ни периферической нервной системы. В этом

меня убедили опыты над высшими животными. Когда я вводил им в кровь свой состав путем обыкновенного впрыскивания, они оставались совершенно нормальными во всех отношениях. Все ощущения у них сохранялись полностью, но чувство боли исчезало совершенно.

— И надолго?

Профессор опять потрогал бороду, в то же время не отрывая от шприца пристального неподвижного взгляда. Таким взглядом смотрит кролик на удава.

— Что можно сказать о результатах опыта на животных? — задумчиво произнес он. — Действие общенесезирующего средства продолжалось около года. Я не могу ручаться, что на человеке оно будет продолжаться столько же, а не больше или меньше. Затем, я приготавливаю свой состав кустарным путем, и в новую порцию могло вкратиться изменение, которое может повлиять на длительность его действия.

— Этих животных поистине можно назвать счастливыми, — заметил Мельников.

— Я не мог отпустить их на свободу, — сказал профессор, — чтобы они не ушли из моего круга наблюдений. В лабораторной обстановке они прожили это время нормально, но я убежден, что всецело предоставленные самим себе и лишенные благодетельной сигнализации болевых ощущений, они неминуемо и очень скоро погибли бы. Я предпочел бы и вас запирать в комнате на все время опыта.

— Простите меня, профессор — сказал Мельников, весело глядя в выцветшие голубоватые глаза старика, — но, право же, вы говорите ужасную чепуху. Ведь, я все-таки сознательнее лабораторной собаки. Конечно, — я настаиваю на этом — я буду вести обычный образ

жизни, и, при нужной осторожности, со мной ничего не случится, увидите.

— Человек, лишенный способности ощущать боль, — возразил профессор, — находится в большей опасности, чем тот, кто балансирует на канате на высоте в тысячу метров.

Он сказал это и испугался. Блестящий шприц притягивал его взор и руку. Он боялся, что Мельников уйдет. Но Петр Сергеевич неторопливо снял пиджак, обнажил руку по локоть и сказал спокойно:

— Я все взвесил. Я буду осторожен. Колите.

Тогда профессор взял шприц и вытянул иглу. Затем указательным и большим пальцами левой руки он оттянул кожу на упругой руке Мельникова, и с ужасом, с отчаянием, с отвращением, как бы сопротивляясь кому-то, кто двигал его руками, впрыснул молодому человеку полный шприц бесцветной, как невинная вода, жидкости.

Профессор впрыснул Мельникову полный шприц бесцветной жидкости.

Но уже на следующий день с Петром произошла первая серьезная катастрофа, которая заставила его понять смысл настойчивых предостережений профессора.

Петр ехал со службы домой. В трамвае было тесно. Человеческое месиво из мужчин, женщин и детей разных возрастов жалось, злилось, галдело. Медленно, но верно Петр с каждой остановкой протискивался все ближе к выходу и, наконец, занял прочное место у самой двери. Сзади на него напирали, и ему неудобно взятыся за ременный поручень. Он налегал на дверь пальцами правой руки. Дверь отодвигалась и задвигалась на остановках, люди выходили. Вдруг какая-то женщина с узелком, прижатая напором к боку Петра, пронзительно закричала:

— Ай, батюшки, что же это такое?!

Петр стал вертеть головой, так как, будучи сдавлен со всех сторон, он не мог делать никаких движений, чтобы узнать, что так перепугало женщину. Он ничего не увидел. Но вот женщина так стремительно шарахнулась от него, что преодолела напор человеческих тел. Теперь еще одна женщина вскрикнула. Вокруг Петра моментально образовалось свободное расстояние. Все смотрели ему под ноги. Он взглянул туда же и ахнул: на полу стояла лужа крови.

— Кто же это ранен? — спросил он.

— Да вы же, вы же, вы же! — истерически кричала та самая женщина, которая первая заметила кровь. — Разве вы не чувствуете?

Петр поднял глаза и увидел, что кровь широкой струей течет из его правой руки. Он дернул к себе руку, но рука не двигалась: указательный и средний пальцы были плотно зажаты выдвижной дверью. Женщина с узелком порывисто открыла дверь. Вагон остановился.

Петр увидел, что концы пальцев раздроблены. Кровь густо лилась. Он сразу сообразил, в чем дело: кто-нибудь, выходя, нечаянно прижал пальцы. Петр, не чувствуя боли, не отдернул руки. В тесноте и давке никто не видел пальцев, зажатых дверью. Быть может, следующий выходящий закрыл дверь очень сильно. Болевой сигнал почти моментален, и возможно, что человек, чувствующий боль от прищемленного пальца, успевает отдернуть его в тот неуловимо короткий промежуток времени, в который дверь должна окончательно и разрушительно прижать его к стенке.

От потрясения, духоты и потери крови Петр потерял сознание. Он очнулся в институте Склифасовского. От каждого пальца пришлось отнять по две фаланги.

Теперь Петр хорошо понял ужасную опасность эксперимента, на который он так легко решился. Однако, он отказался переехать на квартиру профессора и прожить под его наблюдением время, оставшееся до прекращения действия анестезии.

— Я буду осторожнее, — упрямо заявил он. — Не все ли равно, отчего погибнуть? С моим характером я не выдержу заключения в течение года, с ума сойду, начну стекла бить.

Для Петра настало тяжелое время. Ему пришлось окружить себя множеством предосторожностей. Раз или два в неделю он посещал профессора и выслушивал инструкции, как он должен себя вести.

Ему приходилось соблюдать строжайшие предосторожности в отношении еды. Если бы в еде попалась какая-нибудь острая вещь, которая могла бы поранить ему гортань или пищевод, он не заметил бы этого. Пил он очень осторожно, предварительно посмотрев стакан на свет. Поэтому еда и питье не доставляли ему никакого удовольствия, а, наоборот, страшно утомляли его.

Как бы он ни был голоден, мысль о еде раздражала его, и он заранее уже начинал чувствовать усталость и досаду. Кроме того, он всегда с каким-то ужасом брал в руки нож и вилку. Держа их, он не сводил с них глаз.

Вся жизнь его превратилась в сплошную пытку осторожности. Необходимость следить за собой на каждом шагу, беспрестанно смотреть на свои конечности так утомляла, что он все время чувствовал себя совершенно разбитым. По вечерам он совсем не выходил и сидел, скучая, дома. Первое время его посещали друзья, но скоро эти визиты прекратились: общество Петра, вечно напряженного, вечно бывшего настороже, стало тягостным.

Пришлось бежать в амбулаторию. Его, конечно, приняли вне очереди. Врач с состраданием посмотрел на его руку и покачал головой:

— Очень больно?

Петр не отвечал. Ему не хотелось расспросов, удивления, разговоров. Он был бесконечно измучен, утомлен. С завистью глядел он на окруживших его больных, многие из которых кривились гримасами боли. Ах, благодетельная боль!

Ему сделали перевязку. Теперь обе его руки были перевязаны.

Он поспешил домой, чтобы прийти засветло.

Руку удалось спасти, но она долго гноилась, и Петру пришлось много времени ходить с перевязкой. Когда с обеих рук были сняты перевязки, то Петр первое время стеснялся показывать их: на одной — две культяпки, на другой — долго сохранившийся след от ужасного ожога.

Потом привык.

Жизнь потекла снова в мучительном напряжении и страхе.

В течение нескольких недель не произошло никаких особо выдающихся несчастий. Все же, время от времени, случалась какая-нибудь неприятность, связанная с отсутствием способности ощущать боль.

Однажды, придя домой, Петр заметил, что из его ботинка просачивается кровь. Он снял ботинок. Довольно длинный и острый гвоздь, прорвав носок, вонзился ему в пятку. Возможно, что он уже долго так ходил. Ранка была широкая, рваная и обильно струилась кровь. Он щедро залил ее йодом, опасаясь засорения. Но нарыва не случилось, рана зажила нормально. В другой раз, когда он резал колбасу (чуть ли не впервые за все время он взял в руки нож в этот день), он срезал себе мякоть большого пальца левой руки с частицей ногтя.

Раз или два в неделю он навещал Стеблицкого. Профессор за это время осунулся не меньше, чем Петр. Его угнетали ужасные результаты его эксперимента. Он мучился угрызениями совести, поздними и бесплодными. Каждый раз после ухода Петра он вынимал клеенчатую тетрадь и старательно вписывал в нее историю своего эксперимента. Это была своеобразная „история болезни“ опаснейшей болезни, какую являлось длительное общее обезболение организма.

Но прошло не более недели, и новая крупная неприятность показала Петру, что его сознание не справляется с непосильной задачей.

Весна звенела птичьими и детскими голосами, сверкала солнцем, раздробленным в лужах, расширяла грудь. Петр вернулся со службы хмурый, безмерно усталый, как во все последние дни. Мать ждала его с обедом.

Квартира у них была очень сырая, переделанная из прачечной. Они еще изредка протапливали ее.

Петр вошел в свою комнату и уловил легкий запах угара. Печь только что вытопилась. Очевидно, мать слишком рано закрыла трубу. Петр пододвинул стул, встал на него и, вынув обе вьюшки, положил их на пол. Окно было открыто. На улице было теплее, чем в комнате. Печь топится только для вентиляции. Пусть труба останется открытой.

Он вынул из кармана купленную по дороге „Вечернюю Москву“, бегло посмотрел ее. Потом вымыл руки и сел с матерью обедать.

Ели молча. Петр так уставал от своего образа жизни, что привык инстинктивно беречь энергию. Он сделался молчаливым и мрачным. Старуха тоже была грустна в последние дни.

Вдруг она воскликнула:

— Боже мой, Петя, что же это опять с тобой?

Петр с недоумением взглянул сперва на мать, потом по направлению ее взгляда. Она с ужасом смотрела на его левую руку и вдруг зарыдала. Рука Петра была красна и вздулась огромным волдырем.

— Подожди, мама, — остановил ее Петр, — слезами, ведь, не поможешь. Но что же это такое? — раздумчиво говорил он, глядя на свою руку, — похоже на ожог. Что я мог держать горячее? — он подумал минуту и вспомнил:

— Вьюшки!

В самом деле. Печь была только что закрыта, и вьюшки накалились. Он брал их левой рукой, так как правая была искалечена и забинтована, и ощутил легкую теплоту. Если бы он почувствовал боль, он бы моментально выпустил горячее железо и, в крайнем случае, отделался бы легким ожогом. Но теперь он сравнительно долго держал вьюшки. Получился огромный ожог, на который страшно было смотреть.

Неловкое движение, и все три острия вилок вонзились в руку.

Однажды за обедом, задумавшись, Петр держал вилку и рассеянно играл ею. Неловкое движение, и все три острия вонзились ему в палец. Брызнула кровь.

Вдруг Петр вскочил, с грохотом отодвинул стул и испустил радостный крик:

— Мама, мама, мне больно!

Не обращая внимания на растерянный вид матери, он беспощадно колол себя вилок в разные места: **ВЕЗДЕ ОН ОЩУЩАЛ БОЛЬ.**

К нему вернулась способность чувствовать боль! Был ли на свете более счастливый человек?

С исколотыми руками, без шапки, он выскочил из дому и бросился к ближайшему телефону-автомату в аптеку. Впервые за много дней ему было весело.

Солнце сверкало для него, женщины улыбались ему, и трамвай, с грохотом сбегаая со ската, заливался радостным хохотом звона и смеялся открытыми окнами.

Он опять нормален!

Он позвонил профессору Стеблицкому и вполголо-са, чтобы из кабинки не слышен был необычайный разговор, не здороваясь, торопливо сказал:

— Ко мне вернулась способность ощущать боль. Как я счастлив! Да, да, я проверил, много раз проверил. Я колол себя в разных местах. Какая радость, везде больно!

Через полчаса профессор говорил Петру, сидевшему у него в кабинете:

— Я боялся обмануть себя и вас надеждой, что, может быть, действие анестезии окажется значительно менее длительным, чем я рассчитал. К счастью, к величайшему счастью, оно прекратилось намного раньше. Но мне страшно подумать, что было бы с вами, если бы вы подвергались его действию в течение целого года. О, какой же я подлец!

Петр мягко улыбнулся:

— Не будем говорить об этом.

— Почему же не говорить? — возразил профессор. — Ведь этого удалось избежать. Но вы неминуемо погибли бы. Прежде всего, ваш рассудок не вынес бы в течение целого года такого напряжения внимания.

— Это, положим, правда, — ответил Петр, — судя по тому, что сделалось со мной за два месяца.

Впрочем, он говорил почти весело. К нему вернулась прежняя бодрость. Прочная штука — человек.

— Если бы внимание ваше ослабло, — продолжал профессор, — вы бы вновь стали калечить себя. К концу года вы стали бы, несомненно, сумасшедшим и калеккой. Но это еще не все. Если бы вы заболели какой-нибудь серьезной болезнью, которая в самом начале дает знать о себе сильными болями, ну, скажем, приступом аппендицита или воспалением уха, то, конечно, болезнь была бы обнаружена слишком поздно для правильного лечения.

— Но так как этого не случилось, — заметил Петр, — то не стоит говорить об этом.

— А ваша изуродованная рука, — продолжал, не слушая его, профессор, — будет служить мне вечным укором.

На столе перед профессором лежал сверкающий шприц. Профессор схватил его и выбросил в раскрытое окно, в которое вливался откуда-то нежный запах сирени. Инструмент ударился о булыжник и мелькнул радужной мелочью стеклянных брызг. За ним последовал флакон с бесцветной жидкостью. Затем профессор вынул тетрадь в клеенчатом переплете и старательно изорвал ее в мельчайшие кусочки, разлетевшиеся по комнате, как задумчивый октябрьский снег. Участь тетради разделили листки бумаги с вычислениями и записями.

Петр, с иронической усмешкой следивший за этими манипуляциями, сказал:

— Однако, я вижу, что моя болезнь подействовала еще на чей-то рассудок.

Профессор произнес током заклęcia:

— Да сгинет это пагубное открытие, да исчезнут его следы. Пусть никто никогда не найдет их. Клянусь никогда не возвращаться к нему.

Тут у Петра вырвалась безмерно-жестокая фраза, о которой он сам пожалел в следующую же минуту. Он сказал:

— Знаем мы вас, половинчатых людей. И хочется, и колется. Сегодня вы все уничтожили, но я не поручусь, что через некоторое время еще кто-нибудь не станет жертвой подобного эксперимента.

А. ПАЛЕЙ

НЕОБЫЧАЙНЫЙ ДОМ

Фантастический рассказ

Рисунки Л. Смехова

НЕОБЫЧАЙНЫЙ ДОМ

А. ПАЛЕЙ

Фантастический рассказ

Рис. Л. Снего

В этот день я был свободен, и решил навестить старого друга. Мог ли я знать, какие невероятные вещи придется мне пережить в связи с этим посещением?

Дом, в котором живет мой друг, находится на одной из окраинных улиц Москвы и представляет собой кирпичный корпус, — одно из тех зданий, что строились примерно в 1925—1928 годах. На сей раз оно выглядело даже нарядно.

Еще нежаркий, но весь пронизанный солнцем майский день чуть склонялся к закату. Улицы, наполненные нарядной молодежью, были так празднично спокойны, как бывает только в общие выходные дни.

В небольшой, прямоугольной, очень светлой и довольно пустой комнате поднялся мне навстречу Яша.

Улицы были загромождены. Зрители жестикулировали, — вероятно, кричали.

— Благодарю случайность, — сказал он, — которая привела тебя ко мне именно сегодня. Нынче счастливейший день твоей жизни, ибо ты увидишь то, чего до сих пор никто не видел.

Несколько ошеломленный столь торжественной встречей, я, однако, легко поверил, что предстоит нечто сверхординарное, ибо Яше свойственно в исключительные моменты его жизни выражаться весьма пышно.

— Что же именно я увижу? — спросил я, пожимая его руку.

— Потерпи немного. И садись.

Но надо же хотя бы вкратце познакомить вас с Яшей. Ему, как и мне, 43 года. Он высок и красив, с темной шевелюрой на голове, но годы уже наметили на ней маленький просвет. Яша одинок, у него нет семьи. В юности, в течение ряда лет, мы делили с ним парту классической гимназии, находившуюся на «камчатке» и, следовательно, удаленную от утомительного внимания педагогов. Яша поражал их буйным поведением и замечательными успехами в науках, преимущественно в физике. Еще будучи студентом, он напечатал несколько в высшей степени оригинальных работ. Сейчас он — выдающийся профессор физики Московского университета. Подвизаясь в этой же области науки в качестве рядового работника, я — что греха таить? — всегда чуточку завидовал блестящим достижениям Яши.

Минут пять мы поговорили о житейских пустяках, и я не сразу обратил внимание на то, что уличные голоса стали еле слышны.

— Ну, теперь пора, — сказал Яша и сделал широкий приглашающий жест: — не откажи выглянуть в окно.

Я глядел вниз с высоты двадцатого этажа.

Я подошел к распахнутому большому окну и невольно отшатнулся. Я сначала не сообразил, в чем дело. Я твердо помнил, что мы на пятом этаже. Но я глядел вниз с высоты двадцатого. Почти беззвучно двигались внизу крошечные фигурки, и все они в большом возбуждении глядели вверх, на наш дом.

Я оглянулся. Яша весело смотрел на меня.

— Я ничего не понимаю!

— Высунься немного из окна — сказал он.

Тысячу раз в жизни я употреблял выражение «не поверил своим глазам», но всегда считал это фигуральным. На этот раз я действительно не поверил своим глазам: он видели явную чепуху.

Пятиэтажный дом, громоздкое кирпичное сооружение, висел в воздухе! Его фундамент остался внизу и сиротливо лежал между домами, как место вырванного зуба. Со всех сторон бежали люди, улицы были запружены. Зрители жестикулировали — вероятно, кричали. Но я уже ничего не слышал: мы поднимались выше.

Зато невероятный шум поднялся в коридорах. Очевидно, жильцы уже заметили, что произошло.

— Подожди немного, — сказал Яша, — но ничего не трогай в комнате. Я пробежусь по этажам: надо предупредить, чтобы кто-нибудь, не заметив перемены, не попробовал выйти на улицу.

Я остался один. Взволнованные голоса наполняли квартиру. В передней кто-то пытался вызвать по телефону милицию. Но напрасно он осыпал проклятиями нерадивых телефонных девушек: аппарат не имел сообщения с подземным кабелем.

— Вода не идет из крана! — кричал из кухни высокий женский голос.

Яша вскоре вернулся в сопровождении большего числа людей, чем могло поместиться в комнате. Остальные наполнили коридор, и дверь осталась открытой.

Как нередко бывает в неожиданных случаях, людей нервировали частности, которых они сгоряча не сумели связать с основным.

Я прошелся по комнате. Только теперь я заметил на стене, противоположной окну, над небольшим, аккуратно застланным зеленой бумагой письменным столом, какую-то сложную аппаратуру. Кнопки и рубильники завершали сеть тщательно изолированных проводов, змеившихся по кремовой штукатурке и исчезающих где-то под полом.

Яша вскоре вернулся в сопровождении большого числа людей, чем могло поместиться в комнате. Остальные наполнили коридор, и дверь осталась открытой. Многие жильцы не без основания приписывали небывалый эксперимент моему другу. Не все реагировали на происшествие одинаково. Некоторые, особо нервные, угрожали виновнику строжайшими админи-

стративными репрессиями. Другие, наоборот, не скрывали своего восхищения. Особенный восторг проявляли ребяташки.

Любопытство одержало верх над другими чувствами, Все окна в доме были взяты с бою. Мы остались одни и тоже поспешили к окну.

Теперь дом неподвижно парил над городом на высоте примерно полукилометра. Город расстился под нами, как план огромных размеров. Паутинную сеть улиц и переулков прихотливой лентой прорезывала Москва-река. Хороший призматический бинокль помог нам рассмотреть, что делалось внизу. Все движение в городе остановилось. Стояли трамваи, троллейбусы, автомобили. Только в дни великих праздников можно увидеть на улицах сразу столько народу. Не было ни одного человека, который не глядел бы на нас в бинокль, подзорную трубу или просто невооруженным глазом. Мы были центром всеобщего внимания, и мне даже на мгновение показалось, будто я ощущаю напор этих миллионов взглядов, как нечто материальное.

Громкоговоритель, стоявший на темно-коричневом ящичке приемника, внезапно проснулся и произнес взволнованным мужским голосом:

— Говорит Москва, станция имени Коминтерна. Жильцы дома номер пятнадцать по Большой Телеграфной! Говорю по поручению председателя Моссовета. Что случилось с вашим домом? Как вы себя чувствуете? В чем нуждаетесь?

Вопросы были повторены трижды. На первый из них вообще, очевидно, никто не мог бы ответить, кроме разве Яши. Что касается двух других, то, не имея в своем распоряжении передатчика, все мы, пассажиры этого необычайного летательного аппарата, были лишены возможности послать свой голос в эфир.

Однако, у окон произошло движение. Некоторые скрылись в комнатах, и через несколько секунд из дома посыпались белые хлопья. Это были записки, написанные кой-кем из жильцов. В полном безветрии листки опускались плавно и медленно.

Какая суета поднялась на улицах! Каждому хотелось первым поймать послание из чудесного дома. Листки опускались в разных местах, и многие довольно далеко от нашего фундамента. За каждым из них организовали настоящую охоту.

А, между тем, не стоило так гнаться за этими листками. Что могло в них заключаться, кроме выражения недоумения перед невиданным экспериментом, — точно такого же недоумения, в какое были повергнуты и все остававшиеся внизу?

Раздалось низкое, тяжелое, густое гудение моторов. К нам приближались несколько самолетов. Машины окружили дом, они реяли над ним и вокруг него, одна даже пронеслась между домом и землей. Иные из жильцов пытались что-то кричать летчикам, но как ни напрягали глотки, рев моторов безнадежно заглушал голоса.

Очевидно, были приняты все возможные меры, чтобы связаться с нами. Отливая металлическим блеском в лучах вечернего солнца, вдали показался дирижабль. Он медленно подплывал к дому. Мы наблюдали работу мощных моторов, приводивших в движение гигантскую сигару.

— Яша, — сказал я, — эти, пожалуй, установят с нами связь.

— Возможно, — отозвался мой друг, — хотя вряд ли это удастся сделать сразу. Впрочем, я скоро спущу дом обратно на фундамент и верну его снова в систему города, из которой я так дерзко его вывел.

— Но зачем тебе это понадобилось? — с изрядным запозданием спросил я.

— В сущности, незачем. Я мог оповестить о своем открытии более простым и обычным путем. Это каприз изобретателя, театральный эффект. Не так ли поступил Эдисон, когда изобрел фонограф? Он принес его в редакцию большой газеты и заставил сказать потрясенным сотрудникам: «Я — говорильная машина».

— Яша! — воскликнул я и попытался вложить в свой голос наибольшую силу убедительности. — Принеси мне лучший и драгоценнейший дар нашей дружбы! (Как видите, я заразился от него склонностью к пышной фразе.) Прежде чем дирижабль установит с нами связь и мы спустимся на землю, я первый хочу узнать о твоём изобретении. Я вижу, что оно изумительно и неизмеримо по последствиям, какие может иметь. Но в чем оно заключается?

— Да, — сказал Яша, — ты первый узнаешь об этом. Но времени у нас немного, и я буду очень краток. Как видишь, я нашел способ бороться с весом и как бы уменьшать его.

— Не бороться с ним, но победить его! — перебил я Яшу.

— Сейчас этого не было. Если бы наш дом даже не совсем лишился веса, а только стал бы легче атмосферы в самых высоких ее слоях, то он всплыл бы на ее границу, где все мы неминуемо задохнулись бы из-за отсутствия кислорода. Поэтому я уменьшил вес здания лишь настолько, чтобы оно могло плавать в сравнительно плотной среде нижних слоев атмосферы.

— Но как ты это сделал?

— Слушай внимательно. Авторы научно-фантастических романов давно мечтали о том, как бы «изолироваться» от силы притяжения.

Вспомни Кевори из романа Уэльса «Первые люди на луне». Он изобрел металл, не пропускающий «лучей» тяготения.

— Но ведь это чепуха.

— Не совсем. Примерно ту же мысль находим в романе немецкого ученого Курта Лассвица «На двух планетах». Но Лассвиц сделал две ошибки. Во-первых, он почему-то считал, что притяжение распространяется с гораздо большей быстротой, чем свет, электричество. Это нарушает представление о единой сущности разных видов энергии. Кроме того, Лассвиц, как и Уэльс, считал, что можно изобрести вещество, непроницаемое для силы тяготения. Сделав из такого вещества верхний покров космического корабля, можно открыть любую его сторону по направлению избранного пилотом небесного тела, подвергнуться, таким образом, притяжению и, следовательно, лететь куда угодно в мировом пространстве. Это сплошная утопия, и я решил вопрос несравненно проще.

— Но как же?

— Потерпи еще немножко, и тебе все станет ясно. Не обижайся, если я буду говорить о вещах, тебе известных. Это нужно для полного изложения последовательного развития моих мыслей.

Неразрывная связь явлений электричества и магнетизма была установлена в начале XX века. Кулон, один из замечательнейших ученых в истории человечества, открыл законы притяжения и отталкивания наэлектризованных тел и магнитов. Ты, конечно, помнишь его классическую по своей простоте, точности и изяществу формулировку «Два количества электричества, мысленно сосредоточенные в двух отдельных точках, взаимно отталкивают друг друга, если они одноименны, и взаимно притягивают друг друга, если

они разноименны, с силою, которая пропорциональна произведению этих количеств, и обратно пропорциональна квадрату расстояния между ними».

Да, я, конечно, помнил этот закон Кулона, представляющий полное подобие закона Ньютона о всемирном тяготении. А Яша продолжал:

— Эрстед и Фарадей, как и многие другие крупные физики, были выдающимися философами; они весьма определенно указывали на единство сил природы. Наконец, Максвелл высказал предположение, что световые волны являются, в сущности, электромагнитными. Дальнейшее развитие физики целиком подтвердило эту мысль. Недаром ведь электрические колебания распространяются с той же скоростью — триста тысяч километров в секунду, — как и свет.

А теперь напомним тебе о самых простых вещах. Притяжение существует между всеми телами. Вот эти два стула тоже притягивают друг друга. Но их притяжение в сравнении с притяжением земли ничтожно мало. Стулья остаются неподвижными потому, что трение при их движении по той поверхности, на которой они стоят, несравненно больше, чем сила их взаимного притяжения.

Но ведь при известных обстоятельствах мы можем приложить к предметам такие мощные силы, которые преодолевают земное притяжение. Мы достигаем этого с помощью электричества, заставляя магнит притягивать железо или, наоборот, заставляя два легких шарика из бузины, подвешенные на шелковинках и заряженные одноименными электричествами, отталкиваться друг от друга.

— Постой! — воскликнул я в волнении. — Я, кажется, понял, в чем дело!

— Безусловно, ты понял, — подтвердил Яша. — Да, я зарядил дом электричеством, одноименным с земным, то есть отрицательным. Пользуясь формулой Кулона и регулируя напряжение, я могу сделать отталкивание, скажем, равным силе земного притяжения. Тогда обе силы взаимно уравновесят друг друга, и предмет будет плавать в более или менее высоком слое воздуха. И, что очень существенно, я нашел способ сохранить действие этого заряда и после того, как прекращается связь с источником тока. Как в постоянном магните...

Конечно, все это легко рассказать, но практическая работа над изобретением отняла у меня не меньше десяти лет. Зато какие открываются безграничные перспективы! Если мы можем насколько угодно уменьшить вес сооружений, то это бесконечно удешевит их, упростит, позволит во много раз увеличивать их размеры. Не нужны будут фундаменты, не придется считаться с качеством почвы. Как ты видел на примере этого дома, необычайно упрощается решение транспортных задач, — можно перевозить с большой легкостью дома, даже целые города. Приближается осуществление межпланетных сообщений. Да и многое другое.

Внезапно померк солнечный день. В комнате стало полутемно. Перемена была неожиданно резка.

— Грозовая туча?

Яша выглянул в окно.

— Нет, не туча. Это дирижабль подошел уже почти вплотную к дому. Но, чтобы упростить связь, я лучше через несколько минут посажу дом на место.

— У меня возникают тысячи вопросов! — воскликнул я.

— На такое количество я не успею ответить, —

улыбнулся Яша. — Но если их будет несколько меньше, — я к твоим услугам.

— Вот первый, — быстро проговорил я. — Ведь кирпич не проводник электричества. Как же ты наэлектризовал весь дом?

— Ты забываешь, — возразил Яша, — что, например, стекло — превосходный изоляционный материал — великолепно электризуется.

— Но как ты обезопасил жильцов от действия тока? От какого источника ты взял ток? Как ты рассчитал его силу и напряжение? Как ты отъединил электропроводку, телефон, воду, канализацию? Как ты восстановил все это? Как ты проделал все это незаметно для жильцов? Как ты постепенно уменьшаешь действие заряда? Как действует твоя аппаратура? Почему мы сохранили вес, когда дом его потерял?

Яша даже съежился и, словно защищаясь, выставил вперед руку: вопросы неслись на него, как вихрь, как смерч, как лавина.

Все же он готовился отвечать. Я придвинул ближе к нему свой стул...

Но я больше ничего не услышал.

Я не мог получить ответа на свои вопросы. Ибо, если бы Яша или кто-нибудь другой сумел бы ответить на них, мой рассказ перестал бы быть фантастическим, как сказано в подзаголовке, и превратился бы в реальный.

С. ГЛАГОЛИН

ЗАГАДКА БАЙКАЛА

Фантастическая повесть

Журнал «Вокруг света» №№ 9 - 11, 1937 г.

ЗАГАДКА БАЙКАЛА

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

С. ГЛАГОЛИН

Рис. И. КОРОЛЕВА

Байкал лежал просторный и неподвижный. Цепь гор противоположного берега четко рисовалась на еще светлом небосклоне... Снежные вершины Хамар-Дабана пламенели отблесками заката. Казалось, гористые берега с трудом сдерживали эту массу воды... Вблизи розовая, она темнела, уходя в сумеречную даль.

Зафрахтованный для ленинградской киноэкспедиции моторный бот «Соболь» стоял наготове. Вода была необычайно прозрачна. Чудилось, будто мостки и бот висят в воздухе.

Киноэкспедиции с большим трудом удалось достать себе бот. Весь парусный и моторный флот озера был мобилизован на поиски омуля. Эта рыба из породы лососевых, с нежным мясом, напоминающим по вкусу семгу, является основной промысловой рыбой Байкала, самой ценной из 35 видов рыб, которые в нем водятся. Зимует омуль в глубоких местах, а летом, с июля до сентября, тысячными стаями — «косяками» — пробирается в устья Селенги, Верхней Ангары, Баргузинки и других рек, впадающих в Байкал.

Тысячи людей заняты здесь ежегодно на ловле омуля. Но в этом году омуль не появлялся в своих обычных излюбленных местах. Исчезновение его сначала вызвало удивление, а потом серьезное опасение, что сезон лова омуля будет сорван. Ихтиологи и лимнологи (изучающие жизнь рыб и озер) пустились на поиски. Высказывались самые разнообразные догадки о том, куда и почему исчез омуль...

Режиссер Карин, примостясь на носу бота и разложив на коленях газету «Восточно-сибирская правда»,

внимательно читал статью, доказывающую, что запоздание хода омуля вызвано суровой зимой.

Прибыв сюда по поручению кинофабрики для проведения подготовительных работ к съемке картины «Байкал», Карин жадно интересовался всем, что имело отношение к озеру. Вникать в детали порученного ему дела было в характере этого скромно одетого человека средних лет, с худощавым лицом, отмеченным небольшим шрамом на подбородке. Еще в девятьсот шестнадцатом году двенадцатилетним мальчишкой Карин начал свою работу в кинематографии склейщиком позитива. Не было такой киноспециальности, по которой ему не пришлось бы поработать. После революции он прошел гражданскую войну, таскал на себе в песках Средней Азии кинопередвижку. Довелось ему быть и актером: он снимался в первых картинах «Совкино». Наконец, вот уже четвертый год, как он окончил киноинститут и стал режиссером.

Бурят Дам-Дин — моторист, он же рулевой бота — принимал доставленный с поезда груз киноэкспедиции. Уложив последний ящик на дно бота, Дам-Дин заглянул через плечо Карина в газету и неодобрительно покачал головой.

— Это все не то... Зима тут не при чем...

— А что причем, товарищ Дам-Дин? — живо повернулся к нему Карин. — Почему исчез омуль?

— Один Байкал знает... — Дам-Дин вытряхнул за борт пепел из трубки. — На Байкале еще не то случается...

— А что?

Дам-Дин не ответил.

Начинало темнеть. Нужно было торопиться, чтобы сегодня же добраться до поселка «Лиственичное», расположенного на другой стороне бухты. Там, на

Лимнологической станции, Карин должен был получить необходимые для работы киноэкспедиции научные данные об озере.

К боту подошли Тенин и Волосов. Карин сердито отчитал их за опоздание и велел отшвартовываться.

Джеку Тенину, первому ассистенту режиссера, на вид было лет двадцать. Чуть припухлые, словно надутые губы придавали его лицу детски-капризное выражение. Гольфы в большую изумрудного цвета клетку, светло-желтый вязаный жилет и веселая болтливость говорили о некотором легкомыслии Джека. Большие роговые очки (с простыми стеклами) не скрывали его живых серых глаз.

Художник Волосов был сдержан, молчалив и застенчив. Он никогда не расставался со своим альбомом и ящиком с красками. Его дорожная сумка всегда была при нем. В киноэкспедицию он попал случайно, из-за болезни постоянного художника, и в своих обязанностях теперь проявлял исключительную старательность.

Бот отшвартовался и медленно тронулся.

— Хотелось бы Шаманский камень увидеть, — сказал Джек, вглядываясь в ту сторону, где расступались высокие берега, пропуская единственную реку, вытекающую из Байкала, — Анггару.

Шаманский камень лежит в самом истоке Ангары. Вода Байкала мчится через него. На поверхности виден лишь небольшой скалистый уступ. Строительство еще невиданного масштаба должно было начаться здесь через полгода. А уже через год на Шаманском камне вырастет большая плотина. Русло Ангары, протяжением в 1800 километров, станет сухим. В течение года на нем будут построены 3 гидроэлектростанции. За этот период уровень Бай-

кала поднимется на 170 сантиметров. Затем шлюз плотины откроется, и вода снова устремится в Ангару, вращая по дороге лопасти турбин новых электростанций.

НА ЛИМНОЛОГИЧЕСКОЙ СТАНЦИИ

К причалу поселка «Лиственичное» бот пришвартовался в совершенной темноте. На берегу долго шли по узким, пахнущим смолой, мосткам. Перед дощечкой с надписью «Байкальская лимнологическая станция Академии наук СССР» путешественники остановились. Здесь находилась опорная база лимнологов, изучающих происхождение, жизнь, флору и фауну Байкала — этого крупнейшего в мире пресноводного озера.

На стук Карина дверь открыл старичок-сторож.

Небольшое помещение было сплошь заставлено банками с образцами байкальской флоры и фауны. Путешественники с интересом осматривали обстановку. Разглядывая какого-то глубоководного рака, Джек спросил у сторожа:

— Что у вас тут с омулем случилось?

— С омулем? — старик замялся. — Несчастье стряслось. Пропал. Говорят, — сторож понизил голос, — будто со дна зверь поднялся, вот и пугает рыбу.

— Какой же зверь?

— А я откуда знаю? Говорят... Мало ли в Байкале зверя водится...

На дальнейшие расспросы старик отвечал коротко и нехотя. Приход профессора оказался как нельзя более кстати.

Энергичный, подвижной, с проседью на висках, профессор Шагин быстро расхаживал по комнате, поглаживая волосы.

— Что я могу сказать о Байкале? Мы изучаем его. Упорно и настойчиво. Многое мы уже узнали, но остались еще загадки, над разрешением которых науке придется еще долго и усиленно поработать...

Глаза Шагина заблестели.

— Вот, хотя бы вопрос о том, как появились и развились обитатели озера... Нерпа-тюлень, как известно, морское животное, а она великолепно существует в Байкале... А что вы думаете о пиявке *Torix baicalensis*? — неожиданно строго спросил профессор у Джека, напряженно записывавшего его слова.

— О пиявках? — смутился Джек... — Я их в детстве ловил... в баночку...

— Ну так вот, молодой человек, чтобы поймать пиявку, о которой я говорю, вам пришлось бы с вашей баночкой отправиться в Китай, в Тонкин. Потому что, кроме Байкала, она водится только в Тонкине. А многощетинковый червь, который вообще живет лишь в морях? Для Байкала это уважаемое животное делает исключение и соизволит в лице вот этого своего представителя, — профессор ткнул пальцем в одну из банок, — проживать в его пресной воде. А откуда взялись здесь эти морские формы? Вы не знаете?

— Нет, — растерянно ответил Джек.

— Ну и я не знаю, — улыбнулся вдруг профессор. — Представьте, я до сих пор не видел, например, живую голомянку. Да и никто еще не видел ее живой. А она живет у нас под носом, здесь, в глубинах Байкала...

— А как же вы знаете, что она здесь живет, если ее никто никогда не видел? — решился спросить Волосов.

— Я говорил, что еще ни один человек не видел живую голомянку, — строго поправил Шагин. — Для этого

нужно было бы нырнуть метров на 500 в глубь Байкала. На поверхность голомянка выбрасывается только мертвой...

Сбившись в своих записях, Джек стушевался и, отойдя в угол, задумался.

Еще в дороге Джек наслушался рассказов о замечательном Байкале и его загадках. Взять хотя бы погоду. Бывает — ни малейшего ветерка. И вдруг — при полном безветрии — вздымаются страшные волны. А через полчаса — опять все спокойно. Но обычно хозяевами озера являются ветры: горный, култук, верховик и шелонник. На 345 дней в году превращают они Байкал в одно из самых бурных озер мира. Глубины озера, достигающие, по сегодняшним данным, 1.741 метра, скрывают разгадку многих тайн Байкала. Да и не только Байкала...

Разговор Карина с профессором Шагиным перешел на последние события.

— Мы все поставлены в тупик необъяснимым исчезновением омуля, — заволновался Шагни. — Наши научные работники дни и ночи проводят на озере. Буквально в воду лезут, — в водолазных костюмах, конечно. Не поймем, в чем дело... Может быть, произошло эпидемическое заболевание рыбы. Возможно и другое... В глубинах Байкала, — а омуль уходит вглубь на сотни метров, — происходят какие-либо геологические катастрофы, заставляющие омуля изменить свои вековые пути. Как бы то ни было, десять дней промыслового сезона уже пропали... А может быть, тут что-нибудь совершенно иное...

Профессор стал шарить по карманам, что-то отыскивая.

— На днях среди рыбаков распространился слух о том, что из глубины Байкала вышли какие-то страш-

ные звери. Как ни странно — эти слухи имеют известное основание...

— Имеют основание?! — Джек насторожился.

— Да! — профессор наконец вытащил из кармана несколько бумажек. — Вот что пишет нам начальник маяка из бухты Песчаной: «Вчера в 22 часа под водой в десяти метрах от берега я в течение трех минут наблюдалдвигающееся слабо светящееся пятно». Или вот сообщение с другого берега Байкала — из Харауза: «Рыбаки увидели в воде животное неизвестной породы, размерами значительно больше нерпы. При приближении лодки животное сразу скрылось...» Есть и еще...

Профессор остановился и взглянул на часы.

— Завтра на судне «Ангара» выходит в Байкал наша глубоководная экспедиция, к которой мы готовились больше года. Она тоже займется вопросом об исчезновении омуля. Я советую вам сейчас же отправиться на судно... Вы еще успеете. Оно отходит в пять часов утра. Мой помощник доцент Алан-Года покажет вам интересные материалы...

Профессор торопливо написал короткую записку и простился, крепко пожимая руки.

РАЗВЕДЧИКИ ГЛУБИН

Дам-Дин ловко подвел бот к трапу «Ангары». Это было однотрубное судно, окрашенное в белый цвет.

Путешественники поднялись на борт.

— Нам нужен доцент Алан-Года...

— Товарищ Алан-Года в воде. В батистате, — пояснил вахтенный, указывая за борт.

Карин, Джек и Волосов перегнулись через борт. На воде, рядом с «Ангарой», покачивалось странное со-

оружие, похожее на плот. На перилах его, возле огромного барабана лебедки, сидели три моряка. Один из них был с наушниками, как у радиста, и трубкой микрофона у рта. Он тронул рукоятку лебедки и крикнул в микрофон:

— Есть подъем!

Медленно завертелся барабан, наматывая стальной трос.

Вахтенный вежливо, но внимательно проверил документы киноработников и разрешил им сойти к батистату.

Пока матросы отвертывали болты люка поднятого из воды батистата, путешественники успели обойти батистат кругом, потрогать его руками... На белом металле ярко бросалось красное «Б-1».

Когда тяжелая крышка была подхвачена электромагнитным подъемником, из люка показалась голова женщины с тщательно уложенными на пробор густыми черными волосами. На смуглом привлекательном лице ее блестели молодостью узкие темно-карие глаза.

— Мы к доценту Алан-Года, — дипломатично сказал Карин, когда бурятка была уже на плоту.

— Значит, ко мне, — улыбнулась она полными губами. Из-под расстегнутого ворота ее комбинезона виднелся аккуратно завязанный темный галстук.

Джек едва заметным движением поправил свой сиреневый самовяз.

Прочитав письмо профессора, Алан-Года протянула руку.

— На час я в вашем распоряжении...

Путешественники попросили в первую очередь познакомиться их с батистатом.

Построенный с учетом опыта всех ранее существовавших глубоководных приборов, батистат состоял из

трех частей: надводной части, гондолы и ходовой части.

Надводная часть — плоскодонный катер-плот — была снабжена 150-сильным мотором. Механическая лебедка имела две катушки, на которых было намотано 3000 метров стального троса, могущего выдержать нагрузку, в 15 раз превышающую вес гондолы батистата и ходовой его части. Кронштейн был расположен в центре катера, над отверстием, через которое гондола опускалась в воду. Снизу это отверстие имело направляющие развилины, дающие возможность гондоле подниматься из воды даже при качке.

Катер-плот мог двигаться со скоростью до 50 километров в час, увлекая при этом опущенную под воду гондолу.

Гондола батистата представляла собою полый шар, диаметром в два с половиной метра. Отлитая целиком из стали, подвергнутой специальной термической обработке, гондола по своей прочности исключала всякую опасность просачивания воды через поры металла на глубине до трех километров. В трех дулообразных выступах, направленных в разные стороны, были заключены толстые линзы из прозрачайшего кварца. Наверху гондолы находился литой гребень, к которому прикреплялся трос. Расположенный сбоку входной люк герметически привинчивался 16 болтами.

Нижняя часть гондолы была укреплена на двухлентном гусеничном ходе. Это давало батистату возможность, независимо от троса, передвигаться по дну. В ходовой части были расположены прожекторы. В выступах помещались приборы для получения образцов грунта, воды, глубоководной фауны и флоры. Между гусеничными лентами находились мощные аккумуляторы, дающие энергию для движения, для прожекто-

ров, для воздухообновляющей установки и для других многочисленных исследовательских приборов. К тросу, поддерживающему батистат, был прикреплен телефонный провод. Кроме того, внутри батистата имелась радиоустановка. В батистате могли свободно работать три человека.

Поднялись на борт «Ангары». Лавируя среди расставленных на палубе ящиков с приборами и материалами, Алан-Года повела своих гостей осматривать судно.

«Ангара», водоизмещением в 2000 тонн, была специально приспособлена для экспедиции. Каюты были превращены в походные лаборатории, поделенные между представителями лимнологии, гидрологии, геологии, зоологии и ихтиологии. В одной из кают был устроен глубоководный аквариум из толстого стекла. Сюда должны были попадать выловленные на больших глубинах животные и растения.

— Обычно глубоководные организмы не переносят перемены давления при подъеме наверх, — объяснила Алан-Года. — Они разрываются. Здесь вы видите приборы, которые позволят захватить животное или растение и доставить его на поверхность, сохраняя постоянное давление, соответствующее той глубине, на которой оно было поймано. Таким образом, мы здесь сможем наблюдать глубоководную флору и фауну в условиях, близких к естественным.

Научные сотрудники, в основном молодежь, охотно показали гостям оборудование «Ангары».

— А вы, товарищ Алан-Года, какой специальности? — спросил Джек.

— Я — лимнолог. Знаю немного биологию, химию, но основная моя стихия — вода озера. Это по наследству.

— Ваш отец лимнолог?

— Нет, рыбак. С Ольхона.

Подошли к трапу. Карин оглянулся.

— А где же Волосов?

Художника на палубе не было. Джек заглянул в люк и крикнул:

— Волосов, где вы? Вылезайте!

Откуда-то снизу еле слышно донесся ответный крик художника:

— Не могу! Выбраться не могу!

Увлечшись зарисовкой глубоководного трала, художник отстал. Ища выхода, забрался в какой-то темный отсек и заблудился...

Карин и Джек подождали Волосова у трапа, затем, простившись с Алан-Года, спустились на свой бот.

Трижды прозвучал низкий баритон гудка. С капитанского мостика раздалась команда. Трап подняли.

«Ангара» медленно развернулась, взяв курс на юг. Бот киноэкспедиции направился на северо-восток.

Карин проснулся около полудня и вышел на палубу. Метрах в пятнадцати от бота вздымались из воды неприступной стеной отвесные скалы берега. Резкие очертания их были суровы. Местами горы отходили вглубь и взгляду открывались террасы, похожие на ступени грандиозной лестницы.

Дам-Дин вел бот у самого берега, опасаясь горного ветра. Срываясь с отрогов Приморского хребта, ломая деревья, он катит в Байкал береговые валуны, угоняет суда.

— Горный — плохой ветер, — сказал Дам-Дин.

Однако опасения были напрасны. Ярко светило солнце, стоял полный штиль. Словно догоняя бот, позади, по зеленому каменистому дну, скользила тень.

Миновали Голоустное. Характер берегов не изменился: путешественники по-прежнему любовались отрогами Приморского хребта, этой живописной цепью Байкальских гор. Постепенно повышаясь, они достигают у истоков Лены высоты в 1800 метров.

Карин оценивал дикую красоту окружающей природы профессиональным взглядом режиссера. Он старался запомнить величественный колорит озера, чтобы потом наиболее полно использовать его при разработке сценария и съемке.

К бухте «Песчаная» добрались уже вечером.

Начальник маяка Иван Матвеевич Тимофеев, высокий бодрый старик, встретил гостей приветливо.

— Давно здесь живете? — спросил Джек, вертя в руках карандаш.

— В девятьсот седьмом пришел.

— Пришли? Как это?

— Очень просто. Пешком.

— Из Петербурга?

— Да. По этапу. Около года шли...

Далеко за полночь засиделись гости, слушая рассказы байкальского старожила под тихую песню остывающего самовара.

— Как вы объясняете странные явления на Байкале? — обратился к хозяину Карин. — Вы сами, кажется, наблюдали их?

Иван Матвеевич пожал плечами.

— Живя на Байкале, я убедился, что удивляться здесь ничему нельзя. Может быть, рыбаки и правы, говоря о неизвестном животном, поднявшемся с больших глубин и спугнувшем омуля. На Байкале — все возможно... Я думаю, мы все-таки этих животных выловим... «Ангара» поможет...

— А где сейчас «Ангара»? — заинтересовался Джек.

— Сегодня днем «Ангара» стояла в девятнадцати километрах от берега, напротив станции «Снежная». Они должны были спускать батистат на глубину в 1.000 метров. Через двенадцать дней «Ангара» подойдет сюда, к Песчанке.

— Через двенадцать дней? — разочарованно протянул Джек и смутился...

Было за полночь, когда гости собрались уходить.

Иван Матвеевич уже сидел за радио. Джек не мог устоять против искушения одеть запасную пару наушников. Долго вместе настраивали приемник. Вдруг Иван Матвеевич торопливым движением пододвинул бумагу.

— Карин! Волосов! — закричал, вскакивая, Джек.

На клочке бумаги неровным почерком Ивана Матвеевича была записана радиограмма:

«SOS!.. SOS!., говорит «Ангара»... Шторм... Имею пробоину ниже ватерлинии... Подвести пластырь не удастся... Шторм... SOS!..»

НЕОБЪЯСНИМАЯ КАТАСТРОФА

Пойманные по радио сигналы бедствия не остались без ответа. Отчаливали от пристаней боты и катера.

Бортмеханики осматривали гидросамолеты. Вглядывались во тьму, стоя на носках селенгинок, зоркие рыбаки-буряты. То и дело в разноголосую переключку маяков, метеорологических пунктов и спасательных станций вмешивались Улан-Удэ и Иркутск.

— Сообщите, что сделано? Найдены ли следы?

На сто километров к юго-западу от Лиственичной еще бушевал шторм. Следов потерпевших крушение обнаружено не было.

Ночь прошла без сна.

«Как могло судно получить пробоину? Оно плавало в районе больших глубин...» — думал Карин, смотря в окно, за которым чувствовался беспокойный Байкал.

Обычно невозмутимый Волосов сокрушался:

— Такая страшная катастрофа! Судно, батистат, молодые ученые... Ужасно!..

Наступил рассвет, а о судьбе «Ангары» известий по-прежнему не было. Иван Матвеевич получил другое важное сообщение: к маяку Харауз, в дельте реки Селенги, подошли многочисленные косяки омуля.

Начальник маяка посоветовал Карину изменить свой маршрут.

— Пересеките Байкал, познакомьтесь с ловом, а потом пройдите вдоль восточного берега. А то, как бы снова омуль не ушел.

Утром поверхность Байкала у берегов и дальше, насколько хватало глаз, была желто-зеленого цвета.

— Байкал зацвел, — разъяснил Иван Матвеевич.

Пыльца хвойных деревьев, преимущественно сосны, подхваченная ветром, рассеялась по всему озеру. Время цветения Байкала, восемь-десять дней июля, самая безопасная для плавания пора.

Дам-Дин вывел бот из бухты и, положив перед собой старинный, инкрустированный слоновой костью компас, взял курс на «Харауз».

Через два часа бот достиг середины озера.

Путешественникам, несмотря на бессонную ночь, не спалось.

Карин и Волосов беседовали на корме с Дам-Дином. Внезапно раздался крик Джека:

— Вон там... что-то белеет!..

Карин вскинул к глазам бинокль.

— Да, что-то действительно есть! — сказал он наконец.

Дам-Дин изменил направление, и через несколько минут можно было различить шлюпку.

Быстро скользя по воде, бот приближался к ней. Джек взобрался на крышу каюты. Карин к Волосов, стоя в носовом отсеке, напряженно смотрели в бинокли.

— Белая шлюпка! На борту надпись: «Ангара номер два»! — сказал Волосов.

— И люди в ней! — волнуясь, воскликнул Карин.

Осторожно причалили вплотную. Семь измученных человек были перенесены из шлюпки на бот.

Бледная и осунувшаяся, Алан рассказала о гибели «Ангары» следующее. В двадцать три часа сорок минут на судне от неизвестной причины произошел взрыв. Вода хлынула в пробоину. Начавшийся шторм мешал подвести пластырь. Кое-как разместились в трех шлюпках. Шторм мгновенно разбросал шлюпки в разные стороны, а «Ангара» исчезла под водой. Шлюпка, где находилась Алан, лишилась управления и беспомощно носилась по озеру всю ночь. Вымокшие насквозь люди мерзли. Утром солнце пригрело их, и, обессиленные, они заснули...

Донесся характерный шум приближающегося самолета. Распластав свои светло-серые крылья, он пролетел над ботом, оглушая пассажиров ревом моторов. Потом, описав крутой вираж, пошел на снижение. Под лакированными поплавками вскипели огромные белые буруны...

Из кабины высунулся человек в шлеме:

— Где подобрали шлюпку?!

— В озере плавала! — крикнул Карин.

Пропеллер сделал несколько оборотов и, дернувшись в обратную сторону, замер. Самолет слегка покачивался на поплавках. Летчик снял шлем.

Измученных людей стали переносить из шлюпки на бот...

— Мы эту шлюпку целый час ищем. Когда с первой шлюпки людей на берег переправляли, — видали и вторую, а потом она вдруг исчезла...

— А третья шлюпка? — с тревогой спросила Алан.

— Третью пока не нашли...

Взвился моток крученой бечевы. Джек поймал конец. Сообща подтянули бот и шлюпку к самолету. Огромное его крыло нависло над пассажирами. Люди

почувствовали себя цыплятами под крылом гигантской наседки.

Спасенных разместили в кабине самолета. Пилот обратился к Алан:

— Ваша очередь.

— Я останусь на боте. Ведь вы в Иркутск, а мне нужно как можно скорее на Харауз.

Самолет, оставляя пенистую дорожку, плавно поднялся. Алан посмотрела на часы. Селенгинские рыбаки могли помочь в поисках третьей шлюпки. И, кроме того, Алан предполагала, что батистат отнесло течением в этот район.

— А разве батистат не погиб? — удивился Волосов.

— Нет. Покидая гибнущую «Ангару», мы перерубили буксирный трос, и батистат унесло штормом...

ПОТОНУВШИЙ ОСТРОВ

В шесть часов вечера показалась полоска низменного берега. Вода Байкала стала светло-желтой. Это вливалась в озеро Селенга, самая большая из впадающих в Байкал рек. Ил и песок меняли цвет воды.

Бот долго пробирался вдоль берега, пытаясь нащупать фарватер. Стемнело.

Два или три раза садились на мель.

Дам-Дин предложил пристать к одному из островков и там заночевать, а утром, отыскав достаточно глубокую протоку, подняться к маяку.

Пристали к маленькому уединенному островку, покрытому низкорослым кустарником. Развели костер и, расстелив на земле взятую с бота парусину, прилегли в ожидании ужина. Дам-Дин жарил гуся, проткнув его шомполом. Ели с аппетитом. Чай пили, уже накрывшись одеялами, — спинам было холодно.

Разговор постепенно замер... Усталые люди заснули...

Проснулся Джек от странного ощущения сырости. Он пошевелил ногами. Ноги захлюпали по воде. Джек сел, оглянулся спросонок, протер глаза и вскочил, как ужаленный.

Светало. Вокруг была вода. Она окружала небольшой кусок острова, где возле дотлевающего костра лежали путешественники. Кое-где из воды торчали одинокие верхушки кустов. Далеко в открытом Байкале глаза Джека разглядели крохотную точку: это колыхался на волнах бот экспедиции с привязанной к нему шлюпкой.

Джек растолкал Карина. Тот сразу проснулся. Встал, молча обошел уцелевший клочок острова и разбудил товарищей. Все столпились около костра, испуганно смотря на воду, незаметно, но неотвратимо подступавшую все ближе и ближе.

Дельта Селенги и прилегающий к ней участок Байкальского берега часто подвергаются изменениям. Речные наносы создают здесь новые острова, однако сама береговая линия постепенно опускается примерно на метр в столетие. Иногда это опускание происходит катастрофически. Так, в 1861 году участок берега площадью до 400 квадратных километров исчез во время землетрясения под водой, образовав залив, названный впоследствии «Провалом». В 1900 и 1901 годах проток Селенги подмыл на глубину до 10 метров берег у маяка «Харауз», маяк пришлось переносить на полкилометра в глубь острова. В то время, как на юго-восточном и южном берегу Байкала берег в ряде мест опускается, участки северо-западного берега (например, в районе от Малого моря до Котельникова маяка) поднимаются

из воды. Все это говорит о том, что процесс формирования Байкальской котловины еще не закончился.

Чем бы ни вызывалось опускание острова — подмыванием берега или геологической катастрофой в недрах Байкала, — положение путешественников было критическим. Им оставалось надеяться, что остатки острова не сразу погрузятся в воду, и, пока почва еще не ушла окончательно из-под ног, — изыскивать способы спасения.

От берега, вернее от ближайшего острова дельты, их отделяло не менее семисот метров. Глубина протоков Селенги достигала метров пяти — значит, вброд переправляться на берег нечего было и думать. Бот и шлюпку течение отогнало в Байкал. Соорудить плот было не из чего. Необходимо было спастись вплавь, но ни Карин, ни Волосов плавать не умели...

Дам-Дин сорвал с себя куртку.

— Это я бот упустил... Доплыву...

Карин схватил его за руку:

— До бота километра два! Не догонишь! Придумаем что-нибудь.

Волосов сразу как-то осунулся и посерел. Он утратил свою обычную уравновешенность, грубо и резко отвечал на вопросы, ходил по берегу, грыз ногти, поглядывал то и дело на маячащий вдалеке силуэт бота. Вода прибывала.

— Нельзя ли хоть одному из вас добраться до берега? — нервничал Волосов. — И привести кого-нибудь на помощь... Погибнем, как крысы...

— Я попытаюсь! — предложил Джек.

— Зачем рисковать! — отрицательно покачала головой Алан. — Можно дать знать о себе другим способом. Лов омуля начался, и поблизости должны быть рыбаки.

Из остатков незатопленного кустарника и камыша разожгли костер. Густой, черный дым поднялся кверху. Волосов, сидя на корточках, старательно раздувал пламя, с отчаянием поглядывая на воду.

Карин устроил из камешков несколько отметок, чтобы измерять быстроту подъема воды. С часами в руках он высчитывал. Подошла Алан.

— Плохо, — ответил Карин на безмолвный вопрос. — Через пять часов острова не будет... Если опускание не приостановится.

Несмотря на возражения Алан, Карин решил направить Джека за помощью в ближайший поселок, который, по словам Дам-Дина, должен был находиться километрах в шести к западу. Переплывая протоки к переходя островки, Джек мог попасть к рыбакам часа через три... Таким образом, помощь могла подоспеть до того, как остров скроется под водой.

Джек крепко пожал всем руки, особенно крепко Алан, и вбежал в воду.

— Не забудьте сказать о третьей шлюпке! — крикнула вдогонку Алан.

Прошло три часа.

Последние ветви кустарника были сожжены, и Карин, измеряя уровень воды, с ужасом констатировал, что опускание ускорилося.

Под ногами путешественников оставалась только узкая полоска песку. Вода подползала к самым ногам.

Ни лодки, ни паруса на горизонте...

Алан подняла озабоченное лицо.

— Если через полчаса не придет помощь, мы с Дам-Дином перетащим вас и Волосова на берег.

— Не перетаскать будет, Алан.

Бежать было некуда: кругом была вода, одна вода...

— Попробуем! — упрямая складка легла в уголках ее губ. — Все равно тонуть, так уж лучше утонуть, пытаясь спастись...

По глазам Алан Карин понял, что она также не верит, что можно выплыть. Она и Дам-Дин могли бы еще спастись, но тащить за собой еще двоих...

— Я не хочу тонуть... я не крыса... — заныл Волосов. — Давайте спасаться! Дам-Дин, помогите же мне!

Дам-Дин хмуро посмотрел на волны и перевел взгляд на Алан.

— Попробуем! Дам-Дин, иди рядом с Волосовым, пока вода не дойдет до груди. Потом плывите. Волосов будет держаться за твое плечо. Старайтесь ровно и спокойно дышать... Волосов, не хватайте его за шею.

Алан повернулась к Карину:

— Пойдемте и мы.

Она сказала это так просто, словно предлагала прогуляться по набережной Невы.

С трудом вытаскивая ноги из зыбкого песчаного дна, пошли...

— Не идите дальше. Здесь плохо. Не могу ноги вынуть. Песку много несет, — остановился Дам-Дин. Вода была ему по пояс.

Волосов рванулся назад. Лицо его побледнело.

— Холодно...

Он поднял руки вверх, словно пытаясь хотя бы их спасти от темно-серых волн. Но бежать было некуда.

Когда вода дошла Карину до пояса, и брызги стали попадать на лицо, он сделал то, чего не нужно было делать: оглянулся. Островок уже исчез. Кругом была вода, одна вода, и он погружался в нее все больше и больше. Сразу упало сердце, стало тяжело дышать. Дно ушло из-под ног. Зеленые круги, расплываясь, побежали перед глазами, и последнее, что сохранила память, было встревоженное лицо Алан, которая пыталась ему ободряюще улыбнуться.

Открыв глаза, Карин увидел звездное небо. Он лежал на спине. Знакомая фигура склонилась над ним, заслонив звезды.

— Алан! А где Джек, Дам-Дин, Волосов?

— Они на корме...

— На корме? А я... Мне приснилось, будто остров потонул, мы — тоже...

— Насчет острова — это верно, а нас спасли рыбаки.

— Понимаю, — Карин устало закрыл глаза и улыбнулся.

Скрипели уключины. За бортом слышался плеск воды. Карин ощутил острый, прохладный запах рыбы. Селенгинка, которую рыбак-рулевой уверенно прово-

дил по протокам к маяку Харауз, скользила спокойно и неторопливо.

Из темноты раздался оклик:

— Не рано ль на шабаш идете? Иль улов велик?

— Велик!.. Таких омулей везем... из самого Ленинграда!

— Левыми та-а-а-бань!.. Наддай!.. Наддай!..

На берегу горели костры. В свете их метались тени людей. По реке скользило несколько лодок, освещавших путь факелами.

— Что случилось? — вскочил Карин.

У песчаной косы тускло мерцал громадный шар — батистат был найден! Как и предполагала Алан, его отнесло ветром к дельте Селенги. Гондола была цела, но надводную часть слегка повредило штормом.

Алан была расстроена. Известий о судьбе третьей шлюпки с «Ангары» не было.

Начальник маяка Харауз угостил спасенных свежей ухой из омуля, до того крепкой, что, остывая, она превращалась в студень. Подкрепившись, путешественники стали обсуждать дальнейший маршрут. Киноэкспедиция остается на Хараузе до получения известия о судьбе бота «Соболе» и, если его не найдут, отправляется на север, наняв новое судно. После небольшого ремонта батистата Алан должна была с помощью Дам-Дина отвести его на Лиственичную.

— Только бы узнать, Карин, — сказала она тихо, — только бы узнать, кто же виновник взрыва «Ангары»...

Карин, чувствовавший себя простуженным после вынужденного купанья, молча пожал плечами и плотнее закутался в плед. Алан, дав знак Дам-Дину и Джеку следовать за собой, вышла из комнаты.

Немного помешкав, Волосов вышел следом. На берегу, при свете факелов, Алан, Дам-Дин и двое рыбаков

исправляли подъемное устройство батистата. Джек действительно им помогал.

— К чему такая спешка? Утром удобнее, — удивленно заметил Волосов.

— Есть хорошая пословица: никогда не откладывай на завтра того, что можно сделать сегодня, — не поднимая головы, ответила Алан.

К двум часам ночи батистат был исправлен, и «аварийно-ремонтная бригада» вернулась на маяк. Дам-Дин и Джек остались в большой комнате, где уже спали режиссер и художник, а Алан прошла за перегородку.

Проснулась Алан от неприятного ощущения, что кто-то смотрит на нее. Однако комната была пуста. Часы показывали половину шестого. За открытым окном полз туман. Алан зябко поежилась, закуталась плотнее в одеяло и сразу же вновь задремала.

— Бати-ста-т!..

Это слово окончательно разбудило Алан. Ей почудились за дверью тихие шаги. Быстро накинув платье, она заглянула в соседнюю комнату. Четверо мужчин спокойно спали на своих матрацах. Алан подошла к окну. Белые хлопья тумана поднимались с озера. С протока донесся громкий всплеск.

Было без десяти шесть. Алан взяла полотенце, собираясь идти умыться.

Тревожно зазвонил колокол. Раздались крики, захлопали весла; шуршали по песку отталкиваемые лодки, невидимые в тумане. Лицо начальника маяка показалось у окна.

— Товарищ Алан, неизвестное животное в протоке!

Алан вбежала в соседнюю комнату. Волосов неестественно взмахивал правой рукой, пытаясь надеть жилет...

Чудовище разорвало сеть и ринулось в глубину.

— Товарищи, зверь в протоке!

Через минуту все пятеро бежали к батистату.

Выяснилось, что рыбаки, дежурившие на лодке в протоке у маяка, вдруг почувствовали, как закинутая сеть задрожала, словно ее рвали. Почуввав неладное, сеть стали выбирать; в воде мелькнула черная спина чудовища. Рыбаки подняли тревогу. Чудовище разорвало сеть и исчезло в протоке. Оно неминуемо должно попасть во вторую сеть, закинутую у самого устья Селенги.

— Беда, беда! — кричал бурят-рыбак, бегая по берегу, — зверь ушел, прогрыз сеть и ушел!

Алан взойшла на борт батистата. Спутники последовали за ней. Батистат отчалил.

План Алан был очень прост: отойдя метров на 50, она намеревалась опуститься под воду и осмотреть прибрежный район, разыскивая загадочного зверя. Она не сомневалась, что он пришел к устью Селенги в погоне за косяками омуля.

Стали готовиться к спуску. Алан скрылась в гондоле и проверила там аппаратуру. Потом, вместе с Дам-Дином, осмотрела лебедку. Все было в исправности.

— Ну, начнем наши поиски... Кто, товарищи, хочет опуститься под воду?

Первым бурно выразил желание Джек. К нему более сдержанно присоединился Карин. Волосов отрицательно покачал головой.

— Мне, знаете ли, что-то не хочется.

— Напрасно, Волосов. Для вас, как для художника, красочный подводный мир будет чрезвычайно интересен, — заметил Карин.

— Разрешите мне только заглянуть внутрь гондолы, а потом я решу...

Побывав в гондоле, художник откровенно заявил, что в этой мышеловке опускаться под воду он боится, пусть даже его отказ грозит расторжением договора.

— Не хотите — не надо, — сухо ответил Карин. — Пункта насчет смелости в договоре нет, так что неустойки не бойтесь.

— На вас, Волосов, мы возложим связь, — решила Алан. — Вы будете принимать сообщения от селенгинок и передавать их по телефону в гондолу. На Дам-Дине лежит управление мотором бота и лебедки... Товарищи, в гондолу!

Алан взобралась по лесенке и скрылась в люке. Карин и Джек последовали за ней.

Гондола оказалась внутри гораздо просторнее, чем представлял себе Джек. Нырнув в люк, он схватился за поручень и с размаху сел на свободное кресло.

В центре гондолы спинами друг к другу помещались три кресла для наблюдателей. Перед каждым креслом — круглый иллюминатор и рядом с ним зеркальный овал, в котором отражалось посредством си-

стемы зеркал все, что было видно сквозь другие иллюминаторы гондолы. На алюминиевой кольцеобразной полке были установлены сложные приборы. Кроме того, приборы стояли у ног путешественников и висели над их головами. Джек, начавший было вертеться на своем месте, сразу же посадил на лоб синяк.

Алан распределила обязанности.

— Джек, вы будете наблюдать за этим щитком. На нем расположены шкалы приборов, укрепленных снаружи гондолы: манометра, термометра и прибора, определяющего состав воды и ее прозрачность. На втором щитке — управление приборами, автоматически захватывающими пробы воды, грунта, а также образцы подводной фауны и флоры. Это — «руки» батистата. Каждые десять минут вы будете записывать результаты наблюдений за приборами и сообщать их мне. Кроме этого, перед вами радиоустановка — передаточный и приемный аппараты. Вы будете нашим радистом. А на вас, Карин, — повернулась Алан к режиссеру, — я возлагаю фотосъемку. Вот здесь расположен миниатюрный съемочный аппарат. Учить вас обращению с ним не нужно. Остальные приборы, — Алан с сожалением посмотрела на установленную у места Карина аппаратуру, — требуют специальных знаний, так что во время этого рейса мы приводить их в действие не будем.

Режиссер осмотрелся. Перед ним на раздвижном кронштейне стоял микрофон; такие же микрофоны находились перед Джеком и Алан. Включенные в общую проводку, они позволяли вести разговор с надводной частью батистата. На потолке висел репродуктор. Рядом с ним — матовое полушарие электрической лампы. У каждого рабочего места была прикреплена маленькая электрическая лампочка, прикрытая

затемняющим абажуром. При ее свете можно было делать необходимые записи, не мешая наблюдению за подводным миром. Рядом с лампочкой — кнопка с надписью: прожектор.

У командирского места, которое занимала Алан, Карин увидел мраморный щиток с несколькими ру-бильниками, компас, карту Байкала и несколько циферблатов, показывающих глубину погружения, а также давление, влажность и количество запаса воздуха внутри батистата. Тут же висели большие часы. Специальный щиток служил, судя по надписям, для управления гусеничным ходом.

Температура в батистате была постоянной. Легко одетые путешественники могли не бояться холода.

Алан оглядела своих спутников.

— Располагайтесь, как дома. Волосов, закройте люк!

Крышка люка, приподнятая совместными усилиями Волосова и Дам-Дина, хлопнула. Карин невольно вздрогнул. Алан повернула выключатель. Послышалось легкое жужжание мотора. Над головой Карина завертелся вентилятор.

— Вот эта установка с баллоном внизу, — объяснила Алан, — непрерывно выделяет кислород из расчета полтора литра в минуту. А это — поглотитель углекислоты. Вентилятор прогоняет воздух через аппарат двадцать раз в течение часа, обновляя атмосферу гондолы.

Алан нажала кнопку — матовым светом вспыхнул небольшой диск, на котором по кругу, одна за другой, стали появляться точки. Алан нахмурилась, подвинула стоявший перед ней на шарнирной трубке микрофон.

— Кто завинчивает гайки номер два и четыре?

— Я завинчиваю! — рывкнул в репродукторе голос Волосова.

— Завинчивайте крепче, до конца. Еще, еще!

На доске вспыхнула новая точка.

Алан повернулась к друзьям:

— Это прибор, показывающий, как плотно завинчены гайки. Принцип контакта... Крышка люка — одна из наиболее ответственных частей батистата. Она должна быть пригнана как можно плотнее; малейшая неточность, плохо завинченная гайка — на глубине, под громадным давлением, явится брешью, сквозь которую может ворваться вода.

С помощью специального усовершенствованного гаечного ключа моторист и художник через четверть часа завинтили все гайки. Перед кварцевыми стеклами командирского иллюминатора появились улыбающиеся лица Волосова и Дам-Дина, мгновенно отразившиеся в обоих зеркальных экранах.

Алан проверила телефонную связь. Волосов гаркнул:

— Все в порядке!

— Начать спуск, — негромко сказала Алан.

В громкоговорителе (видимо, Волосов приблизил микрофон к лебедке) раздалось скрипение троса.

Батистат вздрогнул и плавно начал опускаться в воду.

ЗАГАДКА СКРЫВАЕТСЯ В СКАЛЕ

Легкий всплеск. Вихри пены и пузырьков воздуха взметнулись за иллюминаторами гондолы. Вверху путешественники увидели серебристый водяной потолок, чуть покачиваемый волнением. Плавающие кусочки камыша казались прикрепленными к водной поверхности.

Золотым дождем уходили в воду тонкие, косые лу-

чи солнца. Белая рубашка Джека стала бледно-зеленой. Сумерки... Хронометр отсчитывал первые секунды пребывания под водой. Ослепительной дугой мелькнула какая-то рыбка, отразившая своей чешуей солнечные лучи.

— Глубоко? — шепотом спросил Джек.

— Девять метров.

Алан распорядилась прекратить спуск. Гондола повисла в воде. Люди напряженно вглядывались: зелено-серая вода — пустынна. Иногда на серебристом «потолке» поверхности зоркие глаза Джека замечали скользившую вдали длинную тень одной из селенгинок с вереницей поплавков, тянущихся за кормой. Тонкую фильдекосовую паутину — омулевую сеть, которая была подвешена к этим поплавкам, — Джеку не удавалось заметить, как ни напрягал он свое зрение.

— Дайте средний вперед, — склонившись к микрофону, тихо сказала Алан.

Батистат начал медленно двигаться; движение, впрочем, лишь угадывалось по легкой вибрации, передававшейся от мотора по тросу. Вода за иллюминаторами казалась неподвижной.

Батистат двигался зигзагами, исследуя устье главного протока Селенги. Никаких подводных чудовищ видно не было. Лишь в отдалении проносились стайки небольших рыбок...

Неожиданно громкоговоритель передал встревоженный голос Волосова:

— Товарищи! Одна из лодок заметила зверя.

Через несколько минут поравнялись с селенгинкой. По объяснению рыбаков, чудовище только что проплыло на запад, в открытый Байкал.

— Полный ход!

Гондола вышла из области мутных наносов селенгинской дельты. Вода стала прозрачной, видимость улучшилась.

Джек, прильнувший лицом к иллюминатору, отпрянул. О стекло что-то ударилось. Вплотную с гондолой, чуть не касаясь друг друга, двигались рыбы. Это шел косяк омуля, десятки, сотни, тысячи рыб. Джек хорошо мог разглядеть их серебристо-серые тела, сильные плавники. От их мелькания у Джека зарябило в глазах и закружилась голова. Внезапно, словно по команде, весь косяк шарахнулся в сторону и мгновенно исчез.

Через несколько минут батистат врезался во второй, также шедший навстречу косяк. На водяном «потолке» Карин заметил серые, похожие на планеры, силуэты. Это летали над водой чайки.

За вторым косяком последовал третий, четвертый... Омуль, словно торопясь наверстать упущенное время, стремился к Селенге. Только сейчас Карин понял, какое громадное количество этой рыбы обитает в озере.

Начали попадаться и другие жители Байкала. Поодиночке проносились быстрые таймени, стайками скользили около иллюминаторов красноперые окуни. Перед глазами подводных путешественников развевалась картина богатейшего рыбного мира Байкала.

Батистат держал курс на запад, к бухте Песчаной. Каждые десять минут Джек сообщал результаты своих наблюдений. Давление за пределами батистата было равно двум атмосферам; температура 6 °С.

Алан время от времени подносила к глазам окуляры прибора, похожего на бинокль. Джек попросил разрешения взглянуть. Странные, уродливые существа увидел он в овале прибора.

Это были почти бесцветные крохотные рачки, так называемый «юр», относящийся к планктону — многочисленным живым организмам, не могущим плавать самостоятельно. Поверхностные слои Байкала чрезвычайно богаты этими микроорганизмами, которые служат глазной пищей для здешних рыб. Джек ясно видел, как проплывающие рыбы, разевая пасть, пожирали планктонных животных...

В семь часов сорок пять минут далеко, далеко впереди, на фоне вспыхивающих пятен водяного «потолка», путешественники заметили темное продолговатое тело. В течение десяти минут оно не уменьшалось и не увеличивалось, двигаясь с той же скоростью, что и батистат.

Батистат прибавил ход до 20 километров в час. Однако зверь, видимо, заметив погоню, продолжал держать между собой и преследователями прежнее расстояние.

Алан, не отрываясь, следила за ним.

— Волосов! Нужно двигаться еще быстрее!

Метрах в двухстах справа виднелись очертания подводного хребта. Причудливые, зубчатые вершины отчетливо вырисовывались вдали; подножья гор расплывались во мраке.

Горная цепь приближалась. Скоро стали ясно видны отдельные утесы, между которыми темнели подводные пади.

Кое-где нависшие, подточенные водой скалы, угрожающие подводными обвалами, напоминали своими очертаниями то постройки неведомых существ, то бесформенные массы облаков.

Это был один из многочисленных подводных хребтов, пересекающих котловину Байкала. Среди них есть хребет высотой около 1000 метров, который тянется от

острова Ольхон к полуострову Святой Нос и делит Байкал на две части. Одним из последних в 1935 году был обнаружен и нанесен на карту хребет под названием «Академический». Он идет от северной оконечности острова Ольхон к Ушканьим островам. Его вершины отстоят от поверхности озера местами всего на 200–300 метров. Но и это не является пределом высоты для подводных гор; к югу от Селенги есть вершины, не достигающие до поверхности Байкала лишь на 30–40 метров.

Вдоль одной из этих, еще мало обследованных возвышенностей и продвигался сейчас батистат.

Опасаясь, что чудовище, воспользовавшись близостью гор, попытается укрыться в расщелинах, Алан приказала опустить гондолу еще на 20 метров.

Подводные сумерки сгустились. Однако, благодаря прозрачности воды и солнцу, светившему наверху, можно было видеть окружающее на значительном расстоянии.

Загадочное животное более получаса плыло впереди на той же дистанции. Но наконец оно, возможно, от утомления, начало замедлять ход; силуэт его стал виден более отчетливо. Оно оказалось не таким большим, как предполагала Алан, — всего метра три.

Вдруг все трое вскрикнули. Чудовище, плывшее теперь не более как в тридцати метрах, круто свернуло в сторону и скрылось в скалистых отрогах подводного хребта.

Батистат замедлил ход. Гондола подошла почти вплотную к крутому наклону скалы...

Был слышен только легкий шорох вентилятора, гнавшего воздух сквозь очистительные приборы...

Алан включила прожектор.

— Здесь...

В луче света чуть колебались длинные ленты зеленых водорослей. Среди них алели лучистые морские звезды. В глубине, прикрепленные к грунту, виднелись пресноводные губки — словно упавшие плоды неведомых деревьев — желтые и розовые. Темно-коричневые, голубые и красные раковины приоткрывали свои перламутровые створки, которые переливались всеми цветами радуги. Камни, покрытые зелеными, колеблющимися вместе с водой колониями мшанок, казались потревоженными светом прожектора живыми существами.

— Волосов! Волосов! — захлебываясь от восторга, кричал Джек в трубку микрофона. — Какие краски! Какие виды! Ныряйте к нам!

В рупоре громкоговорителя зашипело:

— Спасибо. Мне, видите ли, здесь спокойнее.

Карин в эту минуту тоже забыл о погоне и скрывшемся где-то поблизости морском звере, он лихорадочно фотографировал ярко освещенные куски подводного мира.

— Вот бы сюда цветную фотографию!

Алан шарил лучом прожектора по скалам. Здесь. Должно быть, где-нибудь здесь...

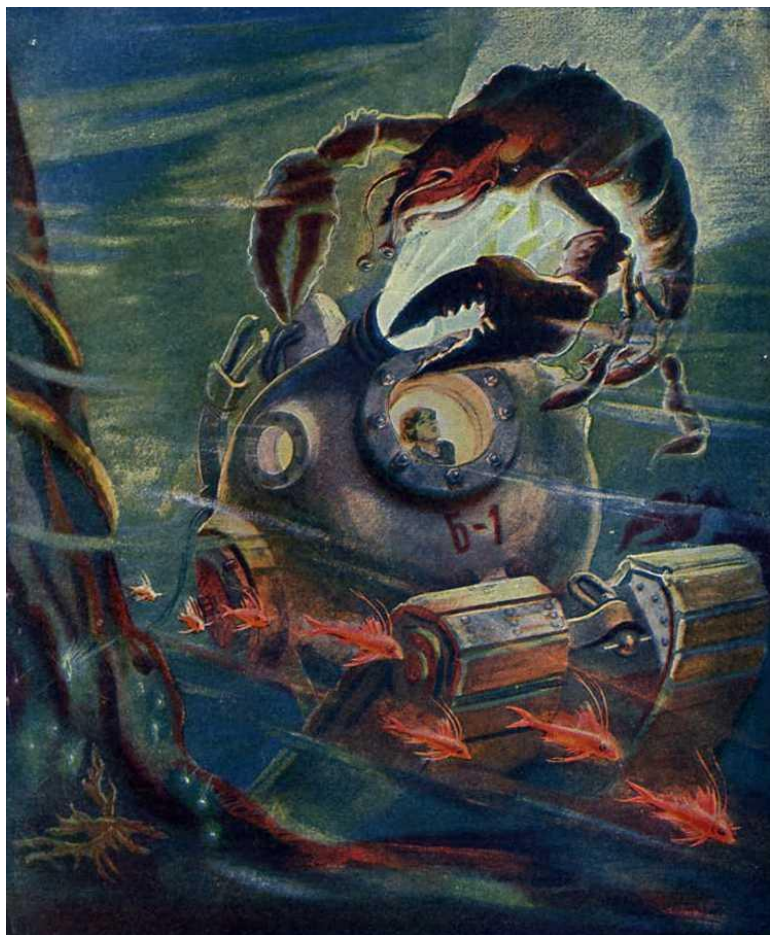
В зеркале, висящем над столом Алан, отразилось животное, покрытое черной блестящей кожей. Две пары длинных лап с перепонкой, как у лягушки, морда обтекаемой формы.

— Клыки! — воскликнул Джек.

Алан сделала ему знак молчать.

Громадные глаза животного были обведены коричневыми кругами. Взгляд, безразлично пустой и холодный, заставил Джека вздрогнуть и отвернуться.

Лицо Карина показалось ему бледным.

— Фото снимите... быстрее, — шептала Алан, не сводя глаз со странного животного.

Больше всего поражала его поза. Изогнувшись, оно, казалось, сидело на выступе скалы... Попав в лучи прожектора, чудовище метнулось в сторону...

— Полный вперед!..

Батистат скользил мимо скал, все увеличивая скорость.

Чудовище успело уйти вперед, но погоня не казалась напрасной. Силуэт его был виден метрах в 10–15... Оно двигалось вперед толчками, оставляя за собой странный пенящийся след.

В восемь часов двадцать минут серая, пятнистая стена, отвесно уходящая в глубину, преградила путь.

— Берег!

Животное свернуло к югу, вдоль отвесной стены. Батистат последовал за ним и вскоре почти нагнал его. Оно делало резкие повороты, то уходя глубже, то вновь поднимаясь, словно чего-то искало. И вдруг, изогнувшись, юркнуло в расщелину...

Глубоко ли идет эта щель? Сообщается ли она с системой подводных пещер, которые позволяют зверю уйти от преследователей, или это тупик?

Луч прожектора, проникавший в расщелину на два-три метра, не мог дать ответа на этот вопрос.

Желая исследовать берег и, может быть, найти другой ход, Алан приказала медленно поднимать гондолу. Водоросли и пятна на граните, местами ржавые, местами зеленоватые — вот все, что видели наблюдатели.

Неожиданно в скале блеснул огромный диск — окантованное чечевицеобразное стекло.

— Стоп!

На глубине пятидесяти метров из застекленной пещеры несколько человек в легкой синей одежде внимательно рассматривали батистат. Потом, точно по команде, они исчезли за выступами стен...

Алан включила разом все три прожектора.казалось, солнечный июльский полдень ворвался сквозь толстое стекло в подводную пещеру, превращенную

усилиями человеческих рук не то в мастерскую, не то в лабораторию.

— Что же это? — прошептал Джек, приложив ладонь ко лбу.

В глубине, на шестиколесной тележке, стоял длинный низкий аппарат. С одного его конца свешивался суставчатый металлический рычаг, похожий на хобот, с другого — сбегали изолированные провода, собираясь на укрепленную справа катушку. Позади аппарата чернело отверстие узкого туннеля. Видимо, аппарат выкатили оттуда. Разложенные на тростниковой циновке инструменты говорили о том, что обитатели пещеры только что занимались регулированием или починкой его.

Налево тускло блестела узкая дверь из белого металла. Вдоль стены выстроилась батарея невысоких, металлических цилиндров. Направо — вторая батарея: небольшого размера аккумуляторы. Сколько их! Как видно, для загадочного аппарата требуется немало энергии.

Ближе к стеклу, в центре, на бамбуковых столиках расположены приборы. Алан узнала некоторые из них, применявшиеся при исследовании морских глубин; другие составляли обычное оборудование сейсмографических станций.

Желая подробно рассмотреть обстановку пещеры, Алан поднесла к глазам бинокль. Вырванные объективом детали вырастали до гигантских размеров.

Баллоны с кислородом... бамбуковый стул с небрежно брошенным на него халатиком... на столе разбросаны бумаги, планы, карты, чертежи, по ним растеклись струйки чернил от опрокинутой чернильницы, — видимо, появление батистата заставило хозяев пещеры спешно бросить работу... Пробирки с ко-

ричеватой жидкостью... образцы горных пород... кварц, гранито-гнейс, осколки какого-то грубозернистого зеленого камня... простые, закрытые карманные часы...

Алан взяла в фокус крышку часов. Она сделалась огромной. Ясно можно было различить торговую марку: «Мэд ин Джапан» — сделано в Японии...

Карин, напряженно рассматривавший отраженную в зеркале пещеру, не видел этих деталей, которые были доступны лишь биноклю.

Алан до боли сжала его руку.

— В чем дело?

— Там... впрочем, потом, Карин, потом. Смотрите!

В глубине пещеры распахнулась металлическая дверь. В узкой щели показалось чудовище, за которым они тщетно гнались. Оно вошло в пещеру, ступая на задние ласты. Длинный черный хвост волочился по полу, сдвигая циновки. Подняв передние ласты, чудовище буквально свернуло себе шею и положило на пол морду с громадными глазами и зубастой пастью. Из оболочки туловища высунулась голова человека... Увидя батистат, он ринулся в сторону, задевая хвостом за бамбуковые табуретки.

Залитая светом пещера снова стала безжизненной. Лишь на одной из стен, словно нога огромного кузнечика, плясала тень от какого-то рычага.

— Это он! — вскрикнула Алан. — Я узнала его... Здесь убежище диверсантов... Они хотят... Впрочем, об этом потом, — сказала она шепотом. — Сейчас важно одно: захватить их...

— Но как это сделать?! — воскликнул Джек, сжимая кулаки.

Пещера несомненно сообщалась с озером шлюзовыми камерами: это доказывалось появлением «чудо-

вища». Но она должна была сообщаться и с поверхностью земли, иначе трудно было бы объяснить, как в нее доставили сложную и громоздкую аппаратуру. Значит, диверсанты могли ускользнуть или в озеро или на сушу. Надо было отрезать им оба пути. Но как?

Чудовище вошло в пещеру...

— Задержать их мы бессильны. Надо как можно скорее дать знать органам власти о них, — сказал Карин. — Немедленно подняться, подойти к ближайшему населенному пункту и сообщить о врагах, чтобы сразу же оцепили этот участок берега, пока вызванные водо-

лазы-эпроновцы, с помощью батистата, не проберутся в убежище через подводный ход...

Не дослушав до конца, Алан закричала в трубку микрофона:

— Волосов! Мы обнаружили подводное убежище диверсантов. Немедленно поднимайте нас!..

Карин, привстав со своего места, оттолкнул в сторону микрофон.

— Что с вами, Карин?

— Вы знаете, с кем говорите?

— С вашим художником.

— Я должен вам сказать, что Волосов...

Из громкоговорителя рванулся грохот. Гондолу сильно встряхнуло. Освещенная прожектором стена берега стремительно понеслась вверх.

— Трос оборвался! — прошептала Алан побелевшими губами.

Гондола со все нарастающей скоростью падала в неизведанную глубину...

ПРОПАВШИЕ ЧЕРТЕЖИ

Отделенная от надводной части, гондола падала вертикально: тяжелый ходовой механизм не позволял ей крениться или раскачиваться. Путешественники, вначале от толчка потерявшие равновесие, теперь сидели, вцепившись в поручни кресел, ожидая удара, который неминуемо должен был последовать, когда гондола достигнет дна. Джек инстинктивно подобрал под себя ноги.

Алан выключила прожекторы. Над столиком командира загорелась бледным светом электрическая лампочка. Алан следила за показаниями приборов. Падение, казалось, не кончится никогда...

Мягкий толчок. Снова такой же толчок. Гондола дважды легко подпрыгнула, будто мяч. Затем сильный удар выбросил путешественников с мест, и гондола, чуть накренившись, остановилась.

Несколько минут все трое сидели оглушенные. За иллюминаторами была полная тьма. Алан включила прожектор. Громадный столб взвихренного водой песка вздымался рядом с батистатом. Со дна бил мощный подводный фонтан, на который вначале упала гондола. Может быть, это спасло им жизнь, смягчив удар о дно.

Термометр, помещенный вне гондолы, показывал двенадцать градусов тепла. Фонтан был одним из горячих источников, подобный тем, которые нередко встречаются на берегах Байкала.

Дно вокруг батистата было совершенно ровное, усыпанное белым песком. Вдали смутно темнел массив берегов. Батистат, по-видимому, лежал в одной из глубоководных долин Байкала. Размеры этих долин иногда очень значительны. Так, напротив острова Ольхона, на глубине 1600 метров расстилается долина, площадью около 1000 квадратных километров.

Стрелка на циферблате глубины показывала 723 метра. Давление равнялось 72,3 атмосферы.

Абсолютный покой царил на этом, впервые посещаемом людьми, участке байкальского дна. Самые сильные волнения не проникали на семисотметровую глубину. Равномерная температура, полное отсутствие света, — все это создавало здесь особые условия для развития жизни, совершенно непохожие на те, которые имеются в верхних слоях воды.

Перед иллюминаторами батистата в луче прожектора неподвижно повисло странное существо.

Это была круглая, как футбольный мяч, рыба с крохотным хвостом; по всему ее телу, от рта к хвосту, шли ровные, словно проведенные кистью, полосы всех оттенков красного цвета — от бледно-розового до темно-бордового. Громадные, как блюдца, глаза сидели на коротких стеблях; казалось, рыба надела очки автомобильного гонщика...

Чуть заметным движением рыба приблизилась к кварцевому стеклу, словно желая показать богатство своих красок, потом медленно удалилась из поля зрения.

Режиссер первым нарушил молчание:

— Да, здесь нас никто не услышит...

Алан повернула к нему лицо. Карин увидел, что ее щеку пересекала свежая рана.

Из сумки с красным крестом Джек достал пахнущий йодоформом бинт и неумелыми руками начал накладывать повязку, боясь причинить боль.

— Что же мы будем теперь делать? — сказал он растерянно. — Проклятые диверсанты! Чего они хотят?

— Хотят взорвать Шаманский камень, уничтожить ангарскую плотину, — сказала Алан.

— Так ведь Ангарстрой еще не начат постройкой, — с недоумением заметил Карин.

— Они заблаговременно готовят ее разрушение... Они хотят взорвать плотину тогда, когда она уже будет сдерживать двухметровый пласт воды, площадью в 34.000 квадратных километров. Хлынет сокрушающий все препятствия поток, и строящиеся гидростанции, заводы, города, колхозы исчезнут под водой. Поток отрежет Восточную Сибирь от страны. Расчет диверсантов — это расчет дальнего прицела...

— И вы знаете одного из них?

— Да. Под видом специалиста по тектоническим землетрясениям он два года назад приезжал на Лимнологическую станцию. Кто бы мог подумать тогда...

Алан замолчала.

Джек заметил, что наложенная им повязка сползла.

— Ничего, Джек, царапина совершенно меня не беспокоит... Одного я не могу объяснить — откуда на столе в подводном убежище взялись чертежи батистата...

— Чертежи батистата?! — в один голос вскрикнули Карин и Джек.

— Да, моя папка с чертежами. В день гибели «Ангары» я обнаружила, что она исчезла из несгораемого ящика в моей каюте...

— Я теперь знаю, как она попала к диверсантам, — сказал Карин. Он сдвинул брови и закусил губу, словно от боли.

— Вы? Откуда?

— Это сделал Волосов... — Карин теребил клапан верхнего кармана гимнастерки. — Он явился ко мне как нарочно в момент, когда перед самым нашим отъездом на Байкал заболел наш художник. Предъявил блестящие рекомендации... Теперь я не сомневаюсь, что подложные... В нем всегда чувствовалось что-то враждебное... Я не раз думал, что совершил ошибку, взяв его с собой. А теперь, после обрыва троса, мне все ясно. Помните, Джек, как Волосов заблудился в трюме «Ангары»? А потом на ней произошел взрыв... Во время осмотра судна он предпочитал бродить в одиночку. Вот тогда-то он наверное и проник в каюту Алан, чтобы выкрасть чертежи... Я молчал о своих подозрениях, желая еще раз проверить его сам, и этим совершил грубую ошибку...

— Но мы найдем в себе силы ее исправить! — воскликнула Алан. — Джек, беритесь-ка за радиопередатчик и старайтесь связаться с Иркутском или Лиственичной. Мы начнем двигаться по дну, — Алан взглянула на карту, — к востоку. Северо-западный берег озера уходит под воду крутым обрывом. Придется направиться на противоположную сторону, где крутизна меньше. Там, пользуясь нашими гусеницами, мы легко сможем выбраться на поверхность.

— Батистат подготовлен к такому путешествию?

— Вполне. Ходовой механизм в исправности. Двигаясь со скоростью 20 километров в час, мы уже через два часа достигнем берега. Аккумуляторов у нас хватит часов на двадцать. Запас воздуха рассчитан на двенадцать часов, а мы находимся под водой только два с половиной.

Алан проверила по компасу направление и передвинула рычаг ходового механизма. Оставляя позади себя два змееобразных следа, батистат пополз по равнине.

На Джека сейчас ложилась самая ответственная задача. Нужно было поднять тревогу. Обнаруженные диверсанты могли попытаться осуществить хотя бы частично подготовленный взрыв и скрыться.

Джек, возившийся с передатчиком, встревоженно обернулся к товарищам:

— Установка испорчена.

— Не может быть, Джек! — Алан встала и нагнулась к передатчику. — Я сама проверяла его накануне.

Но передатчик действительно не работал. Карин вспомнил, что Волосов лазил в гондолу перед самым спуском...

Теперь сидящие в батистате могли сообщить о замыслах диверсантов, только выбравшись на поверх-

ность. Батистат шел с предельной скоростью — 25 километров в час.

За окнами гондолы разворачивался странный глубоководный мир. Здесь не было растений — водоросли, которые, как и все растения, не могут жить без света, не опускаются ниже 400 метров. Не было здесь и животных, питающихся водорослями. Обитатели глубин — это хищники, пожирающие или друг друга или отбросы и трупы животных, спускающиеся на дно из более высоких слоев.

Однако глубины озера не были пустынными. На песке там и сям покачивались стройные темно-коричневые морские лилии, которые Карин принял сначала за цветы. У этих животных, относящихся к типу иглокожих, тело имело форму кубка, на краю которого шевелились длинные «листья» — руки. Между лилиями неторопливо проползали по дну гигантские ярко-алые и бурые, похожие на слизняков, голотурии; на теле их, словно рога улиток, торчали неуклюжие наросты. Темно-фиолетовые морские ежи, сплошь усеянные острыми иглами, передвигались по грунту, пользуясь вместо ног своими длинными шипами. Морские звезды, в отличие от тех, которых путешественники видели на поверхности, имели более тонкие и длинные лучи ярко-пурпурного цвета.

Алан записала в путевом журнале:

27 июля. 9 часов 50 минут. Карин заметил у левого иллюминатора красную вспышку.

9 ч.52 — О такой же вспышке сообщает Тенин, 9 ч. 57 — лично наблюдала странное явление: перед иллюминатором словно вспыхнуло пламя. Объяснить причину затрудняюсь...

Равнина постепенно снижается. Глубина 800 метров. Ожидаемого подъема пока еще нет. Фауна носит резко выраженный морской характер.

Это подтверждает положение, что в реликтовых озерах, к которым относится Байкал, глубинная фауна меньше подвергается изменению, чем поверхностная. Впрочем, морская фауна перемежается с пресноводной и эндемичной байкальской...

Перед иллюминатором проплыла рыба с розовым, жирным, почти прозрачным телом, около полуметра длиной, с громадной головой почти в треть туловища, с огромными навыкате глазами и длинными жабрами. Это была замечательная голомянку, живородящая рыба, обитающая только в Байкале на больших глубинах. Наши путешественники были, видимо, первыми из людей, наблюдавшими голомянку в ее естественной обстановке. Можно думать, что обычно она не заплывает так глубоко, осенние волнения выбрасывают ее на берега озера целыми горами: под лучами солнца эта нежная рыба буквально тает на глазах.

В стекла подводного бинокля Алан видела похожие на ярко окрашенные веера раковины, лежащие на песке — более хрупкие и тонкие, чем раковины верхних слоев озера.

Красная вспышка опять мелькнула у самого окна.

— У меня впечатление, — Джек попытался улыбнуться, — словно нас кто-то обстреливает...

Карин с сомнением качнул головой.

Алан слегка изменила курс батистата. Он шел, делая небольшие зигзаги.

Снова и снова таинственные вспышки — слева и справа.

— Недолет, — попробовал пошутить Джек, но голос его дрогнул.

Обрывок троса остановил движение...

В луче прожектора показались большие, до двух метров длиною, рыбы неприятного, грязноватого цвета, похожего на цвет вымокшего мяса. Крохотные глаза их, расположенные на самой вершине головы, тупо смотрели вдаль; маленький открытый рот казался беззубым; вертикальные плавники их были огромны, как паруса; хвостовые, напротив, — совсем крохотные. Медленно колебля плавниками, эти

рыбы, словно нехотя, тащились мимо батистата. Казалось, что они мертвы, и мертвые продолжают свой путь.

— Таких же рыб, — сказала Алан, — встречал во время своих глубоководных путешествий американский исследователь Биб.

Странная рыба, состоящая из одной громадной пасти, усаженной саблевидными зубами, и маленького хвостика, метнулась навстречу рыбам-мертвецам. Она дерзко атаковала одну из них, несмотря на то, что та была больше ее в два раза, и вскоре, к изумлению Джека, проглотила своего громадного противника, очертания которого теперь смутно виднелись в неимоверно раздувшемся ее желудке.

Наблюдения над рыбами были неожиданно прерваны. Батистат резко рванулся и стал на месте. Алан перевела регулятор на задний ход. Гусеницы заскребли по дну, но, продвинувшись на метр, снова остановились.

Неужели испортился механизм гусеничного хода?

— Трос!

Карин был прав. В иллюминатор был виден кусок оборвавшегося троса. Он волочился следом за батистатом и теперь, при одном из поворотов, попал в механизм ходовой части, остановив движение. Трое людей были окончательно отрезаны от мира...

Вблизи батистата снова мелькнула красная вспышка. И сразу гондола загудела, будто кто-то ударял по ней снаружи...

Перед иллюминатором повис светящийся мертвенно-зеленоватым светом глаз. Один только глаз, показывающийся на тонком стебельке. Затем показался конец бугорчатой черной клешни, потом — суставчатая нога.

— Эйриптериус... — прошептала Алан. — Ракоскорпион! Живой эйриптериус!..

Гигантское, свыше двух метров ростом, чудовище, одетое в темно-коричневый панцирь, застыло перед батистатом. Казалось, оно спрашивало, что нужно здесь троим смельчакам?

Наверху, над поверхностью Байкала, светило солнце, скользили чайки...

А здесь, на страшной глубине, только луч прожектора прорезал на несколько метров абсолютную тьму. Столб воды в 867 метров высотой давил на гондолу батистата. На каждый квадратный сантиметр поверхности гондолы давление было равно 867 килограммам. Выйти из гондолы было невозможно, даже если бы крышка люка не была завинчена снаружи, а открывалась бы изнутри, и у людей были бы водолазные костюмы. Вода сплющила бы тела людей, как яичную скорлупу.

Через восемь часов в гондоле должен был кончиться запас воздуха.

— Мы не можем здесь остаться, Алан! — воскликнул Карин. — Мы должны дать знать о врагах... Неужели нельзя ничего придумать для нашего спасения?

Алан тщательно осмотрела в иллюминатор запутавшийся обрывок троса. Он натянулся, как струна, от стального гребня гондолы, к которому был прикреплен, к ходовой части, где в узкой щели между одной из гусеничных лент и направляющим роликом исчезал его оборвавшийся конец.

— А что, если попробовать освободить трос стальной «рукой» батистата? — предложил Карин.

— Она находится на противоположной стороне гон-

долы и может действовать только перед собой, — ответила Алан.

— Эх, если бы какая-нибудь рыба перегрызла трос! — вздохнул Джек. Алан, что-то обдумывая, посмотрела на него.

— Перегрызть трос... А ведь это мысль! Попробуем сами сделать это...

Повернувшись к пульту управления, она взялась за рычаг. Гондола вздрогнула, рванулась вперед, остановилась. Алан нажала другой рычаг. Гондола, опять вздрогнув, рванулась назад и снова остановилась.

Вперед — назад. Вперед — назад.

Рано или поздно зубы ходового механизма должны были «перегрызть» конец троса, и тогда батистат будет свободен. Электрической энергии хватит. Но хватит ли воздуха для находящихся в гондоле людей?

Гондола двигалась рывками: вперед — назад, вперед — назад. Приборы вздрагивали.

Для экономии электроэнергии выключили прожектор. За окнами, переливаясь разноцветными огнями, проплывали обитатели глубин.

Многие из них обладают способностью светиться. Сюда, где они живут, не проникает солнечный свет. Своим светом они приманивают добычу, отпугивают врагов или, наконец, просто освещают себе путь.

Искорками блестели маленькие рачки. Отростки над глазами плоских рыб, которых наблюдатели заметили ранее, светились бледно-желтым светом, отражавшимся от их темной спины. Медленно проплыл, шевеля щупальцами, десятиногий моллюск, напоминавший каракатицу. Тело его было усеяно голубыми точками; громадные глаза блестели зеленоватым огнем; собранные в пучок у ротового отверстия длинные щупальца полыхали рубиновым светом. Проскользну-

ла небольшая рыбка, все тело которой, как фонарь, светилось бледно-зеленым огнем, постепенно переходившим в голубой. Дно, по которому то здесь, то там вспыхивали светло-желтые и оранжевые точки, казалось чудесным, необычайным небом.

Гондола продолжала дергаться то вперед, то назад. Джек сидел, зажав голову ладонями рук. Его тело раскачивалось...

Вперед — назад. Вперед — назад. Подводные огни за стеклами иллюминаторов плясали... Неужели эта попытка освободиться будет неудачна?

Вперед — назад. Вперед — назад. Поток крохотных красных стрел пронесся за стеклом. Следом за ними из темноты мелькнула узкая, сдавленная с боков, морда большой рыбы, с хищной, широко разинутой пастью, сплошь усаженной шипообразными зубами.

Вперед — назад. Вперед — назад.

Карин тщетно пытался найти положение, которое позволило бы хоть на секунду отдохнуть от этой невыносимой качки. Джек не выдержал.

— Алан! Пол-минуты...

— Остановить?

— Нет, ни в коем случае! Я начинаю путать слова...

Вперед — назад. Вперед — назад.

Карину казалось, что он сходит с ума. Ритмичный скрип гусениц, равномерное раскачивание гондолы...

Алан действовала механически, словно в кошмаре. Рычаг вперед. Остановка. Рычаг назад. Остановка. Казалось, что весь мир провалился в черную мглу, где вспыхивают голубые и красные огни, и гондола падает в межпланетное пространство, падает без конца, раскачиваясь и скрипя...

Вперед — назад... Вперед — назад... Вперед... Вперед!

Гондола резко рванулась вперед. Стальные зубья механизма перегрызли трос.

Батистат был свободен... Первые минуты пленники Байкала были счастливы уже тем, что прекратилось невыносимое раскачивание. Включили прожектор. В иллюминатор был виден свободно свисавший обрывок троса. Теперь он не доставал до гусениц ходовой части.

Алан занесла в журнал:

«Освободились от троса 11,32. Задержка час. Курс на Ю-В»...

Батистат шел вдоль подножия подводной цепи гор.

Колонии мшанок усеивали отроги скал. Красные морские лилии гнездились между ними, протягивая навстречу батистату свои нежные лепестки. Громадные паукообразные крабы, вышиною в человеческий рост, пугливо улепетывали на тонких хрупких лапах в сторону от стального чудовища.

Батистат свернул в ущелье.

— Часа через два будем на берегу, — уверенно сказала Алан.

Вспышка красноватого света озарила внутренность гондолы. Карин, прижавшийся к стеклу, вскрикнул и отшатнулся, инстинктивно закрывая лицо рукой.

Вдруг он рассмеялся. Алан и Джек с удивлением смотрели на него.

— Смотрите! Смотрите! — указал Карин на иллюминатор.

Стая небольших креветок кирпичного цвета плыла рядом с батистатом. Алан отчетливо видела отдельные суставы их тел, длинные усики... Черная зубастая рыбка ворвалась в стаю и погналась за одной из креветок. Обернувшись к преследователю, креветка выбросила облако светящейся красной жидкости. Это было похо-

же на вспышку магния. Рыба была ослеплена: разевая пасть, тщетно пыталась она найти свою добычу. Во тьме байкальских глубин это средство защиты было так же действенно, как чернильная завеса, выбрасываемая каракатицей в прозрачной воде.

— Вот и разгадка вспышек, — улыбаясь, сказал Карин.

В 11 часов 50 минут, когда батистат пробирался по довольно широкому ущелью, Алан указала Карину на компас. Стрелка компаса металась.

— Магнитная буря?

— Видимо, здесь мощные залежи магнитного железа, — ответила Алан.

Она вглядывалась в подножия утесов... Надо попытаться выбраться отсюда...

Утес, вдоль основания которого двигался батистат, вдруг заколебался. Находившиеся в гондоле путешественники ясно почувствовали содрогание почвы. Джек с недоумением посмотрел на Алан.

— Подводное землетрясение?..

Алан не успела ему ответить. Сорвавшийся с утеса огромный камень упал в нескольких десятках метров позади батистата. Движение воды отбросило гондолу в сторону. Обитатели ее еле удержались на ногах.

— Это один из легких подземных ударов, — сказала Алан, — следствие небольшого перемещения участков земной коры или скрытой вулканической деятельности. Но на поверхности озера этот толчок вызовет значительное волнение... Вот вам одна из разгадок безветренного волнения на Байкале...

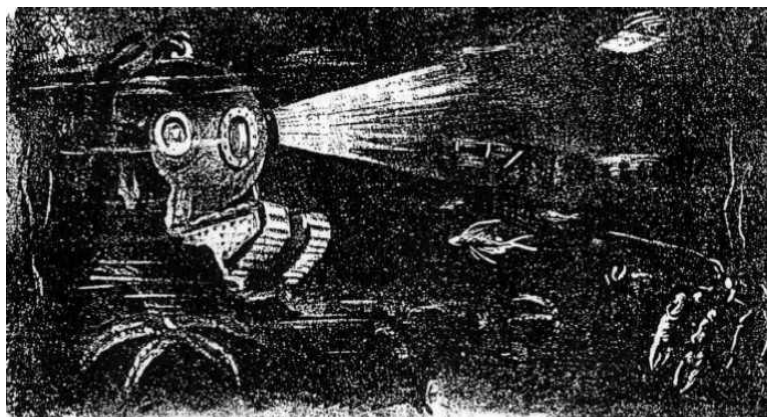
Упавшая скала преградила обратный путь. Оставалось одно — продолжать двигаться вперед. Компасу доверять было нельзя. Ущелье свернуло налево, потом

еще налево... Волей-неволей приходилось следовать его направлению...

Впереди показалась цепь невысоких угловатых холмов. Правильные их очертания были странно знакомы.

— Поезд!

Действительно, это были вагоны, полужасыпанные песком и обросшие ракушками и мшанками. Стайка рыбок влетела в черный прямоугольник — когда-то бывшее окно...

Это были вагоны, полужасыпанные песком...

В 1903 году Кругобайкальская железная дорога еще не была закончена, и составы перевозили через Байкал на мощном ледоколе. Во время одного из рейсов осенняя буря настигла ледокол. Плохо закрепленные вагоны сорвались в ледяную воду Байкала...

Карин, Алан и Джек молча, взволнованно смотрели на эти останки, лежащие в подводной тишине и мраке.

Воздуху оставалось на шесть часов. Успеет ли батистат добраться за это время до берега? Алан внима-

тельно следила за рельефом местности. Вдруг яркий луч света ослепил ее. На секунду она потеряла управление. Батистат отклонился в сторону; раздался скрежет, — гондола, видимо, задела скалу. Алан потушила прожектор, остановила мотор.

С минуту все сидели, втянув головы в плечи, словно ожидая, что вот-вот в гондолу ворвется вода. Однако, не обнаружилось даже малейшей течи: гондола осталась совершенно целой.

Батистат отполз назад на десяток метров. Снова осветили путь.

— Царапина на стекле моего иллюминатора! — сделал открытие Карин.

— Режет стекло только алмаз... но как мог здесь появиться алмаз? — пробормотала Алан.

Она осторожно направила батистат вперед. Справа и слева отвесно вздымались базальтовые уступы.

Неожиданно в глаза путешественников опять ударил ослепительный луч и тотчас погас. Затем на высоте полутора метров в скале появилась длинная полоса блестящих точек. Небольшие кристаллы — шаровидные, кубические и других форм переливались всеми цветами в лучах прожектора. В базальтовое основание скал был вкраплен алмазный пояс! Он-то и «оцарапал» батистат, когда ослепленная Алан потеряла управление.

Через несколько минут алмазная гряда кончилась так же внезапно, как началась.

Алан, не отрываясь от рычагов управления, продиктовала, а Карин записал в путевой журнал:

«14,20. Глубина 1.457. Воздуха осталось на четыре часа. Батистат прошел 52 километра. Если бы мы шли на Ю-В, давно был бы берег. Где мы? Судя по увеличивающейся глубине, мы движемся к западной оконеч-

ности озера. Попытаемся подняться там, хотя это и очень затруднительно...»

Машинально ведя батистат по ущелью, Алан задумалась. Если они действительно идут к Култуку, крайнему пункту на западе Байкала, — скоро должен быть берег. Только бы Джек не смотрел такими испуганными глазами на циферблат, где неумолимая стрелка отмечает каждый глоток воздуха! Может быть... Нет... это рискованно. Надо подождать. Они сейчас в районе больших глубин.

— Любопытная желтая скала, — заметил Карин.

— Красивый цвет, — добавил Джек, — мягкий...

Карин вскочил:

— Да это же... золотая скала!

Громадный выступ золотистого цвета выделялся из породы. Рядом было вкраплено несколько гигантских самородков. Когда они остались позади, в скалах замерцала толстая золотая жила; изгибаясь, как громадный желтый удав, она исчезала вверху во мраке. Люди проводили взглядом скрытые под водой сокровища.

— Можно ли разрабатывать золото на такой глубине? — спросил Карин.

— Вполне возможно. Если бы мы не дорожили каждой минутой, то могли бы, с помощью «механической руки», взять на пробу куски породы. Систематическую разработку можно наладить, используя специальные батистаты... Вот когда поднимемся наверх...

Алан, как видно, не теряла на это надежды.

Ущелье становилось все более узким. Алан казалось, что скалы вверху сходятся, образуя туннель...

Батистат шел полным ходом.

Внезапно открылся чернеющий провал. Алан не успела дать задний ход; гусеницы сорвались с края скалы, батистат соскользнул на пологий скат. Тучи ила

взметнулись из-под гусениц. Несколько секунд ничего нельзя было разобрать. Сначала Алан обрадовалась — ей показалось, что батистат попал в район мутного устья Селенги, и только когда вода прояснилась, она поняла безвыходность положения.

Перед батистатом круто опускался узкий, длинный коридор, смыкающийся вверху. Позади, в иллюминатор Карина, виден был трехметровый обрыв, с которого упал батистат. Взобраться обратно на этот обрыв было невозможно. Оставалось идти вперед и... опускаться еще глубже.

На глубине в 1.980 метров ущелье расширилось. Дно стало более отлогим. Скал по бокам уже не было видно. Алан старалась держать путь по прямой.

Губки, похожие то на яблоки, то на блюдца, виднелись среди зарослей морских лилий. Колонии пресноводных мшанок кучами лепились по дну. Рядом с ними на песке во множестве встречались камни странно-одинаковой формы, черные и блестящие.

— Товарищи, — вдруг вскрикнул Джек, — камни удирают!

— Как удирают? — отозвался Карин.

— Очень просто — вот последние улепетывают...

Действительно, то, что путешественники приняли сначала за камни, оказалось живыми существами. Алан навела на одного из них прожектор. Животное овальной формы походило на громадную, метровую мокрицу. Посредине темно-серого панциря его шел широкий, продольный бугор. На головном щитке поблескивала пара маленьких глаз; из-под спинного щитка, состоявшего из ряда сегментов, виднелись членистые ножки.

Неожиданно животное свернулось, превратившись в покрытый панцирем шар.

— Трилобит! — удивленно сказала Алан. — Живой трилобит...

— А это еще что за гадины?

Карин указал на несколько двухметровых темно-серых раковин, напоминающих формой вытянутый рожок. Они двигались толчками, заостренным концом вперед. С другого расширявшегося конца раковины холодно смотрели глаза диаметром в полметра; серо-зеленая голова моллюска была окружена десятком извивающихся щупальцев.

— Это эндоцерасы, — сказала Алан. — Мы видим невероятные вещи! Ведь и ракообразные трилобиты, и головоногие моллюски-эндоцерасы — это давно вымершие животные силурийского периода...

— Мне что-то не очень хочется их видеть, — брезгливо поморщился Карин. — Щупальца... брррр... а глаза... Нет уж, трилобиты, по-моему, и то симпатичнее.

— А что такое силурийский период? — Джек раскрыл блокнот.

— Геология разбивает историю земли на пять частей, называемых эрами. В каждую эру, с момента своего возникновения, животный и растительный мир земли имел свои особые отличные формы. Нас окружают животные и растения силурийского периода — второго из пяти периодов палеозойской эры, существовавшего, приблизительно, триста сорок миллионов лет назад.

В предшествовавший силурийскому период — кембрийский — на том месте, где сейчас лежит Байкал, расстилалось море. В силурийский период оно стало мелеть. Северный материковый щит — выступ первичных горных пород, больше уже не покрывавшийся водой, — стал увеличиваться и положил начало северному материку, в состав которого тогда входили тепе-

решняя Европа, Сибирь и Канада. На этом материковом щите и лежит Байкал. Скалы, которые вы видели на берегах Байкала, — это обнаженные куски щита, первичные горные породы, сглаженные остатки самых древних горных хребтов. Байкал постепенно мелел; обитатели его или погибали или приспособлялись к жизни в новых условиях или, наконец, укрывались в глубоких впадинах дна.

В последний период новой — кайнозойской — эры, четвертичный период, котловина Байкала опустилась. Образовались те глубины, на которых мы с вами сейчас находимся. По-видимому, древнейшие обитатели Байкала скрылись в них. Теперь Байкал открыл нам свои тайны!

— И мы передадим эти тайны нашей стране, Алан!

— Обязательно, Карин.

— Но почему могли сохраниться эти животные именно здесь? — спросил Джек.

— Почему? — Алан заговорила медленно, словно размышляя вслух. — Может быть, играет роль физико-химический состав воды на глубинах или ее исключительная плотность, или... Во всяком случае, какие-то благоприятные условия помогли этим животным существовать и размножаться здесь, тогда как во всех остальных местностях они погибли во время геологических революций. Хотя... кто знает? Может быть, они живут и в неисследованных глубинах океана...

Алан умолкла, потом добавила дрогнувшим голосом:

— Пожалуй, есть еще одна причина, которая способствовала сохранению силурийской фауны именно здесь: ученые установили, что наибольшее сходство с древними, давно исчезнувшими типами, имеют представители фауны, обитающей в пещерах...

— Значит...

— Вы хотите сказать, что...

— Мы с вами, товарищи, невольно проверяем на практике теоретические положения геологии. Мы попали в гигантскую глубоководную пещеру.

ЕСТЬ ОДИН ВЫХОД...

Изумление, вызванное словами Алан, сменилось отчаянием. Батистат — в пещере! Через некоторое время последние сомнения в этом исчезли: прожектор вновь нащупал во мраке гранитные стены; суживаясь вверху, они переходили в мощный, непоколебимый свод.

Теперь надежда на то, что батистат рано или поздно выберется из лабиринта утесов и всползет на берег, должна была отпасть. Как можно надеяться на спасение, если над головой, помимо двухкилометровой толщи воды, еще каменный потолок пещеры?..

И все же Алан надеялась. Все ее мысли были направлены к тому, чтобы найти выход из ловушки, в которой находился батистат.

— Неужели мы погибнем? — тихо проговорил Джек.

— На это мы не имеем права, Джек! Мы не можем погибнуть, — горячо возразила Алан.

В ее словах было напоминание необходимости дать знать наверх о подводных диверсантах. Мысль о том, что тайна останется погребенной на дне, вызывала у Джека желание кричать... Он еле сдерживался...

Алан совещалась с Кариным. Режиссер зажег электрическую лампочку, достал бумагу и, встряхнув вечное перо, склонился над белым прямоугольником.

В зарослях морских лилий и губок, мимо которых полным ходом двигался батистат, тускло поблескива-

ли хитиновые щитки притаившихся животных, порой оттуда высовывалась длинная суставчатая лапа или, вытянувшись на длинном стебельке, следил за батистатом один только глаз неведомого чудовища. На дне, кроме трилобитов, поспешно свертывающихся при приближении батистата, часто попадались родственные губкам археоциаты, с бокалообразными телами; похожими на корни волокнами прикреплялись они к камням.

Глаза трех друзей, против их воли, то и дело обращались к циферблату, показывающему, как таял запас воздуха в гондоле. Его оставалось только на два с половиной часа...

Конца подводной пещеры не было видно. Своды ее терялись вверх, недостижимые для лучей прожектора. Позади батистата на песке вырастали бесконечные полосы, оставляемые гусеницами.

Как велика эта пещера? Только ли по дну Байкала тянется она или, быть может, простирается и под его берегами? В каком направлении мчался по ней батистат: с юга на север или с востока на запад?

Карин передал Алан конверт.

— Я записал все. что было с нами... Если нам не удастся спастись...

Остановив на минуту машину. Алан молча взяла пакет и вложила его в металлический герметически закрывающийся цилиндр.

Батистат продолжал свой путь. Прошел час. Через полтора часа запас воздуха иссякнет.

Алан не сводила глаз с раскрывающегося перед батистатом ландшафта. Где они находятся сейчас? Может быть, эта пещера — тот легендарный туннель, который соединяет Байкал, по мнению одних, с Японским морем, а по мнению других — даже с Восточно-

Сибирским морем. А может быть, гранитные скалы, вздымающиеся справа, служат основанием острова Ольхой или одного из Ушканьих островов?

В семнадцать часов семь минут Алан сказала:

— Своды пещеры начинают понижаться.

Неужели стены этого каменного колодца сейчас сомкнутся перед батистатом? Обводя лучами прожектора все ниже нависающие скалы, Алан тщетно искала выхода...

В семнадцать часов десять минут тихо прозвучал ее голос:

— Впереди тупик...

Перед батистатом возвышался обрывистый утес, гранитный выступ древнего первичного хребта. Выхода не было.

Замедлив ход, Алан направила батистат влево, вдоль утеса. Левая стена гранитного коридора пока позволяла сделать это. Но и она все ближе придвигалась к батистату.

Воздуха оставалось на один час десять минут.

Карин теребил клапан грудного кармана своей гимнастерки.

В семнадцать часов двадцать минут, когда остался час жизни, раздался возглас Алан:

— В стене туннель! Он идет вверх!

Карин к Джек, словно не доверяя зеркалам, кинулись к командирскому иллюминатору.

Действительно, в скале имелось углубление. Дно в этом подводном туннеле поднималось вверх довольно круто, но все же угол подъема был доступен для батистата.

Может быть, это была просто ниша в одном из утесов пещеры? Во всяком случае, явился хоть один шанс на спасение.

Батистат начал отбираться по крутому склону туннеля. Гондола сильно накренилась. За иллюминаторами виднелась густая чаща гигантских бокаловидных губок и морских лилий, достигавших здесь почти двухметровой высоты.

Неожиданно гондола загудела. Казалось, что-то упало на батистат. Все насторожились. Среди напряженной тишины раздались тихие удары. Кто-то постукивал по крышке люка.

— Это люди! — Джек был вне себя от радости. — Азбука Морзе!

Удары — то частые, то отрывистые, звонко отдавались в гондоле. Джек пытался расшифровать их:

— Это — отрывок слова: ...*айтесь...* *вечер...* непонятно... опять непонятно...

Алан укоризненно посмотрела на него.

— Вы — скептики! — Джек чуть не плясал от радости. — Это люди! Вы слышите? Вы слышите? — мужайтесь... вечером...

— Опомнитесь, Джек! Какие люди могут быть на глубине в две тысячи метров? — возразила Алан.

Джеку не удалось кончить расшифровку. Постукивание прекратилось. Что-то заскребло по потолку батистата.

Мертвенно-зеленый глаз на стебельке заглянул в иллюминатор.

— Опять ракоскорпион... Эйриптериус, — обескураженно прошептал Джек.

— Он ведь ничего не сможет нам сделать? — спросил Карин.

— Будем надеяться, — сказала Алан.

Царапанье на вершине гондолы усилилось. Батистат, все больше кренясь на скате, продолжал ползти вверх. Что, если скат станет круче?

Алан побледнела. Она откинулась от иллюминатора, боясь глядеть вперед. В зеркалах отразилось кошмарное зрелище.

Туннель здесь расширялся. Заросли морских лилий и губок стали реже. Все пространство перед батистатом кишело ракоскорпионами.

Членистоногие хищники, когда-то господствовавшие в силурийских морях, заполняли небольшую впадину. Одни ползали по дну, другие вскарабкивались на уступы скал, третьи, быстро помахивая лопатовидными ножками, плыли в воде. Большинство чудовищ было выше двух метров ростом. Их продолговатые туловища, покрытые темно-коричневыми панцирями, состоящими из нескольких сегментов, соединенных друг с другом, мелькали перед иллюминаторами. То и дело перед окном появлялись глаза — то почковидные, косо сидящие на головогрудном щите, то на длинных стебельках. Шевелились усаженные шипами громадные суставчатые ноги. Длинные, острые хвосты, как мечи, рассекали воду. Привлеченные лучом прожектора, эйриптериусы подплывали и подплывали к батистату, постукивая по стальному шару гигантскими клешнями.

Карин и Джек поняли, что испугало Алан. Гигантские хищники, видимо, обладали значительной силой. Здесь, на крутом откосе, они легко могли свалить батистат... Если бы это случилось, — батистат не смог бы подняться на гусеницы, и тогда...

Прожектор потух. Гондола гудела от ударов эйриптериусов.

— Во что бы то ни стало надо пробиться... Джек, приготовьте «руку» батистата.

Стальной стержень сбоку батистата мог оказаться неплохим орудием в предстоящей схватке.

Джек нажал рычаг. Видимо, «рука» кого-то задела, потому что сразу же на гондолу посыпались еще более ожесточенные удары. Гул не позволял путешественникам слышать друг друга. Покачивания гондолы становились все более и более опасными. Подъем становился все круче. Алан то включала, то выключала прожектор, боясь потерять направление. Порой казалось, что эйриптериусы отступили. Но затем их нападение усиливалось.

Вдруг гондолу резко подбросило вверх. Батистат наехал на одного из ракоскорпионов. В тот же момент под мощными ударами гондола качнулась налево.

— Мы опрокидываемся! — вскрикнул Джек.

Но батистат выровнялся и рывком прибавил ходу. Подъем стал более пологим. Гул и покачивания прекратились. Ракоскорпионы отстали. Алан больше не выключала прожектора. Сердца трех друзей напряженно бились. Что еще ждет впереди?

В восемнадцать часов Алан сказала спокойно и, как будто, даже равнодушно:

— Конец туннеля. Мы в Байкале.

В Байкале! На глубине 1.650 метров. А воздуха в гондоле — на двадцать минут...

Алан повернулась к спутникам:

— Есть единственный выход, — торопливо заговорила она. — Я не хотела им воспользоваться раньше — он практически не испытан, и потом я надеялась, что нам удастся добраться до берега. А в пещере его уже нельзя было применить... Мы можем отделить гондолу батистата от ходовой части. Тогда она будет вытолкнута водой на поверхность озера. Но это связано с большим риском. Ведь аккумуляторы, дающие нам электроэнергию, расположены в ходовой части; когда мы освободимся от нее, остановится работа воздухоочи-

стительной установки, приводимой в действие электричеством... Мы не сможем использовать полностью даже тот запас воздуха, который останется в гондоле. Для подъема воздуха нам хватит, а сколько времени мы будем плавать на поверхности, пока нас подберут и откроют люк... Но если даже мы не выживем, гондолу все же найдут, и наши записки расскажут обо всем...

Она вопросительно взглянула на своих друзей. Они молча пожали ей руку. Потом каждый сел на свое место. Алан повернула рычаг. Послышался скрежет. Гондола качнулась. Потух свет. Путешественники почувствовали на секунду, как невидимая сила прижала их к полу.

— Пока все идет хорошо... — начал было Джек.

Гондола завертелась. Взлетающие в стальном шаре вверх — к солнцу, к воздуху — люди потеряли сознание...

ПРОИСШЕСТВИЕ НА ПРИИСКЕ

На плавучем золотом приiske имени Блюхера кончился рабочий день. Остановилась промывочная машина, не слышно лязга землечерпалки, достающей со дна, с восьмиметровой глубины, золотоносный песок.

Огромный плот-прииск был укреплен донными якорями, к которым шли ржавые звенья цепей.

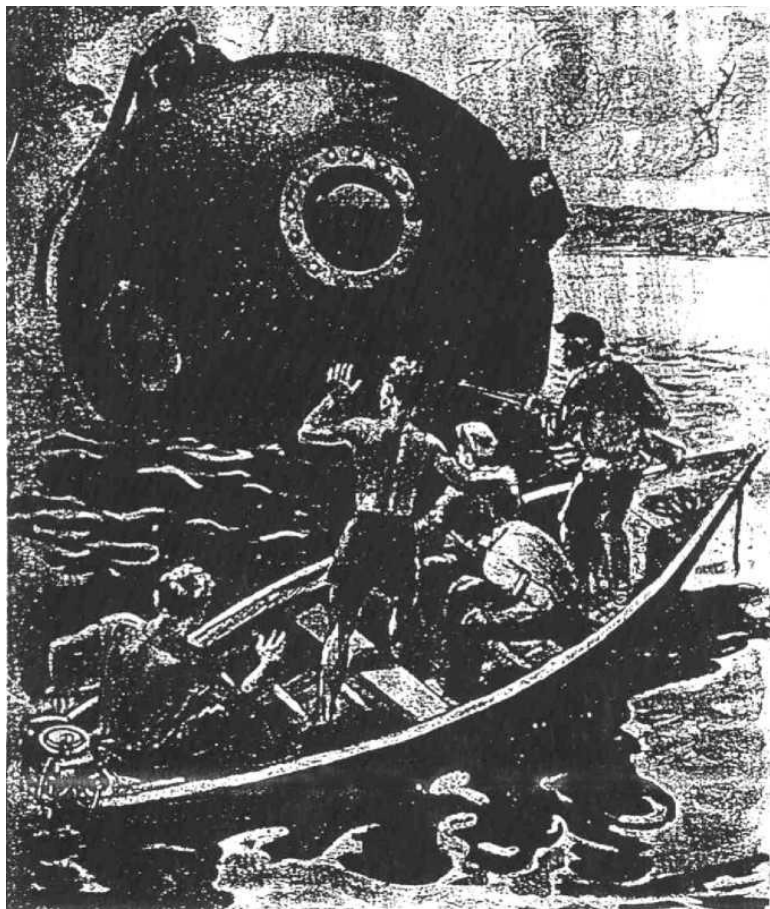
На берегу, недалеко от плота, располагались домики поселка. Глухая тайга стеной поднималась сразу же за ними.

Веселые голоса и смех доносились сюда с берега.

— Ныряй, Кеша!

Иннокентий Черных, молодой промывщик золота, ловко разрезая воду, удалялся от плота.

— Да поглубже.

Моторная лодка приблизилась к загадочному шару.

— Ныряю! На сорок секунд... время засеки!

Техник Олин вытащил часы и, когда голова Иннокентия скрылась под водой, стал громко отсчитывать секунды.

— Раз и... два... и... три...

— Вон там вынырнет, — уверенно ткнул один из наблюдающих в невидимую точку вправо от плота...

— Дальше, дальше, что ты!

— И... десять, одиннадцать...

Иннокентий, получивший второе место на состязаниях «Динамо», когда служил в погранчастях, был гордостью молодежи прииска. Сейчас он усиленно тренировался для участия в проплыве Сочи-Туапсе, где должен был представлять сибирских физкультурников.

— Тридцать... тридцать один...

— А вдруг судорога...

— Сам ты судорога... Тридцать три... тридцать четыре...

Точно на сороковой секунде Иннокентий вынырнул метрах в тридцати от плота. Но вместо крика приветствия у присутствующих вырвался крик изумления. В полукилометре от того места, где маячила голова Иннокентия, неожиданно взметнулся столб воды, сверкнул на солнце металлический шар и, описав крутую параболу, плюхнулся в воду...

Вынырнувший Кеша, видимо, также заметил необычайное явление. Не оглядываясь, высоко взмахивая руками, полным ходом плыл он к берегу...

Золотоискатели с галдением теснились у перил плота, глядя туда, где на легких волнах покачивался огромный блестящий шар. Сторож прииска Никифор Никодимович выскочил на шум из будки, держа берданку наизготовку. А минуты через две Иннокентий, Олин и еще трое золотоискателей уже мчались на моторной лодке к загадочному предмету. Никифор Никодимович с берданкой наперевес стоял на носу.

— Гляди в оба! — кричал звонкий голос с берега.

Когда лодка подошла к шару, Иннокентий мигом вскарабкался на него и закрепил на гребне конец бук-

сирного каната. Стальной шар подтащили и пришвартовали к краю плота.

Из футляра на крышке люка Олин достал гаечный ключ и вместе с Иннокентием стал один за другим освобождать болты.

Трое золотоискателей бережно приняли на руки отвинченную крышку. Олин наклонился над отверстием люка.

— Есть кто?

Не получив ответа, техник осторожно полез в люк. За ним последовал Иннокентий. Затем в отверстии люка показалась безжизненно мотававшаяся голова Джека. Золотоискатели осторожно приняли на руки тело. Вслед за ним вынесли тела Алан и Карина.

Золотоискатели столпились кругом. Некоторые обнажили головы...

Первым пришел в себя Карин. Он увидел склонившееся над ним лицо Иннокентия и спросил:

— Коммунисты или комсомольцы есть?

— Я сочувствующий, — ответил Иннокентий. — А вы кто такие будете?

Карин дал ему знак нагнуться ниже и быстро зашептал что-то на ухо. Иннокентий удивленно и недоверчиво качал головой, потом, видимо, что-то повторяя, зашевелил губами, повернулся и побежал на берег.

Когда троих очнувшихся путешественников перенесли на берег, из рупора громкоговорителя, укрепленного на стволе высокой лиственницы, грянуло:

— Внимание, внимание! Слушайте сообщение. Сегодня в девять часов у опустившегося под воду, в районе Голоустного, аппарата для глубоководных исследований — батистата — оборвался трос. Батистат поте-

рял связь с поверхностью. В батистате находятся трое исследователей.

Правительственная комиссия по спасению батистата предлагает населению принять участие в поисках. Всем рыбацким лодкам, катерам, ботам, судам предлагается в районе своего местонахождения начать соответствующие наблюдения; батистат имеет возможность всплыть на поверхность. Он представляет из себя...

Иннокентий тем временем добежал до радиостанции — небольшого деревянного домика, приютившегося у ствола огромного кедра. Радист, приятель Иннокентия, сразу же отправил радиограмму в Иркутск. Не прошло получаса, как Черных принес Карину ответ из Иркутска:

«Не беспокойтесь. Утром ждите самолет».

Джек взволновался.

— Что-то не то! Не может быть такого ответа: «не беспокойтесь»... Вы, Карин, не так радиограмму составили. Или при передаче перепутали.

Однако на вторичную радиограмму последовал такой же успокаивающий ответ.

Друзьям оставалось только ждать наступления утра.

На рассвете, освеженные сном, они быстро собрались в путь. Батистат оставался под наблюдением охраны прииска. Алан взяла с собой только путевой журнал.

Вышли около восьми. Солнце встало; воздух был свеж и прохладен. Семь километров до посадочной площадки пройти было легко, а после вынужденного подводного путешествия, — даже приятно.

Иннокентий Черных и седой золотоискатель, оказавшийся отцом Иннокентия (тоже Иннокентий), вызвались проводить подводных путешественников.

Джек убежал вперед, он хотел нарвать цветов для Алан.

Прошли, примерно, уже полпути, когда старик Иннокентий, который шел в нескольких шагах впереди Карина и Алан, остановился и настороженно поднял руку.

Тишина нарушалась лишь пощелкиванием неутомных белок-бурундуков, да веселыми голосами кедровок...

Но вот где-то близко хрустнула ветка. Ружье бесшумно соскользнуло с плеча Иннокентия. Он сделал несколько шагов вправо.

— Стой!

Из кустов загредел выстрел, мелькнули силуэты двух убегающих людей. Иннокентий бросился за ними.

— Стой!

Карин с трудом поспевал за Алан. Слежавшийся валежник и бурелом затрудняли движение.

Треск ломающихся веток, испуганное щелканье бурундуков, тяжелое дыхание людей, перелезающих через преграждавшие путь поваленные деревья, — все это слилось в тревожный, нестройный шум погони.

— Сюда!.. Сюда!.. — раздался вдруг надрывный крик Джека. — Старика поймал! Он кусает мне руки... Карин!

Иннокентий первым подбежал к Джеку. Юноша сидел верхом на старике, с трудом переводя дыхание, но глаза его горели задором молодости... Неподалеку по траве рассыпался букет цветов... Пойманный уже не сопротивлялся.

— Кто вы?

— Сюда!.. Сюда!.. — закричал Джек.

Незнакомец поднялся и, низко опустив голову, отер пот со лба...

— Кто вы? Где ваше оружие? — повторил Карин.

— Раз я не стреляю, значит, я потерял его, — ответил старик.

Резким движением руки Иннокентий сорвал с него фальшивую бороду.

— Сази Худзума! — прошептала Алан.

— Диверсант из подводной пещеры! — воскликнул, не выдержав, Джек...

ЭПИЛОГ

Дам-Дин встречал самолет. Он подбежал к машине, еще катящейся по траве, размахивая зажатой в руке трубкой. Взволнованный и радостный, он помог Алан выйти из кабины.

— Здравствуйте, подводные люди!

— Вы лучше Джеку помогите сойти...

Взгляд Дам-Дина остановился на забинтованных руках Джека.

— Кто тебя ранил?

— Позднее вы узнаете все, — сказал Карин. — А сейчас... Товарищи! — обратился он к дежурному стрелку, — примите арестованного. Предупреждаю вас, что он прекрасно бежит и... кусается до костей...

Рассказ Дам-Дина был краток:

— Волосов, ваш художник, ударил меня чем-то по виску. Очнулся я в воде, — плот разворочен, щепки плавают, а ваш художник...

— Он не наш! — перебил Джек.

— ...он уже на берегу. По утесу лезет, словно ящерица. Я тоже к берегу. Уж больно мне хотелось такого

странного художника поймать. Еле доплыл до скалы, голова кружилась. Его, художника-то вашего, уже и след простыл... Прибежал я в поселок, — всех на ноги; говорю, люди на дно озера оборвались! Трое! А мне не верят, не может этого быть, говорят. Ну, а потом поверили... Сегодня утром самолеты прилетели с водолазами из Владивостока, а вы вот сами выбрались...

— Волосову удалось скрыться? — спросил Карин.

— Зачем? У меня вчера с вашим художником очная ставка была...

— Дам-Дин, вы это нарочно?

— Что?

— Все повторяете — ваш художник, ваш художник... — раздраженно сказал Джек...

Переполненный народом зал. Громадное полотнище карты. Светло-голубой полумесяц озера изогнулся на ней. Вспыхивают юпитера кинохроники, и кажется, что солнечный июльский полдень залил трибуну. Рука Алан скользит по карте:

— Батистат упал на дно в двенадцати километрах от Голоустного. Двигаясь на восток, мы прошли тридцать километров. В этом месте под водой, в гранитах и кристаллических сланцах, лежат мощные пласты магнитного железяка. Рядом с ними — коренного типа месторождения алмазов и залежи золота — самородные и жильные... Когда перестал действовать компас, нам казалось, что мы блуждаем по дну озера. На самом же деле мы шли почти по прямой на северо-восток. Здесь, недалеко от Бугульдейки, в отрогах подводного хребта — вход в глубоководную пещеру. Эта узкая расщелина тянется по дну котловины Байкала на девяносто с лишним километров, оканчиваясь напротив Узу-

ра туннелем, в котором мы столкнулись с эйриптерисами...

— Войдите!

Джек и Карин входят в небольшой номер гостиницы. После гондолы батистата он кажется громадной залой. Алан сидит в кресле. Режиссер и его ассистент садятся на диван напротив хозяйки, закуривают...

— Я узнала следующее, — говорит Алан. — Когда бот киноэкспедиции «Соболь» пригнало к Горячинской, то при его осмотре, в шкафике Волосова, в известном вам этюднике, нашли несколько динамитных патронов и пробирок с сильнодействующими ядами, а в альбоме Волосова были обнаружены зашифрованные зарисовки. Через два часа после того, как наш батистат ушел за «зверем», — на маяк Харауз уже приехал катер за Волосовым. А о подводном ущелье, оказывается, было известно раньше, чем мы его обнаружили. Когда Сази Худзума удалось перейти границу (а это стало известно в тот же день), он сразу словно сквозь землю провалился... Стали искать в тайге и в горах... Связали его исчезновение со странными, очень слабыми подземными толчками, которые были зарегистрированы в районе к югу от Голоустного... Наконец, место подземных работ диверсантов установили точно... Мы только помогли найти вход в их подводное убежище. А на вашу долю, Джек, кроме того, выпала честь быть виновником поимки Сази Худзума...

Джек не мог сдержать довольной улыбки и... уронил изо рта горящую папиросу на ковер...

— Товарищ Карин, поднимите, пожалуйста...

Забинтованные руки Джека неподвижно лежали на его коленях...

Алан ласково взглянула на своего молодого друга, затем, взяв с туалета гребенку, причесала его взъерошенные волосы.

...Все было так же, как неделю назад. Внизу у пристани тихо покачивался бот, готовый к отплытию. Над спокойной поверхностью озера скользили серые силуэты чаек.

Алан нарушила минутную паузу.

— До свиданья, товарищи!

Она ехала на Лиственичную, где ее ожидала уже доставленная туда гондола батистата.

Алан будет вести подготовку к новой глубоководной экспедиции. Карин и Джек сегодня должны были отправиться по Кругобайкальской дороге в Мысовск, откуда на «Соболе» намеревались продолжать прерванное путешествие. Надо было работать усиленно, чтобы наверстать потерянное время. Правда, оно не ушло даром: многое надо будет снова продумать, многое изменить в сценарии...

— Когда же мы увидимся, Алан?

— Заезжайте ко мне в гости на обратном пути обязательно!

— Спасибо вам, Алан!

— За что? За прекрасное утро? — Алан смотрела на Джека с лукавой улыбкой...

— За Байкал спасибо, за Байкал!

— Да отпустите ли вы, наконец, нашего профессора или нет? — раздался голос Дам-Дина.

«Дам-Дни прав, — подумал Карин, — Алан это — наш профессор». Бот отошел.

Байкал лежал спокойный и неподвижный. Высоко в небе летела стальная птица. Светло-серые крылья гидроплана вдруг вспыхнули алым отблеском.

Над Байкалом всходило солнце.

СОДЕРЖАНИЕ

К. БОЧАРОВ

ГАЗЕТА БУДУЩЕГО

Фантастический очерк

5

К. КРАСПИНК (Н. ШПАНОВ)

ЗАПИСКА АНКЕ

Фантастический рассказ

13

В. ДОБРОХОТОВ

МНИМЫЙ ИЗОБРЕТАТЕЛЬ

Фантастический рассказ

43

Л.Д.

ГАЗОВАЯ ВОЙНА И БУДУЩИЕ ГОРОДА

Фантастический очерк

65

Л.Д.

ЛЮБОПЫТНЫЙ ОПЫТ

Фантастический очерк

72

С. Бе-н

О ДРУГИХ МИРАХ

Фантастический очерк

76

К. БОГОЛЮБОВ

ВОРОНА

Приключенческий рассказ

83

Ю. ГЕКО

НА ПОЛЮС! НА ПОЛЮС!

Фантастический очерк

99

Б. ЖИТКОВ

МИКРО - РУКИ

Фантастический очерк

115

СЕРГЕЙ ГОЛУБЬ

ТАЙНА МИКРОКОСМА

Научно-фантастический рассказ

129

В. ЯЗВИЦКИЙ

ВОЗДУШНЫЙ КОЛОДЕЦ

Фантастический рассказ

145

Г. ГРЕБНЕВ

МАНЕКЕН КИТТИ

Рассказ

185

А. КАРАВАЕВА

В БУДУЩЕЙ МОСКВЕ

Главы из повести

201

М. ОЛЬГИН

ЖЕЛТАЯ СМЕРТЬ

Фантастический рассказ

215

НИКОЛАЙ ОГНЕВ
ЩИ РЕСПУБЛИКИ

Фантастический рассказ

241

ЛЕВ ЛУНЦ

РОДИНА

Повесть

263

АЛЕКСАНДРА КОЛЛОНТАЙ

СКОРО! (ЧЕРЕЗ 48 ЛЕТ)

Фантастический рассказ

283

ЛЕВ КАССИЛЬ

ДЯДЯ КОЛЯ, МУХОЛОВ

Рассказ

294

А. БЕЛЯЕВ

ПЛЕННИКИ ОГНЯ

Отрывок из романа «Под небом Арктики»

311

П. КОЗЛОВ

№ 699

Фантастический очерк

331

А. НЕСМЕЛОВ

КОЛЬЦО ЦЕЗАРЯ

Фантастический рассказ

341

ПОГРАНИЧНИК

НАНУК

Приключенческо-фантастическая повесть

367

А. ПАЛЕЙ
ЧЕЛОВЕК БЕЗ БОЛИ
Фантастический рассказ

437

А. ПАЛЕЙ
НЕОБЫЧАЙНЫЙ ДОМ
Фантастический рассказ

453

С. ГЛАГОЛИН
ЗАГАДКА БАЙКАЛА
Фантастическая повесть

467
